

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
4 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2014**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Преступление: немец. Часть третья

Ирина Петрищева. «Что такое «трудовая армия»?	5
Архивы, истина, война...	7
Узкоколейная железная дорога Воздвиженского стекольного завода	9
Виктор Гринимаер. «Ванюша и Карлуша».	10
Ольга Тарасова. «Немец с русской душой»	13
Наталья Фирсанова. «Зигзаги судьбы трудармейца Шмидта»	16
Ольга Новаева. «История русского тыловика с немецкой фамилией»	18
Юрий Попов. «Пострадали безвинно»	19
Геннадий Колмогоров. «Трудовая армия».	20
А. Фаст. «Воспоминания Бернгарда Пеннера»	22
«Бруно Альбертович Рутинг»	29
«Меньшенина Лидия Яковлевна»	31
Анна Шаф. «Горькие судьбы».	32
Хоф Альвина	33
Эрке Мария	35
Виктор Гринимаер. «Иван (Иоганнес)»	36
Горести и радости Эммы Кин	38
В.И. Бергер. «Детство в спецпоселке»	39
Светлана Клепс. Валентина Домничева: «Хочу получить документ о реабилитации своей семьи»	41
Дочь трудармейца	41
Владимир Сытник. «Запоздалый рассвет»	43
Часть вторая. Тьма	43
Глава вторая. Между жизнью и смертью	47
Глава третья. Родные	52
Глава четвертая. Радость	54
Глава пятая. Игра судьбы	57
Глава шестая. Травля	59
Более 70 тысяч южноуральцев будут принимать особые поздравления	60
«Брайнингер Екатерина Христиановна (г. Златоуст)»	61
Лидия Садчикова. «Спаситель пришел напомнить».	62
Михаил Чванов. «Немец Рудниковский»	66
О Лазурном.	68
Алла Муравьева-Гренц. «Немцы многократно подвергались репрессиям»	68
Томинский совхоз в годы войны	70
Виктор Гринимаер. «Гарри Петрович Винс»	70
С. Тарасова. «Забвенению не подлежит»	73
Анна Вайнерт. «Бенфенута и Яков»	73
Поселок Чусовской	75
В. Г. Фукс. «Погром».	75
М. Иванова. «Дядя Яша»	77
Марина Перевозкина, Виктор Агаев. «Суть дела»	79
Спецпоселение Тюбук	82
Люди Великой Победы	83
Светлана Симонова. «А реабилитировали нас лишь в 1991 году...».	84
Эрна Гейзер. «Поэма о базаре»	87
Игорь Шенфельд. «Исход»	88
Ирина Балк. «Отказ на въезд из-за паспорта»	99
Чёрное Плесо	100
Вилли Мунтаниол. «Премии лагерникам за расстрел «трудармейцев»	101

В вере нашли спасение

История католиков на Урале и возникновение нашего прихода	112
Лидия Мухамадеева. «Католичество в Челябинске. История и современность»	115
Глава I. Конец XIX – начало XX века	115
Глава II. Середина XX – начало XXI века	118
Александр Нахтигаль. «Патер Иосиф»	126
Иосиф Верт. «Я хочу пожелать, чтобы Католическая Церковь в России была светом, который светит всем»	129

Светлана Симакова. «Отец Вильгельм, настоятель римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии: «Мои прихожане в Германии были «сытыми», поэтому я хотел служить в России»	135
Светлана Гигорьева. «Прощальная месса»	139
Вечный покой	140
Отец Райнгард Франитца	140
Мария Шумакова. «Отец Маркус: «Я неисправимый либерал»	141
Наталья Фирсанова. «Праздник по-западному»	144
Храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.	146
Церковь Спасителя Иисуса Христа Евангелистическо-Лютеранской общины	148
Нина Чистосердова. «Мы верим в бога живого»	149
Лютеранская община. Интервью с Магдаленой Яковлевной	150
Воспоминания из жизни детских и послевоенных лет	151
Евгений Белочкин. «Бог посреди народа Своего в Челябинске»	152
Вячеслав Токарчук. «Кирха во славу Спасителя»	153
Евангелическо-лютеранская церковь (Краснотурьинск)	155
Павел Лазарев. «Владимир Гроо, председатель церковного совета лютеранской общины Челябинска: «Я помогаю строить храмы и надеюсь на Бога»	155
Нина Чистосердова. «Пастор – это призвание»	160
Виталий Полозов. «Письмо матери»	162
Виктор Гомер. «Тернистый путь»	165
Ирина Винтер. «Человек без Родины»	167
Епископ Иосиф Верт: «Своей пастве я желаю личной святости...»	169
Храм в с. Селезян. Прошлое и настоящее.	174
Илья Михайлов. «Епископ Иосиф Верт: «Верующий меняет жизнь к лучшему»	176
Послесловие	180
Приложение.	181

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: НЕМЕЦ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧТО ТАКОЕ «ТРУДОВАЯ АРМИЯ»?

Архивы, истина, война...

Память о войне. Она оживает в нас 9 мая, в день празднования Великой Победы и одновременно скорби о многих погибших в те страшные четыре года. Мы пытаемся найти, узнать еще сохранившиеся семейные истории о наших родных, прошедших тяжелые испытания, погибших или пропавших без вести. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой»

Двадцать лет назад мне пришлось открыть еще одну малоизвестную страницу в истории той тяжелой войны. Тогда я училась в Челябинском университете, и как многие студенты была беззаботна и счастлива. Мой папа попросил меня однажды узнать о своем двоюродном дяде, пропавшем в 1943 году без вести, но не на фронте, а здесь в тылу, в Челябинске. Честно, я была очень удивлена, не поверила, что в глубоком тылу, далеко от фронта мог без вести пропасть человек.

В своих поисках я пришла в отдел кадров Челябинского тракторного завода, в архивах нашла запись о том, что мой двоюродный дед был уволен весной 1943 года с завода, и все. Что дальше? Я узнала, что увольнение в то время часто производили «задним числом», если человек не появлялся несколько дней на заводе, его даже больше не разыскивали. Работница отдела кадров сказала, что вероятно мой двоюродный дед служил в трудовой армии, и посоветовала обратиться в архивы на кладбищах, где производились захоронения в годы войны.

В похоронном бюро кладбища ЧТЗ мне показали на пыльный шкаф в углу – это и был архив. В нем лежали книги регистрации умерших. Я открыла год 1943. Это было второе потрясение за время моих поисков. Мы знаем из истории, что во время войны в блокадном Ленинграде замерзших или умерших от истощения и болезней людей собирали и хоронили в братских могилах. Часто не было записей данных о них, потому что у погибших не находили документов. Но чтобы в Челябинске, за несколько тысяч километров от фронта, в надежном тылу в книге регистрации на каждые две строчки с фамилиями приходилось двадцать записей «Неизвестный»?! Старые пожелтевшие листы и на них друг за другом: «неизвестный, неизвестный, неизвестный» Как оказалось, и голод, и холод, и продовольственные карточки были в военной истории уральских городов.

На этом мои поиски в то время закончились, оставив тяжелый осадок и загадочное слово «трудармия». Вскоре я уехала из Челябинска. И совсем недавно, разыскивая информацию о другом родственнике, я снова вернулась к

той давней теме и стала узнавать страшную историю «рабочих колонн» времен Великой Отечественной Войны.

Термин «трудовая армия» возник раньше, в годы гражданской войны, когда специальным декретом была объявлена всеобщая трудовая повинность и сформированы «революционные армии труда» для решения хозяйственных задач в военное время.

В годы Великой Отечественной войны вновь была введена принудительная трудовая повинность и тех, кто ее нес, стали называть «трудармейцами». Но ни в одном официальном документе периода 1941-1945 гг. понятие «трудовая армия» не встречается.

Большую часть этих формирований составили люди, считавшиеся неблагонадежными по социальному или национальному признаку: поволжские немцы, евреи, эстонцы, финны, румыны, венгры, итальянцы. Они использовались на стройках НКВД в различных отраслях народного хозяйства. Стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале. В наше время потомки тех людей, пострадавших от репрессий, организуют поисковые движения и открывают тяжелую правду о судьбе своих близких.

Но мой двоюродный дед был потомственным уральским казаком и не был репрессирован. Как он оказался в «трудовой армии»? Оказалось, что в эти батальоны зачислялись также военнопленные, признанные негодными к строевой службе по возрасту и состоянию здоровья. Им тоже пришлось испытать на себе все тяготы «рабочих колонн», вместе с другими ковавшими победу в уральском тылу.

В годы Великой Отечественной войны в Челябинск было эвакуировано около 60 промышленных предприятий. На них стали выпускать военную продукцию – тяжелые танки, самоходные орудия, танковые моторы. На каждом втором советском танке стоял двигатель Челябинского тракторного завода. В 1941-45 годах в Челябинске были построены 19 заводов и 2 фабрики союзного значения. Основной строительной силой были трудармейцы. Трудовая армия работала ударными темпами: заводы вводились в действие менее чем за год, порой даже за несколько месяцев. Но эти достижения были оплачены многими жизнями: к концу войны из 120 тысяч трудармейцев, работавших на Южном Урале, в живых остались чуть больше 34 тысяч человек.

Мне удалось найти информацию по старому кладбищу района ЧТЗ Челябинска.

Оказывается на нем, в братских могилах времен Великой Отечественной войны по подсчетам уральских поисковиков похоронено в

1943–1945гг. 2235 человек. По воспоминаниям старых жителей прилегающих к кладбищу домов массовые захоронения проводились по ночам. Трупы привозили на подводах и складывали в общие могилы, на которых не устанавливались таблички, поэтому братские могилы на сегодняшний день отличить от других невозможно. Эти захоронения регистрировались как «особенные». Кого же хоронили в них? Организации, производившие захоронения, тоже записывались. На первом месте стоят эвакогоспитали. Во всех крупных городах в глубоком тылу их создавали для приема раненых, в Челябинске их было 17. И не всегда у бойцов, умерших от ран, были документы.

На втором месте среди организаций, производивших захоронения на этом кладбище, стоит Отдел рабочих колонн (трудовая армия) Кировского завода. Первый документ приема и устройства рабочих колонн на Кировском заводе датирован 8 февраля 1942 года. На завод прибыло 4500 трудармейцев. Пока достраивались бараки с двухъярусными нарами, людей поселили в двух школах. На размещение и оформление на работу прибывших отводилось от 2-х до 5 дней. Они обеспечивались постельными принадлежностями, спецодеждой и хозяйственным инвентарем.

О качестве проживания в бараках можно судить хотя бы по тому, что перед зимой 1943 г. был отдан приказ директора завода обеспечить отдел трудовых колонн 50 вагонами шлака для

подсыпки к стенам жилья в качестве утеплителя. Но были и другие бытовые проблемы – недовольство теплой одеждой, белья, постельных принадлежностей, обуви. Известен приказ о создании мастерской из 40 трудармейцев по плетению лаптей.

Одна из докладных записок на имя директора говорит о том, что основной процент смертности на заводе идет за счет рабочих трудармии. В одной из колонн было зарегистрировано 344 человека, больных дистрофией. Из них 262 человека не были госпитализированы, а продолжали трудиться. В этой же колонне было зафиксировано 16 смертельных случаев от дистрофии. Только в 1943–1945 гг. подразделение похоронено на кладбище в Тракторозаводском районе 229 умерших. Это сухие сводки из архивов.

К сожалению, о бойцах трудовой армии на заводе ЧТЗ и о судьбе своего двоюродного деда я и сейчас пока ничего не нашла. Уже 20 лет, как я уехала из Челябинска, но надеюсь вернуться и узнать больше.

Но даже такой результат моих поисков дал мне понять точно, что мы должны для себя, для детей, для будущего открывать печальные картины нашей истории. Сохранить память о наших предках, страдавших, но приблизивших Победу в той войне. Менять себя, менять мир вокруг, делать его лучше, воспитывать своих детей так, чтобы страшные уроки истории не повторялись.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 ноября 1948 г.

«Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»

В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения .этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматриваются в Особом совещании при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного, поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства. и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах, прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности. Определить меру наказания за эти преступления – лишение свободы на срок к 5 лет.

Действие данного Указа распространено:

Указом от 6 апреля 1950 г. на лиц, выселенных по постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856 (турок, греков, дашнаков и др.), а также на членов семей украинских националистов.

Указом от 17 ноября 1951 г. на осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания по Указу от 21 февраля 1948 г.

Указ от 26 ноября 1948 г. отменен Указом от 13 июля 1954 г.

Узкоколейная железная дорога Воздвиженского стекольного завода

Начальный пункт — село Воздвиженка, Каслинский район

«Воздвиженский стекольный завод основан в 1820 году. Одним из основных видов топлива для стекольного завода являлся торф, добывавшийся в окрестностях села Воздвиженка.

В период Великой Отечественной войны (1941-1945) была построена узкоколейная железная дорога от Шумихинского торфомассива, расположенного севернее озера Окункуль, до стекольного завода».

Цитата из материала «Узкоколейки – артерии прошлого».

Воздвиженский стекольный завод, построенный Зубовым Н.П. в 1820 году, использовал для выплавки стекла (плавления шихты) в качестве топлива сперва древесный уголь, дрова, а потом торф, а еще позже – газ.

В связи с большим потреблением древесного угля на здешние заводы требовалось много леса, в частности березы, и затрачивался огромный труд на томилках. Реконструировав печи, заводы переходили на более дешевые и эффективные виды топлива. Одним из таких является торф. Для стекольного завода добывали (резали) торф на Малом Багаряе, что в трех километрах от села. Сюда была кинута во время войны узкоколейка, и уже просушенный торф брикетами складывали в вагонетки и конной тягой доставляли на завод.

Будучи пацаном, здесь работал на конях возницей Анцигин М.А. Потом пустили мотовоз. Малые залежи быстро выработались. Богатые торфяники обнаружили на шумихинских (шумишенских) болотах, что в двенадцати километрах от деревни. Заранее по речке Шумиха (она начинается с Больших Казачьих болот и названа Шумихой потому, что шумит водой на перекатах) сделали дренаж, углубив русло (появилось еще название – Копанка).

Образовался поселок. Летом торф заготавливали, живя здесь, а зимой, по «зимнику», по ледянке (для лучшего скольжения колею поливали водой) через Окункуль вывозили торф в коробах на завод.

Во время войны силами трудармейцев (немцев с Поволжья) потянули узкоколейку с одним железнодорожным деревянным мостом через протоку, соединяющую озеро Окункуль с малым Окункулем, до Шумихи. Вагончики и мотовозик (тот же трактор с двумя колес-

ными парами и цепной передачей), потом и паровозик с пассажирским вагончиком были привезены со «старой» Черемшанки, где с шахт доставлялась руда, а потом по широкой колее перевозили в Уфалей. До этого в Черемшанку были посланы на обучение и практику Г. Кашин, В. Ершов, М. Родионов, Котлованов и другие.

Паровозик – это маленькая копия паровоза (серия ОП219), также с тендером, ходил на угле и дровах, обслуживали его машинист и кочегар. Но он не прижился, так как был трудоемок в эксплуатации. Легкий дизельный мотовозик, набравши скорость, с грузом мотало из стороны в сторону, отчего он часто сходил с рельсов, но его было легче поставить обратно. Он был проще в обслуживании, но, конечно, по силе уступал паровозу.

Обычно рано утром собирались рабочие, размещались в пассажирском сидячем вагончике, к которому было прицеплено еще четыре платформы с нарощенными бортами, и ехали на Шумиху. Ходу было около часа. Вечером груженный, но уже под горку, мотовозик возвращался на завод.

Много людей освободилось от ручного труда, когда в конце сороковых заработала узкоколейка и был механизирован труд по добыче торфа. В этом – заслуга коммерческого директора завода Кленова Ф.И. (его дочь И.Ф. Просвирнина и внук – жители нашего города). Он поставил багер (землечерпалку) и стелющие машины.

Узкоколейкой пользовались до 1967 года, когда подвели газ, тогда же прекратилась добыча торфа, и Шумиха не стала больше такой шумной. Колею окончательно разобрали

На узкоколейной железной дороге первоначально работал неустановленный дизельный мотовоз. Он был взят с узкоколейной железной дороги в поселке Черемшанка. По информации от А. Колесова, в начале 1960-х годов на узкоколейную железную дорогу поступили два мотовоза МД54-4.

По утверждению автора статьи «Узкоколейки – артерии прошлого», узкоколейная железная дорога перестала использоваться в 1967 году, в связи с переводом стекольного завода с торфяного на газовое топливо. Длительное время продолжали лежать ржавые рельсы, они были окончательно убраны в 1990-х годах.

По другой версии, небольшой участок узкоколейной железной дороги внутри стекольного завода сохранялся после 1967 года. В любом случае, узкоколейная железная дорога была полностью разобрана не позднее 1990-х годов.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

От 3 ноября 1972г.

№ 3521-VII

«О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЯ В ВЫБОРЕ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО В ПРОШЛОМ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ
КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН»

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять ограничение в выборе места жительства, предусмотренное Указами Президиума Верховного Совета СССР:

от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей;

от 27 марта 1956 года в отношении греков, болгар, армян и членов их семей;

от 22 сентября 1956 года в отношении бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных, принятых в советское гражданство; греческих и турецких граждан и иранских подданных; бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных – лиц без гражданства.

Разъяснить, что лица, на которых распространялось указанное ограничение, и члены их семей, являющиеся гражданами СССР, пользуются, как и все советские граждане, правом избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме, а иностранцы и лица без гражданства – в соответствии с законодательством о порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства.

Поручить Министерству юстиции СССР совместно с Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР представить предложения о признании утратившими силу законодательных актов, предусматривающих ограничение в выборе места жительства для лиц отдельных национальностей, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ПОДГОРНЫЙ**
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **М. ГЕОРГАДЗЕ**

Виктор Гринимаер

ВАНЮША И КАРЛУША

Приближалась очередная годовщина великой Победы советского народа над фашистской Германией.

В одном из сёл Поволжья состоялась случайная встреча двух земляков, уроженцев этого села, вольно или невольно проживших всю послевоенную жизнь вдали от милых их сердцу лесов и полей, от родной реки, ничего не зная друг о друге.

Встретившись, они сначала и не узнали друг друга – время и жизненные невзгоды основательно потрудились над их внешностью, изукрашив лица причудливыми бороздами морщин. Оба седовласые, со впалыми глазами, опирающиеся на как бы случайные в их руках «клюшки», они вместе сели в дребезжащий автобус в областном городе и поехали в свой родной им с детства районный центр, изредка бросаая друг на друга внимательные, как это умеют только наши старики, взгляды слабо видящих глаз.

На неказистой автостанции в Буденовке в очереди в кассу старики оказались рядом пока не распознанные. Слово за слово и они узнали, что дальнейший их путь совпадает – деревня Лесновка.

- Звать-то тебя как? – спросил тот, что повыше и посулей.

- Иваном. А тебя?

- Карлом.

- Был у меня в Лесновке в детстве закадычный дружок по имени Карлуша. Сгинул где-то в войну.

- А у меня – Ванюша. Там же. Как судьба сложилась, не знаю. Вернулся ли с войны? Ушёл на неё, когда я ещё дома был.

- Ужне Кайзер ли ты?

- Именно так. А ты – Полянкин?

Старики на несколько мгновений остолбенели. Предательские старческие слёзы блеснули на выцветших ресницах и скатились в борозды морщинистых щёк. Они молча обнялись и простояли так, безмолвно, больше минуты.

- К кому едешь? – с интересом спросил, несколько оправившись, Иван.

- Не к кому. Тогда всех моих поголовно вывезли на высылку. Хочу попроситься к кому-нибудь, переночевать. Хотя бы – на сеновал. Обузой не буду – еда у меня с собой, вот – в авоське, и денег есть немного. Посмотрю на родину, на закат и на рассвет, и – обратно.

- А я – к племяннику. Сестра у меня Катерина, здесь так и осталась безвыездно.

- Катя?

- Да. Так вы же с ней женихались тогда?

- Было-было

- И чего же? Не писали?
- Не до писем было там, где я был. И потом – не до них

- Да, слышал я как-то, как с вами обошлись

- Да уж – обошлись

- Хорошо, хоть выжил.

- Да. Видно не время было мне умереть. Хотя дышала она мне не раз не в затылок даже, а – в лицо. А ты как там – на фронте? Тоже, поди, не сладко было?

- На фронте хорошо, – неожиданно заявил Иван. – Там хорошо кормили. В атаки водили. В одном бою ранило меня неопасно в ногу. Быстро до врачей добрался. Отлежался в санбате. Опять – в бой. Опять ранило, теперь – в руку. Опять сказали – легко. Но эту рану до сих пор чувствую, особенно – к непогоде. Потом осколком в грудь ранило. Эта рана считалась тяжёлой, красную нашивку за неё выдали. За те-то – по жёлтой. Долго с этим ранением лежал в сибирском госпитале. После неё и списали меня под чистую. А ты-то как выжил? Говорят в тех лагерях, где вы были, бывало покруче, чем в германских, – перешёл на шёпот Иван.

- Всяко бывало. Иногда – покруче, иногда – ничего. От начальства зависело, от места. Я ведь много мест сменил, и лес валил, и завод строил, и уголь копал.

Оба задумались надолго.

- Как это? – встрепенулся Иван. – Ведь везде умение нужно, знания.

- Нас не спрашивали о наших умениях. Где рабсила нужна, туда и посылали. На ходу обучались, самоучкой, оттого многие и погибли, от неумения, отсутствия сноровки и опыта. Но главная беда – голод. Большинство от этого страдали и умирали. И – замерзали. Особенно в первый год. А ты-то чего домой не вернулся?

- Да собирался, было, уже. Сразу, как пообещали отпустить, так домой потянуло, в родные места, не высказать. Но зазнобушка перетянула к себе. Завёл там, пока валялся в госпитале. Сначала думал, так – для баловства. А тут оказалось – на все. Главное – она! Оставайся, говорит, и – баста! Сразу расписались. Смотрю, у неё уже и животик образовался. Детей нажили, внуков. Правнуки теперь уже пошли. А ты – как?

- Отбыл своё, как говорят: от звонка, до звонка. Несколько раз утаскивали в санчасть – умирать. Даже раз, по ошибке, что ли – в морг затащили. Но, ничего, каждый раз выкарабкался. После войны, уже в сорок седьмом, отпустили к семье, в высылку. Домой-то ведь так и не отпускали. Так и прожил все эти годы в степи, в Казахстане. Тоже – дети, внуки. Жена из раскулаченных, с Украины.

За разговорами, беспрестанно поглядывая в автобусные окна и ничего вокруг не узнавая, ветераны не заметили продолжительности дороги. Выйдя из автобуса в центре родного села, они поправили на себе пиджаки, значки на них. У обоих сохранились довоенные, спортивные, осоавиахимовские. У Ивана к ним добавилось несколько юбилейных медалей за войну, у Карла – значок «Ударник пятилетки».

Стоя посреди своего села, где вместе бежали мальчишками, дружили юношами, мечтали о будущем, они теперь что-то узнавали, а чего-то и не признавали. Что-то появилось новое, многое из бывшего раньше – исчезло.

Много времени утекло, много изменилось на родной земле. Смешались у ветеранов в душах все чувства. В воспоминаниях-то родное село было всё тем же, родным и близким. А теперь. Горечь одна. Может, и не стоило приезжать.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 42. Л. 15-42. Подлинник. Машинопись. № 15

ПИСЬМО В.В.ДИМОВОЙ И Г.ЭРЕНБУРГУ

28 апреля 1953 г.

Я обращаюсь к Вам, т. Эренбург.

Я долго думала, стоит ли писать это Вам, но решила, что писатель, а особенно публицист, как Вы, должен знать и то, что происходит у него дома. Я читала многие Ваши произведения и статьи. Везде Вы выступаете поборником прав человека. Вы пишете о праве человека на счастье, о том, что дети – будущее, имеют у нас все права на счастье, что людей, у которых отобраны надежды на будущее, у нас не существует. У нас все люди имеют равные права, у нас нет «негров».

А вот я «белый негр». Мне 18 лет, но я не могу поехать учиться в соседний город за 12 часов езды, я не могу выйти за 5 км от черты города, иначе мне обеспечено 20 лет каторги. За что это?

Может быть, Вы подумаете, что я преступница или мои родители совершили какое-нибудь преступление. Все несчастье в том, что моего отца угораздило родиться немцем, если смотреть глубже в прошлое, то всему виною его предки немцы-мастеровые, которых переселила в Россию Екатерина. И вот теперь, через 200 лет после этого «знаменательного» события, сам «немец», его мать – русская, которой около 70 лет, его жена – еврейка и я, его дочь (уж не знаю какой национальности себя считать, по паспорту еврейка), ходят каждый месяц на регистрацию. В паспорте стоит штамп: «Разрешено проживать только в г. Тюмени».

Мой отец инженер. Он работает сейчас старшим инженером на стройке «Обьрыба». Мать сейчас не работает, потому что уже в нескольких местах, куда она приходила наниматься, ей сначала говорили: «пожалуйста, да, да», а как увидят в паспорте

клеймо, сразу: «да видите ли, собственно говоря, плановик нам не требуется, мы пока обойдемся» и т. д. Не позор ли это?

Вы пишете: «... нельзя жить без надежды. Надежда необходима человеку, как воздух, когда он перестает загадывать, мечтать, он перестает жить».

Но и надежды можно лишиться, если жить так, как живем мы.

Я понимаю, что если человек совершил что-то, то он должен отвечать за это. Но разве я могу отвечать за то, что родилась не русской, что моя мать еврейка, а отец немец? Я не считала и не считаю себя преступницей и не понимаю, почему у нас можно так унижать людей. Когда меня в 16 лет поставили на учет, то я долго не хотела идти в комендатуру на отметку, пока мне не пригрозили тем, что за мной в школу пришлют милиционера. И прислали бы, не беспокойтесь!

В прошлом году я окончила 10-й класс, я и еще несколько таких же, как я, хотели поехать учиться в Свердловск. Сколько я ни билась, все зря. Хотя разрешение на выезд и получилось, но слишком поздно, когда уже окончились вступительные экзамены. Я все-таки решила воспользоваться разрешением и съездить в Свердловск (может быть, мне больше за всю жизнь не удастся нигде побывать), так до Свердловска меня сопровождали и сдали с рук на руки свердловской комендатуре.

В этом году, наверное, получится то же самое, то же самое получилось и с остальными, такими же как я. В педагогический институт таких не принимают, они «идеологически» не подходят. Моей сестренке 15 лет. Ее ожидает такая же участь, как и меня. Я добились разговора с местным высшим начальством по этой части, и он меня «успокоил», сказав, что вообще о детях никакого Указа нет, что это дело еще не рассматривалось. Так зачем же так калечат жизнь людей с детства? Я комсомолка, в школе была и секретарем и членом комитета, а теперь сижу дома и думаю только о том, отпустят меня в этом году учиться или нет.

Вот Вы выступаете на Международных Конгрессах, говорите о свободе, равенстве. Когда я сказала в комендатуре, что у меня, в сущности, нет прав, то там очень удивились: «Как, Вы же можете голосовать». Да, я голосую, а не могу отойти за 5 км от города. Это что – гетто?

Не я одна нахожусь в таком положении. Все дети, которых родители привезли в Тюмень, подросли и теперь не знают, куда им деться. За год до меня окончила 10-й класс нашей школы девушка – Аня Цвиккер, ее не приняли в пединститут – немка, не приняли в машиностроительный техникум, пришлось ей идти не в институт, а в техникум, и в какой – в физкультурный, хоть там не посмотрели, что она немка.

Разве это справедливо, что так уродуют жизнь такому количеству молодежи?

Моя мать приехала в Тюмень добровольно с нами к отцу, ведь никто не думал, что и после окончания войны может продолжаться такое положение. Они находятся в Тюмени уже 13 лет, даже преступников [не] ссылают на такие сроки, а тут честных людей. Что же это такое? Неужели Вы не знаете об этом? Вы печетесь о благосостоянии немцев в «Восточной Германии», среди которых действительно есть преступники, а не знаете о страданиях тех «немцев», которые всю войну самоотверженно трудились, имеют награды, а дети которых не имеют права даже учиться (на деле).

Вы должны разобраться в этом, потому что жить без всякой надежды невыносимо, так лучше вовсе не жить.

Извините меня, пожалуйста, за это письмо. Оно вышло сумбурное, но тут все правда. Ни я ни в чем не виновата, ни родители мои, зачем же мы так страдаем? Я хочу учиться, почему мне не дают этого, ведь я ничего больше не прошу. Я всей душой радовалась раньше, что мои родители лишены национальных предрассудков. Они настоящие советские люди. Такой интернациональной семьей, как наша, надо было бы гордиться, а не унижать ее, мои родители беспартийные и никогда ни под судом, ни под следствием не были.

Еще раз извините за то, что беспокою Вас своим письмом, но ведь это очень важно. Я знаю, что надо написать какими-то другими словами, чтобы Вы почувствовали всю боль нашего положения, ведь мы же идем к коммунизму, как же может быть такое национальное неравенство? Как я завидовала вора, которые получили амнистию, полную. Если бы я была воровкой, то меня бы освободили. А сейчас «навечно»*. [* Подчеркнуто автором. – Сост.]

У меня мало надежды, что Вы мне ответите, но, может быть...{4}

Вот мой адрес: г. Тюмень, ул. Хохрякова, 40, Стройконтора, «Обьрыба» – Димова Валерия Владимировна.

P.S. Если Вы отдадите мое письмо в МВД, то его перешлют в местную комендатуру, вызовут меня и ничего хорошего не получится.

28 апреля 1953 г. г. Тюмень

В. Димова

«РЕАБИЛИТАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО МАРТ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1956 гг.
ДОКУМЕНТЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ»

Ольга Тарасова

НЕМЕЦ С РУССКОЙ ДУШОЙ

Они познакомились в 1940 году: юная студентка Одесского пищевого техникума Катя Липчанская и 26-летний аспирант пединститута Витольд Гофман. Оба выросли в Советском Союзе, где на словах декларировались равенство и братство всех национальностей. Никто и представить тогда не мог, что вскоре само слово «немец» будет звучать как приговор. И не важно, что Витольд Артурович абсолютно предан стране Советов, что в первые же дни войны призван на фронт и готов был защищать свою Родину. Получилось так, что для оккупантов он был врагом - русским, а для русских впоследствии стал чужим - военнопленным немцем.

- Это была настоящая любовь с первого взгляда, - с улыбкой вспоминает 89-летняя жительница Тольятти Екатерина Гофман. - Мне было всего восемнадцать, когда мы познакомились. Витольд пришел к нам в техникум на танцы, пригласил меня и сразу тронул мое сердце. Красивый, интеллигентный, умный, он показался мне таким необыкновенным. Он не только гуманитарные науки знал, но и в точных разбирался - мог в уме перемножать четырехзначные числа.

Сама я была типичная одесская барышня, романтическая, любившая красивые платья, изящные шляпки. Дед мой всю жизнь прослужил на флоте, бывал за границей, откуда привозил красивые вещи и духи «Коти». Мечтала я стать актрисой, но папа мой, человек практичный, строго-настрога запретил мечтать о «несерьезной» профессии. Прося моей руки, Витольд дал слово моим родителям, что непременно поможет мне поступить в институт и получить высшее образование. Мы были очень счастливы в то время, хотя спокойным его не назовешь. Все жили в постоянном страхе арестов. По ночам прислушивались к звукам машин за окном. «Черные воронки» в темное время суток подъезжали, чтобы увезти людей в неизвестном направлении. В такой вот обстановке всеобщего страха и началась наша семейная жизнь. В апреле 1941 года родилась у нас дочка Элеонора. А в июне началась война.

22 июня мы с мужем на танцах были, с маленькой дочкой моя мама осталась. Вдруг слышим дикий гул - это десятки самолетов летели бомбить наш город. С тех пор так было каждый день - дома от бомбежек превращались в груды камней. Как-то моя родственница решила пойти посмотреть, уцелел ли ее дом, и не вернулась - погибла. На крышах полыхали пожары от зажигательных бомб. Моего папу (ему сорок один год был) и Витольда забрали на фронт спустя несколько дней после начала войны.

Екатерина Михайловна помнит ужас, охвативший людей во время эвакуации. Железная дорога, забитая составами с промышленными грузами, была недоступна для гражданского населения. Народ увозили пароходами, которые нещадно бомбили фашистские самолеты, много людей тогда погибло. Катя с маленькой

дочкой на руках вместе с сестрой, мамой и бабушкой решились двинуться пешком в находившийся в ста двадцати километрах от Одессы Николаев. Мимо непрерывным потоком шли военные машины. Женщины тянули вверх руки, прося взять их с собой, подбросить до города. Но водители лишь сокрушенно качали головой: не положено. Весь день шли, разбивая ноги в кровь, а ночевали прямо под открытым небом. Благо жители окрестных деревень из жалости подкармливали беженцев.

- В Николаеве нас, женщин и детей, погрузили в вагоны и повезли на восток, - рассказывает Екатерина Михайловна. - Ехали почти два месяца, за это время в условиях жуткой антисанитарии среди детей начались повальные эпидемии. Болели корью, дизентерией, коклюшем, многие умирали. В Челябинск прибыли в сентябре. На дворе уже холодно, а теплых вещей нет. Людей отправили в баню. Вещи - на прожарку, чтобы вшей уничтожить. По квартирам расселяли по принципу наличия «лишней» жилплощади. Нас тоже к одной женщине поселили, в пристрой без отопления. Но мы и этому рады были. Потом всех на военный завод работать отправили, где делались фугасно-зажигательные мины. Кругом - одни женщины, которые работали по 12 часов в день, а деньги получали как ученики, так как не имели никакой квалификации. Зато имели право на трехсотграммовую пайку черного хлеба плюс двести граммов на иждивенцев. Дочку Элечку тоже приходилось черным хлебом размоченным кормить, ведь молока нигде не было. Мы пухли от голода и ослабели ужасно. Все это время о судьбе наших мужчин - отца и мужа - ничего известно не было.

И вот однажды вечером в нашу дверь постучал незнакомец. Он спросил фамилию и сказал, что нас разыскивает отец. Оказывается, полк, куда был направлен мой отец, разбили немцы, а отца, как опытного механика, вновь на фронт не забрали, а направили в Нижний Тагил на танковый завод. Оказывается, отец сразу стал нас искать и вот этого своего знакомого попросил навести справки в Челябинске. На заводе, где папа работал, сразу формировались танковые бригады и отправлялись на фронт. Узнав, в каком бедственном положении мы находимся, отец отпросился у своего директора завода поехать в Челябинск,

чтобы забрать нас к себе. Тогда ведь дисциплина была военная, на любое передвижение требовалось специальное разрешение. Меня, увы, с моего завода не пустили, так как я уже носила фамилию мужа, а значит, членом семьи моего отца не считалась. Мама с отцом и сестрой уехали, а мы с бабушкой и дочкой остались.

Соединиться довелось нам только в 1943 году. Люди в те тяжелые времена все-таки добрее были, не оставляли в беде. Солдаты, что на танковом заводе трудились, отдавали нам свои пайки. Так и проработали мы в Нижнем Тагиле вплоть до 1945 года. И ни разу я не получила ни одной весточки о своем муже. Не знала, где он, жив ли. Все время душа болела.

Летом 1945-го семья вернулась в родную Одессу. Дом, где жили до войны, удивительным образом уцелел. Все это время Екатерина думала о своем любимом, надеялась на чудо. И оно случилось. В один из дней 1946 года пришла жена брата Витольда, держа в руках конверт, и воскликнула:

- Катя, пляши! Тебе письмо от Виктора (так Витольда звали домашние).

В письме ее муж сообщил о том, что находится в лагере военнопленных под Львовом. Очень долго ему не разрешали писать близким, и вот теперь удалось нарушить молчание. Катя от радости буквально голову потеряла и сразу засобиралась в дорогу. Как выяснилось впоследствии, в самом начале войны немцы разбили полк, где служил ее муж, и отправили военнопленных в концлагерь Польши. Когда же советские войска освободили страну, Витольд из фашистского плена сразу был отправлен в другой лагерь - только уже для немецких военнопленных.

Мать уговаривала Катю отказаться от мужа.

- Он немец, - говорила она, - с ним тебе добра не видать. А ты еще молода и можешь устроить свою судьбу.

Но уговоры ее оказались бессильны против женской верности. Взяв маленькую дочь, Катя отправилась к любимому. Начальник лагеря, человек добрый, выделил молодой матери крошечную комнатку и даже на работу взял медицинским статистом. Изредка разрешали свидания с Витольдом, жившим в бараке на территории лагеря. На зону гражданским вход был запрещен, и Катя лишь мельком видела изможденных немецких заключенных, часто совсем мальчишек, которые теперь имели вид весьма жалкий. Видя ее, они горестно объясняли, что где-то в Германии у них тоже есть «фрау» и «киндер». Катя было их жаль, но

дать им даже корку хлеба из сострадания она не имела права в силу строжайших инструкций. Витольд, успевший кроме института закончить перед войной строительный техникум, работал на зоне прорабом. В 1947 году его все же освободили, разрешив жить на поселении, и отправили в Караганду.

- Приехали мы голую казахскую степь зимой, в легкой летней одежде, - продолжает Екатерина Михайловна. - Города как такового не было, только землянки кругом да шахты угольные. Ни транспорта, ни машин, ни магазинов. Население полностью из ссыльных состояло - чеченцев, немцев, крестьян раскулаченных, украинцев-западников. Ни одного добровольца не было. Поселили нас в барак, где у нас последние вещи кто-то украл. Одним словом, натерпелись. Помню и пленных японцев, которые тянули свои тощие руки через колючую проволоку, прося хлеба. Наши дети бросали им еду.

Потом город стал постепенно разрастаться. Завозили финские домики, расселяли народ. Во время эпидемии я заразилась тифом и едва не умерла. В ту пору я была беременна, родила девочку, которая на седьмой день умерла.

Я работала лаборанткой в химико-пищевой лаборатории, а Витольд мой вновь прорабом устроился. Помню, как радостно он сообщил мне, что сделал первую геодезическую разбивку города. Он, кстати, очень предан был своей родине, никогда ничего про свои мучения в лагерях не говорил.

Город рос на наших глазах, среди ссыльных было много интеллигенции, силами которой создавались культурные учреждения, формировались вузы. Там и дочь моя Элеонора потом медицинститут закончила. Многие родственники мужа потом в Германию уехали, а Витольд даже не думал об этом и нам запрещал. Настолько был привязан душой к России. Умер он в 1973 году, и все эти годы я бережно храню его память. Кстати, свидетельство о его реабилитации удалось получить лишь несколько лет назад.

Позже дочь моя с мужем переехала в Тольятти, а потом и меня сюда забрали. Ох и намучились мы тогда с оформлением гражданства. Нужно выправлять документы, а поскольку жизнь бросала нас по всему свету, собирать их было крайне сложно. Часть бумаг на украинском языке, часть - на казахском, все нужно перевести на русский. Получается, что до сих пор мы являемся заложниками того далекого времени, когда люди становились без вины виноватыми.

«Вольный город Тольятти»

Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-I
«О реабилитации репрессированных народов»
(с изменениями от 1 июля 1993 г.)

Обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очищения всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей. Оно создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападениям.

Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов.

Опираясь на международные акты, Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», постановления съездов народных депутатов РСФСР, а также действующее законодательство РСФСР и СССР, закрепляющее равноправие советских народов, и, стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозглашает отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов и принимает настоящий Закон об их реабилитации.

Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов.

Статья 2. Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.

Статья 3. Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР.

В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов.

Статья 3-1. На граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной или иной принадлежности, распространяется действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Статья 4. Не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов.

Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Статья 5. Восстановление и изменение национально-государственных образований репрессированных народов осуществляются на основе законодательного регулирования межнациональных отношений.

Статья 6. Территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения.

Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период. Решение об установлении переходного периода и восстановлении национально-территориальных границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Статья 7. Политическая реабилитация репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально-государственные образования, предусматривает восстановление этих образований в порядке, установленном статьей 6 настоящего Закона.

Статья 8. Политическая реабилитация репрессированных народов, не имевших своих

национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места прежнего проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством.

Статья 9. Ущерб, причиненный репрессированным народам и отдельным гражданам со стороны государства в результате репрессий, подлежит возмещению.

Порядок возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам устанавливается законодательными актами Союза ССР, РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Возмещение ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам осуществляется поэтапно.

Статья 10. Социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) засчитывается в стаж в тройном размере. В связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсий по возрасту за каждый год работы с учетом периодов, предусмотренных Законом РСФСР «О пенсионном обеспечении граждан в РСФСР».

Статья 11. Культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Это означает также признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы советской власти.

Статья 12. Все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу.

Статья 13. Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Ельцин
Москва, Дом Советов РСФСР 26 апреля 1991 года

Наталья Фирсанова

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ ТРУДАРМЕЙЦА ШМИДТА

Жизнь и судьба челябинца Альберта Альбертовича Шмидта заслуживает как минимум очерка. Он читал Шиллера, Гейне, Гете, Лессинга в оригинале и до пенсии работал машинистом гусеничного крана в управлении механизации. Его семья была выслана с теплого полуострова в таежную глушь, а в наши дни, побывав на родине предков в Германии, он решил навсегда остаться в России.

«Наследники» Шеленберга

Альберт Шмидт родился в Крыму, в немецкой деревне на севере полуострова. Первые впечатления детства: раскулачивание односельчан в конце 20-х – начале 30-х годов.

- Приехал отряд милиции. На улицах - крик, плач, вой собак. Мужиков, которых считали кулаками, выгоняли из домов и уводили, - вспоминает он. - Через несколько дней приехали подводы, солдаты погрузили семьи и отвезли их на станцию, оттуда – на Север, в Казахстан, Сибирь, на Алтай. Без права на возвращение.

Тогда Шмидтов обошла стороной беда. Семья работала на богатого соседа по фамилии Шеленберг: дед – кузнецом, бабушка – домработницей, отец Альберта трудился в поле, мама ухаживала за хозяйским скотом.

- Когда началось раскулачивание, хозяева распродали, что успели, остальное раздали своим работникам, - рассказывает Альберт Альбертович. - Отцу досталась пара лошадей и подвода. Мы погрузили вещи и уехали в маленькую деревню.

Второй исторический этап – создание колхоза – прошел практически бескровно. Крестьяне-единоличники объединились и с немецкой педантичностью стали вести коллективное хозяйство, так что вскоре оно стало одним из образцовых в районе.

К тому времени Алберт уже ходил в школу, и все свободное время проводил с книгами. Любовь к чтению у него от мамы (отец был неграмотный). Она увлекалась романами, а в наследство от хозяина, на которого работала, ей досталась шикарная библиотека немецкой

классики. Мальчик запоем читал литературу на языке оригинала.

- В 1937 году я окончил с отличием семилетку, - говорит Альберт Альбертович. - В школе у нас все предметы вели на немецком языке, русский преподавался как иностранный. А в 1938 году перешли на русский язык, немецкий стал иностранным.

Сын «японского агента»

Лето 1937 года стало трагическим в жизни немецкой деревни. Из 32 семей в 27-ми арестовали мужчин. Отца Алберта осудили на десять лет. Обвинили, как и других его земляков в том, что они являются агентами японской разведки.

- Отец понятие не имел о том, что есть такая страна Япония. Но его силой заставили подписать признание, - с горечью восклицает наш собеседник. - Когда мать получила разрешение на свидание в Симферопольской тюрьме, то не узнала отца: лицо черное от побоев, нос распух, зубы выбиты, руки покалечены. Сам стоит и трясется. Из 27 наших деревенских мужиков в живых остались только четверо. Остальные умерли в тюремных камерах.

Шмидта-старшего отправили в республику Коми на лесоповал. Там и потерялся его след Альберт после школы остался в колхозе. Работал прицепщиком у тракториста, а потом получил направление на курсы сельхозмеханизаторов. Вернувшись, вышел в поле уже на своем тракторе, стал незаменимым работником.

Он очень хотел служить в армии. Четырежды получал повестку из райвоенкомата, четырежды призывника забирал с медкомиссии бригадир и на своем мотоцикле возвращал в колхоз. В пятый раз перед самой войной бригадир настиг молодого тракториста уже у вагона на станции. Весть о нападении фашистов на СССР он встретил в поле.

- В ночь с субботы на воскресенье 22 июня 1941 года мы вышли на работу. На рассвете услышали грохот в стороне Севастополя, - рассказывает Альберт Альбертович. - Доехали до конца поля к дороге, а по ней несется на лошади наш агроном: «Ребята, война началась!».

Трактор, которым он управлял, отправили на фронт, а его самого вместе со всеми

жителями деревни после уборки хлеба - в Калмыкию.

- Велели брать с собой только самое необходимое - одежду, обувь, постель, посуду, - вспоминает Шмидт. - А у нас в доме обстановка, во дворе - две коровы, свиньи. Скотине налили много воды, насыпали корма и выпустили на волю. Нас предупредили, что все лишнее будет уничтожено.

Война в лесу

Зато при переезде в Казахстан из Калмыкии, где переселенцы целый месяц убирали хлеб, немцам позволили взять с собой утвари по 500 килограмм на семью. Только брать было уже нечего. Северный Казахстан встретил переселенцев неласково: снег по колено, мороз под 30 градусов. А у жителей теплого Крыма даже меховой одежды не было. Выручали местные жители, водворенные на неприветливую землю во время борьбы с кулачеством.

Новый 1942 год ознаменовался для Шмидта и его товарищей призывом в трудовую армию. Всю войну трудармейцы работали на лесоповале на севере Свердловской области. А после войны Альберт Альбертович был направлен в Челябинск. В нашем городе он встретил свою будущую жену, тоже депортированную во время войны из немецкой республики в Поволжье, создал семью, растил шестерых детей.

- Хотя я был еще маленьким, хорошо помню, как мы жили на изолированной ограждением территории, - вспоминает его сын Валерий Шмидт. - До 1955 года отец ходил отмечаться в отделение милиции на улице Дегтярева.

В Челябинске Альберт Альбертович работал кочегаром, потом стал машинистом гусеничного крана в управлении механизации. И только в 1991 году он вышел на заслуженный отдых. По словам Валерия, отец и сегодня, несмотря на почтенный возраст и почти полную потерю зрения, не желает замыкаться в стенах своей квартиры, старается выходить на улицу, делать покупки в магазине.

24 декабря 2011 года у Альберта Альбертовича Шмидта 90-летний юбилей, на который соберутся любящие его люди и непременно позвонят, поздравят деда родственники, внуки и правнуки, которые сегодня живут в Германии.

А мы желаем ему здоровья, бодрости и долгих лет жизни.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 10-13. Подлинник. Машинопись. № 35

ЗАПИСКА К. Е. ВОРОШИЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О КАТЕГОРИЯХ И КОЛИЧЕСТВЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СССР*

* На первом листе записки имеется резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. (указание тов. Хрущева). В.Малин. 23.3.54». - Сост. 4 марта 1954 г.

Товарищу Маленкову Г.М., товарищу Хрущеву Н. С.

В дополнение к ранее посланным материалам направляю Вам краткую справку о спецпоселенцах [49].

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время всего находится 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста - 884057 человек.

Основную группу спецпоселенцев - около 2 миллионов человек составляют немцы,

карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, выселенные во время Отечественной войны.

Немцы из районов Поволжья были выселены на основании Указа от 28 августа 1941 г.; одновременно были выселены немцы из Московской и Ленинградской областей, Украины, Северного Кавказа, Крыма и других районов. Всего было переселено в этот период 856 637 человек. После войны по распоряжению СНК СССР были направлены на спецпоселение 208 462 чел. репатриированных немцев и в 1948 году МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 чел. немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов.

Всего, таким образом, немцев на поселении находится в настоящее время вместе с детьми 1 225 005 человек...

В Указах и постановлениях Правительства не предусматривалось, что дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия должны браться на учет как спецпоселенцы.

Однако, согласно Инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 года дети спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше берутся на персональный учет как спецпоселенцы.

В совместной директиве Министра внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 16 мая 1949 года говорится, что все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками) подлежат зачислению на вечное поселение и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, которым устанавливается уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения.

К. Ворошилов

**«РЕАБИЛИТАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО МАРТ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1956 гг.
ДОКУМЕНТЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ»**

Ольга Новаева

ИСТОРИЯ РУССКОГО ТЫЛОВИКА С НЕМЕЦКОЙ ФАМИЛИЕЙ

В военное время он ставил трудовые рекорды в тылу, но все время чувствовал себя чужим среди своих. Несмотря на награды, даже после войны русского с немецкой фамилией партийное руководство держало на особом контроле.

Неловко и с большим смущением заслуженный механизатор РСФСР, почетный житель Сосновского района Иван Яковлевич Мех показывает свои награды. Говорит, на фронте не воевал. Но скромничает напрасно – пенсионеру есть что рассказать. Родился в Поволжье. Отца

отправили в трудармию, и шестнадцатилетний подросток лет остался единственным кормильцем для матери и сестры. Пошел работать в колхоз. «Остался на тракторе, потому что я полюбил это дело, с механизмами возиться. Во-вторых, нужда заставляла, а там давали хлеб. Если колхознику давали 200-300 грамм на трудодень, а нам все-таки давали килограмм – два», – рассказывает ветеран тыла Иван Мех.

В колхозе Иван оказался едва ли не самым старшим трактористом. Вместе с ним по 12 часов трудились восьмилетние мальчишки. По блажек на возраст в трудные военные времена не делали – норма была одна для всех. «Чтобы выключить, надо было рычаг поднять, нужна была сила, – поясняет Иван Мех, – а восьмилетним и десятилетним этого не хватало, так их по два человека сажали в кабину».

По паспорту Иван Яковлевич – русский. В России родились его мать и отец, но немецкие корни выдает фамилия Мех. Происхождение – одна из главных трагедий в его жизни.

«Мне самому было стыдно, – признается Иван Мех. – У нас начальник политотдела был, Иванченко. Так он приехал и говорит: «Рожа ты немецкая», – и пистолетом по башке дал. Я хотел повеситься».

С особой теплотой Иван Яковлевич вспо-

минает послевоенные годы. Как приехал на Южный Урал, познакомился с супругой Анной Ильиничной, стал высококлассным и уважаемым специалистом в Митрофановском совхозе. С командировками объехал всю Россию. Новаторские технологии внедрял в родном селе. Уже много лет супруги Мех на пенсии. Всю жизнь проработав на полях, теперь сельскохозяй-

ственные рекорды они ставят на собственном садовом участке.

Глава семейства и в свои 84 не перестает удивлять не только гостей, но даже свою жену. Не имея музыкального образования, он сочиняет песни, играет на мандолине, гитаре и любимом баяне, на который однажды потратил всю зарплату.

«10 марта 1955 г. Совет Министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный элемент дискриминации этой категории советских граждан».

(См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 32)

Юрий Попов

ПОСТРАДАЛИ БЕЗВИННО

Однажды я получил письмо от председателя Кировского сельского Совета Нурина района Давидьяна Мелкона Леоновича. Он сообщал: «Работой о лицах, репрессированных в 30—50-е годы, я стал недавно заниматься. Уже установил, что жителей села Майоровка было арестовано в 1937—1938 годах 28 человек. Домой из них никто не вернулся. Прилагаю список этих людей. Они все немецкой национальности: Кенф Андрей, Краус Иван, Шнейдер Готфрид, Зейферт «Постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 29 августа 1938 года Гердту

Давиду Генриховичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания — расстрел 29 августа 1938 года постановление приведено в исполнение.

7 июня 1989 г, Гердт Давид Генрихович реабилитирован...»

«Постановлением комиссии Прокуратуры СССР и НКВД СССР от 8 января 1938 года Гердту Якову Генриховичу за участие в антисоветской организации определена высшая Андрей, Шрайнер Давид, Вейцель Готлиб, Гердт Фридрих, Лир Кондрат, Бауэр Иван, Вагнер Иван, Вагнер Карл, Майор Александр, Вебер Александр, Штеле Адам, Гердт Яков, Фельде Егор, Далингер Яков, Гольцварт Давид, Гер Яков, Гольцварт Давид, Гердт Давид, Филипп и Давид, Руд и Иван, Эрдман Яков, Вебер Давид, Майер Готфрид, Пфенинг Иван».

Далее Мелкой Леонович указал, что эти люди реабилитированы, но реабилитация произведена уже в 1989 году.

Вот несколько справок: «Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 29 августа 1938 года Фельде Егору Федоровичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания — расстрел. 18 сентября 1938 г. постановление приведено в исполнение... 17 июня 1989 года Фельде Егор Федорович реабилитирован...», «Постановлением Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 29 сентября 1938 г. Филиппи Давыду Давыдовичу

за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания — расстрел. 13 октября 1938 г. постановление приведено в исполнение. 29 июня 1989 г. Филиппи Давид Давыдович реабилитирован».

«Постановлением Особой Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 13 октября 1938 г. Шрайнеру Давиду Ермиясовичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания — расстрел. 20 октября 1938 г. постановление приведено в исполнение. 6 июня 1989 г. Шрайнер Давид Ермиясович реабилитирован». мера наказания — расстрел. 3 февраля 1938 года постановление приведено в исполнение. 27 июня 1989 г. Гердт Яков Генрихович реабилитирован».

«...Вы просите подробно рассказать о моем отце Гердте Якове Генриховиче. Я его сын — Александр Яковлевич, 1927 года рождения. Отец 1895 года рождения, родился в Поволжье. Приехал в село Майоровка в 1912 году. До революции работал как все, имел свое хозяйство. В войне 1914 года не участвовал, так как был младшим в семье и остался при родителях. Коллективизацию принял активно, работал бригадиром, председателем сельсовета, в 1933 году его избрали председателем колхоза. Отец был первым коммунистом в селе. В декабре 1937 года, его арестовали, как многих других, как «оврага народа».

У матери осталось 7 детей, но вскоре двое детей умерли, можно сказать, от голода. Мать умерла в 1979 году, так и не узнав о судьбе своего мужа.

Война. Старший брат Генрих, 1915 г. р., был в трудармии с 1942 по 1953 год. Сестра Мария, 1922 г. р., в трудармии была с 1942 по 1946 год.

Остальные трое работали в Майоровке в колхозе. Я стал колхозником в 12 лет, сестра Амалия с 13 лет и брат Давид тоже с 13 лет. Я работал 38 лет механизатором, из них 29 комбайнером. Имею два ордена Трудового Красного Знамени, 6 медалей, много разных

грамот. Я женат на Фриде Давидовне, имеем 5 детей. Все уже самостоятельные. Мы, дети и внуки Якова Генриховича, всегда хорошо работали в «Урожайном». Хотя и поздно, но отец реабилитирован, мы как-то успокоились. И все же хочется знать, где расстреляли отца...».

«Постановлением Особой Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 13 октября 1938 года Вейцель Готлибу Готлибовичу за участие в контрреволюционной организации определена высшая мера наказания — расстрел. 20 октября 1938 года постановление приведено в исполнение. 29 сентября 1989 года Венцель Готлиб Готлибович реабилитирован».

«Отец родился 25 декабря 1896 года в селе Умейт Саратовской губернии. Мать, Миллер Амалия Христиановна, родилась в селе Франкрайх той же губернии. Отец жил в Майоровке с 1912 года, а мать в селе Долинка под Карагандой. Поженились они в 1917 году, создали семью, родили 9 детей. Стерший брат Готлиб умер в Челябинске в трудармии в 1943 году. Другой, Александр, тоже состоял в трудамии в Челябинске с 1942 по 1947 год. Еще один брат Андрей проживает в Караганде. Брата Готфрида уже нет в живых. Три сестры—Мария, Лидия и Амалия на пенсии. Я работаю шофером в «Урожайном». Родился в 1936 году, стал трудиться с 1948 года, Был

погонщиком, закончил курсы трактористов, служил в армии. Вернулся домой, женился, имею троих детей, все с высшим образованием. У жены отец Шрайнер Давид Ермясович, 1898 г. р., тоже репрессирован. Он родом из села Бекермуттер. В Майоровке с 1909 года. Отец и тесть работали в колхозе до ареста. Отец счетоводом, а тесть в пимокатном цехе. С ними арестовали и соседа Шмидта Давида, ветеринара. В чем обвинили наших отцов? Это я понял, читая журнал «Огонек». Сталин старался убирать лучших.

В период коллективизации погибло также 153 миллиона голов скота. Нелегко было и нам, детям «врагов», В детстве спал на соломе. Налог на корову — 10 кг топленого масла, 50 кг мяса. Денежные займы на нас размещали по 2—3 тысячи рублей. На трудодни мало что получали. Летом жили в бригадах, а осенью делали перерасчет, и оказывалось — ты в долгу перед колхозом...

С уважением Давид Готлибович Вейцель».

Вот такие факты из прошлого села Майоровка, судеб его жителей мне удалось собрать. Публикация их имеет только одну цель — публично назвать имена безвинно пострадавших людей. Пусть все знают, что это были честные, трудолюбивые люди.

«23 марта 1955 г. по предложению министерства обороны и внутренних дел ЦК КПСС разрешил призыв значительной части категорий спецпоселенцев, в том числе немцев, на действительную военную службу, начиная с призывников 1936–37 гг. рождения. В тот же день последовало соответствующее распоряжение Совета Министров СССР. При этом призывающие на военную службу 19-летние юноши подлежали снятию с учета спеспоселения».

(См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 32)

Геннадий Колмогоров

ТРУДОВАЯ АРМИЯ

Так случилось, что мне не раз приходилось записывать для нашей радиопрограммы воспоминания русских немцев. В самом этом названии «русские немцы» выражена самая суть их истории. Самая последняя по времени запись пришлась на декабрь 2011. Я беседовал тогда с отцом моей односельчанки Эдмундом Давидовичем Ридэ. И вот, прошло лишь полтора месяца, как Эдмунда Давидовича не стало. Но осталась запись его рассказа, и для его детей, внуков и правнуков, и для истории. Этот рассказ я хотел бы, с разрешения его семьи, передать более широкому кругу читателей, чтобы не пропала, не забылась эта история, история жизни одного из многих немецких переселенцев. Я привожу его рассказ в сокращении, но практически без изменений, от первого лица и сохраняя стиль рассказчика. Ведь именно этой подлинностью он и ценен.

Группа немецких переселенцев из Цюрихталь, среди которых был и мой прапрадед с семьей, прибыла в Крым в 1804 году. Поселились в живописной долине, и своё новое поселение тоже назвали Цюрихталь. До 1936 года у нас была немецкая школа с уроками русского языка. Сейчас Цюрихталь называется

Золотое поле, не знаю почему. Земли там небогатые, каменистые.

Переселяли нас дважды. 18 августа 1941г. на Кавказ, в Будённовск, а в октябре того же года в Сибирь, под Петропавловск.

С февраля 1942 года я был в трудармии в Челябинске. Вот я пять лет там пробыл, на

Бакалстрое. При мне были построены ТЭЦ, коксохим, стальстрой, доменные, прокатстрой. Одни немцы там строили. Я плотничал.

У нас обязательно в неделю раз прочитают указ, такого-то или такого-то на 10 лет посадили, таких-то расстреляли. Всё! Припугивали, чтобы никто не шумел.

Я сам раз чуть не попал. Раз после работы, вечером приказ на построение: указ читать. А кто-то из ребят спрашивает: «И что там будет?». Я говорю: «Да какую-нибудь молитву нам прочитают». А начальник колонны сзади шёл и услышал. «Зайдёшь, - говорит, - ко мне после построения». А я не зашёл, и потом, как построение, я всё сзади, чтобы он меня не увидел, чтобы на глаза не попасться. Он и забыл, а потом его перевели. На меня никто не донёс. А ещё ведь и доноски были. За тремя проволоками сидели, но были и комсомольцы, были и коммунисты.

Кормили нас очень плохо, многие померли с голоду, особенно те, которые курили - те последний кусок хлеба прокуривали. Там немало полегло. А хоронили так, в траншеи. Траншеи бригада копала. Утром со всех лагерей соберут - а на Бакале было 16 лагерей - свалят, и бригада хоть до ночи работает, чтобы накрыть, чтобы хоть звери не таскали. На другой день та же история. Охраняли нас украинцы в основном. Три ряда проволоки, по углам стрелки. Утром, при выходе из зоны на работу, считают бригаду, вечером опять считают, когда приходят. Так было до 1944 года, а в 44-м году, к осени, вышки сняли и проволоку сняли, просто забор сделали. Нас уже потом не охраняли. Кормить стали получше. У нас было 700 грамм хлеба, а приварок-то: три листа капусты, три зёрнышка крупы и кусочек рыбы. 700грамм, вроде не мало, но при хорошем приварке, а приварок-то был никудышный. Овсяная каша если была на второе – одна ложка. Так и было: кое-как до

работы дойдут, а с работы уже кого под ручки тащат, кого везут, идти уже не могли. А то и с утра идут в санчасть, и если пониженная температура, он не сможет уже работать. Из дома шли треугольные письма, как фронтовые. Посылок не получал я. Мои сами едва-едва выживали.

После встречал я людей, кто из трудармии в тюрьму попал, но не по политическим, а по хозяйственным делам. Так они говорили, что в тюрьме лучше было.

После войны, уже в 1947 году, началась карточная система. Я получил карточки, продал их, и уехал домой в 47-м, в начале года. Как, всё равно, сбежал из трудармии. Документов на руках никаких не было, если б в дороге поймали, могли бы посадить. А дома комендант заинтересован был, чтобы я там, на месте, работал.

Младший брат с 14 лет на шахтах в г. Карпинске Свердловской области, тоже в трудармии был. Домой после и не вернулся. Как в Карпинске начались сокращения, все потянулись в Кемерово, опять на шахты. И отец в Челябинске в трудармии был, но не вместе со мной. Потом его отправили в Курганскую область совхоз «Сафакулевский». Он был шофёром. Ещё одного младшего брата уже в 1949-м году забрали по повестке в ФЗО (фабрично-заводское обучение) в Караганду, в шахты. 43 года он проработал в шахте.

Вот такой безыскусный рассказ. Но как страшен он бесстрастным свидетельством: «с работы уже кого под ручки тащат, кого везут, идти уже не могли». Как страшен он самим перечислением: я в Челябинске, отец в Курганской области, младший брат в Свердловской, еще один брат в Караганде.

4 июня 2012

«9 мая 1955 г. с режима спецпоселения были сняты члены и кандидаты в члены КПСС со своими семьями. Их среди немцев оказалось около 5 тыс. человек». 14 (См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 32)

Таким образом, к весне 1955 г. от режима спецпоселения были освобождены свыше 500 тыс. советских немцев. В то же время еще свыше 700 тыс. немцев продолжали свою жизнь в условиях спецпоселения».

(«Подготовка и осуществление государственным руководством СССР снятия режима спецпоселения с советских немцев» Л Шумилова, А Герман С. 448 \7-я Международная научная конференция «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг.»)

ВОСПОМИНАНИЯ БЕРНГАРДА ПЕННЕРА

9 мая народы России и стран СНГ торжественно отметили 65-летие Победы советского народа над фашистской Германией. На парады и митинги вышли наравне с молодежью убеленные сединой, в орденах и медалях, ветераны Великой Отечественной войны. Вышли на празднование и труженики тыла, в том числе и немцы-трудармейцы, также отдавшие все свои силы, знания и опыт быстрейшему достижению долгожданного Дня Победы, но уже без орденов и медалей. И не их вина в том, что они не сражались на фронтах Великой Отечественной. По воле сталинского режима им в одночасье был приклеен ярлык шпионов, диверсантов и предателей.

Перед вами воспоминания моего старшего товарища, безвременно ушедшего из жизни, бывшего учителя, пропагандиста и лектора, беззаветно преданного советской Родине и до конца дней своих верившего в идеалы социализма и коммунизма, Пеннера Бориса Георгиевича (Бернгарда Гергардовича).

Итак, воспоминания

Мой дед по матери Бернгардт Шеленберг поселился в селе Ребровка в 20 верстах от г. Павлодара вместе с другими поселенцами из Екатеринославской губернии в 1909 году. Он имел большой саманный дом с хлевом и сараем под одной крышей. В хлеве стояло от 12 до 15 рабочих лошадей и 13 дойных коров, молодняк лошадей и крупнорогатого скота, а также свиньи, овцы и птицы.

Ежегодно дедушка засевал от 50 до 60 десятин земли. Все хозяйство содержал сам со своими дочерьми, которых у него было семь: Екатерина, Анна, Мария, Зара, Елена, Елизавета, Зузанна. Они выполняли всю мужскую работу в хозяйстве. Был у дедушки и сын Бернгард, который еще до переселения в Сибирь женился на Украине и остался там.

О дедушке (Иване Пеннере) со стороны отца я практически ничего не знаю, так как он с семьей жил где-то в другой местности, и умерли они с бабушкой еще до моего появления на свет божий. Не помню, чтобы отец когда-нибудь что-то рассказывал о них. Может, это потому, что он с шестнадцати лет не жил с ними. Но сестер и братьев отца я знаю. Это: Зузанна, Иван, Гергард (мой отец), Вильгельм и Генрих.

Дедушка Иван дал всем своим сыновьям коммерческое образование. Однако, никто из его детей в коммерцию не пошел. Дядя Иван стал шорником и печником, отец (25 ноября 1885 г. рождения) после окончания коммерческой школы устроился кузнецом в кузнечный цех на фабрике «Нейман», где выпускали разные сельхозмашины того времени, и уже к 20 годам стал мастером кузнечного дела на фабрике. Дядя Вильгельм стал бухгалтером, а дядя Генрих - мельником.

ведущим мельницей у Генриха Бальцера в селе Ребровка, где он встретил и в 1913 году женился на Анне Шеленберг. Здесь, в Ребровке, в 1914 году родился мой старший

Дедушка Иван с бабушкой жили в одном из сел Екатеринославской губернии и занимались земледелием. Были они не из бедных, но земли имели мало, и деду негде было развернуться, поэтому он все распродал, что имел, и всей семьей подался в Сибирь.

В течение зимы 1911-1912 года все дяди и тети один за другим оставили родительский дом в поисках работы по специальности. Отец устроился машинистом и одновременно за-

брат Гергард, а 10 февраля 1916 года родился я. Здесь же появились на свет и мои сестры: Анна, Мария, Елена и Катя (умерла в младенчестве).

Страшный голод 1932-1933 годов вынудил отца податься на поиски работы, чтобы хоть как-то прокормить семью. Попрошавшись с нами, отец отправился в Немецкий район Западно-Сибирского (ныне Алтайского) края. Его принял председатель колхоза «Труд» (село Полевое) Нахтигал Петр Петрович. В этом колхозе отец устроился кузнецом. За нами он приехал 13 августа 1933 года, и мы всей семьей переехали в село Полевое. Я начал работать в колхозе «Труд» разнорабочим.

Зимой 1933-1934 года начальником политотдела Орловской МТС был назначен Кугель. Его супруга, Альтманн, ездила с ним по селам, собирала молодежь и проводила с ней беседы. Побывала она и в нашем селе. Ей сообщили, что я имею семь классов образования (фактически я закончил только шесть классов), она заинтересовалась мной. Я стал комсомольцем, чем очень гордился, и активно включился в общественную работу: был агитатором в полеводческой бригаде, где сам работал, а в обеденный перерыв, три раза в неделю, я учил пожилых людей в Красном уголке читать и писать и четырем арифметическим действиям. Было их около десяти человек, но особенно запомнились супруги Нейфельдт и Соколовы. Они охотно учились и аккуратно посещали занятия.

Осенью меня назначили заведующим Красным уголком. Это была общественная нагрузка, так как я работал почтальоном и ночным сторожем у амбаров. Школы в селе не было, ученики начальных классов обучались в селе Протасове. Поэтому вся агитационно-массовая работа возлагалась на комсомольский актив. Правление колхоза купило для нас гармошку, и молодежь, не только нашего села, но и села Дягилевка, по вечерам охотно приходила в Красный уголок потанцевать. Кроме танцев проводились читки газет, политбеседы и работала художественная самодеятельность. Помню, как мы готовили спектакль по пьесе Ф.Шекспира «Разбойники», который хорошо приняли односельчане. Главную роль, Карла Моора, сыграл наш ровесник Исаак Гармс, ставший впоследствии одним из активнейших деятелей меннонитско-баптистского движения Славгородской группы районов, за что в 1952 году был приговорен Алтайским краевым судом к 25 годам заключения в исправительно-трудовой колонии.

1934-й год выдался урожайным, и наше материальное положение значительно улучшилось. Так прошли 1934-й и 1935-й годы. Летом, как и все, я работал в поле, комсомольские дела выполнял в обеденный перерыв на культстане, а вечером в Красном уголке. Осенью, после уборки урожая, работа в Красном уголке становилась моей основной обязанностью.

В феврале 1936-го года РК ВЛКСМ направил меня в районный центр Гальбштадт на двухмесячные курсы избачей, по окончании которых районо назначил меня заведующим клубом при Орловской МТС, а уже в августе этого же года райком комсомола направил меня на учебу в

Томскую школу политпросветработников.

В политпросветшколу принимали только по рекомендации райкомов партии или комсомола, с образованием не ниже семи классов. У меня же было только шесть классов образования, и я с натяжкой (с помощью других студентов) сдал вступительные экзамены и был принят условно. Через три месяца я уже получал повышенную стипендию, так как легко усваивал изучаемый материал. Учебный год прошел благополучно. Жили мы семеро в одной комнате и были между собой как родные братья: один за всех и все за одного. Когда кончались деньги, мы все вместе ходили на речной причал подзаработать. Там всегда было много работы. Часто работники пристани сами обращались к нам за помощью и рассчитывались с нами сразу после окончания работы.

Летом 1937 года мы все поехали домой на каникулы, но жить два месяца на иждивении родителей я не хотел и обратился в РК ВЛКСМ с просьбой устроить меня на работу. Мне предложили на месяц место ответственного секретаря районной газеты «Роте Фане», которая издавалась в Гальбштадте. Я быстро освоил обязанности секретаря и проработал там полтора месяца, так как секретарь, после выхода из отпуска, был еще 15 дней в командировке. Остальное время каникул я провел дома.

В конце августа я отправился в Томск на учебу. Когда я прибыл в школу, меня вызвал директор и заявил, что у него есть указание не допускать меня к занятиям, пока я не предъявлю доказательства, что в нашей семье все благополучно и что у нас нет родственников за границей.

РЕМАРКА

Дело в том, что после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), рассмотревшего вопрос о так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке» во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским, в стране процветали всеобщая подозрительность и шпиономания. В каждом человеке, особенно если он имел родственников за границей или был «нацменом», видели потенциального диверсанта или шпиона, вредителя или саботажника, и, чтобы себя хоть как-то обезопасить от «врагов народа», руководители предпринимали упреждающие меры. Как в данном случае.

Как я мог это доказать? По рекомендации директора я поехал в Новосибирск в крайком ВЛКСМ. В крайкоме по телефону связались с секретарем РК ВЛКСМ Немецкого района. Поговорив с ним, мне выдали справку о том, что в семье все благополучно и что я могу быть допущен к занятиям. Через несколько дней и из Гальбштадта пришла такая же справка, и меня допустили к занятиям. Друзья мое место в комнате никому не отдали, и я продолжал жить с ними. Больше у меня в школе ЧП не было. Я был направлен пропагандистом на

лесопильный завод, аккуратно выполнял свои обязанности и прилежно учился. Практику я проходил в Тяжинском районе, а после нее сдал все экзамены.

После окончания школы в 1938 году я был направлен наркоматом просвещения на политпросветработу в Алтайский край. Крайоно направил меня в Хабаровский район. Там встретили меня скептически. Оно и неудивительно. Шли годы репрессий. Под особым подозрением находились «нацмены», как тогда презрительно называли национальные меньшинства. По моему образованию места не обещали, а назначили уполномоченным по подготовке и проведению уборки урожая в Плесо-Курью. Я и сам понимал, что я немец и мне политическую работу не доверят. Как бы я ни старался, ко мне будут относиться с недоверием, поэтому я подал заявление с просьбой перевести меня на учительскую работу. Я хорошо знал историю, но меня назначили преподавателем немецкого языка в Зятьково-Реченскую неполную среднюю школу. В школе встретили меня хорошо. Там был очень дружный молодой коллектив, и при помощи завуча Леонтия Федоровича Черкашина я быстро втянулся в свою новую работу и до ухода на пенсию остался верен учительскому труду. Наряду с немецким языком я преподавал и древнюю историю. В феврале 1941 года меня назначили директором школы. Здесь никто и никогда не упрекал меня в том, что я немец, но в июне началась война, а вместе с ней началось и недоверие к немцам вообще, и ко мне в частности. В июле я еще получил премию за хорошую подготовку школы к новому учебному году, хотя справедливости ради надо сказать, что это была не столько моя заслуга, как заслуга нашего завхоза Алексея Даниловича Ермакова. В середине августа меня вызвали в райком комсомола и объявили, что меня не утвердили директором школы на новый учебный год. Я этого подспудно ожидал. Меня перевели преподавателем немецкого языка в Хабаровскую среднюю школу.

В Зятьковой Речке я всем сердцем полюбил молодую учительницу Екатерину Николаевну Кулешову. Но, когда я появился у нее дома, ее мать и старший брат выгнали меня. Катя вцепилась в меня и слезно просила разрешить нам пожениться, но мать с братом оторвали ее от меня и закрыли в комнате, а мне пригрозили, что убьют, если я еще раз осмелюсь явиться к ним. На следующее воскресенье ее насильно выдали замуж за местного парня Суркова - необтесанного болвана, но русского.

В Хабаровске я познакомился с учительницей Еленой Яковлевной Регер. Через короткое время мы вступили в брак. А Катя, тяжело переживая случившееся, начала чахнуть и вскоре умерла. Я, кажется, и Лену горячо полюбил, но где-то в уголке сердца затаилась любовь к Кате и до сих пор не освобождает его. На первых порах и Лена отвечала мне взаимной любовью. Мы были счастливы.

Еще в Зятьковой Речке, когда ушел на фронт учитель Николай Артемьевич Чичев, я

обратился в военкомат с просьбой отправить на фронт и меня, показав свои значки ГТО, ПВХО, ТСО и ВС. Мне ответили, что я не служил в армии и меня возьмут в последнюю очередь. Это была просто отговорка, ведь другие учителя тоже не служили в армии, а на фронт были отправлены. В Хабаровской школе работали одни престарелые мужчины. Я был один среди них молодой и здоровый. Меня это угнетало. И, когда две молодые учительницы обратились в военкомат с просьбой отправить их в качестве санитарок на фронт, я снова обратился в военкомат с настоятельной просьбой отправить меня на фронт. Мне пообещали выполнить мою просьбу.

Прошло несколько месяцев ожидания поветки, но меня не вызывали. В ноябре 1941 года Лена забеременела и молила Бога, чтобы меня оставили дома. Я тоже успокоился и не говорил больше о призыве в армию. Так прошло еще несколько месяцев. 23 марта 1942 года мне принесли повестку. На следующий день я должен был явиться в военкомат с вещами. Нас отправили на комиссию. Секретарь райкома партии по идеологии Сердюк задал мне вопрос о том, как я отношусь к тому, что я, как немец, буду воевать против немцев? Я ответил, что буду воевать не против немцев в целом, а против фашизма. Он одобрил ответ, и меня отправили в г.Славгород с другими призывниками. Прощание с молодой женой было тяжелым, но внутренне я был доволен. В Славгородском объединенном военкомате меня вызвали в какой-то кабинет и заявили, что по приказу Сталина меня, как немца, они не имеют права отправить на фронт. Я еще раз убедился, что сталинская Конституция и коммунистическая пропаганда - это одно, а действительность - это совершенно другое. Меня, вместе с другими немцами и в другом эшелоне, отправили в трудармию. Началась новая полоса в моей жизни, полоса унижений, оскорблений, голода и холода. У нас отобрали паспорта, партийные и комсомольские билеты, и мы оказались людьми без роду и племени.

Нас везли в красных вагонах (в народе их называют телячьими), в которых были двухэтажные нары и стояла железная печка-буржуйка. Везли нас на запад, но куда - не говорили. В конце концов мы выгрузились в городе Ульяновске, где задержались на два дня. За это время я успел побывать в дом-музее В.И. Ленина. На третий день рано утром нас выстроили, велели мешки с продуктами положить на сани, а самих отправили пешком. Сани поехали в обход через мост, а мы пошли напрямую. Дошли мы до притока Волги Свияги, а там лед еще держался, но снег на льду уже растаял - это было 12 апреля 1942 года. Нам дали команду «Вперед!», и мы пошли. Местами вода была выше колен, а под ногами - гладкий лед. Мы шли медленно и осторожно. Многие, в том числе и я, на сани положили только продукты, а запасное белье оставили при себе. На другом берегу мы переоделись и

переобулись в сухое и продолжили путь. После обеда пришли в село Карлинск, где нас распределили на первое время по квартирам, а оставшихся поселили за селом в палатках.

На другой день группу трудармейцев, в том числе и меня, отправили за 25 километров от села за лесоматериалом. Несколько дней мы на себе тащили этот лесоматериал в лагерь. Утром рано уходили туда, а поздно вечером возвращались обратно. Другие в это время из этого материала изготавливали тачки, держак к лопатам и т.п. Потом в лесу осталась небольшая бригада и несколько человек в мастерской под открытым небом, а всех остальных отвели на трассу и показали вбитые в землю колышки, где должно быть проложено железнодорожное полотно. Так началось строительство железной дороги Сызрань-Ульяновск-Казань. Нас разделили на бригады по тридцать человек. Я попал в 33-ю бригаду. Норма выработки на человека в день была такой: 12 кубометров земли выкопать, нагрузить на тачку, отвезти на трассу и разровнять ее там.

Эта норма рассчитана на здорового, сильного человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. И, естественно, чтобы эту норму выполнить, нужно хорошо питаться. Нас же кормили очень скудно, и тяжелая физическая работа изматывала силы. Наивысшая норма питания - 1-й котел. По первому котлу выдавалось 800 граммов хлеба. Хлеб сырой, со всякими добавками и малокалорийный. А суп, который нам давали, был «пустой», в нем плавало несколько крупинок и кусочек турнепса. Трудармейцы презрительно называли его «баландой». Чтобы получить питание из первого котла, надо было норму выполнить на 125 процентов. Второй котел, рассчитанный на тех, кто норму выполнял на 100%, состоял из гораздо меньшего количества продуктов и 600 граммов хлеба. За невыполнение плана на 100% полагался 3-й котел. Это был котел для доходяг и умирающих - черпак баланды и 400 граммов хлеба в сутки. О какой производительности труда могла идти речь при таком питании?! Трудармейцы старались, но норму выполняли лишь немногие.

Был среди нас один здоровый «верзила», но слабоумный. Проработав несколько дней, он заявил, что при таком питании он работать больше не будет, и на другой день не вышел на работу. Его в тот же день застрелили. Люди умирали, как мухи. Многие разбивались на подъеме с груженной тачкой по мокрой доске на высоту в четыре, шесть и даже восемь метров. Другие умирали от постоянного недоедания, изнурительного труда и нечеловеческих условий проживания.

Через неделю после приезда мы, несколько комсомольцев, обратились в штаб с вопросом о создании в отряде комсомольской организации. Это вызвало у начальства взрыв хохота. Нам отказали и посоветовали подождать, пока подойдет «Адольф». Так нам в очередной раз указали, кто мы сейчас такие. На наш второй вопрос по поводу адреса нам ответили: «Волга,

лагерь НКВД и номер вашей бригады». Наши возмущения по поводу того, что мы находимся в лагере НКВД, также вызвали смех и новые издевательские насмешки над нами. Вскоре нас всех переселили в палаточный лагерь за селом, который уже был обнесен колючей проволокой, по углам лагеря стояли вышки, на которых днем и ночью находились охранники с автоматами. Выводили нас из лагеря на работу и вечером приводили назад по счету, как заключенных. От такого морального унижения и оскорбления человеческого достоинства наш комсомольский задор и энтузиазм значительно снизились.

Начальником лагеря был некий Блинов, а начальником охраны - Воробьев. Все охранники - русские, демобилизованные по инвалидности солдаты. Заместителем начальника лагеря по политической работе был назначен бывший капитан Кунстман, а заместителем начальника по труду - бывший лейтенант Гофман. Это были не люди, а изверги и карьеристы, готовые за свою должность и власть, за лишний кусок хлеба горло перегрызть любому. Особенно ненавидели мы Воробьева и Гофмана, которые, как мы потом узнали, присвоили для себя и другого лагерного начальства все продукты, которые выдали для нас в Славгороде на время пути до Ульяновска. В дороге мы ели свои домашние продукты, так как не знали о существовании общественных, из-за чего довольно часто голодали.

Среди нас, трудармейцев, были и малолетки - юноши от 15 до 17 лет. Мальчишек выделили в отдельную бригаду и назначили им в бригадиры юношу, прошедшего, как говорится, «Крым, рым и медные трубы». За свою бригаду он стоял горой, и малолетки его уважали. И вот однажды произошёл такой случай. В один из летних вечеров, когда рабочий день (16 часов) подходил к концу, как всегда появился Гофман и громогласно объявил, что рабочий день будет удлинён на два часа. Мы все, уставшие и голодные, притихли, но не посмели ему возразить. Тогда бригадир малолеток приблизился к нему со штыковой лопатой и одним ударом размозжил ему череп. Здесь же его труп бросили в одну из многочисленных ям и зарыли его. Я не помню, чтобы по этому случаю велось какое-то следствие. Мы в 22 часа, как было принято, пошли домой, а утром опять в 6 часов начали работать. В тот же вечер «исчез» и Воробьев.

Однажды мы шли строем в лагерь. Охрана хотела нас повести в обход села Карлинск, что удлинит наш путь на 2 километра, но передняя бригада не подчинилась команде, и мы все пошли по селу. Как только мы вошли в село, кто-то во весь голос запел песню «Болотные солдаты», и весь строй в несколько тысяч человек поддержал певца. Команды и крики охраны не смогли остановить песню. Вечером из лагеря увели трех человек. Их мы больше не видели.

К юбилею, 25-летию Октябрьской революции, то есть к 7 ноября 1942 года, дорога

была построена и сдана в эксплуатацию. Нас распределили по другим лагерям. Я попал в г.Копейск Челябинской области, забойщиком в шахту №4-6.

Поместили нас в бараках, сколоченных на скорую руку из теса, которые даже от ветра плохо защищали, а уж от мороза и вовсе не защищали. Но зимою мы стены обложили снегом, в бараке приспособили железную бочку и топили ее углем, который тайно приносили с шахты. Однако кормили здесь лучше. Кто выполнял норму, 25 тонн угля в смену, получал один килограмм хлеба в день и два раза в день горячее питание - суп-кашу. Несмотря на это, наши товарищи умирали. Натопим вечером бочку, в бараке становится тепло, одежда подсыхает, и мы укладываемся на нарах спать. Но бочка быстро остывала, и к утру наша одежда примерзала к нарам. Вместе с воздухом остывали и истощенные тела многих трудармейцев, которые уже больше не поднимались. Утром их укладывали на сани и увозили в общую яму. Никому домой не сообщали о смерти мужа, отца, сына.

Полгода моего пребывания в Копейске полны событий и трагедий. Если все описать, получится солидный роман, который никогда не будет напечатан. Хочется все это забыть, но не получается. Особенно крепко застряли в памяти случаи, когда я сам стоял на грани смерти. Опишу лишь один из них.

Как-то поздно вечером мы поднялись из шахты и стояли в очереди в столовой за получением своей дневной нормы питания. Получали мы ее один раз в сутки после смены. Супи кусочек хлеба съедали, кашу оставляли на завтрак перед сменой, а второй кусочек хлеба брали с собой в шахту на обед. Уже подошла моя очередь, когда в столовую зашла другая бригада, и начальник участка отстранил нас и приказал накормить сначала их. Я совершенно спокойно спросил, почему он так делает. Он гневно посмотрел на меня, но ничего не сказал. В это время к нам подошел заведующий столовой и назвал меня фашистской собакой. Я, не помня себя, всей силой обрушился на него, сбил с ног и стал его бить ногами. Мои товарищи, увидев это, оттащили меня в темный угол столовой, сняли с меня учительское пальто и шапку-кубанку, а вместо них надели на меня в фуфайку (телогрейку) и шапку-ушанку и отправили в свой барак. Там я рассказал всю эту историю коменданту, и он тут же заставил парикмахера остричь и побрить меня. Только парикмахер закончил свою работу, как в барак ворвались охранники и один из свидетелей, который был в столовой и видел весь скандал. Никто из товарищей не выдал меня, а охранники меня не опознали. Больше мы этого заведующего столовой не видели. Подобные инциденты были у меня и с десятником в шахте, на которого я наставил отбойный молоток, и с вахтером на воротах нашего лагеря. Все это следовало бы забыть, но лагерная жизнь цепко держится в памяти вопреки моей воле.

В марте 1943 года я попал под обвал в шахте, вследствие чего кисть правой руки была искалечена. В конце марта меня отправили домой. Домой я приехал 12 апреля 1943 года. Так закончилась моя трудармейская жизнь.

Жена, дочка и теща жили в Протасове Знаменского района, где Лена работала учительницей начальных классов. Я приехал к ним и стал готовить учеников 4-го класса к экзаменам. Лето мы прожили в Протасове, а в августе и я, и Лена были назначены в Малышевскую начальную школу, где учились и дети из села Колчановка, поэтому требовалось два учителя.

Весной 1944 года в селе Красный Дол открылся межколхозный детский дом, так как в немецких селах Знаменского района было много детей-сирот, родители которых или умерли, или находились в трудармии, а колхозы не знали, как быть с детьми. Государство, кроме зарплаты директору, завучу, воспитателям и медсестре, никаких средств на содержание детского дома не выделяло. Все продукты и другие жизненно необходимые средства должны были поставлять колхозы пропорционально количеству детей, отправленных в детдом. Одежду и постельные принадлежности дети имели свои. Некоторых из них привозили вместе с коровами, оставшимися от родителей.

Под детский дом выделили бывший интернат Краснодарской семилетней школы, состоящий из четырех комнат. Директором детдома назначили заведующего Барской начальной школой Фота Якова Ивановича, заведующим учебной частью - меня. Воспитателями были девушки с семилетним образованием, а медсестрой - Дайнеко, прошедшая кратко-срочные курсы медсестер.

Прежде всего, мы отремонтировали дом и привели его в надлежащий вид. Затем в двух комнатах установили двухъярусные нары. В меньшей комнате сложили печь с плитой, чтобы можно было варить и печь хлеб. Столы, скамейки и табуретки должны были привезти колхозы. Четвертую комнату выделили под столовую. В ней же отвели угол под медпункт, а в другом углу стоял стол бухгалтера. Так как отдельного бухгалтера у нас не было, мне предложили эту должность по совместительству.

В середине июля 1944 года мы начали принимать детей. Некоторые, даже не очень большие, поселки, привозили нам по 15-17 ребят. За короткий срок набралось около ста детей. Все они были в лохмотьях, лохмотьями были и их постельные принадлежности. Продуктов колхозы привозили мизерную долю из необходимых, и их не хватало до нового урожая.

Мы были вынуждены прекратить прием детей и обратились в райком партии, райисполком и районо с просьбой о помощи. Все обещали посодействовать, заставить председателей колхозов увеличить количество привозимых продуктов, но чем могли помочь колхозы, когда их закрома были пустыми. Мы с директором ездили по селам и кланчили продукты (другим

словом это не назовешь), а воспитательницы водили детей на сбор разных дикорастущих трав, корней, грибов и ягод, чтобы хоть как-то накормить их. Кое-как мы дотянули до свежего хлеба и картошки. Питание несколько улучшилось, но встал вопрос: в чем отправить ребят в школу. К тому же школа не в состоянии была принять такое большое количество детей из-за малых размеров. Не хватало и учителей. Приходилось воспитательницам заниматься с воспитанниками по очереди в столовой.

В октябре 1944 года в детдоме вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Заболел и я, а следом - и директор детдома. Лежали мы вместе в Орловской участковой больнице. Я.И. Фот умер, а я после выздоровления вернулся на работу. Из детей никто не умер. Новым директором был назначен Иван Трофимович Чухрай.

Район нам стал выделять разные крупы, масло, мясо, сахар, иногда немного муки, но - никакой одежды, обуви и постельных принадлежностей. Хоть и бедно, но прожили мы зиму и лето 1945 г.

Весной мы посадили свой детдомовский огород. Но приближалась зима, а дети все в тех же лохмотьях. Мы неоднократно ставили этот вопрос в райкоме ВКП(б) и райисполкоме. Нам обещали помочь, но сдвигов не было. И тогда я решился (по тем временам на смелый поступок, - А.Фаст) написать письмо государственному «старосте» М.И.Калинину. Где-то в конце октября или в начале ноября в райком ВКП(б) для объяснений были вызваны секретарь райкома партии Голованов, председатель райисполкома Ночевной, прокурор района Есипенко и я.

Меня на бюро крайкома слушали всего несколько минут и отправили в крайОНО (краевой отдел народного образования). Какую беседу провели с районным руководством, я не знаю. Мне же в край-ОНО выдали полный «студебекер» одежды, обуви и постельных принадлежностей. Наш детдом был взят на государственное обеспечение. Мы были рады за детей, которые зажили полной жизнью. Но радость Чухрая и моя длилась недолго. Вероятно, Голованову, Ночевному и Есипенко в крайкоме партии вынесли по строгому выговору за невнимательное отношение к нашему детдому, и они решили нам отомстить. При передаче всего мной привезенного из Барнаула имущества не доставало одной пары детских калош, одной матрасовки и пачки (10 пар) детских носков. Куда они могли деться, я до сих пор не знаю. К тому же Чухрай решил мне взять на дорогу 10 кг хлеба и 1 кг сливочного масла.

Из-за этой недостачи и взятого мной хлеба и масла завели уголовное дело, и началось следствие. Я обещал продать корову и возместить детдому ущерб, но мне запретили это делать. К.Т. Чухрай был сразу снят с работы, а меня пока не тревожили. Новым директором был назначен Яков Дмитриевич Бублей. Я еще успел составить годовой отчет и смету на 1946 год. В феврале 1946 года меня сняли с

работы и отдали под суд. Суд состоялся тоже в феврале. Судья Корнейчук выслушала Чухрая и меня и не знала, как быть дальше. Она прервала заседание суда и пошла в райком партии за советом. Когда она вернулась из райкома, был вынесен приговор: И.Т. Чухраю - 5 лет исправительно-трудовых лагерей, мне - 3 года. После этого она вызвала милицию, которая взяла нас под стражу и увела в КПЗ.

Восемь месяцев я отсидел в Славгородской тюрьме - был воспитателем в камере малолеток. Восемь месяцев - бухгалтером материальной части в Рубцовском лагере. Остальные 20 месяцев я отсидел в Алтайске. Там я четыре месяца был счетоводом в подсобном хозяйстве (недалеко от села Сорокино) и 16 месяцев - учителем вечерней школы в лагере и воспитателем в бараке усиленного режима. С блатной братией я еще в Славгороде в общей камере нашел общий язык. Я знал много романов, особенно детективных, и они со вниманием слушали, когда я им рассказывал их содержание. Благодаря детективным романам я и в камере малолеток быстро завладел вниманием подростков. Рассказывал я не только детективы. С них я начинал и постепенно переходил на трагедии, на исторические, а затем и на революционные темы. Книгу А.Островского «Как закалялась сталь» мы не только читали, но и обсуждали. Почти все блатные имели от 2-х до 3-х классов образования и с большим интересом учились в вечерней школе. Начальнику лагеря я сразу заявил, что воспитывать их буду по мере возможности и выдавать их проделки не стану (и не выдавал). За все это заключенные меня уважали, и никто никогда не обидел, а когда я освободился, даже подарки на память дарили. Лагерное начальство выдало мне хорошую характеристику, но домой, как тогда было положено, отправили под конвоем. Просто так немцев не отпускали, они относились к категории «врагов народа» и должны были стоять на спецучете, а не свободно разъезжать по стране.

Еще находясь в Славгородской тюрьме, я узнал, что Лена мне изменяет, а когда меня перевели в Рубцовскую тюрьму, она мне написала, что нашла себе нового мужа, и просила оставить ее и дочку в покое. Я так и сделал, хотя очень любил свою дочь. Вернулся я из тюрьмы домой, к сожалению, не к жене и дочке, а к родителям, 8-го марта 1949 года.

За лето я выстроил родителям дом. В конце августа они переехали в этот дом, а я получил направление в Краснодарскую неполную среднюю школу (НСШ) учителем немецкого языка. Директором школы был Цыганков, очень образованный и пользующийся всеобщим уважением человек, после его перевода директором школы стал Гайков - инвалид первой группы Великой Отечественной войны. В 1950 году он умер. После него директором школы был назначен Василий Николаевич Рубан - малограмотный, некультурный мужик. Но он проработал недолго и был снят с работы. В 1952 году директором стал Сергей Иванович

Пикуль, закончивший вечернюю среднюю школу. Он знал русский язык примерно за пятый класс и больше ничего, но зато проявлял сверхбдительность. Я был пропагандистом и каждый понедельник проводил политзанятия с молодежью сел Красный Дол и Никольское. Пикуль обычно присутствовал. На одном из занятий Андрей Богданович Франк, бригадир полеводческой бригады села Никольское, задал мне вопрос: «Вы всегда говорите, что Сталин - это Ленин сегодня. А скажите, пожалуйста, если бы Ленин был жив, было бы все так, как сейчас есть, или что-то было бы по-другому?»

Я ему ответил, что у каждого человека своя стратегия и тактика, что Сталин ведет страну по ленинскому пути, но он не Ленин, а Сталин. Я на конкретных примерах подробно разъяснил идеи Ленина. В тот день Пикуль мне ничего не сказал. На другой день вечером срочно был созван педсовет, на который пригласили председателя райисполкома Шумакова, секретаря райкома партии по идеологии Д. Яскажука и заведующего райОНО Брусник. Никто не знал, что к чему. Слово предоставили Пикуль, который рассказал о том вопросе Франка и моем ответе и еще добавил, что на уроках истории я не говорю «немецкие фашисты», а просто «фашисты», и еще всякую другую чепуху. После его выступления Шумаков предоставил слово мне.

Я подтвердил свой ответ и хотел сослаться на первоисточники, но он меня остановил и сказал, что им эти источники известны. На этом дело закончилось. Пикуля это не устраивало, и он еще дважды пытался опозорить меня перед райкомом и райисполкомом, но тщетно. Его остановило бюро райкома ВКП(б), предупредив, что в случае продолжения «травли учителя» он будет уволен. Осенью 1956 года школа, как семилетка, была переведена в Протасово. Я остался работать в Красном Доле заведующим и учителем начальной школы. Летом 1967 года меня перевели учителем немецкого языка в Протасовскую восьмилетнюю школу, в которой я и проработал до 1978 года, то есть до ухода на пенсию.

В 1960 году меня приняли кандидатом, а в 1961 году в члены КПСС. Несмотря на все то, что мне пришлось пережить, идеи Маркса-Энгельса-Ленина вошли в мою плоть и кровь и им я останусь верен до конца моей жизни. Поэтому, став членом Ленинской партии, я старался оправдать высокое звание коммуниста. С 1950 года по 1976 год я был бессменным пропагандистом в сети партийного просвещения. С 1954 года по 1968 год был депутатом Полевского сельского Совета. Четыре года я выполнял обязанности народного контролера, председателя товарищеского суда и народного заседателя Хабаровского народного суда. В школе был профоргом, затем партгруппоргом. Многие годы руководил обществом «Знание» и был постоянным лектором этого общества. Кроме того, регулярно выполнял разовые партийные поручения.

Мой общий трудовой стаж начинается в 1932 году, хотя я работал и до этого, и заканчивается в 1978 году. Прекратил я работу по семейным обстоятельствам. Всю свою жизнь я очень любил детей и всегда с радостью заходил к ним в класс, чтобы научить их тому, чего они еще не знали, чтобы возбудить интерес к знаниям, чувство добропорядочности, патриотизма, интернационализма и, особенно, любви к своей Родине.

Моими любимыми предметами были история, география и литература, ибо без знаний литературы и географии человек не может до конца понять историю. В 1962 году, закончив три курса исторического факультета Барнаульского педагогического института, по просьбе райОНО, я перевелся на факультет иностранного языка, выбрав профессию учителя немецкого языка и немецкой литературы. С 1967 года и до ухода на пенсию преподавал немецкий язык в своей школе, как родной, и родную литературу.

За 34 года непосредственной работы в школе меня неоднократно награждали Почетными и Похвальными грамотами, в том числе и республиканского, и краевого значения. Правда, орденов и медалей, кроме медали «Ветеран труда», не имею. Однако, самой большой и весомой наградой для меня было доверие и уважение родителей, учеников и коллектива учителей, односельчан. Скучно жить без школы. Благо моя квартира находится напротив школы, где зимой и летом всегда полно детей. Я всегда имею возможность наблюдать за их веселыми и радостными играми, и на сердце становится веселей. Счастливое и радостное у них детство. Мое было не таким.

Радует сердце и то, что дети мои и внуки, кроме дочери Светланы, которая уже в 27 лет заболела и стала инвалидом второй группы, счастливы. Старшая дочь Герда работает учительницей, у нее двое сыновей, Евгений и Андрей. Сын Валентин работает инженером связи в Хабаровском районе. Сын Валерий - инженер связи в речном порту в Томской области. Все они нашли свое место в жизни, довольны избранной ими профессией и семейным счастьем. У Валентина два сына, Владимир и Александр, у Валерия - один, Андрей. Таким образом, у меня пока одни внуки, но надеюсь, будут и внучки

... На этом воспоминания обрываются. 11 июля 1991 года Бориса Георгиевича не стало. Проводить его в последний путь пришли не только родственники и близкие, но и коллеги по работе, учащиеся, бывшие ученики, жители Протасова и близлежащих сел, представители райОНО и органов власти, добрую и светлую память оставил о себе этот замечательный человек.

Воспитанник Краснодольского детского дома Петр Иванович Берг вспоминает, с каким трепетом и волнением они всегда ждали прихода Бориса Георгиевича в класс или комнату, слушали его интересные и увлекательные рассказы. Он пишет, что Б.Г. Пеннер

был требовательным и строгим учителем и воспитателем, но справедливым. Такие же теплые воспоминания о своем учителе и друге остались у Елены Зиберт, бывшего библиотекаря села Красный Дол.

Бывшая учительница начальных классов Анастасия Ювменовна Фащевская вспоминает, как она и другие молодые учителя прилегающих к Красному Долу сел во второй половине 50-х годов прошлого столетия ходили к Б.Г. Пеннеру за советами и перенимали опыт его работы.

Учились у него и мы, молодые в то время пропагандисты и лекторы 60-х и 70-х годов. Пройдя через трудармию, с ее непомерно тяжелым физическим трудом, вытерпев все унижения и оскорбления, выпавшие на долю немца-трудармейца, отсидев в лагере 3 года, за несовершенно преступление, он не сломался и не озлобился. Он по-прежнему любил свою родину - Великий Советский Союз.

Работая учителем, пропагандистом и лектором, Борис Георгиевич рассказывал людям правду жизни, какой бы горькой она порой

ни была. Он твердо верил, что трагедия, постигшая немцев в 30-х - 40-х годах прошлого века, больше никогда не повторится.

Может, воспоминания Б.Г.Пеннера, как и воспоминания других немцев, переживших трагедию сороковых - пятидесятих годов прошлого столетия, помогут молодому поколению гордиться, а не стыдиться того, что они потомки немцев, хранить память о предках, дорожить этой памятью и когда-нибудь вернуться к родному языку, быть достойными представителями своей нации.

Публикуя «Воспоминания», я хочу показать и то, что, не взирая на трудармию, ссылку, перенесенные моральные унижения, представители старшего поколения сумели остаться людьми. Страдания только закалили их. Они не только выжили сами, но и сумели вырастить и совсем неплохо воспитать нас, дать нам образование. Помогли молодому поколению стать настоящими людьми и патриотами своей страны. Спасибо им за это!

«Новое время», газета Немецкого Национального района Алтайского края

БРУНО АЛЬБЕРТОВИЧ РУТИНГ

Мой отец, Рутинг Бруно Альбертович, родился 23 января 1914 г. в Петербурге. Отец его – Рутинг Альберт Мартинович, латыш, приехал в 1906 г. из Митавы. До революции – коммерческий директор картонажной фабрики «Фридрих Кан», в 1938 г. бухгалтер Текстильного института, умер в 1955 г. в Ленинграде. Мать – Берта Эдмундовна Рутинг, немка из Риги, дочь владельца фабрики, умерла в 1934 г. Сестра – Вера Альбертовна Рутинг, 1916 г. рождения, моя тётя, была репрессирована и всю жизнь с 1945 г. прожила в Таджикистане; её муж Гейзер Роберт в 1941–48 гг. находился в трудармии на Урале, и семье в 1945 г. отказали во въезде в Ленинград. С 1995 г. тётя живёт с детьми в Берлине.

По окончании школы в 1931 г. отец начал работать в Гипроводе, а по окончании Топографических курсов с 5 мая 1932 г. работал на заводе 208 им. Коминтерна в качестве радиомонтёра, техника, старшего техника. В 1936 г. окончил Энерготехникум и учился заочно на втором курсе Института связи. В 1937 г. был переведён в Институт радиовещательного приёма и акустики на должность инженера радио и проработал до 5 января 1938 г., когда был уволен по сокращению кадров. С 15 февраля 1938 г. работал в Институте киноинженеров старшим техником лаборатории акустики.

Тётушка Вера говорит, что Бруно «стоял у истоков телевидения». Он был умница, одер-

жимый знаниями, он много учился и работал. Стал мужем и отцом. Я родилась 29 июля 1937 г., но своего отца не запомнила. В деле отца есть строка: «дочь Алла Бруновна – 71/2 месяцев». В доме не было его фотографий.

В 1945 г. меня удочерил Шведов Николай Николаевич, муж мамы. В 12 лет меня стало остро волновать моё происхождение. Жив был дед Альберт, я с ним общалась; он не переставая запрашивал все инстанции о судьбе сына; все ответы возвращались в Большой дом, а оттуда молчание; дед умер в 1955 г. от рака – это был результат постоянной тревоги и стресса.

В 1958 г. мы получили справку: реабилитирован из-за отсутствия виновности; умер в 1943 г.; диагноз «хроническая дизентерия». После прочтения повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» со мной был шок, я много плакала.

Получив в 1995 г. справку пострадавшей от репрессий, я узнала о «ВМН» (я раньше не понимала, что это), тогда я мысленно похоронила отца 6 сентября 1938 г.

31 января 2002 г. я познакомилась с «Делом № 43754–38 г.». Отца арестовали 14 марта, а 19 марта он «сознался в своих преступлениях», «показал» об участии в «контрреволюционной шпионской националистической организации, созданной в 1930 г. резидентом германской разведки пастором Вагнером, настройщи-

ком Зейделем, органистом Лиссом». Всего вместе с отцом обвинялись 14 человек. А с пастором Вагнером, настройщиком Зейделем, органистом Лиссом отец никогда не был знаком, они даже не проходили по одному делу. Единственное, что их объединяло, это национальность.

Мне 72 года. У меня сын и дочь, двое внуков. Мы все помним нашего отца, деда, прадеда. Светлая ему память и царство небесное.

Алла Николаевна Руднева, г. Находка

К памятной записке моей племянницы Аллы Николаевны Рудневой (Шведовой-Рутинг) могу добавить, что события того времени оставили неизгладимый след в моей жизни. Память о погибшем брате, Бруно Альбертовиче Рутинге, свята, а об исполнителях воли правителя-убийцы – неистребима.

Когда уводили брата из дома, на мой вопрос, – «За что, он же ни в чём не виновен», – мне ответили: «Мы знаем, что он невиновен, но таков приказ». Все хитросплетения следователей (или кто там они были) о существовавшей шпионско-диверсионной группе во главе с пастором Вагнером – сплошная ложь, во всяком случае, об участии в ней моего брата. Мы с братом были очень дружны и поверяли друг другу всё самое сокровенное. Он вёл открытый образ жизни, имел друзей (главным образом, бывших соучеников по школе). Очень увлекался радиотехникой и много времени проводил за чтением специальных журналов и сбором радиоприёмников. Увлекался спортом – лыжами и плаванием, чем заразил и меня. Он не был трусливым человеком, не был предателем ни для своих близких и друзей, ни для своей Родины. Я уверена, что мнимые показания о принадлежности к преступной группе вырваны у него каким-то страшным шантажом, угрозами или пытками, нечеловеческими истязаниями. Только пережившие это (свидетели и пострадавшие) могут сказать, как эти показания добывались. Хотелось бы знать, как сами исполнители-палачи могли это переносить изо дня в день и остаться живыми, не сойти с ума, не покончить жизнь самоубийством от сознания содеянного. А что чувствовал главный зачинщик и исполнитель – «отец и вождь народов»? Нет слов, чтобы выразить свою боль и негодование.

Я сама тоже перенесла большую горечь в жизни: будучи немкой, вышла замуж за немца (бывший студент Университета, где я училась). В августе 1941 г. мы с мужем и группой геологов были направлены в экспедицию на Урал. А в 1942 г. я стала женой трудармейца – мужа отправили в Челябинск-Кыштым. Меня не тронули, т. к. я была беременна. В 1945 г. меня вызвали на работу в Ленинград, и я с маленькой дочкой отправилась в наш родной город. Однако мне там отказали в прописке и предложили в 24 часа убраться, перечеркнули возможность когда-либо жить в моем дорогом, любимом городе детства и юности. Несмотря на то, что мой отец – ла-

тыш и всю блокаду пережил в Ленинграде. В 1948 г. нашу семью – меня, мужа и дочь – с Урала отправили на спецпоселение в Среднюю Азию, в город Ленинабад. Приехали мы без денег, без вещей, страшно бедствовали, и только потом, спустя годы, немного встали на ноги. Будучи прикованными к городу, мы не смогли работать по специальности, т. е. заниматься геологией. Университетское образование помогло всё же найти работу, но пришлось резко изменить профессию, учиться в процессе работы.

Наш отец всё время после ареста Бруно писал во все инстанции и долгие годы надеялся, что он жив. Не помню, из какого источника, но наконец он получил ответ, что Бруно якобы умер в 1943 г. Это известие отца dokonало. Он тяжело заболел – рак пищевода, и 2 января 1955 г. умер. От дочери Бруно Аллы, из боязни ещё возможных последствий событий 1937–38 гг., долгое время скрывали, что она не родная дочь отчиму – Н. Н. Шведову. Дед нашел её через Гороно и школу г. Ставрополя. Родители были вынуждены всё рассказать, она приехала в Ленинград и впервые увидела своего деда, а позднее и меня, свою тётю.

Моего друга Николая Аносова ещё раньше постигла та же участь, что и Бруно. Я знала, что Аносовы вернулись в 1936 г. из Харбина, куда по контракту с КВЖД мать уезжала с сыном. Коля в Харбине закончил школу, а в Ленинграде устроился работать младшим техником в Оптический институт. Его арестовали 2 октября 1937 г., и он бесследно исчез. Коле, как и мне в то время, было 22 года. Безжалостная машина уничтожила его, как и многих других, а также моего брата. Его мать арестовали вдаль от Ленинграда во время отпуска. Как я теперь понимаю, вся вина обоих была – нахождение в Харбине в течение нескольких лет. Она провела 10 лет в ГУЛАГе, затем в ссылке в Казахстане. После 1953 г. добилась возвращения в Ленинград и получила известие о реабилитации и смерти сына. Мне удалось с ней встретиться. Некогда красивая, энергичная женщина превратилась в старуху с трясущимися головой и руками. Вскоре я узнала, что она умерла.

Пусть мои дети знают, что память об их дяде находится в Книге памяти в нашем любимом городе.

Вера Рутинг, г. Берлин

Бруно Альбертович Рутинг расстрелян по так называемому Списку немецких шпионов № 22. В предписании на расстрел значится 55-м из 73 приговорённых к высшей мере наказания. Все кроме троих, чья судьба пока неизвестна, считаются расстрелянными 6 сентября 1938 г. Все помянуты в данном томе.

Пастор Вольдемар Мартынович Вагнер арестован и выслан из Ленинграда после убийства Кирова. Дальнейшая судьба неизвестна.

Эрнест Густавович Зейдель и Вольф Фёдорович Лисс расстреляны по так называемому Списку немецких шпионов № 18. Помянуты в

данном томе.

Николай Николаевич Аносов перед арестом работал фрезеровщиком Кировского завода. Расстрелян по так называемому списку №1 харбинцев – японских шпионов. В предписании

на расстрел значится 36-м из 50 приговорённых к высшей мере наказания. Все считаются расстрелянными 15 октября 1937 г. и помянуты во 2-м томе «Ленинградского мартиролога»..

«Привлекались к ответственности и бывшие фронтовики, которые позволили себе рассказывать людям правду о реальном положении на фронтах в начальный период войны. Над трудармейцем 2-го рабочего отряда Челябинского металлургического НКВД Кремером летом 1942 г. был устроен показательный суд за то, что он рассказывал своим товарищам о кровопролитных боях и больших потерях при отступлении нашей армии летом 1941 г. о том, что враг был вооружен до зубов, а у наших солдат не было даже патронов. Кремера обвинили в распространении ложных сведений о войне, в саботаже и приговорили к расстрелу».

(См. Судьба российских немцев. М., 1993. С.33)

МЕНЬШЕНИНА ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА (в девичестве Игель)

Родилась в 1953 году в Воркуте. Разведена. Закончила педучилище №1 в Сыктывкаре по специальности «Учитель начальных классов» и Ярославский Государственный Педагогический Институт. С 1972 года работала в МОУ ООШ села Межадор учителем, потом директором (1995-2008 гг.). Сейчас заместитель директора и учитель немецкого языка. Семья живет в Коми с 1942 года: переселились из Туркменской ССР Марыйской области. Сначала выслали отца, мама приехала в Коми в 1948 году. Отца выслали в Воркуту, мама сначала была в Магнитогорске, затем ей разрешили приехать к мужу.

Дедушка по отцу, Яков, умер в 1939 году. По материнской линии деда, Егором, был хорошим сапожником. Бабушка по материнской линии, Мари-Катрин, умерла рано от рака. Отец, Яков Яковлевич Игель (1918-1995 гг.), закончил начальную школу (4 класса). В 1939 году призван в армию, в 1942 году выслан в Воркуту как лицо немецкой национальности. Там работал на шахте, был взрывником, крепильщиком. В 1946 году демобилизован и переведен на положение спецпоселенца. Имел большую семью на родине (8 человек).

Мама, Амалия Егоровна Игель (род. 1918 г.), закончила 4 класса начальной школы. В 1942 году выслана в Магнитогорск в трудармию. В 1948 году получила разрешение приехать к мужу в Воркуту. По воспоминаниям Лидии Яковлевны родители поженились еще до войны. У них была дочка Екатерина. Семья имела свой дом, хозяйство, огород. Дом был глиняный, состоял примерно из трех комнат и имел пристройки из глины.

В 1942 году отца выслали вместе с его родными. Брат Александр был отправлен на урановые рудники, а сестра Маля работала с Амалией Егоровной в Магнитогорске. Мать Якова с двумя сестрами Милей и Катей остались на родине.

У Лидии есть 2 сестры: Лилия (род. 1955 г.)

живет в Воркуте вместе с мамой и Екатерина (род. 1936 г.), живет в Германии. Родители тоже хотели уехать в Германию, но были пропущены с документами. Сейчас у Лидии двое детей: Владимир (род. 1979 г.) и Анастасия (род. 1984 г.), которые проживают в Сыктывкаре.

http://www.nnka.biz/wp-content/book/oblasti/12/12_24.htm

ЧЁРНОЕ ПЛЕСО

10 км от центра (Сим, Челябинская область)

Деревня на данный момент закрыта и почти заброшена - тут только охотничьи домики и пара пасек. А когда-то было порядка сотни домов, хлебопекарня, своя электростанция. Рубили лес и сплавляли по Курюку. В начале 90-х деревню закрыли.

Ближайшие города: Златоуст, Миасс, Магнитогорск

Чёрное Плёсо, Сплавной, Казамаш, Усть-Манак, образовали староверы ягуны (фамилии Курдаковы, Боровковы и т.д) из Серпеевки. Серпеевка обрелась в 18 веке сюда переселили Калужских крепостных крестьян. (по легенде проигранных в карты). Жители этих поселений заготавливали лес и свозили их к берегам рек: Сим, Куряк, Б. Казамаш, М. Казамаш и после ледохода по большой воде молевым сплавом отправляли лес на железно-рудные заводы Сима и Миньяра. Там на месте выжигали древесный уголь. Не далеко от Черного Плеса был поселок - Горелый, может быть он из за древесного угля и получил это название. Сухой лес в основном метровой длинны, плотно укладывали накатам на высоту 1,5-2м в неглубокой яме, и плотно обкладывали все это дёрном, потом поджигали. Дерево тлело без доступа воздуха в течении 2-3дней и получался древесный уголь. В поселках электричества не было, в Чёрном Плёсе появилось в 50е годы 20 века, в Сплавном дизельгенератор в 60 году.

Все поселки – участки леспромхоза, относились к Ашинскому леспромхозу. **Во время войны и после войны до конца 40-х поселки считались спец поселениями, спец**

поселенцы и в основном были из трудармии т.е немцы (Руффы из Копейска, Эппы не помню откуда) Также во время войны и после войны в Челябинской области после уборки, принудительно заставляли крестьян (а в основном бездетных женщин) отправляться на лесозаготовку до весны . В 60е годы, много было привезено мужчин и женщин 20-40 летних (все бараки были отремонтированы и заселены) они были осуждены по статье – тунеядство и сосланы на принудительные работы (местные называли их ласково «туники» в основном они были из Магнитогорска.

В Чёрном Плёсе находился поселковый совет, хлебопекарня, которая снабжала все поселки хлебом, интернат восьмилетка, в других поселках были начальные школы до четырех классов. Одна комната, одна учительница и четыре класса в этой комнате, в основном всего 8-15 человек Города: Миньяр, Сим и Аша по очереди становились районными центрами. И у многих в одной семье у детей в свидетельствах рождении записаны разные районы. Местное население в основном все работало в леспромхозе, все держали хозяйство, коров, овец, поросят, домашнюю птицу, летом все это гуляло само по себе. Много было пчеловодов и промысловых охотников Лес смешанный, дремучий –тайга, зверя много. Медведи иногда ночью ходили через деревню. В реках водился таймень, хариус, налим. Народ был дружный и веселый, гуляли вместе и дрались насмерть. Усть-Манак закрыли в 60е годы, Сплавной и Казамаш в 70е годы, Чёрное Плёсо - 80.

Анна Шаф

ГОРЬКИЕ СУДЬБЫ

Анна Дай-Шаф. Родилась 23 февраля 1953 года в г. Челябинске на Урале в семье русских немцев. Работала телеграфисткой, потом, окончила в 1979 г. Педагогический институт - филологический факультет, работала учителем. Переехала, работала воспитателем во Дворце культуры Магнитогорского металлургического комбината. Вернулась в Челябинск, работала с детьми во дворце культуры Челябинского электрометаллургического комбината, позже в детском доме металлургического завода, много лет проработала в Доме пионеров Металлургического района г. Челябинска.

23.08. 1995 г. приехала в Германию вслед за мамой вместе с двухлетней дочерью Еленой на постоянное место жительства. В 1996 закончила курсы немецкого языка. Год училась на флористку, год работала в краевом архиве, остальное время ухаживала за старыми людьми.

Анна Шаф является членом литературного объединения русских немцев Германии. Литературный псевдоним Шаф взяла в 1995 году. Ею изданы 5 книг: стихи, рассказы, повести, воспоминания. Принимает участие в ежегодном альманахе ЛИТО «Литературные страницы», а так же печатается в различных русскоязычных изданиях Германии. Является неоднократным лауреатом международного поэтического турнира в г. Дюссельдорфе, отмечена грамотой за участие во всемирном лингвокультурологическом конкурсе. Играет в шахматы, любит путешествия, чтение книг.

Уважаемая администрация сайта «Воспоминания»!

Недавно вышла на ваш портал. Ваш проект очень меня заинтересовал. В 2010 году я собрала воспоминания стариков из нашего города Меттманна, это небольшой городок недалеко от Дюссельдорфа, у нас 38 тыс жителей. за покупками мы часто ездим в соседний Дюссельдорф.

Люди, помнившие военное время, уходят, а с ними и их воспоминания. Я записала рассказы русских немцев, которые, будучи детьми, пережили сталинский Указ от 28 августа 1941 года и его последствия. Это жители нашего города. Всего рассказов 18, два рассказа от моих родных: моей мамы Лауер Фриды и моей тети Бехтгольд Эллы, двое уже ушли от нас, моя мама и Шайер Лидия.

Шаф Анна

Хоф Альвина

Родилась я в Поволжской республике немцев в поселке Добринка в 1936 году. Память у меня хорошая, помню многое. Отец, Граф Давид Христианович, работал плотником, мама, Реп Эмилия Егоровна, была колхозницей, убирала табак в поле. Была определенная норма для каждого работника, надо было табак в поле вырастить, обработать и собрать. Мои бабушка и дедушка с весны до поздней осени жили в колхозном саду, ухаживали за яблонями и виноградником, я часто у них бывала. В годы коллективизации пострадала мама сестра. У них с мужем было небольшое хозяйство: две лошади, два быка и две коровы, семья была многодетная. Когда пришла коллективизация, и стали раскулачивать хозяев, у них все забрали, семью выслали в голую степь и бросили там, мол, живите как хотите. Они вырыли себе землянку и как-то перебивались.

22 июня 1941 года началась война. Вскоре пришел указ о депортации немцев в глубь страны. Помню, к нам домой пришли и объявили этот указ. Сроку на сборы дали три дня. Мы закололи поросенка, приготовили еду в дорогу, собрали самые необходимые вещи. Взяли добротные пальто, пуховые платки, которые тогда очень ценились. Вещи сложили в сундук, обитый железными скобами. Повезли нас на станцию на лошадях мимо полей. Урожай был хороший. Мужчины бегали в поля и приносили арбузы и дыни, складывали в телеги на дорогу.

Два дня мы ждали на станции пока подадут вагоны. Пришли вагоны, в которых возят уголь. От Саратова до Омска ехали целый месяц. У многих болел желудок, по эшелону шла эпидемия дизентерии. Несколько человек умерло, трупы оставляли на станциях. Нашей семье повезло, мы сидели на нарах на втором этаже согнувшись, зато был свой горшок, взятый из дома. Я тоже болела дизентерией. На какой-то станции пришел врач и раздал больным таблетки, это очень помогло людям. Трижды объявляли бомбежку, но все обходилось, ни разу на нас не упала ни одна бомба.

Вечером приехали на станцию Колония Омской области. Вокруг лежал снег. Наша семья: дедушка, бабушка, мама, папа и я, держались вместе, кроме того, с нами было много родственников. За нами приехали на санях с тулупами и повезли в деревню за

восемнадцать километров. Я сразу заснула в санях. Проснулась уже в комнате. Посередине стояла большая печка и широкие полаты, по краям избы – лавки, с краю – маленький стол. Мы спали на полу. Я открыла глаза и увидела в углу иконку, она мне очень понравилась. Я сказала: «Как тут красиво!». Мама заплакала и ответила:» Спать невозможно, столько клопов!» Это была однокомнатная изба, хозяевами были дед-сапожник и его внучка.

Немцы не умели варить в русских печках, поэтому нам выдали железные плитки. В комнате было очень тесно, мы весной нашли другой дом, там жила семья с пятью детьми, зато было две комнаты, вернее горница и кухня. По вечерам мы жгли свечку – бутылочка с маслом и фитилек. Родители сразу вышли на работу: мама веяла зерно в колхозе, а отец плотничал. Отец сбил нам кровати. Пока он был с нами успели посадить в поле картошку, убирала уже без него, в 1942 году его забрали в трудовую армию в Ивдель Свердловской области.

Бабушка постоянно пряла шерсть на платки, красивые с кистями. Она выменивала их на продукты, поэтому мы не голодали. В доме, где мы жили, ползало множество тараканов. От брезгливости, наверное, бабушка заболела желтухой. А в 1943 году маму забрали в Омск на военный завод, но маме было там тяжело, и она через месяц сбежала оттуда. Вечером она пришла, а ночью в дом уже постучали, ее забрали. В это время всех женщин, у кого не было младенцев, забирала в трудовую армию. Не щадили даже тех женщин, у кого было пятеро детей. Мою маму тоже посадили на бричку и повезли на станцию. Многие женщины плакали, кричали и не давались конвойным. Таких привязывали к бричкам веревками и силой везли к вагонам. Дети долго бежали за лошадьми, кричали: «Мама, мама!», падали обессиленные на дорогу.

От нашей родни осталось пятеро детей, их пришлось кормить бабушке и дедушке. А дедушка очень скучал по дому, все время спрашивал у всех: «Когда же поедем домой?» Он работал конюхом в колхозной конюшне. Бабушка была очень экономной, в картошку добавляла траву. Все лето мы, дети, собирали ягоды и грибы. Бабушка их сушила, мы ели их зимой. Кроме того в колхозе выращивали сахарную свеклу. Ее давали тоже людям. Мы

недоедали, а работали много. Осенью надо было копать картошку, а тут как раз дед заболел и умер. Пришлось нам самим копать картошку с бабушкой. Младшей девочке было пять лет. Хранить картошку было негде, мы выкопали яму у соседей, они разрешили, но через некоторое время картошку своровали. Это были, конечно, нечестные соседи. Делать нечего, остались мы без еды. Но бабушка очень много пряла по темному, ночью тоже. Она продала все вещи, пальто и платки, на эти деньги купила телку. У нас было молоко. Вскоре мы перешли жить в другой дом. Там выкопали яму для картошки рядом с амбаром, где стояла телка.

Мама прислала письмо с Севера, из города Воркуты. Она писала, что работает в шахте. Работа была тяжелая, холод, питание плохое, вокруг одни заключенные, в основном мужчины. А был такой приказ там, если женщина рожала ребенка, ее отпускали домой. Многие женщины рожали детей, родила и моя мама. С маленькой дочкой Элей на руках, сама невысокая, худенькая, она появилась в нашей деревне с сумкой, полной удивительных продуктов. Я, например, никогда не видела сухого молока и сухих яиц - эти продукты ей выдали в трудармии в дорогу. Дали и детские вещи. Дело было в марте 1946 года. К этому времени тетя, мать остальных детей, тоже вернулась домой. Мы с мамой и сестренкой стали жить на берегу реки в холодной землянке. На земляном полу лежала пара досок, они закрывали две ямы для картошки. Один раз председатель зашел к нам и провалился в яму. Мама работала с раннего утра и до поздней ночи, а я должна была нянчиться с сестренкой. Дети играют, мне тоже хочется, мне ведь было девять лет, но нельзя - надо смотреть за девочкой. Бабушка нянчилась тоже, и я смогла пойти в школу. Летом собирала сучья в лесу, ягоды и грибы, конский щавель на борщ, а зимой ходила в школу. Была у нас и радость: появились в хозяйстве две курочки, так что иногда ели яйца.

В 1947 году осенью жена маминого брата, тетя Амалия, получила вызов к мужу в Казахстан, у них было двое детей, все очень обрадовались. А мой папа был там вместе с братом Давыдом. Мама взяла разрешение в гости к папе. Мы все вместе поехали в Казахстан. Мы узнали, что папа живет с другой женщиной. Мама уехала назад, стала ждать вызов на переезд. Я осталась с семьей папы. У женщины была своя дочка, я была падчерицей. Женщина обижала меня, она кормила свою дочку, а мне давала совсем немножко еды, я все время была голодной, хлеб выдавали по карточкам. Папа заступался за меня, они постоянно ссорились. Я пошла в школу в третий класс. Пятнадцатого августа 1948 года меня отправили с чужим человеком назад к маме. Он был попутчиком и согласился взять меня с собой. Кое-как доехали мы до Бредов Челябинской области, там на станции просидели полмесяца, так как не было билетов

на поезд. Однажды ночью мы сели в угольный вагон и доехали до станции Карталы. У этого мужчины украли деньги, а я везла ткань, пришлось ее продать, мы купили билеты и все-таки доехали до Колонии Омской области. За это время мама получила вызов и уехала в Казахстан к отцу. Я жила у бабушки. Одна из моих теток засобиравалась в гости в Казахстан. Бабушка сложила вещи мне в чемоданчик и отправила меня с тетей к родителям. Мне тогда было двенадцать лет. По дороге у нас украли все продукты, случилось это ночью, когда мы спали. Наконец-то, мы доехали до места назначения и я встретила со своей дорогой мамой.

Папа оставил другую женщину, несмотря на то, что у них родилась дочь. Мои родители стали опять жить вместе. Мама работала телятницей, папа плотничал, я ходила в школу, младшая сестренка - в детский сад. Я закончила семь классов, была переростком - мне исполнилось семнадцать лет. Но все-таки я пошла в восьмой класс. В начале осени надо было работать на уборке урожая в колхозе. Мы грузили картошку и я надорвалась. Больше в школу я не ходила. Сначала пошла работать свиначкой на местный свиначник, а потом нашла работу полегче - санитаркой в больнице.

С шестнадцати лет я стояла самостоятельно под комендатурой: один раз в месяц ходила отмечаться к коменданту. Это было мне униженно, я доказывала, что я такая же, как другие ребята, я тоже была пионеркой и комсомолкой, почему же я должна отличаться от других? Этот вопрос я задала коменданту, он очень грубо крикнул мне: «Заткнись!» Я и замолчала. Тогда за такие вопросы можно было попасть в тюрьму. Если я с подружками говорила какую-нибудь фразу на немецком языке на улице, то люди на нас говорили «Вот фрицы явились!» По-немецки мы старались разговаривать шепотом.

Вскоре я стала работать завхозом в больнице. Потом мне повезло, я пошла на шестимесячные медицинские курсы. Училась по вечерам, успешно сдала экзамены. Тридцать три года проработала я медсестрой в больнице.

Я вышла замуж, родилось два сына, один умер маленьким, а другой, Володя, женат, имеет семью. Мы с мужем построили дом, завели большое хозяйство, купили машину и мотоцикл «Урал». Жили дружно и хорошо в деревне Забеловке в зерносовхозе Пригородный Кустанайской области. Потом муж заболел и умер. Мы с семьей сына сдали документы на выезд в Германию.

С 1998 года мы живем в Германии. У меня пять внуков и две правнучки. Я живу в хорошей квартире, меня окружают приятные люди. Пенсия у меня хоть и маленькая, но мне на жизнь вполне хватает. Занимаюсь спортом, хожу в народный хор, читаю разную литературу, делаю длительные прогулки на воздухе, приглашаю в гости своих подруг, на

праздниках люблю плясать. Так живу. Всем людям я желаю добра и здоровья.

Эрке Мария

Родилась я 24 апреля 1931 года в Краснодарском крае в русском селе Гулькевич. Кубань - одно из красивейших мест на земле, там много солнца, много фруктовых садов, прекрасная река Кубань. Отец мой, Штеле Абрам Яковлевич, работал в колхозе заготовителем фруктов. Люди в соседних селах сдавали зрелые здоровые плоды, и отец с другими рабочими отвозил их на машине на заготовительную базу. В последние годы перед войной отец работал заготовителем скота, у него была лошадь с бричкой, он ездил по селам. Мама работала на колхозном поле, знала и выполняла все полевые работы. В семье нас было четверо детей: две сестры, я и братишка. Мы жили в хорошем доме, который построил отец, родных рядом не было, мамина родня жила в дальних поселках. Мы жили хорошо, разговаривали на немецком языке дома, а в школе на русском. Я проучилась два класса, мне исполнилось десять лет, когда началась война. Как раз летом мы переехали в поселок Сальский к материной сестре. Отец начал строить дом, но достроить уже не привелось - пришли тяжелые времена.

Как только началась война, всех жителей поселка послали в поле рыть окопы. Особенно хорошо и быстро рыла окопы молодежь. Потом объявили, чтобы русские немцы собирались в дорогу, мы быстро собрались и приехали на станцию Сальк. Погрузили нас в вагоны для скота, и повезли неизвестно куда. Ехали мы не через Москву, а через Алма-Ату, дорогой много стояли, поэтому доехали до места только через месяц. Новый, 1942 год, мы встречали в вагоне. У нас был с собой хлеб и кое-какие продукты, на больших станциях давали горячую еду, обычно суп с хлебом. Кроме наших сальских немцев с нами ехали еще другие люди, которых подсадили к нам на какой-то станции. Их поезд разбомбило, оставшиеся в живых не имели никаких продуктов и вещей. Приехали мы в Казахстан на станцию Тайнча. Оттуда нас развезли на жительство по близлежащим поселкам.

В маленький поселок, куда мы попали по приезду, никакой работы не было, жить было нечем, кормились тем, что выменивали на вещи. Отца через месяц забрали в трудовую армию в город Челябинск. В школу мы не ходили: во-первых, ближайшая школа была в соседнем поселке, что лежал за восемь километров от нашего, а во-вторых, одеть было нечего. Всю зиму мы почти не выходили из дома, ведь мы приехали из теплого края в легких ботиночках, климат же в Казахстане суровый, зимы снежные. Кое-как пережили зиму, а летом переехали на станцию, там находился лесопитомник и была работа. Зимой 1943 года маму тоже забрали в трудовую

армию на Урал. Старшей сестре было шестнадцать лет, другой - тринадцать лет, мне - одиннадцать, а братишке восемь. Старшие работали на живзашците, это означало, что они проводили снегозадержание и занимались посадками. Чтобы как-то прокормиться, я стала работать у людей нянькой, меня в семьях кормили, давали с собой молоко. Страшное это дело - война, никому и никогда не пожелаю я пережить войну. У меня было тяжелое детство.

Мы вчетвером переехали в Боровое, в город Щучинск. Жили в казенном доме так: в одной комнате конюх с семьей, а в другой мы. Ничего у нас не было, никакой мебели, никаких вещей. Стелили на пол свои пальтишки и спали. Девчата получали рабочие книжки, мы с братом - иждивенческие. На эту книжку выдавали продуктовые карточки, на день им по 800 грамм черного хлеба, нам - по 400 грамм. Карточки отоваривать мы ходили из питомника в город Щучинск. На следующий год в живзашците построили бараки, и нам дали свою комнатку. В ней находился большой топчан, вот на нем мы и спали все вчетвером. В комнате стояла печка. Помню, как мы топили ее. Потом старшая сестра заболела столбняком и умерла.

В 1946 году, в октябре, к нам вернулась из трудармии мама. Она сразу пошла работать на железную дорогу, а летом работала в питомнике. Отец вернулся из Челябинска только в 1951 году. Из трудармии сделали будто тюрьму: война закончилась, а рабочих с производства истроек не отпускали по домам, отец пробыл в трудармии почти десять лет! Росли мы бедно: голые, босые, голодные, но у нас всегда находился повод пошутить и посмеяться, жили дружно и весело.

В 1957 году я вышла замуж за вдовца, у него было две дочери: пять лет и три года. Я сама родила сначала двух детей, а через четырнадцать лет еще одного сына. Воспитала пятерых детей. Сорок лет я проработала: на живзашците в питомнике, на железнодорожных путях, на мельнице в охране, там проверяла пропуск. В пятьдесят пять лет пошла на заслуженную пенсию.

В 1993 году умер муж. В 1994 году нам пришли документы на выезд в Германию, мы собрались всей нашей большой семьей и выехали на бывшую Родину. Приехали мы в город Меттманн, потому что нас вызвал к себе брат мужа. В Меттманне жила также и сестра мужа, моя золовка с семьей.

Сейчас у меня есть девять внуков и четыре правнука. У меня хорошая квартира, государство дало мне пенсию на меня и на мужа, немецкие доктора меня лечат, дети ко мне ходят - чего еще можно пожелать? На старости лет жизнь у меня благополучная, сколько хватает здоровья, помогаю растить внуков. Не взирая на трудности, я всю жизнь старалась смотреть на жизнь оптимистично, чего желаю и всем.

«О судьбе немецких детей старше 14 лет государство проявило особую «заботу» – постановлением ГКО от 7 октября 1942 г. 15-16 летние подростки подлежат мобилизации в трудовую армию. На практике эти возрастные ограничения не исполнялись. По сведениям А.А. Германа и А.Н. Курочкина, на предприятиях Наркомугля широко использовался труд подростков-немцев, мобилизованных осенью 1943 г. Например, на шахте «Северная» треста «Кемеровуголь» в рабочей колонне, насчитывавшей 107 человек, работал 31 подросток от 16 лет и младше, в том числе 15-летних – 12, 14-летних – 1. Работали они на всех участках шахты наравне со взрослыми.

(См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. указ. соч. С. 95. «Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны». Ирина Черказьянова \7-я Международная научная конференция «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг.»)

Виктор Гринимаер

ИВАН (ИОГАННЕС)

Победную весну 1945 года Ваня встретил на Урале на строительстве очередной дороги. Этим он занимался почти всю войну с осени далёкого сорок второго года, когда его, пятнадцатилетнего мальчишку, забрали от родителей, оставшихся в Восточном Казахстане в ссылке, и отправили на «трудовой Фронт».

Трудовая армия – так все называли тогда и после, до самых девяностых годов, то, что потом открыто стали именовать ГУЛАГом. Почему-то, официальное название Государственного Управления Лагерьей (ГУЛАГ), как и его подразделений – Карлаг, Ивдельлаг, Тагиллаг и прочие Лаги, вслух людьми не называлось. Все говорили – трудовая армия. И добавляли – в таком-то городе, в такой-то области. Иногда уточняли название стройки, которую возводили или шахту, в которой трудились.

Ваня строил дороги под Магнитогорском, под Соликамском и где-то ещё, не все места запомнились по названиям. Везде всё было непохоже: города, степи, горы, леса, болота. И в то же время, всё было одинаково: бараки, колючая проволока, конвой и вонючая баланда в закопченных помятых бачках.

Для разнообразия ему пришлось поработать на лесопильном заводе и лесоповале.

Первый год был самым тяжёлым. Растущему организму все время хотелось есть. Работа, хоть он и был привычным к труду, была непосильной, с ней с трудом справлялись взрослые мужчины из крестьян. Но больше всего угнетала разлука с родными, и подневольное существование без вины виноватого.

Когда, вдруг, перепало ему тумачков от надзирателя, или другого хмельного представителя лагерной администрации, Ваня переносил их стойко, не пререкался, не огрызнулся, а только прикрывался руками и подставлял те места, где удары ощущались не столь болезненно. Он знал, сам видел не раз, как забивают тех, кто покажет хоть малейшую строптивость.

Обиднее всего становилось, когда унижать начинал кто-нибудь из своих, из земляков, поставленных бригадирами или просто – старшими, а бывало к большому огорчению и такое. На всю оставшуюся жизнь запомнился случай на лесозаводе, где ему пришлось работать в лютую зиму.

Обработка древесины шла по конвейеру. Пилы, циркулярки и другие деревообрабатывающие станки находились в цехах, а транспортировка между ними производилась под открытым небом, на вагонетках по рельсам. На работы людей распределяли по участкам, кто-то попадал в цех, а кто-то – в межцеховое пространство. Вагонетка, заполненная брёвнами или другим грузом, через люк, занавешенный брезентом, выкатывалась из цеха, её принимала наружная бригада, катила до следующего цеха и, через такой же люк, вкатывала в него, оставаясь снаружи.

Некоторые бригады периодически меняли места. Ване с напарником не везло, они постоянно оказывались под открытым небом. Рваная, ветхая одежда не сберегала тепло и, несмотря на постоянное движение, слабые от недоедания тела их, промерзали насквозь – так им казалось. Не вытерпев такой несправедливости, Ваня обратился к своему десятнику Андрею Ивановичу Шмуцеру, расставлявшему ребят на работы:

– Дядя Андрей, мы с Сашкой уже вторую неделю работаем всё время на улице. Можно ведь и нас иногда ставить в цех, там хоть ветра нет. Мы тут уже обморозились...

– Ладно, сопляк, будешь мне указывать! Где поставлю, – там и будешь вкалывать! Не сдохнешь. Я вас, бальцерских, знаю – вы живучие. У вас там, на Волге, тоже – не Ташкент.

Какое-то время десятник продолжал упрямо ставить Ваню с Сашей на внешние работы, но через неделю они всё-таки попали в цех. Здесь, конечно, был тоже не рай, но хоть

ветер не так пронизывал. А вскоре тридцатиградусные морозы ослабели. А если нет ветра, то и в двадцать градусов холода уже чувствуешь дыхание весны. Особенно, если ужочень её ждёшь!

Как бы то ни было, но голод и изнурительный труд берут своё. Ваня за эти годы видел много околевших собратьев по неволе, и их вид уже не вызывал того ужаса, который он испытывал увидев первых умерших, ещё в первую суровую зиму, ещё по дороге в трудармию. И сам он не раз и не два бывал на грани полной потери сил бороться с желанием упасть и больше не вставать. Но, к счастью, выстоял, переборол свои слабости.

В последующие зимы уже умирало не так много, как в первую – и бараки утепляли, и кормить стали хоть и не лучше, но всё же немного больше. Хоть рацион мало изменился – всё та же баланда, но не из одних мороженных овощей и гнилой картошки; стали появляться и крупы, а иногда и кости для навару.

Особенно ослабевших стали помещать на несколько дней в санитарную часть. Там кормежка была несколько питательней, но главное, можно было немного отдохнуть и отогреться. Умирать стали реже, к тому же, все ослабленные уже перемерли. Когда Ваня стал пересчитывать тех, с кем он выехал из Кокпектов, то не досчитался половины.

Весной сорок пятого собрали большую команду для отправки на сельскохозяйственные работы в близлежащие колхозы и совхозы. Ваня тоже попал в такую бригаду. Из-под Соликамска, где находился их лагерь, группы направили в разные стороны. Ванина бригада попала в пригородный Пермский район. Потом он до старости с загадочной улыбкой вспоминал то лето.

Когда ребята немного отъелись и окрепли настолько, что стали опять ощущать себя молодыми людьми, а не доходягами, они увидели, что окружены пристальным вниманием деревенских девчат и молодых вдовушек, так и не понявших, что это за немцы за такие, откуда они взялись такие хорошие и ласковые. Почему всё время поминают в разговорах реку Волгу, до которой можно бы отсюда добраться на пароходе по Каме.

Здесь Ваня впервые познал любовь.

Когда закончилась война, все стали поговаривать, что – все – теперь скоро, наверное, закончится этот бессрочный срок заключения и их, вероятно, отпустят домой, на родные волжские берега. И другие, кто с Кавказа, из Крыма или других мест, чаще и чаще тоже стали вспоминать свои родные места. И семьи вернутся туда из Сибири и Казахстана...

Но шли дни, проходили недели, а их всё водили и водили на принудительные работы. Со временем отменили конвой, назначали просто старшего; вокруг лагеря убрали колючую проволоку, но переходить эту злопамятную линию по-прежнему не разрешалось. Побег карался двадцатью годами каторжных работ.

В конце зимы сорок шестого года Ивану и

всем его солагерникам вдруг выдали исправные валенки и бушлаты, посадили в «телятники» и, ничего не объяснив, куда-то повезли. Обмундирование подсказывало: повезут дальше на север, вспомнили и Котлас, и Инту, и Воркуту, и всё что знали и слышали. Но поезд сначала шёл на запад, а потом, дойдя до Волги, и вовсе повернул на юг.

Когда вдоль железной дороги стали мелькать скалы и долины с растущими в них пальмами и другими южными деревьями, а по правой стороне раскинулось сказочное Чёрное море, стало совсем не по себе. Зачем же им выдали валенки?

Экзотические названия проезжаемых мест ласкали слух людей: Туапсе, Сочи, Гагра, дальше будут Сухуми, Поты... – подсказывали знатоки, жившие здесь или беззаботно отдыхавшие в этих местах в счастливые довоенные годы.

Эшелон они покинули на станции Бзыбь и двинулись строем в горы вдоль речки с таким же, как у станции, названием.

Ночевали они на этот раз под открытым южным небом на обочине широкой благоустроенной дороги, каких никто из них ещё не видел в своей жизни, и по которой проезжали только редкие машины со служебными номерами.

Южное высокое, тёмное небо было непохоже на то, к которому Ваня привык на севере. Лёжа на спине, он, пока не заснул, рассматривал его, изучая расположение звёзд. Всё здесь было не так, всё было непривычно, даже звёзд было больше и были они мельче. На севере, на белёсом небе видны только крупные и яркие звёзды. Здесь же казалось, что от них откололи все лишнее и всё это крошево, все осколки, всю пыль разбросали по окрестностям. Теперь каждая пылинка светится самостоятельной звёздочкой.

Наутро они перешли речку и по берегу её притока, стали подниматься все дальше в горы, которые становились всё выше и сказочней, особенно с левой северной стороны. Эти высокие скалы защищали этот южный край от холодного дыхания севера. Южная же сторона долины была более пологой и поросшей всевозможными деревьями, в том числе и фруктовыми, многие из которых как раз в это время цвели. Такого благоухания и красоты Ваня в своей жизни еще не видел и не увидит в будущем. Даже тошнотворный дух колонны из сотен грязных и оборванных невольников не мог перебить здешней свежести и аромата.

Наконец, переменяя за долгую дорогу несколько видов транспорта и способов передвижения, их, с бушлатами в скатку и с валенками под мылкой, чуть ли не на перевес, привели на территорию большущей стройки. Вся она была обнесена не только колючей проволокой, но и глухим забором, вплотную примыкающим к озеру. Вокруг высились живописные горы, по склонам которых цвели нерукотворные сады, а над скалистыми вершинами парили орлы.

Ваня в детстве любил всякие сказки и

рассказы про заморские страны, в которых происходят разные чудеса с прекрасными девушками, мужественными юношами и безобразными чудовищами. Ему иногда теперь представлялось, что вот оно, именно то место, где все эти сказочные события могут происходить. Особенно он в этом уверился, когда стал свидетелем того, что паривший высоко в небе орел, казавшийся не больше вороны, вдруг сложил крылья и ринулся камнем вниз, как показалось Ване – на него. Но орёл, увеличиваясь в размерах, рухнул в стороне, за горной речкой, но сразу же взмыл вверх на огромных, в несколько метров, крыльях, неся в когтях свою несчастную добычу – горную козочку.

Орёл скрылся за скалами соседней горы, а по Ванину телу прошла дрожь, и он ощутил шевеление волос на коротко остриженной голове.

Строили какой-то дворец, как со временем выяснилось – дачу товарищу Сталину.

Кроме самого дома, невероятных размеров, строили много других помещений, разбивали парк, в котором сажали недостающие, уже взрослые деревья. Их выкапывали в окрестностях с огромным комом земли, чтобы меньше вредить корням, и перевозили к месту посадки, где под них рыли соответствующую яму, целый котлован. Всё, конечно же, делалось вручную, при помощи лопат, кирок и другого шансового инструмента. Посреди парка возвышалось огромное хвойное дерево в пять обхватов. Таких древних деревьев в округе сохранилось не очень много. Этому дереву, по подсчётам знающих людей было уже не менее пятисот лет. Под ним в дождь могло укрыться от ненастья до ста человек. А в жару в обеденный перерыв в его тени размещался весь личный состав отряда.

Невдалеке от строящегося дома выкопали колодец. Копали его долго, воды всё не было, а когда она появилась, то оказалась очень холодной и исключительно вкусной. Этой водой долгие годы будут пользоваться обитатели той дачи.

Колодец старательно оборудовали по всем

гидротехническим правилам и, когда он был уже готов, возле него поставили часового, который так и остался стоять до конца стройки и после её завершения и отправки рабочей силы.

- Часовые, конечно, менялись, – пояснял нам, мелюзге, дядя Ваня, рассказывая немногословно и сдержанно о годах своей юности, – но пост не оставался без присмотра. Наверное, боялись, что кто-нибудь из нас сбросит в колодецдохлую крысу, – предполагал он. – Правда, пользоваться водой и нам не запрещалось.

В последние дни стройки под многовековым деревом устроили беседку. Теперь к этому месту уже не стали подпускать рабочих из «контингента». Вокруг беседки и вдоль дорожек ведущих от дома к беседке, колодцу и другим постройкам устроили зелёный газон, засеяв его нежной травкой и южными цветами. Дощатые заборы вокруг дачи вскоре снесут и поставят красивую изгородь, на которую будет любоваться её хозяин. Излюбленным местом отдыха для него со временем станет беседка под могучим деревом. В его отсутствие здесь большую часть года будет жить, и пользоваться всеми благами этого благодатного места многочисленная прислуга.

С озера Рица, со строительства дачи «Отца народов» Иван попал в Среднюю Азию, туда их перевезли через Каспийское море на баржах от Баку до Красноводска. Потом они ударными темпами что-то строили в Ашхабаде.

Здесь Иван встретил Веру Шмальц.

Они сразу влюбились друг в друга, такие красивые, рослые и статные.

И вот однажды, уже через год после официального прекращения существования рабочих колонн и ликвидации зон, им обоим, почти одновременно, объявили, что их срок отбывания трудовой повинности закончился и им нужно ехать к месту поселения их родных, то есть, опять в ссылку.

Чтобы ехать вместе, они быстро оформили свои отношения, получили свидетельство о браке и поехали в Восточный Казахстан к Ваниным родителям.

ГОРЕСТИ И РАДОСТИ ЭММЫ КИН

Она помнит своё детство до самых мелочей.

Да и как не помнить, ведь оно было счастливым...

Эмма Рифель родилась в Поволжье, в красивом немецком селе Мюльберг. Семья была большая: отец, мать, восемь детей и бабушка. Родители были постоянно на работе, а дети оставались на попечении бабушки. Эмма помнит её ласковые, мягкие руки, от которых пахло фруктами, домашней выпечкой и ещё чем-то невыразимо приятным. Ещё – весну 1941 года, как они с отцом спускались к Волге, а вокруг бело-розовой пеной цвели сады. Папа держал её за руку, и ей до сих пор помнится,

какой горячей была отцовская ладонь. Эмме в ту пору шёл двенадцатый год, осенью предстояло идти учиться в пятый класс.

Уютный мир рухнул с началом войны. Взрослые понимали, что с ними, людьми немецкой национальности, произойдёт что-то неприятное. Поэтому, когда пришёл приказ о депортации, никто не удивился.

Эмма хорошо помнит сборы в дорогу, плач женщин, покидающих свои дома и ещё вагоны, предназначенные для перевозки скота.

До сих пор всё это видится во сне и слышится перестук колёс на стыках рельсов: «в Сибирь – в Сибирь – в Сибирь!»

Так большая семья Богдана Рифеля оказалась в сентябре 1941 года в селе Боровое Ишимского района. Вскоре главу семейства мобилизовали в трудармию. Попал он на шахты Челябинской области, где и погиб от холода. В течение 1942 года в трудармию забрали четверых старших детей. В 1943 году мать простудилась и скоропостижно умерла.

Эмме шёл четырнадцатый год, когда на её руках остались младшие дети, самому маленькому из которых было только три года. Есть нечего. В хате, где они обитали, постоянно холодно – нечем топить. Соседи об осиротевших детях рассказали председателю совета. Он срочно организовал их оформление в детский дом.

В детдоме Эмма Рифель пробыла до 1946 года. После выпуска о ней позаботился старший брат – забрал в г. Кизел Пермской области, где работал шахтёром. Там она устроилась на сортировку и погрузку угля – работу тяжёлую и грязную.

Миловидную, обаятельную, весёлую, очень подвижную девушку молодые шахтёры не оставляли без внимания. Особенно был настойчив Фёдор Кин. В 1953 году Эмма сменила фамилию, и на следующий год Фёдор увёз молодую жену с ребёнком к своей матери в д. Кошкарагай Ишимского района. Следом сам

уволился с шахты и переехал к семье.

Следует отметить, что в те годы людям немецкой национальности без разрешения властей нельзя было отлучаться даже в соседнюю деревню. Им приходилось ежемесячно отмечаться по месту жительства. Только в 1956 году комендатуры были ликвидированы. Видимо, власти посчитали, что теперь немцы никак не угрожают советскому режиму.

Фёдор Кин и его жена Эмма все последующие годы работали в колхозе им. XXII съезда КПСС. Он – скотником-пастухом, она – дояркой, телятницей. Это были настоящие труженики. Руководство колхоза всегда отмечало их работу и ставило в пример молодёжи. На пенсию Эмма ушла в 1985 году. В 1988 году у неё умер муж. И она, не желая жить в одиночестве, переехала к дочери.

По словам Эммы, в её жизни было много горя, но есть в ней и счастливые дни, и даже годы. Это любовь к мужу, материнство и радость общения с внуками. У Эммы Кин трое детей: сын и две дочери. Сейчас она живёт в семье дочери в Ларихе. Ей восемьдесят лет, но она очень подвижна, всегда оптимистично настроена и внуков на собственном примере учит любить жизнь.

Здоровья и радости на долгие годы желают односельчане Эмме Богдановне Кин.

**Р. Белов, с. Лариха.
«Ишимская правда», 29.10.2009**

В.И. Бергер

ДЕТСТВО В СПЕЦПОСЕЛКЕ

Мое письмо рассказывает о ни в чем неповинных людях, раскулаченных и высланных в 1930 году в Коми край. Возможно, это будет важно для истории Сысольского района.

Судьба сложилась так, что мы с женой Таисией Дмитриевной долгое время прожили в с. Объячеве. У нас был свой дом в п. Сельхозтехника. Переехали мы в Визингу в 1967 году, с тех пор здесь и живем. Оба пенсионеры, я более 30 лет проработал в отрасли связи, супруга 37 лет - в сельском хозяйстве.

Суровый февраль

По рассказам родителей, до 1930 годов наша семья жила в с. Базель Марксовского района Саратовской области, там моя родина. Мама рассказывала о том дне, когда судьба нашей большой семьи круто изменилась. 13 февраля 1930 года в наш дом ворвались люди с винтовками, во двор въехали конные подводы и сказали дедушке Якову Христионовичу, что, согласно указанию властей, семья подлежит выселению. Время на сборы - два часа. Из вещей ничего брать было нельзя, кроме еды на трое суток. Отца моего дома тогда не было, он в то время находился на усадьбе, от нашего села в 30 километрах. Деда (мы его звали младший дедушка) Ивана

Яковлевича арестовали раньше и увезли в с. Покровское.

Нашу семью из десяти человек повезли на двух подводах, дома осталось подворье без присмотра - лошади, коровы, овцы, свиньи. Нас привезли на сборный пункт в г. Энгельс. Когда отец приехал домой, в вооруженных людях, охранявших наш дом, узнал своих знакомых. Это обстоятельство позволило ему договориться с ними и взять с собой кое-что из вещей и продуктов. На помощь пришли его друзья, которые помогли погрузить на подводы все необходимое, и он поехал догонять нас - свою семью.

Через несколько дней нас погрузили в вагоны, в которых было полно людей разных национальностей, и повезли сначала до

станции Котлас, а затем в Сольвычегодск. По приезде разместили в старых холодных конюшнях и разрушенных церквях. Там умерли прадедушка Яков Христионович (мы его звали старый дедушка) и сестра Оля. Всю зиму мы жили в холоде и голоде, а летом нас отправили на станцию Опарино Кировской области, откуда где на подводах, где пешком мы добрались до села Ношуль Прилузского района Коми АССР.

На новом месте

Вскоре всех мужчин отправили на лесоповал в Нулевой поселок Матяшского сельского совета, располагавшийся в 36 км от Ношуля. Женщин и детей разместили в деревне Яковлевской.

Вспоминая о том трудном времени, хочется выразить слова глубокой благодарности коми людям, которые в ущерб себе приютили нас, кормили, по возможности одели. Жили мы вместе, как родные, не чувствовали, что в изгнании.

Тем временем мужчины в п. Нулевой за короткий период построили бараки под жилье, детские учреждения, клуб, мельницу, скотопомещения. Мы всей семьей переехали на новое место жительства - в спецпоселок Нулевой, где организовался колхоз «Велдорья».

Номер вместо названия

На небольшой территории Матяшского сельского совета в радиусе 14 км были расположены четыре поселка: нулевой, Третий, Шестой, Восьмой.

В Третьем поселке (колхоз «Усть-Вель») жили русские, белорусы, в Шестом (колхоз «Сорь-Ель») - в основном русские, в Восьмом (колхоз «Большевик») - люди разных национальностей, но немцев было больше. Все эти посёлки были расположены на берегах реки Лузы, куда по реке можно было доставлять необходимый груз на баржах и т.д.

В самом худшем положении находился Нулевой поселок, он располагался в лесу в четырёх километрах от реки Лузы, на крутом берегу реки Велдорья, где когда-то стояла только охотничья избушка. Дорога к посёлку всегда была труднопроходимой, все необходимое доставлялось с большим трудом.

В этом поселке проживали люди разных национальностей: русские, белорусы, украинцы, татары, немцы, были две семьи армян. Больше всех было немцев, поэтому поселок стал называться немецким.

Жили в больших бараках, вместо кроватей - полати в два яруса. В каждой квартире проживало несколько семей. Все трудоспособное население работало на лесоповале, корчевало и сжигало пни. На очищенных от леса местах устраивали пашни. Обработывали боронами, сделанными из крепких еловых сучьев, сеяли рожь. Помню, когда мне было шесть лет, мы, играя, прятались во ржи, такая она вырастала высокая.

Все работы проводились под присмотром коменданта. Частенько по ночам верхом на лошадях приезжали из НКВД, забирали с собой наших людей, многие из которых так и не вернулись.

Мой отец, Иван Иванович, в 1941 г. был мобилизован в трудармию. Работал на шахтах г. Копейска Челябинской области. Жизнь в спецпосёлке была очень трудной, особенно когда забрали главу семейства. Нас, детей, в то время было уже четверо, после меня здесь уже, в Коми, родились два брата и сестра. Еще в садике мама меня записала годом младше, чтобы я мог дольше туда ходить. Сама же она работала на лесозаготовках.

В Нулевом поселке я окончил начальную школу. Через несколько лет мы с моим самым близким другом Ваней Кинсфатером, с которым два года вдвоем делили одну койку, поступили в Сорельскую неполную школу, что находилась в 10 км в Шестом посёлке. Проучились два года, жили в общежитии. Окончили 5 и 6 классы, а затем школа была переведена в Восьмой поселок, там мы уже заканчивали семилетку. Кстати, Иван Иванович Кинсфатер проживает в настоящее время в г. Калининграде. Оба его сына живут и работают в с. Объячеве.

Хорошо помню, директором школы в те далёкие времена была Евстолия Семеновна Шулепова (Попова), уроженка с. Объячева. Помню всеми уважаемую и любимую учительницу русского языка и литературы Марию Тимофеевну Малофееву. С нами учились из Третьего поселка братья Рыбочкины - Володя и Миша, Витя Мухин, Витя Самцов.

Было трудно, но постепенно жизнь стала налаживаться. Разрешили держать скотину. У нас была корова, свиньи, овцы. Это было хорошее подспорье для нашей семьи. Работали все, кроме бабушки и нас, детсадовиков. Почти вся работа в сельском хозяйстве велась на лошадях.

Началась война

Когда началась Великая Отечественная война, всех мужчин и с ними лучших лошадей с телегами отправили на фронт. Из мужиков осталось несколько стариков и мы, пацаны.

Началась другая жизнь, лошадей почти не было, всю тяжёлую работу делали с помощью быков. На них пахали, сеяли, привозили сено за 30 километров. Они оказались самыми надежными, не требовали большого ухода, питались одним только сеном.

Никогда не забуду, как моя мама зимой на санках отправилась пешком за десятки километров, чтобы обменять самую лучшую одежду на 1,5-2 ведра картошки, чтобы нам, детям, не умереть с голоду.

Помню, как в первые годы войны мне с другом Виктором Гендерейдером приходилось за семь километров от поселка в местечке Гарь каждое лето пасти стадо телят, которое насчитывало более 60 голов. В тех местах на огромной территории были большие пожа-

ры, лес полностью выгорел. Руководством колхоза было решено превратить эти участки в пахотные земли. За несколько лет была проделана большая работа, подготовлены пашни на территории приблизительно 90 га.

Жили рабочие в шалашах, построенных на скорую руку, из еловых и березовых веток. Помню, как вечерами мужики выходили ловить зайцев. Их было очень много, но поймать удавалось редко, так как иметь ружья по тогдашним законам было строго запрещено.

Не могу еще не отметить: на горелых участках было очень много всяких ягод - малины, смородины, земляники - собирали ведрами, корзинами.

90 верст по реке

Наша семья переехала из Нулевого поселка в Третий последней. В 1946 году после мобилизации из трудармии вернулся домой мой отец. Вскоре его вызвали в районный центр с. Обьячево к начальнику НКВД, предложили работу конюха в районном отделении милиции, дали однокомнатную квартиру. Мы с мамой - Лидией Карловной (к тому времени нас в семье было четверо) - переехали из Третьего поселка в райцентр.

В поселке остались жить одни дедушка с бабушкой, мы их навещали. А в 1948 году мой отец поехал забрать их. Там на месте он сколотил из бревен плот, погрузил бабушку и дедушку, вещи (можно сказать, у них почти ничего не было), корову и отправился на плоту всем хозяйством вниз по реке Лузе до пристани с. Обьячево, преодолев расстояние около 90 км. Они оставили поселок последними. Так закончилась наша поселковая жизнь, жизнь на второй родине, где появились на свет мои

братья Иван и Оскар, сестра Вильма.

Так хочется иной раз побывать в родном поселке и вспомнить, как это было. Да все опять некогда. В с. Обьячево остались еще родные и близкие Гаеры - Герберт и Виктор с семьями. В Ношуле проживает моя двоюродная сестра Трофимова Алефтина Алексеевна, с ними еще встречаемся.

* * *

Когда начинаю вспоминать те далекие годы, до сих пор в голове не укладывается: зачем нужно было высылать ни в чем неповинных людей со своих исторических мест? Кому это было выгодно? Не только выслать, но и все нажитое несколькими поколениями насильственно отобрать и уничтожить.

Высланные люди работали день и ночь только для того, чтобы выжить, прокормить себя и свою семью. Все, что было ими построено с таким большим трудом, за несколько лет стало никому не нужным. На месте построенных поселков остались останки разваленных домов и зданий, люди вернулись на свою родину, разъехались по всей России, многие остались в Республике Коми.

Сейчас приходится сожалеть, что за всю эту преступную и подлую авантюру по выселению никто не ответил, никого не осудили как преступников, уничтоживших сотни и миллионы людей в 30-х годах XX века.

<http://маяксысолы.рф/smi/archive/issue/article?cun=986125&issue=982751>
«Маяк Сысолы». Общественно-политическая газета Сысольского района Республики Коми, 31.10.2013

Светлана Клепс

ВАЛЕНТИНА ДОМНИЧЕВА: «Хочу получить документ о реабилитации своей семьи»

В этом году 18 августа исполняется 70 лет со дня депортации немцев из Крыма. Валентина Домничева была депортирована в двухлетнем возрасте из Кировского района и 60 лет прожила на чужбине. Ее родители мечтали о возвращении на родину, но только в 2001 году вместе с матерью Ольгой Альмендингер она смогла вернуться в Крым. Репатриация оказалась полна лишений, О. Альмендингер была счастлива тем, что последние дни смогла прожить на родине.

Дочь трудармейца

Валентина Домничева, урожденная Альмендингер, родилась в деревне Шейх-Эли (сейчас село Партизаны) Кировского района Крымской АССР 7 февраля 1939 года в семье тракториста и колхозницы. Ее отец Иван Иванович Альмендингер родился в 1917 году

в селе Семь Колодезей (сейчас Ленино), а мама Ольга Владимировна, 1920 года рождения, была уроженкой села Эсененке под Старым Крымом.

- Место своего рождения я практически не помнила, но в памяти остались моменты глубокой тоски родителей о своей родине. Они часто вспоминали о местах, где родились, а

больше всего мама тосковала о своих сестрах, оставшихся в Крыму, - вспоминает В. Домничева. – Моя мамочка была русская, поэтому ее сестры и другие родственники не попали под депортацию. По решению правительства СССР мой отец и я, как лица немецкой национальности, а мама, как член семьи немцев, были сосланы в Северный Казахстан – деревню Коваль Мамлютского района. Мое детство прошло практически без отца, которого 9 апреля 1942 года мобилизовали в трудармию и направили в Челябинск-40. Это была промышленная зона Челябинскметаллургстроя, в которой людей превратили в рабов, работающих на износ. Смертность там была неимоверная, но мой папа выжил, и в 1946 году был переведен на другие менее вредные работы.

Согласно архивным документам, в 1946 году Ивана Альмендингера направили на работы в Кыштым, Челябинской области, а в 1951 году – в город Ангрен Ташкентской области.

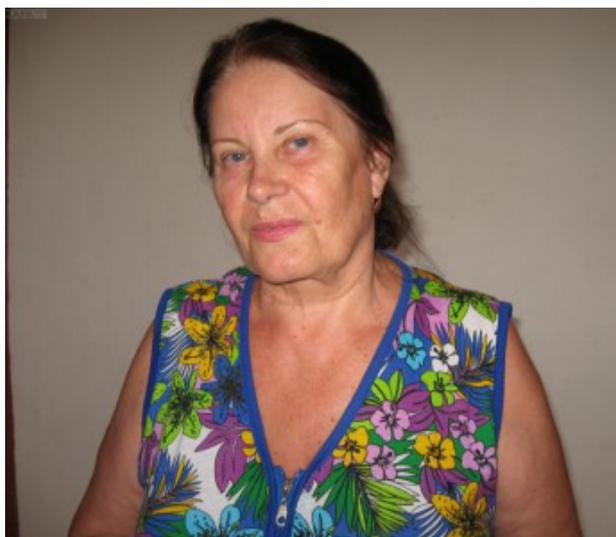
- Мама всю войну проработала в колхозе. После ареста отца в 1942 году в нашей семье родился мой младший брат, но, прожив всего один год, он умер. Врачи пояснили, что ребенок рожден слабым из-за сильных эмоциональных переживаний матери. Нам разрешили приехать к отцу только в августе 1952 года, и я с мамой отправилась в Ангрен. Там было спецпоселение с комендатурой НКВД, в которой мы обязаны были регулярно отмечаться, - пояснила Валентина Ивановна. – О каждом своем перемещении семьи депортированных обязаны были извещать надзорное ведомство. В Ангрене вместе с нами проживали семьи других депортированных народов: болгар, греков, крымских татар. Как немцев и членов немецкой семьи нас держали в спецпоселении, похожем на тюрьму, но без колючей проволоки. Однако и там мы старались жить. Заводили новые знакомства, находили друзей, изучали язык чужбины, чтобы общаться с местным населением, а главное снова обустроили свой быт. Отстроили добротный дом, завели домашних животных и старались жить в согласии с соседями.

Снятие с учета

В Казахстане Валентина Домничева окончила школу, но получить дальнейшее образование она не могла, так как детей «врагов народа» запрещали принимать в вузы.

- От тяжелой работы мои родители надорвали свое здоровье. Отца я практически не видела здоровым, но, к счастью, он дожил до внуков, рождению которых очень радовался, - подчеркнула В. Домничева. – Меня первую сняли со спецучета в НКВД – 21 августа 1954 года, отца – 24 февраля 1956 года, и маму – 3 марта 1956 года. Вот так русская женщина была признана «врагом народа» за замужество с немцем и пробыла на спецпоселении дольше лиц немецкой национальности.

После воссоединения семьи и получения свободы семья Альмендингер в 1957 году переехала в поселок Красногорск Ташкентской

Валентина Домничева: «Хочу получить документ о реабилитации своей семьи»

области. В 1958 году Валентина Ивановна навестила теток в Крыму, которые нелегально устроили ее на курсы бухгалтеров, воспользовавшись своим русским происхождением. Вот так она овладела профессией, которая стала главной в ее жизни.

- Я вернулась в Красногорск и всю жизнь трудилась только по этой специальности. В 1960 году я вышла замуж за Домничева Анатолия Ивановича, одессита, который в тот момент проживал в Красногорске, - рассказала Валентина Домничева. – Вместе мы прожили 38 лет и воспитали двух детей. В 1961 году у нас родилась дочь Елена, которая сейчас проживает в Санкт-Петербурге, а в 1965 году – сын Сергей. В 1995 году скончался мой отец, а в 1998 году – мой супруг. После этих трагических событий моя мама настояла на возвращении в Крым, так как в Красногорске мы – две вдовы – остались практически одни, все депортированные давно разъехались.

Возвращение

В 2001 году 21 октября они прибыли в Феодосию. После депортации деревня Шейх-Эли была переименована в Партизаны.

- В нашем доме жили другие люди, поэтому возвращаться туда было некуда. Мы навещали родственников в Партизанах, но они сами живут небогато и лишней жилплощади у них не было, - пояснила В. Домничева. – Мама к тому времени практически ничего уже не видела, много болела, но все равно была счастлива возвращению в Крым. Встреча с сестрами добавила ей положительных эмоций и продлила жизнь. В Феодосии живет мой двоюродный брат, который предоставил мне с мамой времянку на Форштадте – одна комната, дверь из которой выходит на улицу. Мы ему благодарны за это, так как жилищные проблемы по-иному решить было нельзя. Наш приезд напоминал вторую депортацию – без жилья и средств к существованию. Пришлось строить свою жизнь заново. Сначала получили

вид на жительство и перевели в Феодосию свои пенсии, затем долгая и утомительная процедура получения гражданства, болезнь мамы, которая скончалась 1 августа 2004 года. Все программы по обустройству депортированных – это миф. Я десять лет оббиваю пороги кабинетов, но кроме обещаний так ничего и не получила.

Четыре года назад, поднимаясь по гололеду на горку Форштадта в свою времянку, Валентина Ивановна упала и сломала шейку бедра. После длительного лечения она отказалась от времянки, в которой теперь живет ее племянник.

- Я несколько лет снимала частную квартиру, за которую отдавала более половины своей пенсии. Безнадежно просила помощи в комитете по межнациональным отношениям, приходила на прием к мэрам, рассказывая о своем бедственном положении, - вспоминает Валентина Домничева. – И вот два года назад Александр Владимирович (мэр Феодосии Александр Бартнев, - прим ред.) изыскал возможность и выделил мне комнату – 14 м² - в общежитии на бульваре Старшинова. Апартаменты не ахти какие, да еще около туалета, но я счастлива, что имею собственное жилье, в котором я хозяйка.

«Мир не без добрых людей»

В. Домничева надеется, что обещания от дела квартучета все же сбудутся, и она получит отдельную квартиру. Уже десятый год она состоит на очереди для депортированных немцев на получение жилья.

- Очередь практически не двигается: десять лет назад меня с мамой поставили четвертыми, и в этом году она продолжает быть четвертой, - подчеркнула Валентина Ивановна. – Однако мир не без добрых людей.

Отрадно, что о нас, пенсионерах еще кто-то заботится. В Большой Феодосии есть немецкая организация, активисты которой реализуют программы помощи трудармейцам. Благодаря путевкам в санатории я быстро поправилась после тяжелой травмы. От Красного Креста Германии мне приходят продуктовые рождественские посылки, медикаменты и очки, что является существенным подспорьем для пенсионерки. Размер моей пенсии невелик, поэтому я с нетерпением жду этих подарков. Обожаю посещать мероприятия, проводимые нашей организацией, и с удовольствием посещаю концерты. А главное – в Феодосии у меня появились подруги, которые так же входят в эту организацию. Богом Данная подарила мне радость общения.

Репатриантка признается, что вроде бы все наладилось, но сознание того, что до сих пор Украина не приняла закон о реабилитации лиц немецкой национальности, оставляет отенок горечи.

- Неужели и мне, как и моим родителям, до конца своей жизни придется носить клеймо «врага народа»? Никакие материальные блага не сгладят чувства горечи у невинно обиженных людей, - подчеркнула она. - Очень хочу еще при жизни получить документ о реабилитации своей семьи, который Украина выдаст таким, как я. По-христиански я уже простила всех за мои унижения в местах депортации и после возвращения. Осталось это сделать властям. Это надо сделать в назидание потомкам, чтобы они не допустили подобного отношения к кому бы то ни было.

http://kafanews.com/novosti/32235/valentina-domnicheva-khochu-poluchit-dokument-o-reabilitatsii-svoey-semi_2011-08-15

Владимир Сытник

ЗАПОЗДАЛЫЙ РАССВЕТ

(отрывок из повести)

Часть вторая. Тьма

Глава первая. Неволя

В начале апреля было уже тепло. Я сменил сани на бричку. Рыжуха еле тянет тяжелый груз, из мешков муки, по непролазной грязи. Навстречу, пуская клубы дыма, ползет гусеничный трактор. Поравнявшись со мной, он остановился. Из кабины выглянул дядя Игнат и с озорством крикнул:

- Помочь гужевому транспорту?

Я смущенно улыбнулся, но ничего не ответил, а он продолжал:

- Как поживает твоя семья, Женя? (с некоторых пор всех немцев стали называть на русский лад) Полегче теперь? Ничего, скоро

погоним вражину с родной земли, а там и вас домой отпустят...

Потом он добавил:

- Если чего надо будет, помощь, какая, приходи. Что сможем сделать, то сделаем... Ну, бывай!

Он скрылся в кабине. Трактор взревел и поехал дальше.

После работы я шел домой в приподнятом настроении и с благодарностью думал о тех людях, которые, в тяжелую для нас минуту, помогали нам, поддерживали нас. Я вспомнил пожилого солдата из охраны поезда, дядю Игната, старика Каирбека и многих других, которые проявили сочувствие нашей непро-

стой судьбе.

Когда я вошел в дом, то был встречен плачущей матерью. Она ничего не могла объяснить, а только сунула мне небольшой клочок бумаги, на которой было что-то написано и стоял штамп. Я ничего не понимал. Сквозь слезы мама выдавила:

- Валентина объяснила, что это повестка тебе. Тебе уже восемнадцать лет и тебя вызывают в какую-то трудовую армию. Через два дня тебя и других парней-немцев, из нашего поселка, повезут в Джетыгару... Когда же кончатся наши мучения?! Неужели бога нет на свете?!- и она зарыдала еще громче, приложив к глазам уголок своего платка.

Вокруг нас ходила озабоченная Эльза и с тревогой в голосе спрашивала:

- Куда Ойген уедет? Кто Ойгена забирает?

Сборы были недолгими, да и собирать особенно было нечего. В заплечный мешок, из прочной холщевой ткани, мама положила жестяные чашку, кружку и ложку. Рядом с ними, домотканое полотенце и маленький кусочек хозяйственного мыла. Сверху, плотно свернув, сунула безрукавку на стертом меху. На остающееся место уложила продукты, что смогли собрать: кусочек сала, с килограмм крупы, две буханки хлеба и пару кусков сахара.

Вечером, накануне отъезда, пришел дед Каирбек и принес несколько шариков курта*. Когда он передавал их матери, сказал:

- Далекий будет дорога у Женька и у других... Мулла так сказал. Еще он сказал, что у Женька все будет хорошо.

Потом он добавил:

- Курт хороший еда. Много сила дает, и лежать может, ой долго!

- Спасибо вам за добрые слова, дедушка. Дай вам бог здоровья!- сказала мама и слезы выступили из ее, не успевших высохнуть глаз.

В этот вечер мы просидели допоздна, за столом, который я недавно сбил из старых досок. Мама почти ничего не говорила, а только тоскливо смотрела на меня. Я тоже смотрел на ее еще не старое лицо, но изможденное от горя, выпавшего на ее долю.

Морщинки вокруг ее глаз, как будто становились заметнее, час от часу. Эльза уже давно уснула, а мы все сидели и сидели в тишине. Только отчим, в соседней комнате, нарушал тишину, когда вставал с топчана и чиркал спичкой, когда закуривал. А потом он кашлял, натужно и долго.

Утром, к семи часам, нужно было быть у конторы. За полчаса до этого времени я стал одеваться в дорогу: одел рубашку, единственные целые брюки, телогрейку и старую шапку-ушанку. На ноги натянул старые ботинки отчима, которые он разрешил взять. Забросив на плечо мешок с вещами, я стал прощаться: поцеловал Эльзу и маму, еще раз осмотрел комнату. Мой взгляд остановился на пастушке, который стоял на узком дощатом

подоконнике. Посмотрев на Эльзу и улыбнувшись через силу, я сказал:

- Ты сестричка пастушка не разбей, Когда вернусь, спрошу с тебя.

Потом я спешно шагнул через порог, чувствуя, что если задержусь на мгновение, то расплачусь и не смогу идти. Мама выбежала следом, с криком:

- Сыночек! Я провожу тебя до конторы!

Я не хотел, чтобы она провожала, но ничего не смог ей сказать.

Когда мы дошли до места сбора, то увидели там Яшу Шрайнера, Федю Келлера и их провожающих. Все были подавлены, а мать Феде сильно плакала. Неподалеку стояла бричка с двумя впряженными лошадьми. На ней сидел пожилой мужчина, которого я видел в поселке, но не знал, как его зовут. К нам подошел понурый Захар Петрович. Немного помолчав, будто собираясь с мыслями, он сказал:

- Опять сынки вам в дорогу. Недавно приехали и снова... Что поделаешь, Родина требует. Надо помочь ей...

Он прервался, мгновение подумал и продолжил, с горечью в голосе:

- Только как-то все неправильно, все второпях. Ничего не дали в помощь, одежды хорошей не дали, продуктов. Чем они там думают в районе?- он осекся и виновато закончил,- В Москве, небось, не знают об этих перегибах... Мы вот, от колхоза решили... В общем, мы решили выделить нашим колхозникам, то есть вам, по паре сапог и по четыре буханки хлеба. Извините, больше нечего дать. Сами знаете, война... Сапоги и хлеб в телеге лежат.

Тут мужчина, сидящий в телеге, крикнул:

- Ну, скоро вы там? До Джетыгары путь неблизкий. Пора ехать.

Мы пошли к телеге. Провожающие, с плачем, шли следом. Потом мы, почти еще мальчишки, со слезами в глазах, залезли на телегу. Моя мама схватилась за ее край, как будто пыталась нас удержать. Кучер стеганул лошадей, и те сорвались с места, а мама бежала следом, держась за телегу и смотря мне в глаза. Потом она споткнулась и упала в дорожную грязь. Я крикнул:

- Мама!

А в ответ раздался душераздирающий крик:

- Сыночек! Ойген!

Это были последние слова матери, услышанные мною, но тогда я этого не знал.

* * *

Мы плетемся уже несколько часов. Крепкие лошади кое-как тянут телегу по, не успевшей еще просохнуть, степной дороге. Почти весь путь до районного центра мы молчали. Только извозчик изредка покрикивал на лошадей.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась степь, еще не совсем проснувшаяся от долгой зимы. Грязно-желтая сухая трава покрывала видимое пространство. Только кое-где, в низинах и на южных склонах пригорков, зеленела едва показавшаяся трава,

внося разнообразие в унылую темно-бурую палитру. Было пасмурно. Темное небо, почти свинцового цвета, изредка раздвинет тучи и на несколько мгновений пропустит на землю солнечные лучи. Временами моросит мелкий дождь. Печально было на душе, а унылая природа усиливала эту печаль.

В район мы приехали ближе к вечеру и сразу были направлены в больницу, на комиссию. Там было много таких же, как мы, парней-немцев. Врачи работали споро, не обращая особого внимания на наши болячки: руки, ноги целы и, ладно. На следующий день нас, человек двести, на бричках повезли на ту же станцию, откуда начался наш путь по казахской земле. В Бредах нас посадили на поезд, уже полный такими же горемыками как мы. Тогда мы, наконец, узнали, что нас отправляют на Урал.

Через час, после отправки состава, мы застряли на какой-то станции и стояли часа четыре.

- Большая станция... Я столько паровозов вместе никогда еще не видел,- тихо произнес, сидящий рядом со мной, парень. Он улыбнулся и продолжал:

- Меня Рудольфом зовут,- и протянул мне руку.

Я пожал его крепкую ладонь и продолжил разговор:

- Мое имя Ойген, но последнее время русские зовут меня Женя. Я из Поволжья, недалеко от нас большой город Саратов. А ты откуда?

Рудольф ответил:

- Раньше на Кавказе мы жили, на большой станции, недалеко от Тифлиса. Дом у нас был каменный, а сзади виноградник...

Он помолчал, а затем добавил:

- Забрали все у нас, а потом выгнали. Последнее время жили мы недалеко от Актюбинска. Родители и сейчас там.

Разговор поддержал худенький паренек, лежащий наверху:

- А я Эрих. Мы раньше жили в Донбассе, недалеко от Луганска. Моего отца забрали перед войной, Мне тогда лет тринадцать было. Хоть он и в их партии был, это не помогло. Сказали, что отец у него кулак... Мать помучилась одна, с тремя детьми, а потом подалась к родственникам в Казахстан...

В пути мы были почти месяц. Иногда, наш состав стоял целыми сутками, на каком-нибудь полустанке. У страны были более срочные грузы. С востока двигались эшелоны с людьми и военной техникой. Ненасытная война требовала все новых жертв и ресурсов. После Троицка степь незаметно сменилась лесами. Чем дальше на север, тем лесные массивы становились обширнее, а местность более изрезанной. Все чаще можно было увидеть трубы каких-то предприятий и силуэты огромных промышленных зданий.

В один из солнечных дней, наш состав прибыл на станцию большого города. Пути были забиты другими составами. Рядом с

нашим, стоял эшелон, состоящий из железнодорожных платформ, на которых стояли зачехленные танки и еще какая-то техника. На каждой платформе сидели или стояли по два красноармейца. На ближней, к нам, платформе край брезентового чехла завернулся, и была видна надпись на броне, белой краской: «Танкоград – фронту». Мы стояли на крайнем пути. Почти рядом с железнодорожной насыпью располагались деревянные дома, окруженные только что распутившимися деревьями с нежно-зелеными листочками. За ними высились громады кирпичных зданий, покрытых копотью. Поодаль, у водонапорной башни, шумели заросли белой сирени. Свисты паровозов, шипение пара, резкие удары сцепляемых вагонов и еще какие-то звуки - все это сливалось в непрерывный гул, висящий над станцией.

Мы уже привыкли к частым остановкам и долгим стояниям в тупиках и, поэтому, раздавшаяся команда, прозвучала для нас неожиданно:

- Выходим на улицу! Строимся в колонну по четыре!- неслось вдоль вагонов.

Неразбериха у состава длилась долго. Наконец люди были построены. Колонна, конвоируемая солдатами, двинулась со станции. Мы долго шли по окраине, среди фабричных корпусов, дорожных эстакад и складов. Вдруг, за грязно-коричневым зданием, с узкими и высокими окнами, открылось необычное зрелище. В неглубокой, но обширной низине, расчищенной от леса, копошились тысячи людей. То в одном, то в другом месте, загорались ярко-голубые ослепительные вспышки, разбрызгивая снопы искр. Неподалеку, справа, виднелась высокая, но еще недостроенная кирпичная труба, а рядом, леса строящегося здания, огромных размеров. Туда-сюда сновали полуторки, тарахтели гусеничные трактора. Мы прошли еще немного и нас остановили на ровной площадке. Где-то вдалеке послышался лай собак. Через некоторое время мы увидели, что к нам подходит отряд солдат. Некоторые из них, на поводках, удерживали рвущихся собак, лай которых оглашал окрестности. Начальник нашего конвоя передал нас командиру подошедшего отряда. Вскоре раздалась команда:

- Разбиться на партии по сто двадцать человек! Сесть на землю, по партиям!

С теми, кто мешкал, не церемонились. Со всех сторон неслось:

- Быстрее, фашисты проклятые! Не вставать, предатели!

Кое-кого покололи штыками, а некоторых покусали собаки. На холодной земле мы просидели часа три. Все были ошарашены, унижены и ничего не понимали. С первых минут пребывания здесь, в нас хотели убить все человеческое, сломить волю к сопротивлению.

Потом была баня. Нас словно скот загоняли туда, подгоняя прикладами. На мне, штыком, порезали фуфайку. В моечной было полно людей. Я кое-как нашел таз, набрал воды и стал смывать с себя, накопившуюся за месяц

грязь. Рядом, на лавке, сидел голый мужчина в годах и неподвижно смотрел в пол, опустив голову. Я обратился к нему:

- Отец, почему вы не моетесь? Скоро нас выгонять будут.

Он приподнял голову и ответил:

- А зачем? Чтобы чистым сойти в могилу?

Я почти шепотом, со страхом в душе, заговорил:

- Что вы такое говорите? Почему в могилу? Зачем в могилу? Я слышал, что мы поработаем, три месяца, и нас отпустят домой...

Он перебил меня:

- Ты думаешь, сынок, нас на курорт привезли? Заметил, как с нами обращаются? - он замолчал, а через время продолжал, - Когда мы шли, мимо проезжала машина, с открытым задним бортом, и я видел нескольких несчастных, лежащих в кузове...

Он не договорил. Дверь из предбанника распахнулась и пожилой солдат заорал:

- Кончай мыться! Выходи стричься!

Люди, не домывшись, спешно стали выбегать из моечной. Только мужчина, с которым я говорил, не трогался с места. Я схватил его под локоть, чтобы помочь подняться, но он не хотел и отталкивал меня рукой. К нам подбежал несколько солдат. Ударом приклада меня отшвырнули в сторону, и я попятился к двери. Несколько ударов обрушилось на пожилого мужчину, но он не вставал, а только сжался в комок. Еще несколько ударов: в грудь, по спине, по голове и, окровавленное тело, сползло на решетчатый деревянный пол. Я в ужасе выскочил в дверь...

Наша партия сидела в коридоре бани. Все уже были пострижены налысо, но еще голые. Наша одежда жарилась в специальном шкафу, чтобы не было насекомых. Рядом со мной сидели Яша, Федя и Эрих. Мы не разговаривали. Все были слишком подавлены. Потом мы еще долго сидели на земле, пока не помылись все вновь прибывшие люди. Затем нам вручили рабочий инструмент: лопаты, кирки, ломы и в колонне, по четыре, повели куда-то. Обогнув стройку, мы углубились в лес, но шли недолго. Вскоре просека вывела нас к обширной площадке. Она была обнесена колючей проволокой, в два ряда. По углам ограды стояли деревянные вышки, а на них охрана. Между рядами колючей проволоки, тоже ходили охранники. Некоторые солдаты были с собаками. У ворот, над которыми было написано: «16 стройотряд», нам было приказано остановиться. Здесь нас держали несколько часов: пересчитывали по партиям, сверяли списки, а затем, открывалась одна половина больших ворот и толпа новых узников, поглощалась лагерем. Внутри лагеря, на обширном плацу, окруженном бараками, нас снова построили. Вокруг стояли солдаты,

а перед фронтом, группа офицеров. Из нее вышел толстый человек низкого роста и надменно закричал:

- Граждане! Я начальник лагеря. Фамилия моя Горюнов. С этого дня вы находитесь в трудовой армии. Идет тяжелая война с фашистами, и вы будете находиться на особом, на военном положении. Что от вас требуется? Первое- дисциплина! Второе - добросовестный труд! За всякого рода нарушения, будет наказание по законам военного времени. Никому не будет пощады, особенно предателям, пособникам фашистов. Пока вы будете жить на улице. Скоро будет закончено строительство тридцать первого и тридцать второго бараков...

Дальше я не слушал. В голове, как - будто молоты стучали: «Предатели..., предатели..., предатели...» - и вихрем проносились ужасные картины минувшего дня.

Около одиннадцати часов вечера, с работы стали возвращаться люди. Партия за партией заходили они на территорию лагеря, в сопровождении конвоя. Это было страшное зрелище. Люди были измучены, шли еле-еле. Одежда клочьями свисала с истощавших тел. Некоторым помогали идти соседи по строю. Возраст их было трудно сразу определить, но при внимательном рассмотрении было видно, что среди них были люди разных возрастов, от совсем молодых, до пожилых. Лагерь наполнился гулом тысяч людей. Мы сидели под стеной барака и со страхом наблюдали за происходящим. Я, в это время, думал:

- Неужели и мы будем такими же? Разве это люди? Как в них еще жизнь держится?... Да, через месяц мы будем так же страшны...

Мои раздумья прервал пожилой человек, который устало, опустился у стены барака, неподалеку от нас. Он закашлялся и, не к кому не обращаясь, сказал:

- Еще один день прошел... Я еще живой... Не думал, что целых шесть месяцев выдержу... Ну, ничего, недолго осталось...

Он еще что-то хотел сказать, но опять закашлялся, а потом, закрыв глаза, сидел хрипло дыша. Я, слушая его речь, обратил внимание на сильный акцент, выдававший в нем не славянина. Я пересел поближе к нему и спросил:

- Вы откуда отец?

Он открыл глаза, повернув голову, оглядел меня и ребят, сидящих неподалеку, и почти прошептал:

- Новенькие, наверное? Еще не отощали... Мало все Ему, усатому...

Он замолчал, потому что кашель душил его. Отдышавшись, он продолжал:

- Какой я тебе отец? Недавно тридцать семь минуло... Финн я. Слышал о такой стране? Красивая страна... Много леса и везде озера, озера... Разные тут люди. Итальянцы

* Курт распространён у тюркских народов. Его делают из творога, полученного из конского молока. Творог растирают с солью и красным перцем до однородной массы, а затем скатывают в небольшие шарики, которые накрывают тканью и вялят на солнце 3-4 дня. По вкусу курт очень похожа сухой сыр.

есть и румыны. Всего пятнадцать тысяч здесь... мучаются.

Он замолчал и продолжал сидеть, прикрыв глаза. Только его хриплое дыхание говорило о том, что он еще жив.

Когда стемнело, на вышках зажглись прожектора. Их голубые лучи шарили по зданиям, земле и окружающим лагерь деревьям. Было холодно. От земли тянуло

сыростью, а из леса выполз туман. Я долго не мог уснуть от холода и мыслей, будораживших мое сознание. Незаметно я уснул, но кошмары минувшего дня и во сне не давали покоя.

Глава вторая. Между жизнью и смертью

Меня разбудили звонкие удары трубы о кусок рельса. Я открыл глаза и в предрассветных сумерках увидел суету людей, спешивших занять свое место на плацу. В разных концах лагеря, на разные голоса, звучала одна и та же команда:

- На работу строится!... На работу строится!...

Мы схватили инструмент и поспешили к месту построения. Кое-как, среди десятков партий, мы нашли нашу. После быстрой переключки нас повели на работу.

Работа оказалась недалеко от лагеря. Это была каменоломня на краю горы покрытой лесом. Перед началом смены, нам представили нашего бригадира, крымского немца, Адама Яковлевича и установили норму выработки. После этого мы приступили к работе. Это был адский труд. Каждому установлена норма - три вагонетки камня, за смену. Этот камень нужно было выломать из монолитной скалы, измельчить, погрузить в вагонетку, вытолкать ее наверх, разгрузить и аккуратно сложить, чтобы учетчик мог сделать замер. В нашей партии были, в основном, молодые ребята. Мы добросовестно принялись за дело, но к полудню все выдохлись. Ныли плечи и руки, а на ладонях вздулись огромные волдыри. Я присел передохнуть, но раздался окрик охранника:

- Работать! Не останавливаться!

Я снова схватился за кирку. Пот заливал глаза, сознание мутилось, и силы были на исходе. Наконец прозвучала команда:

- Перерыв на полчаса!

Мы думали, что сейчас нас накормят, но не дождалось обеда. Все короткое время отдыха, мы обессилено пролежали в тени каменных глыб.

Не помню, как я доработал до вечера. Измученные, мы брели в лагерь, под лай свирепых собак и окрики охранников:

- Шевелись! Не разговаривать!

Кое-как дошли мы до лагеря и пошли в то место, где провели предыдущую ночь. Здесь уже расположилась группа людей из другой партии. Они сидели молча. Эрих обратился к ним:

- Вы давно здесь? Где вы работаете?

Пожилой человек, как бы нехотя, ответил:

- Уже третий месяц. На лесоповале мы..., - он не договорил, и устало прикрыл глаза.

Яша, Эрих, Федя, я и еще несколько человек, сели в полукруг и стали доставать, что у кого осталось из продуктов. На деле оказалось, что почти ничего нет. Мы разделили остатки сала и сахар. У меня еще было пшено, но его негде было приготовить. Когда я засовывал его обратно в вещевой мешок, то человек, который разговаривал с нами, тихо сказал:

- Дай его мне...

Я подал ему мешочек, а он, почти вырвав его из рук, стал лихорадочно развязывать его узловатыми пальцами. Потом, так же лихорадочно, он стал пригоршнями запихивать пшено в рот, отвернувшись от всех. Я посмотрел вокруг и увидел жадные взгляды других людей. Рука, с кусочком сала, сама потянулась в сторону неподалеку сидящего человека. Я отдал его. Мои друзья сделали то же самое.

Оставшись без ужина, я свернулся калачиком на земле, подложив под голову вещевой мешок и стал слушать затихающие звуки лагеря, приготовившегося к тревожному сну. Вдруг, какая-то тень накрыла меня. Я вздрогнул и повернул голову. Рядом со мной стоял Адам Яковлевич. Он, обращаясь ко всем, сказал:

- Плохо вы сегодня работали... Не постарались.

Федя, с запальчивостью, ответил:

- Мы старались! Мы работали изо всех сил!

Бригадир продолжал:

- Видно сил у вас оказалось маловато, что норму никто не сделал. Завтра вы не получите свой хлеб...

Он резко повернулся и пошел, а мы с недоумением смотрели ему вслед.

Молчание нарушил парень, которому я отдал сало:

- Вы не налегайте на работу с утра, а то выбьетесь из сил. Работайте равномерно. Тогда норму выполните и свои 650 граммов хлеба получите... Без хлеба никак нельзя здесь...

Он подумал, а потом сказал:

- Не повезло вам. Плохой бригадир вам достался... Плохой он человек. Злой человек. Он на рубке леса уже работал. Не в нашей партии. Выслуживался перед этими... Обирал людей. На него рабочие ель свалили, но бог спас его. Почему бог помогает плохим людям? Он замолчал. Мы тоже молчали.

Однообразные, тяжелые дни, тянулись нескончаемой чередой: подъем, баланда, каторжный труд, пот, боль в мышцах и суставах, баланда, тревожный сон, подъем...

В один из жарких, таких похожих друг на друга июльских дней, я монотонно долблю тело скалы киркой. Пыль набивается в глаза, нос, уши, оседает в легких. Пот, размывая пыль, грязными ручьями течет по лицу. Эта работа, доведенная до автоматизма, казалось, срослась с твоим телом. Она медлен-

но, но неуклонно, высасывает силы. Смена тянется бесконечно. Сознание размыто. За два месяца, мускулы и жилы, отработали каждое движение и сами «знают» что делать. Удар, брызги каменной крошки, натужный подъем кирки, еще удар... Я не сразу обратил внимание на характерный треск. Скала дала трещину. Теперь, меняя кирку на лом, можно немного передохнуть и попить воды. Я медленно побрел к бодяге с водой, не смотря по сторонам, но каждым мускулом чувствуя, как вокруг сотни людей, в невероятных муках, крушат земную твердь. Вдруг, откуда - то сверху, раздался страшный грохот. Я инстинктивно прижался к камню, обдавшему меня жаром. Миг спустя, огромный кусок скалы пронесся надо мною и скрылся за уступом каменоломни. Он прыгал с уступа на уступ, пока не упал на дно карьера. Раздались истошные крики. Я подошел к краю и увидел страшную картину: несколько работников и один охранник были раздавлены обломком. Их изувеченные тела лежали в неестественных позах. Среди них было тело моего земляка и друга, Феде Келлера. Отовсюду, к месту катастрофы, бежала охрана, но что было дальше, я не видел, так как стоящий неподалеку конвоир заорал, наставив на меня дуло винтовки:

- Не стоять! Работать, немчура проклятая!

* * *

В нечеловеческом труде, когда в полузабытьи, слились день и ночь, прошли три месяца. К концу этого срока мы засобирались домой. Мы ожидали, что вот-вот нам объявят, что мы можем возвращаться к семьям. Проходили дни, а затем недели, но никто ничего не говорил нам. Тогда мы сказали Адаму Яковлевичу, что срок, который нам назначили, истек. Он буркнул, что передаст начальству. Через два дня, во время утренней переклички, к нашему строю пришел начальник лагеря и с издевкой закричал:

- Так вы домой собрались? Идет страшная война, а вы домой? Куда вам фашисты домой? Сгниете все здесь! Я вам покажу, предатели!...

Он еще что-то кричал, но это было уже неважно. Стало ясно, что домой нас не отпустят и, наверняка, мы сгинем в чужом краю. Страх сковал наши души. Но еще страшнее было клеймо, которое на нас навесили. Оно не оставляло никакой надежды на будущее.

После недели отдыха, в конце сентября, нашу партию и еще одну, поселили в барак номер тридцать два. Это было приземистое и длинное сооружение из плохо подогнанных бревен. Всего несколько окон было прорезано в нем. Внутри, вдоль длинных стен, были сооружены деревянные, двухэтажные нары. Пол был земляной. Но мы были рады и такому неуютному жилью. Ночи уже были холодными, часто шел дождь. Несколько человек из нашей партии, заболели. Их забрали в лазарет и к нам они больше не вернулись. Что с ними

стало? Выздоровели ли они? Об этом мы ничего не знали.

Пришла зима. Мы по-прежнему работали на добыче камня. Стало еще труднее. На смену жаре, пришел другой враг - холод. Нам не давали никакой одежды. Только раз, за все время, выдали какие-то ветхие бушлаты, да какие-то ботинки, которые не спасали от жестоких уральских морозов. Появилось много обмороженных. Особенно мерзли ноги и руки, которые мы обматывали обрывками тряпок. К этому времени мы совсем ослабели. Скучный рацион и работа, за гранью возможного, медленно убивали наши, некогда здоровые тела. Ряды нашей партии, как и других, таяли. Умерли или погибли многие из тех, с кем я приехал сюда, в кажущемся таком светлом и теперь таком далеком мае.

Поздний февральский вечер. Нас недавно пригнали с работы и мы, после вечерней баланды, лежим на нарах, распрямив свои усталые плечи. Очень холодно. Окошко, которое недалеко от места, где я лежу, покрыто толстым слоем инея. На мне безрукавка, которую когда-то положила в вещмешок мама и потрепанный бушлат. Подо мной голые доски, а накрыт я куском мешковины, который достался мне от недавно умершего соседа по нарам. Рядом лежит Эрих. Его исхудавшее лицо, словно светится в сумраке. С другой стороны, от меня лежит дядя Макс. Он ворочается с бока на бок, стараясь согреться, и все время кашляет. В бараке почти темно. Только в дальнем конце, на выходе, горит не большая керосинка. Ее тусклые лучи освещают охранника, склонившегося над столом. По узкому и длинному проходу, между нарами, бегают серая овчарка.

Эрих шепотом обращается ко мне:

- Слышал Ойген, что в лагере говорят?

- А что говорят? - спрашиваю я, хотя знаю последние новости, которые шепотом передают по лагерю заключенные. В лагере говорили о победе под Сталинградом. Просто мне хотелось, еще раз, поговорить об этой радостной вести, которая давала призрачную надежду на наше спасение.

Эрих с неподдельным удивлением отвечает мне:

- Ты не знаешь что Гитлеру намылили шею под Сталинградом? Что самого ихнего фельдмаршала в плен взяли и солдат тысячи?

Он сообщает это слишком громко. Охранник поворачивает голову, всматривается в темноту и вяло говорит:

- Чего шумите? Порядка не знаете?

Мы затаиваемся, а через некоторое время продолжаем разговор.

- Знаю я об этом. Как не знать? - говорю я, и воспоминания на мгновение овладевают мною. Потом я продолжаю:

- Это недалеко от наших мест. Выше от нас, по Волге, Саратов, а ниже, по течению, Камышин. После Камышина Царицын, Сталинград, по - сегодняшнему. Когда мне было лет десять, все о нем только и говорили.

Там тракторный завод строился. Многие парни уехали тогда из села на стройку, лучшей жизни поискать...

Эрих, с надеждой в голосе шепчет:

- Может, после этого, война скоро закончится? Может нас отпустят вскорости?

Не знаю, что ему ответить. Я тоже надеюсь на это, но верю в хорошее очень мало. Я говорю ему:

- Ладно, Эрих, давай спать. Завтра на каторгу опять. Может, и не вернемся, завтра...

Мы прижимаемся к друг другу спинами и, немного согрившись, засыпаем тревожным сном...

- Подъем!- доносится сквозь сон ненавистная команда.- Принимать пищу и строится!

Мы, как хорошо выдрессированные животные, вскакиваем настолько быстро, насколько позволяют наши силы. По проходу ходит солдат-украинец и кричит:

- Швидче! Швидче!

Я уже стою на полу, держа чашку и ложку, делаю шаг, чтобы идти к пище

и останавливаюсь. Мое внимание привлекает, лежащий неподвижно, дядя Макс. Я снова залажу на нары, хотя это отнимает много сил, толкаю его и говорю:

- Дядя Макс, уже подъем! Вставайте, а то охрана бить будет!

Он не отвечает. Я беру его за плечо, чтобы повернуть к себе, но не делаю этого. Я уже понял - он мертв. Я не пугаюсь, не кричу ничего и сам удивляюсь этому. Потом я сползаю с нары и сообщаю о случившемся дежурному.

До построения еще есть несколько минут, и мы стоим на улице, у ворот барака, где сложены трупы, умерших за ночь, людей. «Сегодня четыре человека,- машинально веду про себя страшный счет.- У тридцать первого барака три покойника, а вчера было два,- считаю в уме». Потом я смотрю на тело дяди Макса, лицо которого выражает спокойствие и только теперь, сердце пронзает острая боль, а в голове проносятся мысли: «Вот потерял еще один, почти родной человек, мой земляк из соседней деревни. Еще одна ниточка, связывающая с прошлым, оборвалась... А каково родным? Он говорил, что у него трое детишек... Они домой ждут. И жена ждет. Никакой бумажки не дадут им, никакой справки... Все, нет его! Не было человека! Пропал без вести...». Мои печальные мысли прервал звук скрипящего снега. Это подъехали сани похоронной команды. На них уже сложены, штабелем, больше десяти одеревеневших тел. Когда на сани забрасывали тела из нашего барака, они еще не успели замерзнуть, и издавали характерный звук: «Ух, Ух...» Что будет дальше, я знал. Мы наблюдали один и тот же процесс каждый день. Сейчас соберут тела у остальных бараков. Затем, пока мы будем стоять на плацу, страшный обоз, из пяти- шести саней, выползет за территорию лагеря, к траншее, выкопанной заключенными летом. Сани перевернут и трупы, глухо стуча,

упадут в яму. Будут заполнять это место день за днем, пока не навалит доверху. Потом бульдозер заровняет общую могилу, а похоронная команда будет наполнять соседний участок траншеи...

* * *

Прошел год, как мы покинули отчий дом, и попали в этот ад. Пришла весна. День ото дня становится теплее. Это нас обнадеживает. За зиму мы совсем ослабели. Еще немного и тяжелая работа, скудная пища и холод, доконают ещё остающихся в живых. Теперь холода не будет. От мысли о холоде мурашки покрывают тело. За год, система превратила нас почти в мертвецов. В бараке копошатся не люди, а призрачные, почти прозрачные тела, покрытые лохмотьями одежды. Их лица лишены мысли и не выражают почти никаких эмоций. Мы ослабели настолько, что лагерное начальство, сначала снизило норму выработки, а затем было вынуждено дать нам неделю отдыха. Эта неделя глубоко врезалась в мою память. Раньше, когда мы работали, не знали что происходит в лагере днем. Мы только знали, что оставшиеся в бараке больные куда-то исчезали. Мы предполагали, что их забирали в лазарет, а оттуда они распределяются в другие бригады и партии. Это были наивные рассуждения. Любой здравый довод мог легко разрушить наши предположения.

В то утро, мы как обычно, встали рано, по команде «подъем», которая звучала по всему лагерю. Но сегодня нам не нужно было, лихорадочно быстро есть, и торопиться на плац. Получив утренние 250 граммов хлеба и ковш похлебки, мы пошли на солнечную сторону барака и сели на утопанную, тысячами ног, землю. Природа уже проснулась от долгой зимы. Неподалеку, за рядами колючки, стояла зеленая стена леса, на фоне которого белели черточки березовых стволов. Из-за него вставало солнце. Когда оно поднялось над лесом, то его лучи обдали наши истощавшие и обессиленные тела, живительным теплом. Сидевший рядом Рудольф сказал, ни к кому не обращаясь:

- Опять эта баланда... Хоть бы одна картошинка, хоть бы пятнышко жира. Одна крапива...

Яша безразлично сказал ему:

- Может тебе еще и мяса дать? Смотри, разжиреешь, работать не захочешь...

Я ел, молча и вспоминал дедушкин подвал, представляя его будто наяву. Вот я опускаюсь на четыре ступеньки от уровня земли, открываю тяжелые двери и ступаю в темное чрево подземелья. Сойдя с последней ступени, протягиваю правую руку и нащупываю коробок спичек, который всегда здесь лежит. Я, чиркаю спичкой и зажигаю керосиновую лампу. Ее свет тускло освещает помещение, дальняя стена которого остается в темноте. Справа, вдоль стены, тянется стеллаж, весь заставленный посудой с соленьями и вареньем из яблок и разных ягод. Слева стоят деревянные бочки с

квашеной капустой, солеными помидорами, огурцами и маленькими арбузами. На прочной балке, под потолком, висят куски копченой свинины...

Голос Эриха возвратил меня из области грез на грешную землю:

- Как надоел этот горький настой хвои, который словно вталкиваешь в себя, каждый день...

Сидящий неподалеку старик Отто, с болезненным лицом, неизвестно как выживший в эту зиму, со злостью говорит:

- Как же, власти лагеря пекутся о нашем здоровье, чтобы было кого запрягать в плуг, как быков. Этот толстяк начальник...,- он не договорил, потому, что к нам приближался Адам Яковлевич. Подойдя, он громко прикрикнул на нас:

- Чего расселись? Поворачивайтесь! Думаете, раз освободили на неделю, то и сидеть можно? Сегодня часть людей пойдет на уборку территории, а остальные будут околевающих убирать.

Он ушел быстрым шагом, а старик Отто, глядя ему вслед, пробормотал:

- Смотрите, как разговаривает с нами этот немец из Крыма, как господин... Голос, какой у него стал командный. Не отоштал, как мы...

Яша зло поддержал:

- Да, живется ему неплохо. Хлеба ест, наверное, от пуза. Люди говорят, что охрана выпускает его, иногда, в город... Будто бы он там себе какую-то Еву завел. Совсем как в Библии... И не грешно ему так жить, других за людей не считать?

После утренней еды, двенадцать человек, в том числе и я, были определены собирать и грузить умерших, по близлежащим баракам. Мы ходили из барака в барак в сопровождении офицера и солдат, в новой форме, с погонами. Следом ехала подвода. В очередном бараке мы нашли двоих умерших и четверых больных. Умерших погрузили на подводу. Офицер долго не мог решить, что делать с больными. Потом, обращаясь к Адаму Яковлевичу, сказал:

- Этих двоих, что ходячие, сопроводить в лазарет, а этих,- он кивнул на двоих людей, лежащих неподвижно,- перенесите в свой барак. К вечеру все равно околеют. Туда женесите еще, если будут.

Потом он обратился к солдату, который вел записи:

- Якушкин запиши, что из двадцать восьмого барака двое больных отправлены в лазарет, а двое похоронены.

После этих слов он пошел к выходу, а у нас волосы встали дыбом, страх сковал нас. Каждый думал одно и то же:

- Как так, еще живые люди, а уже записаны в умершие!?

Бригадир прикрикнул:

- Что стоите? Выполняйте приказание гражданина офицера!

Мы положили одного парня, без сознания, на носилки и понесли. Вдруг он очнулся, приподнял голову и смотрит по сторонам, не

может понять, что с ним происходит. Потом он впился испуганными глазами в несущего носилки сзади и все спрашивал, преодолевая хрип в груди:

- Куда это меня? В лазарет, да? Куда это меня?

Через неделю нас снова направили на работу. Мы стали работать на строительной площадке, которую я видел год назад, когда мы прибыли и нас вели в лагерь. Здесь многое изменилось. Высокая кирпичная труба была достроена. Здание возле нее, тоже было завершено. Появились три новых, еще недостроенных сооружения. Здесь мы и работали: пилили бревна, сбивали опалубку, убирали мусор. Эта работа была намного легче, чем в каменоломне. Я думал, что наконец-то счастье улыбнулось нам и на этой работе мы дотянем до того дня, когда нас освободят. Но надежды не оправдались. Через месяц, из нашей партии отобрали пятьдесят парней, что покрепче и сформировали бригаду. В нее я тоже попал. Нас отправили на рубку леса.

Красив уральский лес летом. Бескрайнее море зелени, гигантскими волнами, то взбирается на невысокие горы, то схлынет в долины. Его прохлада облегчает наш нелегкий труд. Только тучи мошкары не дают покоя. Она набивается в нос и рот, попадает в глаза, немилосердно кусает. Бригада разбита на пары. Десять пар валят лес, а остальные очищают его от сучьев, пилят многометровые бревна на части и грузят на прицепы тракторов. Я и еще один парень, на два года старше меня, орудуем топорами или работаем двуручной пилой. Дневная норма - двадцать четыре дерева на пару. Здесь надзор не такой, как в каменоломне. Конвоиры, по одному или группами, сидят поодаль в тени деревьев. Некоторые плещутся, в протекающей рядом, речушке. Командир над охранниками, пожилой старшина, по имени Охрим. Это незлобивый человек, относящийся к нам почти с отческой теплотой. Однако, где это необходимо, он может быть строгим. Кажущаяся свобода не расхолаживает нас. Норму необходимо выполнять, иначе, останешься без хлеба или, не дай бог, возвратят обратно, на камень.

- Поберегись!..- кричат то там, то здесь, а неугомонное эхо многократно вторит «Оберегись!.., берегись!., регись!..»

Слышится треск ломаемых ветвей, сучьев и громады вековых елей, с гулким звуком, падают на землю: «ух...!» Отовсюду слышен стук топоров и голоса работающих. После полудня, как обычно, Охрим, отдает команду обедать. Этот обед готовит кто-то из наших. Бригада сама решает кто. Обычно, готовить обед, мы отправляем больного или очень обессилевшего. Он варит похлебку из лесной зелени или, что редко, из какой-нибудь дичи и при этом отдыхает, восстанавливает силы. По команде старшины мы собираемся у костра, где мошкары поменьше. Ложки стучат о жестяные миски. Мы с жадностью поглощаем горячую похлебку. Здесь, в лесу, мы не так

голодны, как в каменоломне. Иногда, Охрим, позволяет нам «попасть» в малиннике или отпускает двоих ребят на сбор грибов. Пока мы едим, старшина садится рядом на пень, снимает пилотку, отирает ею пот со лба и говорит, как будто сам себе:

- Жарко нынче... В такую пору у нас, на Вятке, леса горят..., - а потом, обращаясь к нам, добавляет, - Вы перед уходом в лагерь, костерок хорошо притушите, а то, не ровен час, пожар случится. Зверью и птице горе, какое, да и людям тоже.

Он достает кисет и делает самокрутку. Закуривает, жадно втягивая дым, а потом продолжает:

- Я вот чего не могу сообразить. Как вы, родившиеся в этой стране, могли предателями стать? Нормальные вроде люди и... фашисты, предатели. Или я чего не понимаю?... Нет, не фашисты вы. Фашисты, те с Гитлером, а вы..., вы по ошибке... Ничего сынки, я думаю недолго вам мучиться. Слыхали, что под Курском Гитлеру устроили? Да где вам слышать-то? Утром, по радио, диктор говорил, что сильно побили там врагов. Наши тоже много полегло... Ну, ничего, на то она и война. Погнали нечисть с родной земли.

Он замолчал, и мы молчали, пораженные такой новостью. Потом мой напарник тихо сказал:

- Мы не фашисты. Мы советские немцы.

Охрим, посмотрел на него и ничего не ответил, а только, встав с пня, скомандовал:

- Кончай обед! На работу, живо, марш!

Когда мы возвратились в лагерь, там меня ждала страшная весть - умер мой земляк и товарищ Яша Шрайнер. В лагере, уже третью неделю, хозяйничала неизвестная болезнь. Среди узников, то и дело, слышалось непонятное слово «эпидемия». Когда сегодня я уходил на работу, то проведал друга, лежащего, по приказанию начальства, в конце барака, среди других больных. Яша, скрючившись, лежал на нарах, обхватив живот руками. Увидев меня, он улыбнулся через силу, а потом, улыбку сменила страшная гримаса, в которой смешались: боль, страдание и страх. Сделав огромное усилие, он прошептал:

- Феде уже почти год, как нет... Скоро меня тоже не будет... Останешься один из нашего посёлка...

Он немного помолчал, собираясь с силами, а потом продолжал:

- Интересно, как там сейчас? Моя сестренка уже, наверное, почти невеста, да и ваша Эльза тоже... Помнят они о нас, как ты думаешь?

Преодолевая дрожь в голосе, я сбивчиво ответил:

- Конечно, помнят! Каждый день помнят! А ты поправишься и мы, вместе, вернемся домой!

Яша молчал, как будто в забытии и я тихо отошел от него, вытирая, на ходу, слезы. Потом мы ушли на работу, и я его больше не увидел.

Болезнь свирепствовала почти до самой осени. Голод, антисанитария, барачная скученность тысяч людей, адский труд, обессиленность нас - все это способствовало тому, что болезнь многократно увеличила число своих жертв. Лазарет был переполнен, и люди оставались без помощи в своих бараках, заражая соседей. Похоронная команда не успевала убирать умерших и они, иногда по нескольку дней, лежали среди живых, распространяя болезнь и зловоние. Не знаю, как эта участь минула меня, но я остался жив.

Всю зиму и следующее лето, наша бригада опять работала на добыче камня. Это был самый тяжелый и страшный период моего пребывания в трудармии. За предыдущий срок, наши тела были настолько выработаны, а наше здоровье настолько подорвано, что не оставалось ни малейшей надежды остаться в живых. Особенно невыносимо трудно, было зимой. Каждое утро, мы еле тащились к месту работы. Было очень холодно. Вокруг стояли неприветливые заснеженные деревья. Сознание двоилось. Грезы мешались с действительностью. Тело машинально двигалось, инстинктивно подчиняясь командам, а мысли были далеко... Я думал о матери... Мне представлялось ее лицо, с печатью трудно прожитых лет. Я чувствовал ее шершавые и теплые ладони, глядящие меня по спине. Я слышал ее голос: «Ойген, сыночек мой...» Только через много лет я узнал, что тогда, ее уже не было в живых.

* * *

Нас опять гонят в этот ад. Уже лето. Я все еще жив. Природа преобразилась. Куда ни посмотришь, везде невысокие горы, поросшие густым лесом. Солнце поднимается выше и становится жарко, хотя еще раннее утро. От мысли, какое пекло ожидает нас среди камней, я вздрагиваю. Мы бредем, едва передвигая ноги. В затуманенное сознание, будто из другого мира, глухим эхом, прорываются окрики конвоиров и лай собак. Страшно хочется есть. От пустой похлебки и стакана хвойного настоя в животе, временами, нарастает и затихает боль. Время от времени, желудок терзают жестокие спазмы. Я стараюсь думать о другом, но мысль о еде настойчиво пытается мой мозг, голод не дает мне покоя. От недоедания и адской работы, я очень ослаб. Временами, на мгновение, я теряю сознание и контроль над собой. В один из таких моментов, ноги выносят меня из колонны к обочине, где растет какая-то трава. Я падаю на колени, судорожно, обеими руками, рву траву и лихорадочно запихиваю в рот. Подбегают несколько охранников и бьют меня прикладами, но я рву и рву траву, пока не теряю сознание.

Когда ощущение реальности вернулось ко мне, то первое, что я увидел - пыльные сапоги охранника. Я лежал на дне карьера, среди обломков камня. Солнце стояло в зените и немилосердно пекло. Над головой жужжали назойливые мухи. Голову и все тело изматы-

вала тупая боль. Я, с невероятным усилием, поднес руку к голове и, дотронувшись до нее, ощутил ссохшиеся от крови волосы. Повидимому, я застонал, потому, что захрустел щебень, и сапоги повернулись носками ко мне.

- А, очнулся бедолага,- сказали сапоги, с участием в голосе, - Тебе что, жить надоело? Тут суровые законы. Никто чикаться не будет.

Я лежал на боку и не видел, говорящего, выше коленей. Но он, наверное, видел мое лицо, потому что, когда я провел языком по пересохшим губам, он крикнул:

- Назимов! Принеси бедолаге воды, а то не доживет до вечера. Да прикрой чем ни будь. Солнце-то вон как печет...

После этого я снова потерял сознание.

Это происшествие, лишило меня остатков сил. Утром, когда я приподнялся на нарах, чтобы сползти с них на построение, то в голове помутилось, и я свалился в проход. Меня поместили в медчасть. Там я пробыл почти месяц.

* * *

Пребывание в медчасти, наверное, дало мне возможность остаться в живых. Этот месяц, остался единственным светлым пятном в моей памяти, на фоне беспросветного мрака и отчаяния остального времени, проведенного в лагере.

Я просыпаюсь от звонких голосов медсестер, пришедших на дежурство и приступивших к своим обычным обязанностям. Здесь я уже вторую неделю, но никак не могу привыкнуть к чистой постели, к тому, что не раздастся команда «подъем» и не нужно второпях бежать на плац, а потом изнемогать от тяжелой работы под дулами винтовок.

Сегодня в нашем отделении дежурит пожилая сестра милосердия, которую все зовут баба Груня. Это худенькая пожилая женщина с печальным лицом. Я уже знал, что два ее сына и муж, погибли на фронте, а дома она ухаживает за старшим сыном - инвалидом, у которого нет обеих рук. Эта добрая, чуткая женщина, чем-то, напоминает мне маму, но я не могу понять чем: то ли печальными глазами или теплыми шершавыми ладонями.

На второй день моего пребывания здесь, когда было ее дежурство, она, войдя в помещение, где я лежал, сразу прошла к моей койке, печально мне улыбнулась и спросила:

- Как чувствуешь себя сынок?

От ее голоса и взгляда, у меня, ком подкатил к горлу. Я чуть не заплакал. Она погладила меня по руке, поправила одеяло и тихо отошла к другой кровати.

Три здания медчасти расположены в углу лагеря, вплотную к лесу. От лагеря, ее территория отгорожена двумя рядами колючки. Сюда ведет только один вход - узкие одностворчатые ворота. Свободного времени много и я с соседями по палате, но чаще один, сижу оперевшись о бревенчатую стену лазарета и

смотрю на лес. Его зеленая стихия живет своей жизнью в двадцати метрах от меня. Вот белка промелькнула рыжим пятном и скрылась. Из затененной глубины, слышится потрескивание сучьев, которое прекращается через минуту. По опушке прошуршало семейство ежей. Стоит мне повернуть голову вправо и совсем другая, страшная жизнь, открывается взору. Там лагерь. Там изнуряющая работа, издевательства, болезни и голод. Ужас охватывает меня при мысли, что скоро я вернусь туда.

Однажды, когда я, как обычно, сидел за лазаретом, наслаждаясь покоем и теплом, ко мне подошла баба Груня.

- Что сынок, отдыхаешь? Я не помешаю тебе?- спросила она.

- Что вы, что вы,- запинаясь, отвечал я, вскакивая на ноги.

Она стояла и смотрела на меня тёплым взглядом, а потом спросила:

- Давно ты здесь?

- С позапрошлой весны,- ответил я.

- Да, давно ты мучаешься. Мой сын говорит, что на фронте, хоть и убить могут, но таких издевательства и мучений не приходилось испытывать. Он говорит, что неправильно и несправедливо то, что сделали с советскими немцами. Он говорит, что вы, такие же граждане СССР, как все. Еще он говорит, что вы могли бы много пользы принести на фронте, чем погибать здесь, как в морилке,- и она с опаской посмотрела по сторонам. Потом тихим голосом, почти шепотом, продолжала, - Ничего сынок, будет и этому конец. Война уже скоро закончится. Слышал, что нам помощь пришла? Американцы и англичане, с запада на немцев напали. Вот, вместе одолеем Гитлера и вас домой отправят... Ты, я вижу, окрепнешь, да и товарищ военврач, я слышала, говорил, что Миллера, через денек - другой, надо назад отправлять. Ну, ничего сынок, ты крепкий и все выдержишь... Ты вернешься домой, я знаю.

Она погладила меня по плечу и ушла. Я стоял и беззвучно плакал.

Глава третья. Родные

Через четыре месяца после моего призыва, умер отчим, австриец Франц. Он умирал в тяжелых муках. Дышать почти не мог и, то ли в бреду, то ли наяву, бормотал:

- Несправедливым я к тебе был... Мучил я тебя Ойген. Прости меня... сын... Ты скажешь ему, Эмма?...

Его похоронили на краю поселка, неподалеку от старого казахского кладбища. Мама еще больше осунулась и сгорбилась. Тяжелый труд, болезнь и одиночество подтачивали ее и, без того, слабое здоровье. Прожив еще с год, мама решила перебраться в другое место, в поселок Валерьевка, что лежал недалеко от большой станции Тобольской. Там жили родственники, двоюродный брат Феликс с семьей, сын Климентины, сестры моего деда. Там же жила семья моего отца. Власти долго не давали разрешения на переезд,

но Захар Петрович помог. До того поселка, путь был неблизкий, но мама решилась идти. Накануне вечером, пришел старый Каирбек. Он, кряхтя, сел на табуретку, подставленную мамой, помолчал, а потом сказал:

- Остался ты Эмма с дочка. Парень твоя далеко... Придет домой, где твоя искать?

Мама отвечала:

- Ничего, дядя Каирбек, люди подскажут. Вы вот скажите, где мы.

Каирбек продолжал:

- Моя скажет, если живой будет. Старая я совсем. Мой жена на десять годов мала, чем я и то старый... Ну, ничего, другой люди скажет. Хороший люди много. Плохой мало, хороший больше...

Он молчал, глядя Эльзу по головке, а потом произнес:

- Отвезу я твоя до поселок. Сенокос прошла. Что Каирбек сейчас делать? Захар отпускала. Моя хотел могила аке и ата* побывать и сын, Ермек, недалеко от твоя поселка живет. Давно я внук не видала...

У мамы слезы выступили из глаз. Она схватила руки старика, трясла их и, всхлипывая, повторяла:

- Спасибо, спасибо дядя Каирбек...

Он пытался освободить руки и смущенно бормотал:

- Ты чего дочка? Не нада дочка... Хороший человек помогай радостно. Аллах все смотрит. Ты помогай, тебе помогай... Мой младший сын, на война кто-то помогай, раненый приноси. Он письмо из госпиталь писала... А Ойген, другой добрый человек помогай, тогда все хорошо будет...

Они ехали долго. Старая лошадь медленно тянула телегу. На второй день, в стороне от дороги, Эльза увидела большое дерево и спросила:

- Дедушка Каирбек, смотрите, дерево совсем одно. Как оно тут очутилось?

Старик ответил:

- Эта дерева давно тут. Дед моей деда говорила, что Аллах его посадила, Мы спать там будем. Там лежит моя аке и ата, тоже.

Лошадь, повинувшись непонятным нам, словам хозяина, свернула с дороги и повезла нас к дереву. Вблизи, оно оказалось старым тополем, верхушка которого была расщеплена ударом молнии и высохла. Рядом располагалось небольшое мусульманское кладбище. Когда мы остановились неподалеку, Каирбек снял с телеги две кошмы** и расстелил их на земле. Развел рядом костер. Потом распряг лошадь, стреножил ее и пустил пастись. Положив возле нас свою дорожную котомку, он сказал:

- Кушайте тут. Бери моя сумка, что там есть. Спать ложись, а моя к ата пойдет.

Он взял из телеги небольшой домотканый коврик и ушел. Мы смотрели, как он идет, переваливаясь с ноги на ногу. Подойдя к одной из могил, в виде саманного домика, Каирбек расстелил коврик, опустился на колени и стал молиться. Время от времени он кланялся своему Богу.

Рано утром, чуть забрезжил рассвет, Каирбек разбудил спутников. Они собрались и брочка тронулась. Дед долго молчал, а потом произнес:

- Дождь будет. Птица низко летай, мало кричи. Еще рана на нога сильно болеет.

Эльза спросила:

- А откуда у тебя рана на ножке? Собака покусала?

Каирбек улыбнулся, а потом, став серьезным, стал рассказывать:

- Была это давно. Тогда немец, первый раз, приходила...

Эльза перебила:

- Какие это немцы? Мы?

- Э, дочка! Какой вы? Вы наши немец, а то, чужой немец! Тогда еще царь была. Сказала царь брать казах на война. Людей забирала солдаты, скот забирала... Была в тургайская степь джигит. Амангельды его народ называла. Не хотел он, чтобы царь народ обижала. Собрала он другой смелый джигит и не давла царь в степь командовать. Я с ним тоже была. Отец была, и брат... Летом пришел в степь много-много солдат. Аул зажигал, дети и жена убивал. Мы нападала на них, но много их была. Мы отступала в степь, а солдата за нами гналась. Один мой уже догоняла, стреляла, в нога попадала и конь убила. Лежал я на земля, как мертвый. Он подошла, а я тесак*** ему в живот...

Каирбек задумался, а потом продолжал:

- Молодой совсем солдат была. Волосы белый-белый! Лежит на земля и нога, сгибает и разгибает. Больно ему. Я рядом лежала. Жалко-жалко стало солдат. Дома мамака ждет...

Эльза со страхом смотрела на деда, а потом спросила, почти шепотом:

- А потом что было?

Дед долго не отвечал, а затем, вздохнув, сказал:

- Много чего была. Война была. Отец на сына пошла, а брат на брат. Потом скот у казах забирала Советская власть. Наш и другой аулы в кучу собирала, артель делала. Потом голод была. Скот много в артель, а трава, кругом артель, мало. Далеко не гоняй. Вечером домой пригоняй... Много-много годов казах по весь степь гуляла. Кони пасла, овечка пасла. А теперь корова жир не нагуляла, артель мало сена запасала. Скот много дохлый зимой сделался. Голод сильный сделался. Много казах от голод умер. И русский тоже много умер. Ата забрал ночь свой конь и в степь ушла. Замерзла он там. Весна человек нашла его. Возле старый тополь я закопала его...

Он замолчал. Мама, нарушив долгую тишину, сказала:

- Вы, дядя Каирбек, как будто мою жизнь рассказали. Про артели и о голоде тоже.

Старик ответил:

- Да, много горе наши люди пробовал: казах, немец, русский. Все пробовал, кто больше, а кто меньше...

К обеду, недалеко от берега Тобола, Каирбек оставил нас. При расставании он сказал:

- Вам по эта дорога. Близко ваш деревня. К вечеру дойдете. Мой поедет в та сторона. Там аул моя сын... А твоя Эмма сын придет домой. Ты только дожидайся. Да будет с вами Аллах!

Его повозка медленно покатила своим путем, а мама с Эльзой пошли в другую сторону, вдоль берега реки, густо поросшего талой, вслед за ее течением.

Родственники приняли их хорошо, хотя и самим трудно жилось. На первое время, приютили и без них в тесном домишке. Маму, колхоз направил работать дояркой. Трудно им было. Мама сильно болела, но вынуждена была работать, чтобы не умереть с голоду Эльзе и ей.

За стеной бушует метель и еще не совсем рассвело. Эльза натягивает большую, не по возрасту, фуфайку, укутывает голову куском старого сукна, вступает в латаные - перелатаные валенки и выходит на улицу. Нужно идти. Мама ждет на ферме. Эльза на ощупь бредет по сугробам, потому, что тропинку занесло. Сильный ветер бросает в лицо хлопья снега, не дает открыть глаз. Эльза чувствует, что идет слишком долго, а фермы все нет. Страх сжимает сердце. Она бежит и кричит. Ее голос тонет среди бушующей стихии. Она выбивается из сил и уже ползет на коленях, разгребая снег руками. Ее голова натывается на что-то мягкое. Эльза соображает, что это стожок соломы, что на окраине поселка. Теперь она знает куда идти. Наконец она доходит до фермы. Мама встречает дочь у дверей и с тревогой спрашивает:

- Ты почему так долго, доченька?

Эльза всхлипывает, уткнувшись лицом в мамину телогрейку, и отвечает:

- Заблудилась я...

Мама заводит Эльзу под крышу, отводит в темную пристройку и, с опаской, прислушиваясь к звукам и шорохам, дает ей кружку с теплым, таким вкусным молоком. Немного попив, Эльза рассказывает матери, что с ней произошло. Мама прижимает ее к себе и плачет, приговаривая:

- Доченька, доченька...

Моя мама умерла ранней весной, прямо на работе. Родственники похоронили ее на большом кладбище, в той части, что власти отвели под могилы «врагов народа». Креста не поставили и надписи не сделали. Это было запрещено. Эльза стала жить у дяди Феликса.

Глава четвертая. Радость

В марте нашу бригаду сняли с работ в каменоломне. Дали неделю отдохнуть и, опять, на работу. Нас вернули на стройку в город. Мы думали что будем снова работать на строительной площадке, где уже работали до этого. Это нас радовало потому, что работа там

была легче. Но вышло по-другому. Нас повели в другую часть огромного города. Здесь тоже была большая стройка. По площадке, как муравьи по муравейнику, сновали сотни людей и медленно, переваливаясь на ухабах, словно жуки, двигались гусеничные трактора и другие механизмы. Слева, на опушке леса, высилась громадная металлическая башня. На ней огромными буквами было написано: «Сдадим Родине коксохим точно в срок!» Нас направили на рытье котлованов под фундаменты. Дневная норма была фантастической! Мы работали исключительно ломом и лопатами, в группах, по шесть человек. За день мы должны были вырыть огромную яму размером четыре на четыре метра и четыре в глубину. Было очень трудно, но мы делали норму.

Нами по-прежнему «руководил» Адам Яковлевич, а на самом деле, измывался над нами, во всю используя права начальника, но забывая об обязанностях. Но самое страшное было в том, что он попросту обирал нас, пользуясь нашей безграмотностью, наивностью и беззащитностью. Как мы случайно узнали, каждому из нас, ежемесячно, полагалась чисто условная сумма в триста рублей. На эти деньги, тогда, можно было купить буханку хлеба. Это конечно ничто, но бессовестность крымца, его бесчеловечность, вызвали негодование и взрыв возмущения, в нашей бригаде. Этот случай, был каплей, переполнившей чашу нашего терпения. На следующий день мы, выйдя за ворота, не пошли работать, а сели на землю у ограды лагеря. Ни грозные окрики конвоиров, ни удары прикладами, ничего не могло сдвинуть нас с места. Мы понимали, что мы букашки и начальнику лагеря ничего не стоит раздавить, уничтожить три десятка каких-то там «немцев-предателей» Но мы были настолько обессилены физически и опустошены морально, что нам было все равно, оставят ли нас в живых или закопают в траншею за лагерем. Мы хотели одного, чтобы убрали ненавистного бригадира.

Близился вечер. С работы, колонна за колонной, возвращались заключенные, а нам ничего не делали, только лишили вечерней похлебки. На следующий день мы снова уселись за оградой. Приходил замначальника лагеря и угрожал нам, но мы угрюмо молчали. Наш молчаливый протест был красноречивее любых слов. После полудня, нас вывел из оцепенения, бодрый окрик:

- Ну, ребята, завтра пойдем работать?

Голос показался мне знакомым. Я всмотрелся в лицо подошедшего человека и слезы потекли из моих глаз. Это был дядька Райф из нашего поселка, порядочный и добрый человек. Надежда вновь вселилась в наши сердца.

Позже мы узнали, что в эти дни начальник

* Аке и ата - отец и дедушка (казах.)

** Кошма - войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти у скотоводческих народов Казахстана и Средней

**** Тесак - нож(казах.)

лагеря отсутствовал, а оставшееся начальство не решилось, взяв ответственность на себя, расправиться с нами.

Примерно через месяц, после происшедшего, нас снова перевели на другую работу. Теперь мы работали на возведении кирпичных стен, подсобниками у каменщиков. Каменщиками были немцы, плененные под Сталинградом. Какая была разница, между теми, чужими немцами и нашими, советскими! Пришельцы все были, как на подбор: рослые, сытые, хорошо одетые! В плену им было лучше, чем нам у себя дома! Мы представляли жалкое зрелище. Все были измождены и клочья тряпья, кое-как, прикрывали нас.

Я работал в паре с Генрихом. Это был высокий, упитанный человек, с темной шелковой редущей волос. Он был хорошим специалистом- каменщиком. Работа шла споро. Я подносил кирпич, раствор и едва поспевал за ним. Он работал быстро. Каждый его взмах мастерком был отточен годами и опытом. Бывали минуты, когда я не успевал доставлять материалы. Тогда он садился на край лесов, свесив ноги, или прислонялся к стене. Затем, из грязной, но добротной телогрейки, доставал деревянную коробочку- табакерку и снимал крышку. Там были табак и стопка аккуратно разорванных листочков газеты. Толстыми пальцами он сворачивал козью ножку и, не спеша, глубоко вдыхая дым, курил. Я, принеся кирпич или раствор, стоял по одаль и с жадностью смотрел как он курит. Иногда, уловив мой взгляд, он, не докурив, бросал самокрутку на деревянный настил и уходил попить воды или переброситься парой слов с земляками. Я, борясь со стыдом, брал окурочек и делал три- четыре затяжки.

К концу четырнадцатичасовой смены ныли спина, ноги и руки, но эта работа не шла, ни в какое сравнение с каторжным трудом в каменоломне. Труд тысяч людей растил стены объекта не по дням, а по часам. В короткие минуты отдыха, с высоты, я смотрел на людской муравейник и думал: «Чего только не может сделать человек своим упорным трудом! А мог бы сделать еще больше, в человеческих условиях и не под дулами автоматов. Настанет ли время, когда труд будет не изматывать тело и душу, а доставлять радость?»

Во время перерыва на так называемый обед, мы спускались вниз. Топот тысяч ног оглашал стройку. Внизу ждал обед, но не нас... Их кормили хорошо: суп, запеканка и сладкий чай. Немцы оттуда, сидели тесными группками. Они ели, не спеша и о чем-то говорили. Иногда хохот разрывал тишину, вознаграждая автора очередной грубой мужской шутки. Мы сидели и старались не смотреть, как они едят, но голова сама поворачивалась в сторону, откуда слышался звонкий стук ложек о жестяные миски. Рядом со мной сидел Йозеф. Это был парень, ладно сложенный, коренастый, с круглым лицом, крепкой, хотя и исхудавшей шеей. Из-под густых, темных бровей, на мир смотрели голубые, по- детски наивные глаза.

Взглянув на меня, он сказал шепотом:

- Видел, как их кормят? Мне иногда кажется, что мы пленные фашисты, а они тут родились. Ты можешь мне объяснить Ойген, почему так?

Я ничего не стал ему говорить, да он и не понял бы. Мои объяснения не нашли бы отклика в его простой и светлой душе.

Получасовой перерыв подходил к концу, а как хотелось, чтобы этот покой был бесконечным. Немцы из Германии уже закончили кушать. Кое-кто не доел сытную пищу и выплевывал остатки на землю. Когда они отошли, несколько моих товарищей по несчастью, бросились на землю и стали собирать кусочки картошки и мяса в грязь. Это жуткое зрелище повторялось изо дня в день. Не все могли преодолеть искушение. Доведенные голодом до отчаяния, несчастные люди, в жестоких условиях лагеря, почти потеряли человеческий облик. Особенно мне запомнился паренек лет восемнадцати. Ежедневно поедая объедки, он жадно запихивал их в рот, смотрел, улыбаясь на тех немцев и говорил:

- Спасибо братики. Сегодня вы больше мне оставили...

Те, кто брезгливо, кто с жалостью, а кто с улыбкой смотрели на низость человеческого падения. И только один из них, по имени Ганс, каждый день, с ненавистью говорил одно и то же:

- Russische Schweine...

В один из теплых вечеров, в конце апреля, когда мы только выхлебали вечернюю похлебку, в барак вошел наш бригадир, дядя Эдик Райф и крикнул с порога:

- Ребята из седьмой бригады, идите, расписывайтесь!

Мы столпились у дощатого стола, стоящего возле входа. Кто-то спросил:

- За что расписываться, дядя Эдуард?

Бригадир ответил:

- За деньги. По триста рублей вам. Зарплата за месяц.

После того, как все получили, он подбодрил нас:

- Ничего ребята, все когда-нибудь кончается. Все хорошо будет. Будет питание. Все будет и деньги, впредь, будут.

Вскоре пришла долгожданная радость - закончилась война. Об этом мы узнали десятого мая. Как сейчас помню, моросил мелкий дождь. Мы стояли на плацу, во время развода на работы.

- Чего это он?- спросил меня сосед по строю, толкнув локтем в бок.

Я, не поняв, вопросительно уставился на него. Он, кивком головы и глазами, указал куда-то вперед. Я посмотрел и увидел, что к офицерам, стоящим перед строем, подходит начальник лагеря со свитой. Пока он грузно вскарабкивался на дощатый помост, сосед слева прошептал:

- Что он еще придумал, боров этот? Что ему от нас нужно? Давненько он не показывался.

Водрузив свое круглое, как шар, тело на помост, начальник закричал:

- Граждане трудармейцы! Страшная война закончилась! Позавчера, в Берлине, фашисты подписали безоговорочную капитуляцию!...

Над плацем прокатился то ли стон, то ли вздох облегчения. А начальник продолжал:

- Враг уничтожен! Сегодня большой праздник! Вся страна ликует! Работы сегодня не будет! Но у вас есть другая работа! Ломайте ограду и вышки!...

Что тут началось! Это трудно передать словами! Многие бросились обниматься.

Другие бросали вверх свои головные уборы. Третьи, как сумасшедшие, кричали: «Ура!» Офицеры салютовали из пистолетов... Я стоял, как в тумане. Мой разум отказывался верить в такое счастье. В голове крутились отрывки мыслей:

«Эльза.... Мама... Скоро домой... Остался жив... Нет, все это неправда!... Мама ждет...»

Из полусознательного состояния меня вывел Рудольф:

- Ойген, ты чего? Смотри что творится! Побежали ограду ломать!

Он, схватив меня за руку, увлек за собой.

Вокруг действительно творилось невообразимое! Люди носились, как угорелые. Над лагерем стоял невообразимый шум от людского гомона и треска ломаемого дерева. Навстречу, к центру плаца, люди тащили обломки бревен и досок, волочили многометровые куски колючей проволоки...

Мы подбежали к ограде, внутренний периметр которой, уже был частично разобран. Я, лопатой, яростно стал рубить колючку, прикрепленную к столбу. Справа послышался треск ломаемого дерева, а затем раздался грохот. Я посмотрел туда и увидел клубы поднявшейся пыли в том месте, где минуту назад стояла сторожевая вышка. Слева, незнакомый старик, неистово орудовал киркой, стараясь раскрошить основание столба. Он кричал, сквозь слезы, почти истерично:

- Ломаем скотские загоны!... Не поддаешься?! Хочешь еще нашего пота с кровью? Нет, закончилось твое время!

Он устало поставил кирку на землю, держа ее за черенок, утер ладонью слезы, стер со лба пот и, с новой неистовостью принялся за дело.

За какие-то два часа, были сломаны все преграды. Обломки были свалены в центре плаца. Но оживление не улеглось. Возбужденные люди были окрылены надеждой, что вот-вот их распустят по домам. Вечером этого дня я лежал на нарах и думал о том, что многие тысячи людей не дожили до светлого дня. Давно нет моих односельчан Яши Шрайнера и Феди Келлера. Недавно погиб мой друг Эрих. Его раздавила, рухнувшая металлическая балка перекрытия. Из старых знакомых, с кем мы прибыли на эту бойню, остался только Рудольф Майер. Он лежал рядом со мной и тоже о чем-то

думал. Я тихо окликнул его, но он не услышал. Наверное, мысли его были далеко отсюда, в Казахстане, где остались его родители или на Кавказе, где они жили до высылки. Я еще раз позвал его и он ответил:

- Я слышу Ойген, что ты меня зовешь, но не хотелось возвращаться оттуда...

- Откуда?- спрашиваю я.

- С Кавказа... Знаешь, мне казалось, почти наяву, что я во дворе нашего дома. Виноградная лоза, с налитыми гроздьями взобралась на навес, что над крыльцом. Старая шелковица озарена солнцем, а вдали, поднимаясь над крышей летнего домика, сияют снежные вершины гор... На крыльцо выходит мама, а следом мой младший братишка. Они о чем-то говорят и смеются. Тут ты прервал мои воспоминания.

Я слушал его и уже не помнил, что о чем-то хотел сказать ему.

После Победы, отношение властей к нам, смягчилось. Нас стали лучше кормить. Уже не держали за запорами и не водили под конвоем. Утром посчитают нас и все. Бригадир предупреждает после работы, чтобы к построению на работу, все были на месте. Старик Райф часто наставлял нас, чтобы мы не наделали глупостей, и кто-нибудь не вздумал бежать. Мы и сами понимали, что это безнадежно. Да и куда идти? За тысячи километров к родным? Это глупо. Без паспорта, без денег, без еды... Хотя, в условиях массового отлива эвакуированных, к родным очагам, и хаоса на дорогах, была призрачная надежда затеряться, но никто из тех, кого я знал, не рискнул. Мало того, я не припомню, чтобы этот вопрос обсуждался в нашей среде. Мы были законопослушными гражданами, воспитанными системой. Каждый из нас жил мыслью о том, что окончание войны заставит власти освободить нас. Каждый вечер мы засыпали с мыслью, что утром войдет дядя Эдуард и с порога крикнет:

- Собирайтесь ребята! Хорошо поработали и по домам пора!

Я уже несколько месяцев собирал получаемые деньги. Были у меня, в то время, ватные брюки. Я прятал деньги в них. Засовывая очередную получку в ватный подклад, я мечтал, что приобрету одежду кое-какую, обувку, маме подарок куплю и Эльзе. Ярким летним днем открою скрипучую дверь нашей хибарки и крикну:

- Мамочка, принимай гостя! Я вернулся!

Но день шел за днем, неделя за неделей, а нас не отпускали. Миновала осень. Рано, в середине октября, выпал первый снег. Ничего в нашей судьбе не менялось. Работали мы там же, на коксохиме. Правда, теперь было неизмеримо легче, чем прежде. Мы, понемногу, оправлялись от перенесенных физических и моральных мук. Стала значительно большей степень нашей свободы. Мы могли, после работы, ходить в город, в лес, куда угодно, но... к утренней проверке, должны были быть в наличии. Система крепко держала нас сво-

ей цепкой хваткой, опутав словно паутиной, своими невидимыми нитями насилия, которые мы ощущали каждое мгновение. Она играла нами, как кошка мышью и была вольна в любой момент, сомкнуть стальные объятия.

Несмотря ни на что, жизнь брала свое. Мы были молоды и быстро восстанавливали свои силы. Постепенно человеческий облик возвращался к нам. Теперь мы были сносно одеты и сыты. Некоторые из нас обзавелись подругами и женами, из вольнонаемных работниц, местных девушек- горожанок и вдов. Я тоже имел несколько знакомых девчат, но, ни с одной из них не пошел на установление серьезных отношений. Светлый образ Христины я пронес через эти страшные годы и не терял надежды, что она жива и я, когда-нибудь, встречу ее.

Глава пятая. Игра судьбы

Прошло больше года после Победы. В один из сентябрьских дней, течение нашей жизни, круто изменилось. Вечером пришел дядя Райф и сообщил, что завтра, некоторых из нас, переведут на другую работу. На наши вопросы он ничего определенного не мог ответить.

На следующий день, около двухсот молодых парней были посажены на поезд и увезены в неизвестном направлении. И я был среди них. Почему отобрали именно нас, среди сотен таких же, оставшихся в лагере? По каким критериям производился отбор? Этого мы не знали. Ехали недолго, около суток. Хотя больше стояли в тупиках маленьких станций, среди неприветливых гор. Наконец нас привезли в небольшой захолустный уральский городок. То, что произошло здесь, я, до сих пор, не могу объяснить. Когда мы, с вещами, выгрузились из вагонов и построились, наш сопровождающий, пожилой капитан, передал нас молодцеватому майору, ожидавшему нас на перроне с полуротой автоматчиков. Прозвучала команда трогаться, и мы пошли. Куда? Зачем? Никто ничего не объяснял. Шли минут двадцать и остановились у приземистого деревянного здания, похожего на барак. Здесь нам разрешили перекусить тем, что осталось от сухпайка, выданного перед отправкой и перекурить. Минут через сорок, нас ввели в здание и разместили в большой комнате, больше похожей на зал для заседаний. Через некоторое время, в помещение вошли несколько человек, гражданских и военных. Они прошли в дальний конец помещения и расположились за длинным столом. Один из них, в гимнастерке, перетянутой портупеей, коренастый, с седой головой, не садился, а стоял, оперевшись руками о стол и смотрел на нас. Легкий шум вскоре стих. Когда наступила гнетущая тишина, в которой будто висел страшный вопрос: «Что власти еще надумали с нами сотворить?», седой сказал:

- С прибытием граждане!- он запнулся, а потом продолжил,- С прибытием товарищи! Да, теперь вы товарищи. Советская власть доверяет вам важное, ответственное дело! Вы

призваны в военизированную охрану. Будете служить Родине, охранять важные государственные объекты. Я второй секретарь горкома партии Евдокимов. Мне поручено встретить вас, обрисовать международное положение на текущий момент и поставить перед вами ближайшую задачу...

Мы с недоумением смотрели друг на друга и ничего не понимали. Сидящий рядом с нами парень почти шепотом сказал, обращаясь к Рудольфу:

- Как это так? То нас охраняли, а теперь мы будем охранять?

А секретарь продолжал:

- ... Положение в мире сложное. Хотя крупнейшие капиталистические страны: Франция, Англия и США были и есть наши союзники, но подчеркиваю - это страны капиталистические, а мы - первое в мире социалистическое государство, где хозяева рабочие и колхозники. Рано или поздно, капиталисты захотят уничтожить нас. Как говорится в народной поговорке: «Сколько волка не корми, а он все в лес смотрит». Иными словами, сколько не дружи, а конец дружбе придет. Поэтому, товарищи, порох надо держать сухим. Надо быть готовыми к защите нашего социалистического Отечества. А для этого надо продолжать развивать промышленность. Партия и наш вождь товарищ Сталин, ставят на первый план задачу строительства предприятий тяжелой промышленности, в том числе и военных. Вы понимаете, что-то, что вы здесь услышали и то, где вы будете работать, является государственной тайной. Это налагает на вас особую ответственность...

Он еще что-то говорил, а у меня в голове возник какой-то хаос. Я ничего не понимал, а все думал: «Как так, «враги народа» и, вдруг,- охранники?! Да еще на каком-то секретном предприятии...». Простейшая логика отказывалась понимать происходящее. Я сомневался: «Какую еще гадость придумали власти?» - думал я.

* * *

Нас разместили в казарме на окраине городка. По-соседству было несколько казарм какой-то воинской части. Ее территория была отделена от нашей невысоким деревянным забором. На следующее утро мы расписались в документах о сохранении государственной тайны, а после обеда, подгоняли, на себя, новенькую военную форму. Из нас были сформированы две роты. Каждой были приданы командиры - лейтенанты и сержанты.

Старшим офицером, командиром батальона, был капитан Пятаков, худощавый, болезненный, но волевой человек. Командиром нашей роты стал лейтенант Якин. Он был грузен и румян. Его возраст было трудно определить, но думаю, он был немногим старше нас, если не ровесник. Как потом стало понятно, этот человек был на военной службе, что называется «не на своем месте». Свои обязанности выполнял нехотя. Было видно, что он тяготится

хлопотами, связанными с нами. Перед ротой он появлялся редко. Иногда участвовал на разводах в караул, а в казарме мы видели его, за все время, пять-шесть раз. Всю работу он взвалил на наших сержантов - командиров отделений.

Командиром нашего отделения был украинец, по фамилии Матуда. Об этом человеке следует сказать особо. Это был молодой парень низкого роста, с мускулистым торсом. Ходил он вразвалку, выпячивая грудь колесом. Он невзлюбил нас сразу. В его командах, поведении и во всех манерах, сквозило плохо прикрытое презрение к нам. Он считал нас предателями и не мог понять, как власть доверила нам оружие. Этот человек делал все, чтобы наша жизнь здесь, была нелегкой. Надо заметить, что делал он это мастерски. Он изнурял нас тренировками на плацу, даже в отведенное, по «Уставу», свободное время. Он не оставлял нас в покое в редкие часы отдыха, допекал многократными «подъемами» и «отбоями». В то время, когда наши товарищи, из других взводов, занимались бытовыми делами или отдыхали, мы «наводили порядок» в своей части казармы, шли внеочередной наряд на кухню или на уборку территории. Особенно тяжело было дневальным, в дни, когда Матуда был дежурным по роте. Своей мелочной, необоснованной придирчивостью, он доводил до изнеможения.

Наша служба заключалась в том, что мы, бывшие «зэки», охраняли строящийся военный объект, конвоировали заключенных к месту работ и обратно, надсматривали за работниками в течение рабочего дня. Наш объект был грандиозной стройкой. Его назначение в будущем, после завершения строительства, сначала было нам непонятным. Я хорошо помню первый, ознакомительный день, нашей службы на стройке. Под началом Матуды, наше отделение загрузилось в открытый кузов машины. Нас вывезли, неподалеку, за город. Среди живописных гор и девственного леса нам приказали выгружаться. Потом мы прошли метров четыреста и за уступом скалы, нашему взору, открылось нечто фантастическое. У основания скалы зияло черное пятно огромного отверстия, проделанного людьми. Туда- сюда спешили автомобили и тракторы. Пропыхтел паровоз с вагонами и скрылся в чреве горы. Пока мы двигались к объекту, то были несколько раз остановлены возле шлагбаумов. Когда мы подошли вплотную, то были поражены размерами штольни. Пройдя по ней несколько сотен метров, мы попали в огромный подземный зал, который был ярко освещен. От него отходило несколько туннелей. Потом, по долгу службы, мы более или менее изучили лабиринт подземного города, туннели которого протянулись более чем на девять километров. Позже мы узнали, что здесь будут строить ракеты. Это был сверхсекретный объект.

Наша служба и жизнь были несравнимо легче лагерного существования. Четкий, став-

ший привычным, ритм воинского распорядка, иногда нарушался стычками с Матудой, того или иного рядового. Столкнулся с ним и я. Во время одного из моих очередных дежурств по роте, когда ребята были на политзанятиях в Ленинской комнате, мы с напарником натерли полы мастикой, при помощи огромной швабры, именуемой солдатами «Машкой». Вошел сержант и пошел вдоль ряда двухъярусных кроватей, придирчиво проверяя каждый кантик заправленных постелей. Не найдя к чему придираться, он обратил свое раздражение на нас:

- Что-то вы, немцы, плохо полы драите. Не научили вас в лагере работать?!

Далее последовала матерная тирада. Мой напарник Густав, которого все почему-то называла Гошей, спокойно ответил:

- Вот взяли бы товарищ сержант и показали как нужно.

Матуда взорвался:

- Вы, немчура недобитая, учить меня?! Пособники фашистские!...

Он рванулся к Густаву и хотел ударить его, но я перехватил его руку и тихо, но твердо сказал:

- Мы не пособники Гитлеру, а советские граждане. Вот так, товарищ сержант. А руки, товарищ сержант, распускать «Уставом» не предписано. Он вырвал свою руку и истерично закричал:

- Какой я вам товарищ?! Да я вас кончу здесь! Я не прощу вам такого обращения со мной! Рядовой Миллер, я жду тебя в канцелярии, там поговорим! Посмотрим, какой ты смелый,- и он, быстрыми шагами, пошел в сторону ротной канцелярии, которая в это время была пуста. Когда дверь канцелярии захлопнулась за ним, Густав сказал:

- Не ходи Ойген. Ну, его к черту! Хорошим это не кончится. Потом выдумает, чего и не было. Обвинит в неподчинении командиру или еще чего похуже придумает...

Я, молча, стоял, не зная на что решиться, а потом ответил:

- Нет, Густав, надо идти. Нельзя не пойти. А то он так и будет нас клевать.

Когда я вошел в канцелярию, Матуда сидел в передней комнате, положив ногу на ногу, и курил длинную папиросу «Казбек».

- Ну что, явился герой антисоветского фронта? Надо кончать с антисоветским элементом в Красной Армии. Вот напишу докладные записки командиру части капитану Пятакову и особистам, тогда тебе конец, фашист! - выпалил он, уставив на меня полные ненависти глаза.

Во мне кровь тоже начинала закипать и я сбивчиво, но с запалом отвечал:

- Сам ты фашист! Так с солдатами, наверное, и в царской армии не обращались! Мы тоже напишем на тебя, как ты не даешь нам нормально служить Родине! Так и напишем: «Своими придирками и издевательскими мешаешь выполнять долг перед Родиной» и подпишемся. Все подпишемся!

Он, приходя в ярость, схватил меня за гимнастерку и заорал:

- Так ты меня пугать?! Немец-предатель! Да я тебя!...

Он, пыхтя, пытался свалить меня. Я схватил его за ремень и, сказав:

- Один тоже пытался меня сломать, но на печку упал...,- повалил на стол. Матуда пыхтел подо мной, стараясь вырваться и выкрикивая угрозы. Через две или три минуты, я отпустил его и, поправив гимнастерку, вышел из канцелярии.

Густав, ожидавший меня в спальном зале казармы, тревожно, почти выкрикнул, увидев меня:

- Ну что?! Вы так кричали! Я боялся, что войдет кто-нибудь из начальства!

Я, еще не отдышавшись, отвечал:

- Пугал меня. Обещал пожаловаться командиру.

- Да...,- только и мог произнести Густав.

Мы оба понимали, что наше положение, недавно вырвавшихся из лагеря, очень зыбко и неопределенно. Стоит на нас кому-либо «сигнализировать», как тогда говорили, нам не поздоровится. А такой человек, как Матуда, способен на любую низость, чтобы оклеветать нас. Однако прошел день, другой, а потом неделя и ничего не происходило. Матуда не исполнил своих угроз. Он видимо не знал, что предъявить начальству. Службу мы несли исправно. На одном из построений роты, капитан Пятаков зачитал приказ о поощрении некоторых бойцов повышением звания. Была среди них и моя фамилия. Я стал младшим сержантом.

Глава шестая. Травля

В середине лета, привычное течение нашей жизни было прервано происшествием, которое надолго лишило сна наше начальство и взбудоражило размеренное время службы. С одного из участков объекта, охраняемого другим подразделением, неизвестно каким образом, бежал заключенный. Это вызвало переполох во всех воинских частях, расположенных в округе. Кроме прямых обязанностей, теперь бойцы вели поисковую службу, ходили в патруль на дороги, станции и в населенные пункты. Кроме того, в течение двух недель, нас то и дело, бросали на прочесывание окрестных лесов. По мнению солдат нашего отделения, поиски беглеца, по прошествии этого времени - безнадежное дело. В этом краю гор и лесов, многочисленных брошенных рудников, шахт и карьеров, можно затаиться на длительное время. Благо сейчас лето. Леса полны разной ягодой. Кроме того, в округе много рабочих поселочков, лесопилен, где всегда можно найти сочувствующих. Так думали мы, но начальство размышляло иначе. Оно, как верный пес власти, готово было с настойчивостью и ожесточением гончих идти по следу, пока жертва не попадет в расставленные силки или не упадет обессиленная. На второй неделе наших вынужденных бде-

ний, часть нашего отделения и десяток бойцов строевой части (нам по-прежнему не доверяли), под началом старшего лейтенанта, были в патруле недалеко от нашего города, на небольшой станции под названием Таежная. Людей было мало. Проверка документов не занимала много времени. Наш пожилой лейтенант не докучал строгостями и мы, усевшись на одной из скамеек перрона, курили и тихо разговаривали ни о чем. После полудня, поступила команда проверить отработанный рудник на окраине. Мы двинулись к нему. Вход в него был частично завален глыбами породы и зарос лопухами. Включив фонари, мы осторожно, по одному, стали протискиваться во внутрь. Когда мы вошли, то оказались в довольно просторной штольне. Застоявшийся воздух был насыщен сыростью. Мы двинулись по небольшому уклону вперед. Посередине была проложена узкоколейка, местами пришедшая в негодность. Как и было отмечено на плане, который был у лейтенанта, метров через сорок, штольня разделялась на два рукава. В левый, из них, уходили рельсы. Лейтенант отдал приказ:

- Ты сержант, с бойцами, проверьте левый туннель, а я с людьми осмотрю правый.

Я и еще пять или шесть солдат пошли налево. Мы шли медленно, осматривая завалы из обрушившейся горной породы, ниши в стенах, валявшиеся на боку либо стоявшие на рельсах, ржавые вагонетки. Я ушел немного вперед и дошел до тупика. Здесь валялись несколько вагонеток и полуистлевшие бревна крепежа. Я стал осматриваться.

Неожиданно, за одной из вагонеток, в слабом луче фонаря, блеснули глаза, которые, не мигая, смотрели на меня. Я отпрянул чуть, не вскрикнув, а руки сами направили дуло карабина в том направлении. Придя в себя, я нащупал лучом то место и подошел с опаской ближе. Это был человек. Он сидел на корточках, сжавшись в комок и держа в левой руке нож. Правой рукой он прижимал к груди какую-то котомку.

- Ты кто?- тихо спросил я.

Человек шепотом, сбивчиво зашептал:

- Я...я заключенный... Я сбежал... Они меня ни за что сюда... Я ничего не сделал... Я воевал... Я попал в плен весной сорок второго, под Харьковом. Они мне сказали, что я предатель, раз в плену был... Пятнадцать лет мне ни за что...

Он еще что-то говорил, а моя мысль лихорадочно работала:

- Что делать? Ребята уже приближаются. Как поступить? А если его действительно ни за что, как меня и многих других? А если он преступник?

Я еще раз навел фонарь на его лицо. Оно поросло щетиной. В глазах отражались страх и страдание, а еще мольба...

- Ну что там Ойген?- окликнул парень из нашего отделения, приближаясь ко мне.

Я повернулся к нему и сказал:

- Фонарь выключи, что в глаза светишь. Ни-

чего тут нет. Тупик. Можно назад возвращаться. Мы пошли в обратном направлении.

Об этом я никому никогда не рассказывал: ни друзьям, ни жене потом. Многие годы мысль сомнения мучила меня. Правильно ли я тогда поступил? Я много об этом думал. Что если он был настоящим преступником? Ну, нет, глаза у преступников другие. Взгляд другой: колючий, дерзкий, с ненавистью. Разве я не видел лиц настоящих рецидивистов? То совсем другие лица. И все же, правильно ли я сделал, что не доложил? Ведь я не выполнил своего воинского долга... А разве те, что наверху, всегда выполняют то, что им положено? Разве всегда поступают правильно? Не они ли, обличенные властью, чаще других попирают элементарные общечеловеческие ценности: право на честь и достоинство, право на неприкосновенность личности, право на жизнь, наконец?! Нет, высшая ценность - жизнь человеческая. Не «заложив» его, я, можно сказать, дал ему жизнь. Нет, все правильно. Настоящие преступники: паханы, рецидивисты, воры в законе и прочая мразь,

те в лагере как дома, живут припеваючи: не работают, имеют курево, водку и женщин. А те, кто по мелочи, какой попали, или несправедливо осужденные или, как я, трудармейцы - тех тысячи погибли и погибают ни за что. К этим людям и лагерное начальство относится несравнимо хуже, как будто они настоящие преступники... Пусть даже я ошибся тогда, но я сделал, что мог, чтобы дать ему шанс на жизнь. В то время, за побег, ему наверняка добавили бы лет десять, а это уже был бы точно конец. Моя совесть чиста. Не знаю, есть ли Бог или какая-то Высшая сила. Если есть, то они уберегли меня от противоестественного, в тех обстоятельствах, поступка. Мама когда-то говорила, что Он, тот, что на небе, все видит. Ну и пусть видит. Мне нечего скрывать от Него.

Несколько недель спустя, по роте прошел слух, что недалеко от города Касли, при задержании, был застрелен некий беглый, оказавший вооруженное сопротивление. Что это был за человек, я не знал. Мне так хотелось, чтобы это был не мой рудничный знакомый.

«К 1 октября 1945 г. на спецпоселении находилось 328 034 детей до 16 лет, что составляло 47% от общего числа немцев-спецпоселенцев».

(См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 109)

БОЛЕЕ 70 ТЫСЯЧ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ БУДУТ ПРИНИМАТЬ ОСОБЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Челябинск. (Новый Регион, Светлана Намская) - Более 70 тысяч южноуральцев будут принимать в ближайшие дни особые поздравления: они ковалят Победу в тылу.

Как передает корреспондент «Нового Региона», в годы Великой Отечественной войны в Челябинск было эвакуировано около 60 промышленных предприятий, начавших выпускать военную продукцию. За годы войны было выпущено 18,5 тысяч тяжелых танков и самоходных орудий, 48,5 тысяч танковых моторов. На каждом втором советском танке стоял двигатель ЧТЗ. Более 50 тысяч танков были «одеты» в броню ММК, кроме того, каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, был сделан из магнитогорского металла. В Миассе изготовили 7 миллионов снарядов и 4 миллиона авиабомб. Усть-Катавцы отправили на фронт 12 тысяч 357 танковых пушек, 3 тысячи 96 минометов, 13 тысяч 230 платформ для зенитных орудий.

Ежемесячно челябинцы отправляли на фронт 45 установок БМ-13 - легендарных «Катюш», за годы войны на заводе имени Колющенко было изготовлено свыше 1 миллиона реактивных снарядов. Коллектив ЧТЗ сумел освоить производство танков Т-34 за 33 дня, нового тяжелого танка ИС-1 - за 56 дней.

В 1941-45 годах в Челябинске были построены 19 заводов и 2 фабрики союзного значения. Основной строительной силой была трудармейцы: в строительные батальоны зачислялись военнообязанные, признанные негодными к строевой службе по возрасту и состоянию здоровья, а большую часть этих формирований составили люди, считавшиеся неблагонадежными по социальному или национальному признаку: поволжские немцы, евреи, эстонцы. Трудармия работала ударными темпами: в августе 1942 было начато строительство ЧМЗ, и уже 19 апреля 1943 выплавляли 1-ю сталь, менее года потребовалось, чтобы запустить трубное производство. За эти достижения было заплачено многими жизнями: к концу войны из 120 тысяч трудармейцев, работавших на Южном Урале, в живых остались чуть больше 34 тысяч человек.

В 1943 - 1945 гг. в Челябинске было развернуто 10 госпиталей, в которых прошли курс лечения тысячи воинов.

Трудящиеся города и области сдали в фонд обороны 323,5 миллионов рублей.

Трудовые подвиги южноуральцев были от-

Справка «Нового Региона»:

В 1941-45 годах в Челябинской области в 4,5 раза увеличился объем выпуска промышленной продукции.

В 2,2 раза возросло производство электроэнергии, в 2 раза - добыча угля.

На нужды обороны страна получила 11,5 млн. тонн чугуна, 13,3 млн. тонн стали, 9,5 млн. тонн проката, или треть от общего объема производства в стране.

Жители Южного Урала отправили на фронт 613 вагонов с теплыми вещами и подарками для бойцов.

мечены государственными наградами: более 10,5 тысяч южноуральцев награждены орденами и медалями во время войны, еще более 100 тысяч уже в мирное время получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Награды присуждены 16 предприятий, 18 - получили на вечное хранение Красные Знамена Государственного комитета Обороны.

А в 1980 году Челябинск был награжден орденом Ленина, в том числе и за вклад в обеспечение победы советского народа над фашистской Германией.

(С) 2011, «Новый Регион – Челябинск», 06.05.11

<http://www.nr2.ru/chel/330646.html>

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ЕЛЬЦИНА Б.Н.

**(Саратовская область, совхоз Осиновский,
8 января 1992 г.)**

«Сделаю ответственное заявление, чтобы все об этом знали. Там, где нет компактного проживания немецкого населения, населения немцев Поволжья, т.е. чтобы их было подавляющее большинство, никакой автономии не-бу-дет! Я вам как Президент это гарантирую!

Другое дело, скажем, в Волгоградской области военный полигон 300 тысяч гектаров, пустой, и маршал Шапошников его отдает. И там будут они заселены, допустим. И пусть эту землю, которая снарядами начинена, пусть они ее, значит, обрабатывают. И Германия поможет...

Ни один дом не будет снесен ради немцев Поволжья. Я вам это гарантирую. Имейте это в виду и рассказывайте всем...»

БРАЙНИНГЕР ЕКАТЕРИНА ХРИСТИАНОВНА (г. Златоуст)

(Из воспоминаний)

«Я родилась в 1928 году 2 ноября в селе Богардт, Маркштадского района, Республики немцев Поволжья, там и жила до конца июля 1941 года. На с было шестеро: родители и трое братьев, которые были моложе меня. Училась в школе, закончила 5 и перешла в 6 класс, но учиться дальше мне не пришлось: 1 сентября нам объявили, что будут выселять в Сибирь. На родине у нас был большой дом, летняя кухня, сад, большой сарай для скота, были корова, телка, овцы, свиньи, куры.

За два часа собрали всю деревню и загнали нас в телячьи вагоны, мы набилось как селедки в бочки. Ехали месяц. Двигались очень медленно, чуть проедем и стоим трое-четверо суток. Все измучились, были голодные и не спавшие. В конце сентября мы прибыли в Новосибирскую область Машковский район, там нас распределили по деревням. Мы остались в колхозе Новопоросса. Одеть нечего, кушать нечего, а у нас отца тут же, в октябре, забрали в трудовую армию. Послали его в

Молотовскую область, сначала он писал нам, а когда мы переехали в Алексеевку, он нас потерял. После окончания войны подавали в розыск, но нигде не нашли. Спустя много лет я увидела мужчину, с которым отца забирали в трудовую армию, от него узнали, что он умер в 1945 году: шли с ним с работы, ему стало плохо, пока приехал врач, он скончался.

Мы остались с мамой, я ходила собирать милостыню и этим жила ноябрь и декабрь. С нами был наш сосед из деревни дядя Ваня Штапель. Он был старый и его не взяли в трудовую армию. Дядя Ваня нашел себе работу в совхозе недалеко от Новопоросса. Мне было 13 лет и мы переехали в конце декабря 1941 года к родственникам соседа в деревню Алексеевка. Переночевали а утром пошли в контору к директору. Он нас выслушал и дал бумаги для написания заявления о приеме на работу. Утром мне дали две лошади с санями и мы поехали за семьями и нашим имуществом.

Нашей семье дали комнату. Утром я с мамой

ушла на работу, детей оставили дома. Маму послали везть хлеб, а меня - чистить дороги. Так и прожили зиму. А весной меня послали пасти телят, а мама в поле работала. Давали нам хлеба по 500 граммов, на братьев - по 200 граммов, в обед кормили в столовой супом с крапивой. Мы с мамой получали две порции, а ели все пятеро. После работы собирали гнилую картошку, сушили ее, потом толкли в ступе и стряпали хлеб, варили суп из этой муки.

Зимой 1943 года я перешла работать дояркой, мне уже было 14 лет, и я там работала до 1958 года. Ушла я из телятниц из-за бригадирши, она очень меня обижала и была, я была моложе всех, и называла она меня только фашисткой. Перешла в доярки, тут стало получше, бригадирша меня жалела, потому что такая молоденькая работаю на такой тяжелой работе. Директор тоже меня жалел и

называл «дочка моя».

Каждый месяц нас проверяла комендатура. И брали расписку, что мы не должны покидать деревню. Мама была неграмотная, ей палец намажут и отпечаток на бумагу поставит вместо подписи. Деревенские называли нас фрицами или фашистами, пока на учете стояли у нас имен не было. В 1947 году вышла замуж. Муж был русский, но когда мы регистрировались не фамилию менять не разрешили. В 1956 году с нас сняли надзор комендатуры.

Двоюродный брат жил в Златоусте, он нас и разыскал в 1957 году, приехал, посмотрел, как мы живем и забрал братьев. В 1958 году приехали они и забрали нас. С тех пор мы живем в Златоусте, в 1983 году ушла на пенсию, а работала еще до 2001 года».

Сб. «Не может быть забвения...»

Лидия Садчикова

СПАСИТЕЛЬ ПРИШЕЛ НАПОМНИТЬ

В Metallургическом районе завершается строительство мемориала трудармейцам

Дорога в ад

На самом деле я не знаю, как выглядит дорога в ад. Но это сравнение пришло сразу, как только мы с Губертом Михайловичем Витлифом выехали за пределы административного микрорайона ЧМК и по обе стороны дороги стали громоздиться отвалы доменного производства. Безжизненные пейзажи усиливали мрачное впечатление. Лишь кое-где на вершинах страшных черных холмов промышленного происхождения мелькали человеческие фигурки, и мой попутчик предположил, что эти люди ищут среди шлаковых отходов кусочки металла, чтобы сдать его в приемный пункт и получить от этой мертвечины «живые» деньги.

Какие-то невесты куда уходящие рельсы, заброшенные будки, покореженные механизмы. Губерту Михайловичу казалось, что он хорошо помнит этот путь, потому что сам четыре года провел в лагерях трудовой армии на строительстве ЧМЗ. Ему довелось выполнять страшный приказ – вывозить скончавшихся от голода или насильственной смерти людей на место захоронения. Правда, он называет его иначе – «зарывания». С ним по этому поводу спорил один литератор, мол, нет в русском языке такого слова. Витлиф не претендует на доскональное знание русского языка. Но:

— То, что там происходило, даже отдаленно не напоминало ритуал захоронения, – рассказывает Губерт Михайлович. – Трудармейцев не щадили, они сотнями умирали от голода,

от кошмарной работы, их расстреливали по провокационным приказам. А где хоронить? Особенно зимой, когда земля мерзлая. Однажды мне с напарником велели вывезти из лагеря сани, груженные покойниками. Они лежали вповалку, не разобрать, кто есть кто. Сани подгонялись к проходной, выходил охранник с автоматом на плече, а в руках у него – металлическая пика. И он каждому лежащему пробивал «контрольную» дырку в голове. Если видел, что тот не шевелится, – все в порядке, «отмечал» следующего: Дело к вечеру, сумерки. Когда отъехали километра четыре, спрашиваем один другого: «А кто же принимает покойников?» Видим впереди что-то вроде стога сена. Подъехали ближе, а это «стог» из мертвых. Их сбрасывали друг на друга. Ими питались и волки, и дикие собаки. Хищники лазали по этой куче и обгладывали покойников. От многих к весне оставались одни кости: Было в лагере такое отделение – ОПП. Что это такое, точно не скажу, никто нам ничего про это не говорил. Но мы расшифровали примерно так: отдел подготовки покойников, что абсолютно отвечало действительности этого ОПП. Когда люди доходили до окончательного истощения, у них мясо исчезало, оставались только кости и кожа, а задница высыхала и висела, словно мешок. Таких охрана называла доходягами, их с работы снимали за бесполезностью и отправляли в ОПП. А оттуда – ногами вперед. Через проходную – и на свалку. Вот такая была технология.

Мы плутали, и я видела, как огорчался пожилой человек, не находя дороги. Да как ее найдешь. Ее просто нет. Случайно встреченные люди разводили руками: «Не знаем о таком месте. И о трудармейцах не слышали». Правда, один довольно молодой парень переспросил: «Это где немцев хоронили?» И посоветовал: «Поезжайте между теми шлакоотвалами в сторону свалки».

По возрасту этот парень, пожалуй, постарше тех послевоенных мальчишек, которые, как рассказывал Губерт Михайлович, бегали туда, где валялись человеческие останки. И пацаны играли, словно мячом, «немецкими черепами», пока не узнали, что в мединституте принимают черепа и бедренные кости по 20 рублей за штуку. Игры кончились, начался бизнес.

Наконец, открылось нашему взору поле. Обычное, если б не знать, что хранится под слоем земли, под ковром ласковой на вид травы, да о чем шумят березы, которые 60 лет назад были тонкими побегими. Почерневший деревянный крест и скромный каменный монумент с надписью: «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли списки и негде узнать». Увядающие цветы свидетельствуют, что здесь бываю посетители, чтят память погибших. Несколько лет назад приезжал из Кельна кардинал со свитой. Как их ни отговаривали, ссылаясь на проливной дождь и непролазную дорогу, священники выполнили свою миссию – доехали до массового захоронения и поклонились праху. В стороне – небольшая, отдельно стоящая роща. На ее краю – еще один камень-памятник и надпись: «Здесь покоятся венгерские военнопленные, погибшие во второй мировой войне».

— В этой роще в последние годы войны хоронили и трудармейцев, – вздыхает Губерт Михайлович. – Мы добились, чтобы умерших предавали земле по-человечески, а не скопом, без разбора. Лет 25 назад кому-то из «специалистов» сельского хозяйства пришлось на ум это поле вспахать и засеять. Тогда-то и обнаружилось, что останки зарыты совсем неглубоко.

Христос – «заложник»

Владимира Ивановича Брегана почти всегда можно застать рядом с Христом, то бишь строящимся на территории римско-католической церкви памятником трудармейцам. Я познакомилась с ним, когда проводила «прямую линию» наших читателей с мэром Челябинска. Бреган пробился сквозь шквал звонков, чтобы попросить главу о помощи в возведении памятника, инициаторами чего два года назад стали челябинская общественная организация «Немецкий культурный центр» и римско-католическая церковь, которая, кстати, взяла на себя большую часть расходов. Строительство взяло на себя ООО «УКС», где и работает Бреган.

Я полагала, что он, ветеран ОКСа «Челябметаллургстроя», тоже каким-то образом

связан с трудармейцами. Оказалось, фамилия Брегана имеет не германское, а белорусское происхождение. Однако не случайно судьба повернула его к этой миссии – строить памятник трудармейцам. Отец был расстрелян в 1938 году в Ленинграде. Сыновей и жену выслали в Удмуртию как семью врага народа. Позже Владимир вернулся в родной город. Если бы не помощь порядочных и добрых людей, вряд ли сыну «шпиона иностранной разведки» удалось бы окончить вуз и получить распределение на Южный Урал. И мать, и сыновья писали во все инстанции, чтобы узнать о судьбе отца. В 1958 году он был посмертно реабилитирован из-за отсутствия состава преступления. Мать тоже реабилитировали, а Владимиру с братом только в 1996 году выдали свидетельства о реабилитации жертв политических репрессий.

— Я посчитал своим долгом хранить память о безвинно погибших людях, – говорит Владимир Иванович. – Много я построил на своем веку. Завершим строительство мемориала – и могу спокойно уходить на пенсию.

— В трудовой армии содержались не только немцы, – продолжает он. – Идея мемориала – объединение всех национальностей, ликвидация межнациональной розни. Люди начали приходить сюда, лишь только началась стройка. Приносят цветы, ведут детей, внуков, фотографируются на память. Есть душевная потребность! Недавно подходил седовласый человек, ему 85 лет. Сказал, что один из первых трудармейцев, ступивших на эту землю. А ведь их почти не осталось.

В 2000 году проект начинали воплощать буквально с нуля: денег не было совсем. Писали письма-обращения к общественности, к администрации города и области. Откликнулись ЧМК, электродный завод, завод «Теплоприбор». Некоторые предприятия помогали если не деньгами, то стройматериалами. К решению многих проблем подключился вице-губернатор Андрей Косилов. Вежливо отказали в помощи известные бизнесмены Аристов, Юревич, Гартунг, Нейхман, мол, хорошее дело делаете, но мы финансируем другие программы, и, дескать, наверняка найдутся другие благотворители. Нашлись, конечно. Предприниматель Артур Никитин, например, отреагировал мгновенно. Простые люди без раздумий отрывали от своих скромных пенсий и зарплат. Причастные к созданию мемориала архитекторы, проектировщики, строители с пониманием относятся к тому, что не всегда есть деньги на оплату их труда. Работают за идею.

Композиция, какой она предстает сейчас, – это плод усилий многих людей. Авторы из Челябинска, Каслей, Екатеринбурга предлагали свое видение. Те зарисовки и макеты теперь хранятся в архиве церкви. Одно из предложений – плачущие ангелы – было отвергнуто по той причине, что, согласно католическим канонам, ангелы не плачут. Слишком прямолинейной показалась задумка установить групповую

скульптуру, олицетворяющую трудармейцев с кирками, тачками, лопатами, согнутых непосильным трудом. Результатом обсуждений стало соединение идей нескольких проектов: из одного взяли жизнеутверждающую фигуру Христа-спасителя, из другого – вертикально расположенный перед фигурой Иисуса «венеч терновый» диаметром пять с половиной метров, символизирующий колючую проволоку, которая несколькими рядами опутывала каждый из трудармейских лагерей. Перед статуей – алтарь, облицованный черными шлифованными гранитными плитами, здесь же будет фонтанчик, струя воды которого должна напоминать о безостановочно текущем времени. И все это на фоне шестиугольной конструкции из стен, облицованных красным полированным гранитом. Дорожка, ведущая от церкви к мемориалу, давно уже обрамлена всполохами ярких цветов, за которыми бережно ухаживают прихожане. Подобного мемориала, утверждают создатели, в России нет. Он уникален и как идея, и как архитектурное произведение.

Макет скульптуры Христа лепил специально приглашенный из Австрии скульптор Винценц Шрайнер, друг настоятеля церкви Вильгельма Палеша. Человек преклонных лет, да еще и астматик, он кропотливо работал, невзирая на опасный для него чээмзэвский смог. Ему оборудовали мастерскую на колокольне – поближе к небу и чистому воздуху. Он вылепил из глины специального состава миниатюрного Спасителя. А челябинский скульптор Александр Волков увеличил фигуру до трех метров, изготовив модель для отливки. Решили, что лить фигуру нужно из чугуна, что дешевле бронзы, к тому же бронзовый Христос мог стать добычей бомжей. Прошлой осенью повезли фигуру в Касли на завод художественного литья. Но там литье мелкое, подходящего размера форм нет. В.И. Бреган разыскал старых мастеров, уговорил, те нашли выход. Спасителя разрезали на 20 кусков, чтобы можно было отлить по частям, а потом соединить сваркой и расчеканить, придав вид цельного литья. Но тут начались новые сложности. Заводу был выплачен аванс, а на полный расчет средств у создателей скульптуры временно не было. И Спасителя, как заложника, арестовала каслинская налоговая полиция, которой задал жал завод художественного литья. Брегану в полиции сказали, что если фигуру не выкупят до 2004 года, она пойдет с молотка. Кстати, желающих сделать такую необычную покупку хватало: на завод приезжает много клиентов из разных регионов России, и кто только из них не любовался мощной скульптурой. Бреган бросился к Косилкову: «Выручайте». Тот дал команду: «Христа отдать». Между тем каслинские налоговики выставили новые требования: заплатить сумму, значительно превышающую реальную стоимость работы, а иначе, дескать, продадим вашего Иисуса. Бреган думал про себя: «Когда-то Иисуса продали за 30 серебряников, теперь хотят за сотни тысяч рублей» Недостоящие деньги предоставила областная

администрация по распоряжению губернатора Петра Сумина. На закупку строительных материалов дали средства из своего депутатского бюджета Валерий Панов и Владимир Мякуш. Но все равно этого недостаточно, чтобы завершить работу и рассчитаться со всеми долгами. Свою помощь пытаются оказать и бывшие челябинцы, ныне живущие в Германии. Недавно Лидия Фабер поместила в газете «Русская Германия» письмо с призывом ко всем неравнодушным людям перечислять деньги на строительство памятника. Возможно, и оно сыграет свою роль.

И следы затерялись во времени

Сейчас композиция обретает завершенность, и скоро Иисус Христос с распростертыми руками встретит всех помнящих и жаждущих помянуть. Строители, как ни стараются, трудясь без перерывов, возможно, не успеют к 28 августа – дню, когда отмечается начало массовой депортации российских немцев. Но суть не в дате: открытие мемориала важно как самостоятельное событие.

Завершить строительство к сроку помешала еще одна проблема. Рядом с алтарем решено заложить капсулу с прахом безымянного трудармейца, останки из коллективной могилы необходимо перенести к мемориалу, причем сделать это принародно. Цель символического перезахоронения – повиниться перед теми, «кто уже не придет никогда». Трудармейцев не спрашивали, хотят ли они умирать. А чтобы извлечь прах одного из них, необходимо получить массу согласований: из прокуратуры, санэпидстанции, управлений по конфессиям, из городской и районной администраций. В итоге власти дали «добро», но акт эксгумации может осуществить только организация «Мемориал». Это произойдет в ближайший четверг. Будут присутствовать представители православной, католической, лютеранской и других конфессий. Приглашены и СМИ. Будет и представитель районной прокуратуры.

Чиновники долго разбирались: а кому фактически принадлежит место захоронения сегодня? В итоге выяснили, что земля городская, но сейчас ее арендует Каштакский совхоз.

Г. М. Витлиф очень хотел показать мне хоть какие-то следы той кошмарной жизни. Сейчас на месте лагерей (самых настоящих концлагерей, опутанных с четырех сторон колючей проволокой в три ряда, с вышками и вооруженными часовыми на каждом углу, с жесточайшим закрытым режимом, с ровными бытовыми условиями, худшими, чем у зеков) – жилые микрорайоны, дворцы культуры, бассейны, офисные здания. Мы снова долго колесили по району. Наконец, Губерт Михайлович показал мне старый мост через реку Миасс. По этому мосту депортированных, прибывавших в Челябинск начиная с февраля 1942 года переводили к новому, насильно навязанному им месту проживания. Как вспоминает Витлиф,

которому в то время было всего 19 лет, бараки еще не были достроены: стены, крыши да нары. Земляной пол покрывала изморозь. Но выбора было только два: приспособиться и выжить либо отправиться в «поле».

28 августа 1942 года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья. Немцев-мужчин отправляли в лагеря, которые назывались «трудовой армией». Там они содержались за колючей проволокой под вооруженной охраной, выполняя неимоверно тяжелую работу.

В Metallургическом районе Челябинска на «Бакалстрое» было создано 18 лагерей, где содержалось около 50 тысяч депортированных немцев, ставших против своей воли трудармейцами. Оставшиеся в живых свидетельству-

ют, что в каждом лагере ежедневно умирало примерно 150 человек. Их хоронили по ночам в общих ямах-могилах. Ни одно из этих захоронений до сих пор не имеет официального статуса мемориального кладбища.

Общая высота композиции – 7,5 метра.

Высота статуи Христа – 3 метра, с постаментом – 4 метра

Вес статуи – 3 тонны

Фигура Христа белого цвета, покрыта специальными полимерными устойчивыми красителями.

Мемориал трудармейцам:

Размер площадки перед статуей – 12x13,5 метра, на нее ушло около 50 кубометров бетона. Толщина плит – 850 миллиметров.

P.S. Статья челябинской журналистки Лидии Садчиковой подробно рассказывает о сложностях строительства памятника трудармейцам и была написана, когда внешний вид мемориала еще не принял окончательный вид. Что было сделано, чтобы в Челябинске появилось святое место для тех, кто помнит о трудармии?

В первую очередь организовано торжественное перезахоронение останков неизвестного трудармейца у подножия центральной фигуры мемориала - Христа. Вокруг памятника разбиты цветочные клумбы и летом он утопает в цветах. Зимой, когда рано опускается темнота, мемориал освещается прожекторами.

Сейчас мемориал трудармейцев занял свое достойное место среди памятников, которые увековечивают память о тех, кто в годы Великой Отечественной войны приближал Победу.

Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забыть нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране.

Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.

Опубликовано: Ведомости народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. 15 ноября. № 23. С. 607.

НЕМЕЦ РУДНИКОВСКИЙ

Еще в юности написал я очерк о геологе Генрихе Фридриховиче Лунгерсгаузене. Я не был знаком с ним. После его трагической смерти в эвенкийской тайге от самого что ни на есть элементарного аппендицита, перешедшего в перитонит, в редакцию молодежной газеты, где я тогда работал, пришла его сестра, живущая в нашем городе, и принесла его стихи. Был он, несомненно, крупным и разносторонним ученым, причем в разных областях геологических знаний. Чтобы представить круг его научных интересов, достаточно назвать такую его работу, как «Периодичность в изменении климата прошлых геологических эпох и некоторые проблемы геохронологии», в которой он дошел до обобщений общепланетарных, общекосмических. Или такой пример: многие годы ученые били тревогу по поводу катастрофического обмеления Каспийского моря, целиком связывая его с хозяйственной деятельностью человека, а Генрих Фридрихович Лунгерсгаузен говорил: «Да, последствия нашей деятельности на Каспийском море губительны. И в будущем они еще в большей степени аукнутся нам, но нынешнее обмеление, я уверен, связано, прежде всего, с геокосмической активностью, и придет время, когда обмеление сменится обратным процессом».

Так вот, мы уже дожили до этого процесса. Повторяю, он был, несомненно, крупным и разносторонним ученым, но по ученому званию - всего лишь кандидатом геолого-минералогических наук. И потому, что у него не хватало времени не то, чтобы защитить докторскую диссертацию, а даже собрать документы для присвоения звания доктора наук по совокупности работ, а больше потому, что он был немцем (его отец, кстати, профессор геологии, в годы войны, как немец, был выслан в Бийск), хотя, наверное, давно уже и русским, его предки пришли в Россию еще в XVIII веке. Он работал главным геологом Всесоюзного аэрогеологического треста, его кабинет, если бы не ГУМ, выходил бы окнами на Красную площадь, но не имел московской прописки, а все же опять потому, что был немцем.

Так вот я написал о нем очерк. Так себе, газетный юношеский очерк, но оказалось, что он кем-то был замечен. Оказалось, что, сам того не подозревая, я задел чьи-то глубинные душевные струны. Очень это деликатный и до конца непонятный вопрос - национальный, в нем одновременно заложены величие и трагедия человека. Мне звонили незнакомые люди, писали письма, горячо благодарили, что написал о немце, хотя, когда я писал очерк, меньше всего думал, что пишу о немце. Я писал о геологе, потому что в детстве

сам мечтал стать геологом, и мечта моя не сбылась, я писал о хорошем человеке, нелепо ушедшем из жизни в расцвете сил, и просто оказалось, что он был немцем. Потом меня попросили разрешения перепечатать очерк в немецком альманахе «Вохенпост»

...Прошло лет двадцать с тех пор, и об очерке моем, разумеется, забыли. Но вот недавно получил письмо из Чебаркуля Челябинской области от Виктора Адольфовича Рудниковского. Что ему в библиотеке попала книга моя с очерком о Лунгерсгаузене. Тоже благодарил, что я написал о немце, что сам он, как немец, в свое время был репрессирован и претерпел много унижений, и теперь он писал об этом всем с мягкой всепрощающей печалью и даже с юмором. Письмо было по-стариковски трогательное и по-немецки сентиментальное. Чувствовалось, что человек доживал одинокую старость, и я посчитал себя обязанным ответить ему.

Виктор Адольфович написал мне снова, что знает меня не только по очерку о Лунгерсгаузене, он следил за моими поисками самолета Героя Советского Союза №2 поляка Сигизмунда Александровича Леваневского, пропавшего без вести при перелете через Северный полюс в августе 1937 года, что он сам тоже мечтал стать летчиком, даже уже совершил в аэроклубе несколько самостоятельных полетов, но началась война, и его, как немца, отправили в Караганду добывать уголь. Впрочем, счастливо отделался, могло быть и хуже. Виктор Адольфович стал писать часто, потом стал слать сладости и, когда «перестройка» в стране достигла апогея, продуктовые посылки. Я пробовал его журить - в письмах, по телефону - было бесполезно. Он смущенно соглашался, оправдывался: «Это меня не обременяет, мне много не надо, а по талонам выдают». Он, словно школьник, давал слово, что больше не будет, а через какое-то время я получал новую посылку с ласковым письмом.

Не так уж много у нас, литераторов, бывает таких преданных читателей, к тому же я чувствовал почему-то себя перед ним виноватым, хотя бы потому, что он думал обо мне лучше, чем я на самом деле есть. И, выкроив время, я поехал к нему. В сумерках зимнего утра я прошел мимо него, я принял его за мальчика-подростка. И оказалось, что немец Виктор Адольфович Рудниковский был совсем не немцем...

Жил в Ленинграде мальчик: отец - поляк, мать - латышка, в школе был отличником, мечтал стать летчиком, занимался в аэроклубе. Пришло время получать паспорт. Вернулся из милиции, а отец глянул в паспорт: «А почему ты тут записан немцем? Иди обратно, пусть

переделывают. Почему не посмотрел?» Пошел. Начальник паспортного стола засуетился - за ошибку ему, видимо, могло крепко нагореть: «Машинально записали. Скорее всего, потому, что Адольфович. Ты пока никому не говори, а потом исправим. Походи пока так. Немец - тоже хорошо. Вон у нас с Германией какая дружба».

Ну, потом и потом - так и осталось на потом. Тем более, что в обыденной жизни паспорт не был нужен, так и лежал в шкафу. Уже стал инструктором планеризма, уже начал летать на «ТБ-1» - и тут началась война. Пошел в военкомат записываться добровольцем. Ему сказали: «Не бойся, как курсанта аэроклуба, тебя не забудут. Жди, когда надо будет, возьмут». Взяли. Только не на фронт. Как немца, его не только ссадили с самолета, но и отправили в Караганду добывать уголь, откуда уже через годы спецпереселенцем он попал под Челябинск, в Копейск - тоже добывать уголь.

Впрочем, как я уже говорил, могло быть хуже. Добывал для страны, для фронта уголь. И все эти месяцы и годы писал в разные инстанции письма, вплоть до Шверника и Ворошилова (я читал у него копии этих писем): «Как я могу быть немцем, когда отец - поляк, мать - латышка?! Мое место на фронте». В конце концов, где-то кто-то услышал: назначили новое разбирательство, и, может, у кого-то был невыполнен план по «врагам народа», пришили ему новую статью: «умышленно уговорил записать в паспорт немцем, чтобы в будущем, когда начнется война, избежать фронта, отсидеться в тылу...» «Почему же вы мне-то написали, что немец? - растерянно спросил я. Разве?.. Я, наверное, все-таки написал: пострадал, как немец... Может, я теперь уже и есть немец? - улыбнулся он. - Судьба так распорядилась... А по судьбе, скорее, уже - русский...»

Я не запомнил, каким образом он из Копейска попал в Чебаркуль. Впрочем, что тут гадать: стоит Чебаркуль на Великой Транссибирской магистрали, вот и осел на одной из станций. И дом-то, женившись, Виктор Адольфович поставил почти рядом с железнодорожными путями, может, еще надеялся, что не навсегда, может, по этой вот железной дороге вернется в родной Ленинград... Увы, дети выросли, разъехались, разлетелись, жена умерла, а он так и остался тут, на башкирско-русской земле: отец - поляк; мать - латышка, по паспорту - немец, а на самом деле давно уже русский... -

«Одному-то трудно... - осторожно сказал я. «Взял год назад женщину с девочкой, - неохотно ответил он. - Так она, мягко говоря, обобрала меня маленько и уехала, когда я на работе был». Вот так он и живет на Великой Транссибирской железнодорожной магистрали, одинокий пожилой человек со сломанной жизнью и неосуществленной мечтой, мимо окон в ту и другую сторону день и ночь стучат поезда. Вот судьба: осуществись бы мечта, не напутай тогда кто-то с паспортом, скорее,

погиб бы на фронте, может, при первом же боевом вылете. Можно сказать, остался жив благодаря этой нелепой несправедливости, а он мечтает, помыслами, да и внешним видом своим, - словно мальчишка, и поведением: до сих пор катается на горных лыжах, - остался в той, несостоявшейся жизни. Он как бы прожил чужую жизнь, а его осталась за тем рубежом - может быть, даже более трагическая и короткая, но зато его. Собирает книги об авиации, все разговоры - про авиацию и про то, как он начинал летать, а все остальное, что ему пришлось пережить, как бы совсем не с ним было, и он с неохотой об этом рассказывает.

Как я уже сказал, у него есть взрослые дети, которые живут в Ленинграде и под Ленинградом, у них в свою очередь, тоже есть дети, и ужони ныне, наверное, больше меня нуждаются в сладостях и продуктовых посылках, а он посылает их мне, или посылает мне тоже. Подозреваю даже, что он тайком пересылает мне часть их посылок ему, и я ничего не могу с этим поделать, не говоря уже о том, что я ничем и никак не заслужил этого, и живу с чувством великой вины и неловкости перед ним. 1991 г.

P.S. Из последнего письма В. А. Рудниковского: «Итак, поздравляю Вас с наступающим 1996 годом! Из пожеланий, если они имеют какую-то силу, - здоровья, на долгие годы! Чем-чем, а этим желанным качеством похвастаться уже не могу: хвори, чем дальше, тем больше, лезут, как тараканы на забытый пряник, но самое страшное - резко падает зрение и сдают нервишки, подтверждение тому почерк. Окружение (по месту жительства) - воистину окружение - пьяницы и воры, наглые как крысы.

Нынче было тяжело на душе, мой проклятый домик, как черепахин панцирь - не вылезешь, тяготит неимоверно (ремонтам конца не видно)... Пытался продать его и перебраться к своим в Ленинград-Петербург, но не получилось, мне одному осилить все это трудно, а мои приехать на помощь не смогли - болеют, теперь уже до весны... Да еще занялся ремонтом рта - спилил 12 коронок, удалил 3 зуба - своих осталось всего чертова дюжина. В этом сезоне только раз сходил в бассейн и жестоко простыл, о горных лыжах пока не помышляю...

В этом году была радость. Летал на истребителе «И-5» (во сне, конечно), очень давнишнем. Но с такими явственными подробностями, вроде ползущей по крыльям росы. Сидел в кабине, пристегнулся, посмотрел на приборы, дал газ, прекрасный взлет, даже почувствовал увеличение тяжести, особенно на крутых разворотах. Приземлился, инструктор дает задание повторить. Снова взлетаю. Лечу вдоль железной дороги на г. Миасс. Снова крутые виражи, иду на посадку... и проснулся. Уже месяца два прошло, а до сих пор счастлив. Вот и сейчас с волнением смотрю (если удастся увидеть) на низко летящий самолет и,

разинув рот, провожаю взглядом. Наверное, я психоватый малость. А вертолеты не люблю, хоть и ценю...»

1996 г.8.5

Отклик из всемирной паутины:

Елена Попова 04.05.2011:

Приятно читать про любимого троюродного деда.

Предки Генриха Лунгресгаузена приехали в Россию не в XVIII веке, а в XIX - его деда-садовника выписал какой-то барин себе в

имение, потом барин женился и его уволили (новая барыня считала дипломированного садовника-селекционера прислугой, он этого не стерпел).

Лёвушка (лев-Генрих) унаследовал независимый характер деда и неприятности с властью у него начались задолго до войны, исходно были связаны не с его национальностью, а с его взглядами. Потом национальность, конечно, добавила.

Комната в Москве у него была (и дача в Подмосковье)

О ЛАЗУРНОМ

Поселок Лазурный, о котором пойдет речь далее, находится в Красноармейском районе Челябинской области на берегу озера Сугояк. Ранее это была центральная усадьба совхоза. Отделения совхоза располагались вокруг озера.

В Лазурном жило много немцев, сосланных туда еще в Великую Отечественную войну. В настоящее время многие из них уехали в Германию на ПМЖ. Вот что рассказывает Анна Клейманн, учившаяся со мной в одной школе в параллельном классе, живет сейчас в Германии:

- Меня привезли в Лазурный когда мне было 4 года из Сибири, где мои родители были в ссылке. Лазурный тоже был когда-то трудармией для российских немцев, выслан-

ных из Украины. В 1958 году, когда мы туда приехали, были почти одни бараки. Финские домики в срочном порядке построили солдаты, чтобы переселить в них пострадавших из зоны взрыва завода по производству плутония (из зараженной зоны). Тогда не очень-то много можно было рассказывать, но сосед наш говорил маме, что им не разрешали ничего брать с собой, даже одежду. А село, в котором они жили просто сравнивали бульдозерами с землей. Совхоз несколько раз переименовывали. А Лазурным его назвал бывший директор Зеберг. Он отдыхал на курорте и ему очень понравилось это название. Обо всем этом мне рассказали родители.

<http://plazurniy.ru>

Алла Муравьева-Гренц

НЕМЦЫ МНОГОКРАТНО ПОДВЕРГАЛИСЬ РЕПРЕССИЯМ

Моя семья, как и весь мой немецкий народ, подвергался репрессиям со стороны Советской власти многократно. В 1930 году раскулачили и посадили в тюрьму моего деда.

Дедушка Граф Рейнерт, 1853 года рождения, умер в 1932 году в заключении на восьмидесятом году жизни. Не менее драматична судьба моих родителей и братьев.

...Большая семья Гренц жила до войны в бывшей Республике Немцев Поволжья на станции Палласовка. Немцы, русские, казахи, украинцы — все жили рядом, поволжскую станцию считали родной. Папа был мастером-жестянщиком, мама вела домашнее хозяйство, воспитывала шестерых сыновей:

Александра, Федора, Рейнерта, Рейнгольда, Владимира, Константина и дочь Аллу. Это я была единственной и долгожданной дочкой в семье. Рейнерт умер еще ребенком. Все остальные дети стали взрослыми.

В 1937 году арестовали моего брата Фе-

дора (1911 года рождения) как врага народа, по 58 статье приговорили к десяти годам заключения на Колыме.

Наша милая добрая мама не смогла вынести эту беду. Произошло непоправимое — сердце ее не выдержало, она умерла. Это было в 1937 году, летом. Для нас в тот день солнце погасло среди белого дня.

К этому времени от нашей семьи дома остались мы, двое детей: я — шестнадцати лет, братишка Костя шести лет и с нами папа. Был у нас свой дом и небольшое хозяйство: корова, теленок, поросенок и курочки. Я старалась успеть и учиться хорошо, и с хозяйством управляться. Понимая, что мне трудно, папа решил облегчить мое положение. Нашел хорошую женщину и женился снова — это было в 1940 году. У новой мамы было двое своих детей: пятнадцатилетняя Эмма и трехлетний Володя. Жили мы очень дружно.

В 1941 году, 3 сентября, произошла

трагедия. Вышел правительственный указ: всех немцев в течение трех суток выселить с Волги — ликвидировать Республику Немцев Поволжья.

В тот день, когда приказали уезжать, работала я на току, помню, радовалась хорошему урожаю зерна. Золотистая пшеница текла рекой с полей... А позже, после войны, выяснилось: пропала пшеница, некому было урожаем заниматься. Опустела Немецкая Республика.

Не успели, как следует собрать вещи — посадили нас, немцев, в товарные вагоны. Повезли кого куда: в Алтайский край, в Сибирь, в Казахстан. Мы попали в колхоз «Первая пятилетка» Змеиногорского района Алтайского края. Ехали семнадцать суток. Наша новая мама была на последнем месяце беременности. Бедная, как ей было тяжело в дороге. Прибыли мы на место 20 сентября, а 24 родился братик Виктор. Стали обживать на Алтае. Всю обувь и часть теплых вещей оставили в Поволжье — босиком по осенним лужам ходить пришлось, голодать...

Через год, в 1942 году, в декабре меня и сводную сестру Эмму мобилизовали в трудармию на нефтяные разработки Башкирии. Работали чернорабочими. Копали траншеи, разгружали искореженный металл, который поступал с фронта. Мы, молоденькие девчонки, как муравьи, таскали эти железки из последних сил. Была война, и мы понимали: все это необходимо для Победы. Четыре года жили надеждой, что вот-вот война закончится, и нас снова отпустят на Волгу, где были оставлены наши дома. За эти годы мы растеряли своих родных, а они — нас. Это очень страшно — потерять все связи с близкими людьми.

Через добрых людей, по слухам и распросам, стали находить друг друга. Брата Рейнгольда так и не нашли. Рейнгольд должен был вернуться со службы в армии осенью 1941 года, но летом началась война. Он, как обученный солдат, сразу попал на фронт в саперную часть. С тех пор мы о нем ничего не знаем — пропал без вести.

Брат Володя до войны жил у старшего брата Александра в Ленинграде, работал на заводе им. Кирова. Оттуда в 1941 году прямо с заводским ополчением ушел на фронт. Был ранен. После госпиталя на фронт его не послали — вышел указ: немцев с фронта убрать в трудармию. Попал в Челябинск. Работал шахтером, затем 10 лет жил на спецпоселении.

О Володе, о том, что он живет в Челябинске, я узнала от девушки Лидии из нашего женского отряда на нефтяных разработках в Башкирии. Лидия — моя землячка, со станции Палласовка. Она получила письмо от своего брата Андрея из Челябинска, в котором он сообщил о том, что с ним работает мой брат Володя. Вот это новость! С Лидией мы обнимались и плакали от радости. Написала сразу письма — отцу и брату. Брат ведь тоже

не знал, куда и когда нас выселили с Поволжья. Шел 1945 год, мы переписывались, жили надеждой на встречу. Мы были несвободными...

В 1946 году вышел указ правительства — стало возможным хлопотать о соединении родственников по вызову через комендатуру. Володя прислал мне вызов в Челябинск. Таким образом, в июне 1946 года я переехала жить в Челябинскую область. Сколько было радости при встрече, разговоров — ведь мы расстались почти детьми.

Володя жил в «зоне», был уже женат и имел сынишку. Его семья жила в бараке, и хотя была у них одна комната, сразу взяли меня жить к себе. Володя устроил меня на курсы машинистов подъема в шахтах. Выучилась, сдала экзамен, начала работать. Работа очень нравилась. Здесь было много немцев-шахтеров. Все мы ждали, когда же нас отпустят на родину — на Волгу. Но не тут-то было! Очередная репрессия — нас, всех немцев, взяли под строгий контроль. Мы, спецпоселенцы, не имели права куда-либо отлучиться.

Раз в месяц отмечались в комендатуре в строго определенные дни и часы. Имели право жить только в этом населенном пункте — Коркино, поселок Роза.

В 1947 году вернулся из заключения с Колымы брат Федор. По пути он заехал в Алтайский край повидать больного отца. Затем приехал к своей семье — жене и дочке — в Челябинск, где мы с ним и встретились. Позднее нашел нас в Челябинске. А наш старший брат Александр с женой Эммой во время войны работал в трудармии в Сарапуле, их дети — Сильва и Эрна — воспитывались у чужих людей в Алма-Ате. Детей оставили, а родителей отправили в трудовую армию. Для Александра и Эммы это было трагедией. Пришла весточка в Челябинск и от Александра. Вот так мы, наконец, нашли своих родных. Стало легче на сердце.

В 1949 году умер наш отец. Тогда решили оставшимся — маме, брату Косте, Володе (сводному братику) и

Виктору — согласно вызову через комендатуру, переехать жить к Федору. Он всех взял к себе. Так мы все вместе и жили.

Здесь же, в Челябинске, в 1947 году я вышла замуж за Николая Алексеевича Муравьева, очень хорошего человека.

В 1956 году с нас, немцев Поволжья, взяли подписку о том, что мы не поедем на родину, и не будем просить о возврате нашего имущества и дома. Если мы на это согласны, то мы в дальнейшем свободны. Отмечаться в комендатуре больше не надо.

С мужем переехали в Ижевск, жили в любви и согласии 41 год. Десять лет назад он умер. Осколки снаряда сидели в легких всю жизнь и стали причиной смерти.

Чтобы не замкнуться в себе, стала заниматься общественной работой. С 1992 года я — член правления Удмуртской Ассоциации

жертв политических репрессий. С 1995 года участвовала в создании местных отделений УАЖР в городах и районах Удмуртской Республики. Сейчас являюсь заместителем председателя УАЖР. С 1992 года — член правления Центра немецкой культуры в Ижевске.

Иногда очень хочется поговорить на родном немецком языке, чтобы его не забыть.

«Клейменные судьбы: Книга очерков и воспоминаний». - Ижевск: Ижевск. полиграфкомбинат, 1999. - С. 128-131.

ТОМИНСКИЙ СОВХОЗ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В 1940 году среднесписочный состав совхоза составил 250 человек.

С апреля 1941 года совхоз являлся подсобным хозяйством ЧТЗ. Задачей таких хозяйств было снабжение сельхозпродукцией рабочих заводов. Кроме самого поселка Томинский к подсобному хозяйству относились Мичурино, отделение Черники, которое находилось недалеко от станции Смолино, Саргазы (в Саргазах выращивали капусту), там было всего 4 барака и 2 амбара.

В Томино было четыре барака, столовая из камыша (на этом месте сейчас стоит дом Дубковых. Контора размещалась на том месте, где сейчас находится столовая. Начальная школа размещалась в доме, где сейчас живут Березовские и Пасынковы. Посолочный цех находился около дома Тороповых, больница была на том месте, где сейчас живут Мавлютовы. На том месте, где сейчас расположен д/сад и дом Голубицкого И.И. находились теплицы и парики. Маслозавод располагался около Савицких (заведующий Кадакин А.П.) Было

также пожарное отделение на том месте, где сейчас находится старый интернат. Где в настоящее время живут Пряжины, на пригорке, была мельница. На территории стройгруппы еще в 80-е годы стоял домик, там раньше была пекарня, а работал там Несмеянов Абрам.

В 1943-1944 годах на полях работали военнопленные (немцы, румыны), спецпереселенцы, трудармейцы. До войны наше село было подсобным хозяйством исправительно-трудовой колонии.

Озеро было искусственное. В нем не было рыбы, так как оно загрязнялось отходами маслозавода. Водопроводов не было. На все село было два колодца. Когда вода в колодцах замерзала, то воду брали прямо из озера. Рядом с домом Спицыных есть развалины от старой бани. Во время войны она служила карцером. Людей сюда сажали на 3 дня за невыход на работу и другую провинность. Телефона и электричества не было. Радио находилось в конторе, здесь люди узнавали фронтовые сводки и разносили по цехам.

Виктор Гринмаер

ГАРРИ ПЕТРОВИЧ ВИНС

Родился Гарри Петрович в Ставропольском крае в немецком селе Шенфельд. Дома в селе были большие, саманные, с камышовыми крышами. За каждым домом располагались сад, виноградник, огород. Летом и осенью снимали обильные урожаи. Запомнились огромные горы арбузов. Сразу за садами и огородами простиралась степь с высокой травой и всевозможной дичью.

Родители были учителями. Когда отца в 1938 году забрали, семье, маме и двум сыновьям, пришлось переехать сначала в осетинское селение, а потом в Моздок. В школе учиться пришлось с русскими, осетинами, армянами, черкесами, чеченцами и ребятами других национальностей. Гарри, как и многие его одноклассники, плохо знал русский язык. Но учились друг от друга, и никому в голову не приходило, что дети чем-то различаются. Дружили, невзирая на национальности.

22 июня 1941 года народ вдруг устремился на главную улицу города к репродукторам. Так

узнали о начале войны. Сразу стало плохо с продуктами, за хлебом - большие очереди. Появилось много беженцев из Украины и Белоруссии. Люди эти были при деньгах. Цены резко выросли, трудно стало сводить концы с концами.

В конце лета распространились слухи, что на Волге фашисты сбросили десант, и поволжские немцы якобы их укрыли и что среди них, мол, много диверсантов и тому подобное. Как ни странно, даже наши немцы этому бреду поверили. Позже стало известно, что была провокация: действительно десант был, но это были наши, переодетые в германскую форму, но местные немцы их задержали и сдали властям. Тем не менее, официальная версия не опровергалась, ее просто как бы позабыли. А наших всех поголовно стали выселять. Людям строго наказали, ничего с собой не брать, кроме одежды и продуктов, сколько смогут нести на себе. Остальное, мол, выдадут по прибытии на место назначения.

«В нашей «диверсионной группе», вспоминал Гарри Петрович, старшим был дедушка, ему стукнуло 82 года, ну а главой была, конечно, мама. Мне было 14, брату - 11, к тому же, брат не пробиться, мы шли впереди - расчищали дорогу.

На мне были хлопчатобумажные брюки, фуфайка, старая шапка и чесанки без подошвы, но зато - в калошах. И вот в самый мороз брюки порвались, а зашить нечем. Вроде не ахти какая защита - тонкая штанина, но без нее мороз обжигает беспрепятственно.

Повезли нас на Сталинград, чтобы там переехать Волгу по мосту и дальше следовать в Северный Казахстан. Вскоре на станциях, полустанках и вынужденных стоянках на разъездах из вагонов стали выносить и хоронить в степи умерших. Это были в основном маленькие дети и старики.

Из продуктов нам только изредка выдавали хлеб, зато охрана наша была постоянно на веселе.

До Сталинграда мы так и не доехали, на станции Сарепта, где все немецкие дома уже были пустыми, нас выгрузили из наших душных вагонов и отправили к Волге грузиться на баржи, говорили, что мост разбомбили.

В баржах было еще невыносимее, сидели, как селедки в бочке. Особенно тяжело стало, когда из Волги вышли в Каспий и начался шторм. Кроме морской болезни началась паника из-за пробоины в одной из барж. Прошел слух, что одна баржа уже затонула, и мы тоже тонем.

Но шторм, наконец, стих, и вскоре стало известно, что в Гурьев, куда направлялись баржи, нам не пробиться, и нас перегрузили на корабль «Жданов». Это был горючевоз, но для нас он сгодился.

По пути в Красноводск пришлось скормить рыбам очередных умерших.

Из Красноводска долго везли в товарняке через Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. В Омске мы лишились дедушки. Его вынесли из вагона, а поезд тронулся. Похоронили его где-то в братской могиле без гроба, а дома, в Моздоке, остался на чердаке приготовленный им заранее гроб. Дедушка себе изготовил два гроба, но в первом пришлось похоронить бабушку, которая не дожидая до таких преклонных лет, тогда он сделал второй, но и этот ему не достался.

Наконец нас доставили до места назначения в Северном Казахстане - на станцию Чистовскую. Отсюда через год меня в возрасте 15 лет мобилизовали в трудармию. Я попал в Карпинск Свердловской области. Поселили нас в дощатые бараки с трехъярусными нарами из бревен и досок без постелей. У некоторых были наволочки для матрацев, но в них нечего было положить, и люди сами прятались в них на ночь от клопов, и этим спасались. Остальным приходилось туго.

Я попал в бригаду грузчиков бревен на кузовные машины. Вся бригада состояла из пацанов 15- 16 лет. Бригадиром у нас был шестнадцатилетний Женя Чертков, «вина» которого была в том, что мать его была немкой, а отец где-то пропал без вести.

Морозы зимой 1942-43 гг. стояли в тех краях жуткие - за -50 градусов. Сугробы лежали выше нашего роста. Если машинам было

Рядом с нами работали заключенные, они и одеты были получше и кормили их сытнее, и вообще выглядели повеселее нас. Они жалели нас, говорили: «Мы-то знаем, за что здесь и когда, срок кончится, а вы, как мухи дохнете и срока нет». Одна из заключенных прямо на мне зашла мои брюки своей ниткой.

Люди у нас действительно умирали, как мухи, но особенно большой падеж начался ближе к весне. Пайки были маленькие, поэтому некоторые старались отоварить хлебные карточки сразу за 2-3 дня и к концу месяца оставались ни с чем, на одной баланде. Курильщики часто меняли хлеб на курицу - им приходил тот же конец. Много было и других причин, обман не понимающих по-русски, утери и воровство карточек и т.д. Обезумев от голода, некоторые рылись в помойках, но и там улов был невелик.

Мне однажды тоже при отоварке отрезали несколько лишних талонов - еле дожидая месяц, спасибо добрым людям. Надо сказать, что добрых людей мне попадалось много, благодаря им и выжил, но об этом расскажу в другой раз.

В мае 1943 г. нам выдали списанные военные ватные брюки, валенки и другую одежду. Мы были рады без ума - тепло-то как! Ведь стояли еще крепкие морозы, особенно по ночам. Но вскоре стало не до радости: днем снег подтаивал - валенки насквозь промокали, а вечером ударял мороз - валенки промерзали, а вместе с ними и ноги. Больше всего было ночью в бараке, когда все это оттаивало.

Было среди нас много фронтовиков, воевавших до глубокой осени 41-го. Некоторые в очень высоких чинах. Так они говорили, что на фронте лучше, нет этих мучений, унижений, а если ранят или идешь на верную смерть, так хоть знаешь, за что!»

Впереди были долгие годы трудармии, спецпоселения, унижения...

* * *

«Первая часть моих воспоминаний заканчивалась тем, что в трудармии были и немцы-фронтовики, принимавшие участие в боях с фашистами. Среди них были и рядовые, и высшие офицеры. Запомнились мне многие из них. Фамилия одного, например, была Руп. Был он заместителем командующего одного из военных округов, а в трудармии стал заместителем начальника колонны. А его дети прошли всю войну, так как по матери были русскими. Позже он стал десятником, на службе его так и не восстановили.

Был еще бывший старшина, фамилию уже не помню, но сам он хорошо запомнился своим оптимизмом. Он постоянно твердил нам, все что произошло с русскими немцами - это недоразумение. Вот, мол, кончится война и разберутся. В армии он много лет был политруком и очень верил в справедливость.

Вообще, в большинстве своём - это старшее поколение, были удивительными людьми. И сейчас, много лет спустя, удивляюсь - какие это были патриоты. Разреши им тогда идти на фронт, мало было бы отказников. Трудармейцы, работавшие на Богословском алюминиевом заводе, живя в ужасных условиях, за колючей проволокой, собрали деньги на постройку самолётов, за что получили благодарность от Сталина.

Зима 1942-43 гг. была очень холодной, и если вольные люди с трудом переносили её, то каково было нам, в большинстве своём - южанам, раздетым, разутым, при - 40-50-градусном морозе. К тому же, мы были ограничены в свободе передвижения, даже в зоне. Наша зона - это бараки, расположенные по периметру квадрата, огороженные заборами из колючей проволоки, у внутренней стороны забора - запретная зона. По углам забора стояли вышки, на которых круглосточно стояла вооружённая охрана, которая при нарушении запретной зоны, применяла оружие. Был такой случай: женщина шагнула в запретную зону, чтобы сорвать крапиву, и это было её последнее движение - прозвучал выстрел.

На работу и с работы мы ходили строем. На проходной проверяли количество выходящих и входящих, при входе даже производили личный досмотр, отнимали всё, даже еду. В бараке, в отсеке нас жило 18 человек, спали на трёхъярусных нарах. Утром и вечером в бараках устраивали проверки. Если в чём-либо провинился, то отправляли на гауптвахту, с которой часто не возвращались.

Особенно трудно стало весной. Все ослабли. Хлеб выдавали за прошедшие 4-5 дней. Много людей стало умирать. Когда показывают в кино Освенцим, это сразу напоминает нашу трудармию.

О том, что я работал на заводе грузчиком и ходил в штанах с голыми коленками, я упоминал в первых своих воспоминаниях. Наша бригада грузчиков состояла из таких полуодетых 15-16-летних пацанов. Когда занимались распиловкой и перетаскиванием брёвен толщиной до 90 см, то нам, по - «южному» одетым, приходилось как следует шевелиться, чтобы и работу осилить, и не замёрзнуть.

Наш десятник довёл нас до крайности. Ребята решили с ним «поговорить». Об этом узнал начальник лесозавода, Иван Иванович, добрейшей души человек. Вызвал нас и говорит: «Десятник вам жить не даст, я вас переведу на железную дорогу, на вскрышные работы». Спас нас. Но работа была - врагу не пожелаешь. Шпалой то одного ушибет, то другого придавит. Хорошо, если десятник

добрый, ободрит, а встречались и такие, что ногой поддаст в бок и кричит: «Работать не хочешь, Гитлеру помогаешь!» Молча проглотить слезу и вперёд! А по утрам санями вывозили мёртвых из зоны.

Весна 1943 приготовила и для меня свои сюрпризы. В мае начались перебои с хлебом, выдавали за несколько прошедших дней с опозданием. Мы с трудом доживали до очередной выдачи. Во время одной из отоварок, я на радостях не заметил, что в карточке, вместо одного дня, отрезали на целую неделю вперёд.

Из-за голода и слабости я несколько дней не мог ходить на работу, лежал на третьем ярусе, на голых досках среди клопов и вшей, полчищами угнетавших доживающих доходяг. Закусил я край маленькой маминой подушки, привезённой с собой, а слезы текли сами собой. Ну, за что приходится умирать, когда так хочется домой.

И вот 12 мая начальник смены Бунковский, бывший фронтовик, очень порядочный человек, заходит в отсек и говорит: «Эй, длинный, ты еще живой? Радуйся, тебе посылка». Длинным меня прозвали за то, что ростом я был выше всех.

Мне повезло. В посылке не было кирпича, что часто вместо продуктов в посылки подкладывали. Продукты были на месте. Так мама вторично дала мне жизнь. Посылку в то время отправить было очень сложно. Мама для этого последние вещи продала. Вот что значит, мама. Поздно порой мы начинаем их ценить, к сожалению. Эта посылка вернула меня к жизни.

Но, как говорят, одна беда не ходит. Не прошло бесследно примораживание ног зимой к обуви. Я заболел. Сильные боли в ногах, температура за 40 С. Унесли меня в зоновскую больницу. Лекарств никаких. Температура не снижается, ноги посинели, от прикосновения - терял сознание. Через несколько дней переместили меня в другую палату, когда я был без сознания. Оказывается, врачи меня списали и перевели к безнадежным.

Очевидно, очень за меня мама молилась, да и подкрепление её продуктами сказалось. Через пять дней врач говорит: «Кризис миновал. Повезло тебе. Можешь идти в барак». Он освободил меня на некоторое время от работы. Если бы не доброта людей, давно бы не стало меня. Грех жаловаться, добрых людей на свете больше, лично ко мне люди относились хорошо, но общая обстановка не способствовала доброте.

Я понял давно, что в жизни за всё приходится платить. Прав был поэт Фирдоуси, когда писал: «не обижай людей, придёт расплата, нам счастья не сулит обида чья-то».

Когда кончилась война, мы были на седьмом небе, но оставались в своих бараках. Из комнат выбросили лишние нары, жили теперь по 5-6 человек, остальные умерли, или были расстреляны за разные незначительные провинности. После освобождения из зоны,

нас направили на спецпоселение «на вечные времена».

В конце 1945 начальник отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецов докладывал наркомку НКВД С. Круглову: «Численность спецпоселенцев в стране составляет 2.230.500 чел., из них немцев - 687.300 чел. «Народ, численностью около 1% населения страны, составлял в ГУЛАГЕ 30%. В 1939 в СССР было

1.427.232 немца. За 6 лет на «трудовом фронте» сгинуло больше половины!»

Гарри Петрович рассказал много под запись, мы часть из них опубликовали в газетах, а потом решили сделать из них книгу. Так появилась его самиздатовская книга «Все, что в памяти - это жизнь». Мы ее отпечатали в нескольких экземплярах на компьютере и он, пока был жив, собственноручно переплел их.

С. Тарасова

«ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ»

По 8-10 человек в комнатах с двухъярусными кроватями, верхняя одежда – фуфайки, ботинки на деревянной подошве.

Скудная еда. Рабочий день - по 12-13 часов. А девчушкам - по 15-16 лет. Те, кому не хватает роста дотянуться до станка,

подставляют под ноги ящики. И продукции надо все больше и больше – обработанные их руками снаряды со златоустовского завода отправляются прямо на фронт

Две бабулечки сидят рядышком, одинаково накинув шали на плечи. Это их общая юность. И общая боль: «Вот мы газету на 9 Мая получаем, там поздравляют фронтовиков, тружеников тыла, вдов. А мы кто? Ни в чем не провинившихся, держали трудармейцев за колючей проволокой, относились, как к предателям. Сейчас признали, что нельзя подозревать целый народ, но почта за свой труд мы так, вроде, и не заслужили»

Каролина Александровна Лель из Маргенау и Елена Михайловна Тильман, проживающая в Пучково, дружат еще с тех времен, когда с 1943 по 1947 годы работали в трудармии, в городе Златоуст Челябинской области. И на открытие выставки в районном историко-краеведческом музее «Забвению не подлежит» 11 декабря приехали не просто потому, что их об этом попросили, а потому, что чувствуют, что о пережитом надо рассказывать, надо донести правду до нынешних и будущих поколений, чтобы больше никогда не совершались в их родной стране такие чудовищные ошибки.

В большом зале, где на стендах размещены многочисленные документы и фотографии, очень многолюдно. Кроме бывших трудармей-

цев – Моники Каспаровны Шамбер, Александра Александровича Зоммера, Василия Давыдовича Великого – здесь собрались дети и внуки наших земляков, подвергшихся политическим репрессиям. Из Медвежья, из Баррикады, из Солнцевки, из Исилькуля. Среди них - Филипп Филиппович Фризен, которому было всего 10 месяцев, когда его отца, Филиппа Генриховича, солнцевского пастуха, по навету арестовали в 1939-м. После проведения следствия оправдали, что по тем временам уже редкая удача, потом отправили в трудармию.

Дочь Василия Фроловича Добрынина, приговоренного по злополучной 58-й статье к расстрелу. Племянница инженера Иосифа Ивановича Вашкевича, «ошибочно» объявленного польским

шпионом и расстрелянного в 1937-м. Дочь коммуниста Ивана Филипповича Рудковского, осужденного на 10 лет и умершего в местах лишения свободы. Всем им, спустя годы, пришли коротенькие справочки из военного трибунала о том, что их родные реабилитированы, то есть были не виновны.

Репрессии, гонения, унижения трудармии перепахали судьбы миллионов советских граждан, но и после признания «перегибов» еще десятилетия об этом страшно и стыдно было говорить. А на открытии выставки «Забвению не подлежит» многим говорить было трудно – уж слишком горькие и тяжелые это воспоминания. Но люди говорили. Во имя светлой памяти погибших, во имя справедливости, во имя лучшего будущего для своих потомков.

«Знамя», газета Исилькульского района Омской области, 18.12. 2007

Анна Вайнерт

БЕНФЕНУТА И ЯКОВ

Когда погожим августовским вечером на одной из улиц города Емштека раздалась выстрелы, и высоко в небе рассыпались разноцветные огни фейерверка, наверное, многие жители города подумали, что этот фейерверк в честь чьей-либо свадьбы или какой-то зна-

менательной даты. Но не было в тот субботний день в доме Ольги и Даниеля Корт ни свадебного торжества, ни дня рождения, а было событие, которое они праздновали не только с величайшей радостью, огромным волнением, со слезами, но и немножко с

чувством глубокой горечи, ибо на это была очень и очень веская причина.

В тот ясный день после 63 лет (!!!) разлуки встретились здесь брат и сестра Ценнер. Долгих 63 года не виделись, ничего друг о друге не знали Бенфенута и Яков. И вот эта счастливая встреча!

Обнявшись и улыбаясь, они сидели на диване, смотрели друг на друга, говорили, говорили, и не могли наговориться, словно навёрстывали то, что не сказали друг другу за всю свою жизнь. Воспоминания нахлынули и, словно огромная волна, захлестнули их, заставляя вспомнить детство, родителей и те кошмарные события, которые они пережили.

Родились Бенфенута и Яков в с. Карлсруе Михайловского района Запорожской области. Село так названо в честь города Карлсруе в Германии, откуда приехали немцы-переселенцы. Их отец, Ценнер Адольф Христианович, участвуя в гражданской войне, был тяжело ранен и остался инвалидом. После войны он работал в родном селе бухгалтером. В 1932 году его арестовали, но по ходатайству однополчан он вышел на свободу. После этого семья переехала в с. Ленинское, Краснодарского края. В марте 1938 года отца снова арестовали вместе с председателем колхоза, учителем школы, конюхом и другими. Их обвинили в антисоветской пропаганде и поджоге одного стога сена. Жену Эмилию и детей как семью врага народа посадили на подводу, довели до железнодорожной станции и там оставили. Можете ехать туда, куда хотите. Эмилия решила вернуться в село Карлсруе, надеясь на то, что там муж найдёт их без проблем.

До сентября 1941 года прожили они в этом селе, но Адольфа так и не дождались, а потом всех жителей села выслали в Казахстан. Там в 1942 году Эмилия умерла, дети остались одни. Через некоторое время 19-летнюю Бенфенуту забрали в трудовую армию, а 13-летний Яков остался совсем один. Для того чтобы не умереть от голода, он ходил по дворам жителей деревень, исполнял различную работу, а за это люди кормили его. Вот с этого времени Яков больше не видел свою сестру, но они переписывались. Как только Якову исполнилось 14 лет, его тоже забрали в трудовую армию. В вагонах для скота их привезли в г. Воркуту. Жизнь в переполненном бараке, тяжёлая работа и жестокие побои за отчество, схожее с именем Гитлера, очень скоро «уложили» Якова на больничную кровать. На его счастье в лазарете работала одна немка, которая, жалея ребёнка, посоветовала Якову при получении паспорта сменить отчество Адольфович на Адамович. Она же подольше задержала его в лазарете, чтобы он смог немного окрепнуть, чем спасла ему не только здоровье, но и жизнь. Когда Яков после лазарета вернулся в свой барак, то узнал, что все, кто с ним жили, были отправлены на урановые рудники. Почти никто из них назад не вернулся.

В трудовой армии Яков проработал до 1946 года,

а в 1947 году женился на хорошей, скромной девушке Зинаиде, с которой вырастил двух детей. До 1956 года его семья находилась под комендатурой, а после освобождения переехала жить в город Ставрополь.

А Бенфенута отбывала свою трудовую повинность в городе Кыштыме Челябинской области. Здесь она встретила и полюбила доброго паренька. Звали его Шмид Генрих Генрихович. Он попал в трудовую армию прямо из действующей армии. В 1950 году они поженились и стали жить в бараке вместе с одной семейной парой. Поделили барак на две половины ситцевой занавеской, так и жили. Здесь у них родился первый ребёнок. Когда в 1956 году их освободили из-под комендатуры, они уехали из Кыштыма. Так прервалась её переписка с Яковом. Бенфенута помнит, что она написала ему очередное письмо, но оно вернулось назад. С этого времени они совсем потеряли друг друга.

Поменяв несколько мест жительства, Бенфенута и Генрих осели в селе Белые воды, Чимкентской области. Здесь у них был небольшой дом, в котором росло уже шестеро детишек. Семья жила небогато, но дружно. Прекрасным мужем и замечательным отцом был Генрих Генрихович. Да и мастером он был на все руки. И мебель в дом мог сделать, и по хозяйству что наладить - всё спорилось в его золотых руках. Счастье, наконец-то, улыбнулось Бенфенуте.

А в 1991 году вслед за детьми она с мужем переехала в Германию. Только шесть лет пожил Генрих Генрихович на земле своих предков. В 1997 году Бенфенута похоронила мужа. И жила теперь в семье дочери Ольги и зятя Даниеля, помогая им поднимать на ноги их 9-рых детей. Лёгкая на подъём, трудолюбивая, отзывчивая Бенфенута всегда в работе, всегда в заботах. Жизнь налажена, но нет-нет, да и заболит сердце о потерянном брате. Много слёз пролито ею, много горьких дум передумано. Всю свою жизнь она переживала и думала о брате, но следочков его найти не могла.

Но, слава Господу, дал Он ей долгую жизнь и дал возможность увидеть родную кровиночку. Звонок из Немецкого Красного Креста перевернул всю её жизнь! Её младший братик Яков нашёл её! Он так же, как и она, живёт теперь в Германии!

Надо ли перечислять все инстанции в России, куда обращались за помощью в поисках Бенфенуты Яков и его сын Геннадий! Долго перечислять и тех добрых, милосердных людей, которые им бескорыстно помогали в этом труднейшем поиске. Пятнадцать долгих лет занимался поисками тёти сын Якова Геннадий. Только его настойчивость и терпение помогли Якову и Бенфенуте обрести друг друга.

Когда в 1990 году был открыт доступ архивным секретным документам, семья Якова нашла ответ на вопрос, остававшийся без ответа долгие десятилетия - «Где наш отец?» В свидетельстве о его смерти написано страшное слово «расстрел». А потом получили и

справку о полной реабилитации отца. Не был отец виновен! Невинный расстрелян! В 1942 году отняли у него жизнь и за что?! А ни за что. Просто кому-то так было надо.

Бенфенута и её дети безгранично рады и очень благодарны сыну Якова Геннадия. Благодаря ему, после 63 лет разлуки встретились два самых близких, самых родных человека - сестра и брат! Встретились на земле их предков, где они оба теперь живут. А ещё они надеются, что прочтут эту статью люди и, может быть, найдутся ещё и двоюродные братья и сёстры Бенфенуты и Якова, о которых они также ничего не знают, которых они тоже потеряли в те страшные годы. Быть может, кто-то из них ещё жив.

Нет, не в честь свадебного торжества, не в честь какого-то другого события прогремел в тот августовский погожий вечер салют, и рассыпались в небе над Эмштеком разноцветные огни фейерверка. И огромные букеты цветов, и огни фейерверка, и море счастливых улыбок и слёз безграничной радости - всё это было в честь человеческой памяти и любви, в честь людского милосердия и взаимопомощи!

Всё это было в честь Бенфенуты и Якова, в честь их радостной и такой долгожданной встречи! И слава Господу за то, что она произошла!

«Heimat – Родина» (Германия)
14. 01. 2014

ПОСЕЛОК ЧУСОВСКОЙ

Поселок расположен на берегу оз. Большое Чусовское. К югу от Чусовского находится оз. Малое Чусовское. Расстояние до Верхнего Уфалея 12 км. Население 115 человек.

В 19 веке на месте современного поселка располагался курень углежогов, поставлявших древесный уголь в г. Полевской, с начала 20 века – на Верхнеуфалейский железодобывающий завод, с 1929 г. – на Уфалейский металлургический завод (до 1936 г.). После запуска Уфалейского никелевого завода на территории Чусовского (вначале носил название Чусовские Печи) расположился лесной отдел этого предприятия. Древесина шла на строительство цехов, жилья, учреждений соцкультбыта. Долгое время лес гужевым транспортом перевозился к эстакадам и там складировался. В конце 1930-х гг. для облегчения доставки его в В.Уфалей между Чусовским и Черемшанкой была проложена узкоколейная железная дорога. К этому времени в Чусовском имелась начальная школа, клуб (закрылся в конце 1980-х гг.), фельдшерско-акушерский пункт (также закрыт). **В годы Великой Отечественной войны на заготовке древесины, томлении угля были заняты трудармейцы. С июля 1945г. по август 1948г. на территории поселка размещалась 4-я рота рабочего отряда; сюда интернировались граждане стран Западной Европы, в основном Румынии.** Основная часть местного трудоспособного населения работала на Черемшанском карьере, Чусовском лесопункте, участке химлесхоза. В начале 1990-х гг. в Чусовском действовало крестьянское хозяйство.

В. Г. Фукс.

ПОГРОМ Семьи рабов-немцев

Находясь в лагере, рабы-немцы страдали не только физически от полуголодного существования, отсутствия в зимнее время теплой одежды, холода в землянках, но еще больше угнетали их моральные переживания в связи с положением беззащитности заключенного, сильной тоски и беспокойством о семье, находившейся далеко отсюда. Применяя невообразимое искусство маневрирования, некоторым рабам удавалось либо кратковременно съездить к своим семьям куда-то в Казахстан и Сибирь, либо даже «переселить» семью в Челябинск, поближе к лагерю. Трудом рабов-немцев, других национальностей и прибывших германских и румынских военнопленных строился металлургический завод, в том числе и бараки для рабочих и инженеров будущего завода ЧМЗ, в который постепенно набирали

рабочую силу, некоторые рабы сумели устроить свои семьи на завод. Бараки находились на территории лагеря за колючей проволокой, поэтому семьи рабов, выхлопотав комнату в одном из бараков, становились автоматически сами заключенными, их потом, в 1948 г. взяли на учет, обязав, под страхом наказания 20-летней каторгой, являться на отметки в спецкомендатуру ежемесячно, в том числе и русских женщин. Мой товарищ Константин Биндевальд, бывший до переселения директором школы в Симферополе, сумел окольными путями вызвать жену с детьми с Крыма и устроить в бараке, но и мне удалось через заводоуправление (к тому времени работал шофером гаража завода) вызвать семью в Челябинск. Ночевать мужья обязаны были в лагере, независимо от того, что их семьи

находились на территории концлагеря.

Члены семей страдали во многом столько же, сколько мужа, но старались не говорить им об этом. Моя жена писала моим родителям в Канск:

«Здравствуйте, дорогие папа, мама!

Почему от вас нет так долго писем, что случилось? Если вам некогда, пусть напишет Гена, гостящий у вас. Я волнуюсь за вас, сердце стало ни к черту.

...Все переживания Виктора передаются мне. Хотелось бы куда-нибудь уехать, вздохнуть от этой нервной жизни. Но нет такой возможности, придется, видимо, подышать в Челябинске. От своей мамы писем не получаю с тех пор, как вы были у нее в Москве и рассказали ей, почему мы не можем выехать из Челябинска к ней. Возможно, испугавшись, перестала нам писать письма...

Целуем, Валя».

Наши дети, мои дочь и сын, и две дочери Константина, страдали физически, ибо питаться им приходилось самым скудным образом, не более двух раз в день, а то и реже. Но они страдали и морально, приходя домой с улицы, плакали, жаловались, что заводские мальчишки и девчонки, живущие на территории концлагеря как «вольнонаемные» и имеющие свободный выход из лагеря, обзывают их фашистами, фрицами, даже избивают. Лет через пять после создания концлагеря на территории теперешнего завода для вольнонаемных рабочих была открыта начальная школа, в которой учились их дети. В нее стали принимать детей рабов-немцев (их было лишь несколько человек).

Дети, не переживая в той степени, как родители, очень радовались, что идут в школу. Накануне выхода в школу - 31-го августа, весь день, сидя в бараке, между моими детьми шли разговоры о школе, пуще всего о ней говорила дочь Рита:

- Мама, сегодня мне надо лечь спать попозже, чтобы завтра не проспать и встать пораньше.

Это она собиралась пойти в первый класс.

В начале месяца Рита шесть раз стояла в классе «у шкафа», «у двери», «у парты», как она рассказывала маме. Один раз «стояла» за то, что игралась во время урока «серебряной» бумагой. Когда учительница потребовала отдать ей бумагу, Рита, пряча ее под парту, ответила:

- Ишь вы, какие хитрые!

Вскоре она не захотела больше ходить в школу, потому что учительница «заставляет в классе сидеть вот так», - она показала маме, как ее заставляют держать руки на парте.

Не прошло и полугода, как она стала отличницей в классе.

Сын Гена, старше дочери на два года, спрашивает, рассматривая портрет Энгельса в книге:

- Папа, Энгельс живет в Энгельсе?

Тогда у нас, рабов, только и разговоров

было об АССРП и ее столице Энгельсе, эти разговоры невольно передавались нашим детям. Любопытствуя, он спросил, видел ли я Чингис-хана? Когда я с серьезной миной ответил утвердительно, лицо его расплылось в улыбке от удовольствия.

Таковыми же смешными были и дети моего товарища, Лиля и Лора. Сидя с моей дочерью под деревьями, Лиля доказывала мне:

- С седьмого класса нас будут учить, что мы ходим вниз головой. Вы, дядя Витя, вот, думаете, мы ходим вверх головами? Это только кажется, на самом деле мы ходим вниз головами.

- Как же это так, - усомнился я, - ну вот я, например, сижу сейчас вниз головой?

- Я не знаю, как это объяснить, а вот в седьмом классе нас будут учить так.

Моя ироническая улыбка на Лилю и Лору не подействовала, они остались при своем мнении, якобы так сказал им преподаватель.

Прибывавшие в концлагерь НКВД румынские и германские военнопленные размещались в особых отрядах, дисциплина была у них военная, ходили в своей форме (Может, среди них были те, кто, прочитав листовки, сброшенные мною с самолета над оккупированной территорией, последовали призывам нашего командования и сдались в плен)

Никакого общения с ними рабам-немцам не позволялось иметь, советские правители боялись «идеологического разложения» советских немцев от общения с германскими. Они работали на отдельных объектах, строем возвращались в свои отряды. Встретить их рабы-немцы нигде не могли. Но прошло два-три года и положение несколько изменилось, то ли дисциплина у них понизилась, то ли с «голодухи», пленные немцы стали появляться в бараках, в которых проживали русские «вольнонаемные».

Рано утром или поздно вечером по коридору проходил человек и громким голосом произносил:

- Кому троф, кому троф!

Это был германский военнопленный, может, не один и тот же, предлагавший жильцам барачков купить отходы от строительных досок. Офицеры, размещавшиеся в отдельных помещениях лагеря военнопленных, не могли не знать, что их солдаты занимаются «предпринимательством» - продажей чурок. Но, видимо, снабжение продуктами военнопленных сильно снизилось, принуждая голодных солдат унижаться «незаконной торговлей».

Слыша каждое утро через переборку в бараке призывы: «Кому троф, кому троф!», сын категорически заявил:

- Я не буду изучать в школе немецкий язык, иначе стану военнопленным.

Он, конечно, не стал «военнопленным», но зато стало детство репрессированным советской властью.

Неожиданно мы получили письмо от Зои Польских.

Моей жене были основания беспокоиться,

ее мать Ефросинья Андриановна совсем перестала подавать сигналы, что она еще жива. В первые же дни после начала войны с Германией ее дочь Зоя Герасимовна Польских (сестра моей жены Валентины Герасимовны) получила извещение, что муж Александр Польских погиб на фронте. Это был страшный удар для нее, после которого она прожила недолго. Жила она с мужем в Москве после его демобилизации из армии - из брянской авиабригады, где они в тот период поженились. Зоя жила в Брянске у нас в авиагородке, а в Москве они оказались неслучайно, Александр призывался в армию из Москвы, проживая вместе с матерью в маленькой комнатухе. Вскоре у Зои и Александра появились потомки: сначала родился сын Витя, а через два года дочь Галя Польских. Александр ушел на фронт. Оказавшись с двумя крохотными детьми на руках, Зоя упросила свою мать переселиться в Москву, но что значило для той: бросить хозяйство в деревне Мужичок и поселиться в комнатухе в городе. К несчастью, Зоя заболела туберкулезом, матери пришлось бросить все и переселиться, а до этого Зоя прислала нам письмо в концлагерь:

«Здравствуйте, мои дорогие Витя, Валя, Геночка и Риточка!

Большое вам спасибо, что так внимательно отнеслись ко мне, деньги я 400 рублей и письмо ваше получила, за которое сердечно благодарю. Родненький братик Витенька, большое спасибо за ваше беспокойство обо мне, вы хоть немного меня развеселили, а то я совсем голову повесила. Вы пишете, чтобы я немного подлечилась, я писала маме, чтобы она приехала ко мне, но она не отвечает, видимо, на нее влияет мой братик - офицер, который развелся со своей женой, бросил двух детей, женился на другой. Он не помогает ни мне, ни маме... Мама еще не приехала, жду ли я ее? Детей я бы охотно отправила к вам, я хоть бы отдохнула, врачи говорят, что мне нужно хорошее питание, а у меня сплошные недостатки, в Москве все очень

дорого. О своей болезни я узнала недавно, был плеврит, нужно было усиленное питание, но где мне его было взять? Маме писать об этом не стала, не хотела ее расстраивать, считала себя беспомощной, брат ни разу не помог. Теперь я инвалидка второй группы. Обращаюсь в собес и военкомат, обещают дать сто рублей, сказали, вас много, у которых погибли мужья, мы не в силах помочь всем. Дали мне на месяц бесплатное питание по моей карточке, что принесу по ней домой, делю на троих. А путевку мне давали в Ялту, но на кого я оставлю детей, у меня нет знакомых, вот если приедет мама, я отправлю их к вам, буду хлопотать путевку на курорт или на тот свет ночами напролет плачу... случайно в метро встретила командира брянской авиабригады Сергея Черных, он сейчас комендант Москвы, спрашивал о вас... а бывший ваш авиатехник, обслуживавший ваш самолет, Волченко, погиб на фронте.

Вот пока все, целуем всех, ждем ответа. Зоя».

Жизнь Зои была безысходной, мизерные деньги, посланные нами, мало чем могли ей помочь. К сожалению, она не знала ничего о моем положении раба советско-фашистского концлагеря, человека без прав на жизнь собственной и всей семьи, не получавшей никаких карточек, покупавшей хлеб на «толкучке» по сто рублей за килограмм и дороже. Она не могла знать, что не сумела бы прислать детей за колючую проволоку Челябинского концлагеря, где умерли бы они с голоду вместе с нашими детьми, если бы не помощь моих родителей и моей сестры Зои Генриховны, поддерживавших нас из последних сил, а часто - и Галю с Витей Польских.

Фукс В.Г. «Погром». Документальная повесть о преступлениях советского режима – физическом уничтожении немецкой нации в СССР в период с 1930-х годов до конца столетия. Красноярск, Издательство «Гротеск», 2001 г.

М. Иванова

ДЯДЯ ЯША

Сейчас этим женщинам далеко за семьдесят, их детство пришлось на военное и послевоенное время, о котором им тяжело вспоминать. Но есть в этих воспоминаниях светлое место, – это дядя Яша. Во время войны, его привезли в колхоз «Комбайн» (с. Владимировка), направили во вторую полеводческую бригаду на помощь женской тракторной бригаде. «Немец» – перекатывалось первое время по деревне. В этом слове было и подозрение, и презрение, и любопытство, и даже ненависть. А дядя Яша с головой ушёл в работу. Его трактор был всегда в идеальном состоянии. Он старался помочь и трактористам-женщинам. А помощниками

у него были девочки-подростки. Они были плугаторами. Это две Таечки, Кобзова Таисия Романовна, Кобзова Таисия Степановна. Кто такой плугатор? Человек, который регулирует глубину вспашки. На плуге была беседка и руль, который поднимает и заглубляет плуг. Повернётся дядя Яша и показывает вниз рукой, значит надо крутить вправо – углублять плуг, а если рука вверх – надо крутить влево, поднимать плуг. Работать приходилось полную смену. Дневная смена проходила незаметно, а ночная девочкам давалась тяжело. Сон от монотонного гудения трактора неумолимо клонил голову на грудь, расслаблял руки. Тогда

дядя Яша останавливал трактор, выходил и привязывал своих помощниц к сиденью. И на бороновании дядя Яша, чтобы обезопасить жизнь девочек, тоже привязывал их верёвкой к бороне: они должны были лежать на бороне, чтобы та не перевернулась.

– Смотрите, девчонки, держитесь, а то скажут, что немец вас угробил! – приговаривал дядя Яша, девчонки старались перебороть сон, лишь бы не подвести его.

Стан 2-ой бригады был на правом берегу реки, на работу и с работы приходилось идти по камням через реку. И тогда дядя Яша придумал костерок для ночного перехода. Каждый кто идёт домой, подмышкой несёт пучок соломы или сухой травы, под берегом всегда лежали палки. Соломенный костерок вспыхивает – и из-под ног дяди Яши будто выпрыгивает тень, касается другого берега, через мгновение цепляется головой и пропадает в камышах возле Каменной Кукушки.

А дядя Яша уже шагает с палкой по камням и предупреждает:

– Второй – скользко! И пятый – осторожно!

Бывало соскользнёт нога с камня, зачерпнёт девушка ледяную воду рваным сапожком, выскочит на берег, выльет воду и бегом домой. В мазутной черноте ночи так желанно мерцают редкие огоньки деревни. А дома ждут тёплые щи и тёплая печь

Много лет разделяет день сегодняшний от того тяжелого времени, но в родительский день на могиле дяди Яши много светлой печали, потому что память об этом человеке светлая.

Глаас Яков Абрамович родился в 1918 году в Поволжье. Война застала его на действительной службе в Красной Армии. С первых дней он на фронте. Но уж так распорядилась судьба: его воинская часть попала в окружение, а потом – фильтрационный лагерь, после которого Яков и попал в Челябинскую область, Варненский район.

Так он оказался в колхозе «Комбайн», во второй полеводческой бригаде. Надо было пережить косые взгляды людей, шепот за спиной, ощущение второстепенности и ненужности той Земле, чей плотью они, этнические немцы, уже давно стали.

Яков Абрамович был открытым человеком, любил радоваться жизни, любил делить свою радость с окружающими. Но это было в той, довоенной жизни. Сейчас была одна общая беда и частные беды, среди которых было и его горе. С кем поделиться своим горем – он не знал. С женщинами из тракторной бригады, половина из которых уже получила похоронки? С девочками, которых к нему прикрепил и у которых отцы были на фронте?

Как-то он услышал историю бригадного дома. Это был дом, построенный по всем правилам русского деревянного зодчества без единого гвоздя. До 30-х годов в нём жила многодетная семья казака, которого раскулачили и выслали вместе с семьёй. А дом на санях перевезли на бригадный стан, поставили

на шесть камней, и с тех пор дом этот верою и правдою служил трактористам. В этом доме с весны и до осени и стал жить Яков Абрамович. С этим домом или с его хозяином он стал разговаривать. Днём за работой он не успевал вспомнить и остановиться мыслью на семье, а ночью вместе с темнотой и старым тулупом наваливалась тяжкая мысль: где они, что с ними. Он старался представить своих сыночков, но не мог видеть ничего, кроме светловолосых голов. Очень жалел свою жену. Всмотриваясь в темноту, будто пытаюсь разглядеть хозяина дома, он говорил:

– Тебе то хорошо – семья с тобой! Может быть, тебе тяжелее от мысли, что не в состоянии накормить их сытно, но тебя не мучает неизвестность. Хуже нет неизвестности.

Однажды Яков Абрамович проснулся от детских голосов. «Сыновья!» – замер он от радости. Потом часто слышал весёлые детские голоса по ночам, пока не понял, что это голоса детей казака. Наверное, их души стремятся в родной дом.

То, что он жил в избе сосланного русско-го, давало ему преимущество. Он старался представить, как живёт семья этого казака. В доме или бараке, в которых живут немцы в Дружинке. Яков Абрамович тоже был приписан к пос. Дружный, где проживали переселённые немцы. Туда каждый месяц 21-го числа он должен был являться к представителю НКВД. К нему он и обратился с просьбой разыскать семью.

В один из приездов Яков Абрамович вышел из конторы не один. Он не помнит, кто это был – Нинштилль или Миллер. Разговорились. Тот рассказал, как проходило выселение немцев. За определённые часы со станции должен отбыть эшелон. Ждать, когда уложат вещи для дальней дороги, никто не собирался. Людей сгоняли в центр деревни, кто в чём был, и гнали на станцию. Босых детишек в коротких штанишках забирали прямо с улицы, где они играли.

Однажды моя коллега рассказала мне о своей свекрови-немке. Её с тремя детьми, старшему из которых было шесть лет, высадили на маленьком полустанке в Казахстане. Они жили под крыльцом дома вместе с собакой. Хозяйка стала выносить собаке побольше еды, старалась бросить в разные стороны хлеб, чтобы они успели захватить его. Бедная женщина оглядывалась по сторонам, боясь, что кто-нибудь заметит её жалость. Во время рассказа моя коллега тихо плакала, а у меня в груди появился холод, который рос, заполнил всю грудную клетку, стиснул горло до потери дыхания, до тошноты. Тогда я поняла, почему говорят в таких случаях: «Поплачь, легче будет». Яков Абрамович много подобных историй слышал. Несмотря ни на что, не терял надежды найти семью, родных.

Закончилась война. В деревню возвращались мужчины. К сожалению, их было в три раза меньше, чем ушло на войну. Яков Абрамович продолжал трудиться на своём тракторе. От

начальства нареканий не получал. Со дня приезда в колхоз он работал в бригаде Новиковой Анны Матвеевны, скромной деловой женщины. Муж её воевал, она жила с родителями мужа и дочерью. В конце войны она получила извещение, что её муж пропал без вести, но она продолжала ждать и искать своего Гришу. Также ждал и искал свою семью Яков Абрамович. Наверное, их сблизило общее горе. Однажды Анна засиделась в бригадном домике до темноты, надо было закончить отчёт. Вышла – на улице темь, а идти через речку. Яков захватил пучок соломы, и они стали спускаться к реке. Запалил он костерок на берегу, и ему показалось, что зажёг он в своём сердце любовь к этой женщине. А в его душе, также, как и в её, много было нерастроченной любви. Вскоре они сошлись под косые взгляды и недоумение односельчан.

Это была идеальная семья и большая любовь, несмотря на то, что в любую минуту каждый из них мог получить сообщение о том, что живы её мужили его семья. Судьба подарила им двух дочерей, двух красавиц. Сначала Мария, потом Галина. Яков Абрамович души не чаял в своих девочках. Сыновей ему не пришлось воспитывать – ушёл в армию. А в 1956-ом он узнал, что его разыскивает племянница Фрида. Так нашёл он своих родных, а через них в Алтайском крае и свою семью. Были слёзы радости и слёзы от мучительного раздвоения: невозможность соединить то, что любишь больше жизни. Умная Анна Матвеевна

сразу стала собирать Якова в дорогу. Чтобы утешить его, сама чуть не плача, сказала:

– Если бы вернулся Гриша, я бы ушла от тебя. Никто не виноват, что так случилось. Виновата война.

Яков попросил Анну поехать с ним, проводить его. Увидел Яков Абрамович своих сыновей, высоких, красивых, взрослых и понял, что не может он бросить своих маленьких беззащитных дочек. В том, что его сыновья выросли без отца, виновата война. Если его девочки будут расти без отца, то в этом будет виноват он. В глубине души, когда он собирался к первой семье, он понимал что не оставит своих девочек, не позволит, чтобы за их спинами говорили о предательстве отца-немца.

Хорошо воспитал Яков Абрамович своих дочерей, дал образование, дождался внуков. Старшего внука Михаила, любимого внука от Гришиной дочери, женил. Дочери поддерживали отношения с братьями, переписывались.

Перед пенсией Яков Абрамович работал на «лёгких работах» объездчиком: мучила гипертония.

Умер он тихо, на лету, как птица. Пришёл с улицы, лёг на диван, и через минуту его не стало. Только осталась светлая память о светлом человеке.

с. Владимировка
«Советское село» <http://gubernia74.ru/articles/2010/02/27/page6682.html>

Марина Перевозкина, Виктор Агаев

СУТЬ ДЕЛА

(Немцы Поволжья)

Шестьдесят лет назад - 28 августа 1941 года - войска НКВД начали депортацию из Поволжья российских немцев, которые жили там несколько столетий. Указ о депортации невелик по размеру, но уникален по содержанию. Во-первых, власть констатирует, что среди немецкого населения Поволжья - это почти полмиллиона человек - имеются десятки и тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу из Германии должны произвести взрывы в районах, населённых немцами.

Согласитесь, что при жёстком сталинском контроле над каждым человеком в стране такое вряд ли было возможно. В наши дни историки не раз пытались найти в архивах НКВД какие-либо конкретные доказательства этих обвинений, но безуспешно.

Указ утверждал, что немцы- жители Поволжья знают о диверсантах и шпионах, но молчат. А потому делался вывод: если произойдут диверсионные акты, то придётся принять карательные меры. Чтобы предотвратить всё это, необходимо переселить всё немецкое

население в другие места.

«Несправедливость этого Указа заключается уже в самой идее наказания всего народа, в подмене этим наказанием каких бы то ни было судебных разбирательств против отдельных лиц. Приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьёзным и бесспорным преступлением против человечности».

Так пишет историк Павел Полян в монографии о депортациях в России. О лицемерии авторов Указа и говорить не стоит, известно, что Республика немцев Поволжья отличалась особой лояльностью к властям. Об этом говорит вся история появления и жизни немцев в России.

- Появление немцев связано с именем Ивана Грозного, который пригласил к себе большое количество иностранцев, в основном это были специалисты и оружейники, врачи. Во времена Ивана Грозного в Москве появилась известная и довольно большая по

тем временам немецкая слобода. Массовое появление немцев в России можно связать с именем Петра Первого, который вошел в историю как ученик немецкой слободы. Петр Первый обратился к иностранцам, пообещав им большие льготы, с целью привлечь служилых, грамотных образованных людей, специалистов в Россию, чтобы с их помощью проводить реформы на европейский лад.

Рассказывает историк Виктор Бруль, автор книги «Немцы в Западной Сибири». Во времена Петра немцы составляли до 2/3 офицерского корпуса и высшего генералитета Русской Армии. 90% действительных членов Российской Академии Наук составляли немцы, и первые годы заседания Академии велись на немецком языке.

- Если же говорить о самом массовом появлении немцев в России, то нужно перейти к временам царствования Екатерины Второй, которая в 1763 году пригласила иностранцев, в первую очередь уже крестьян, для заселения необъятных просторов российской империи. На приглашение Екатерины откликнулись главным образом немцы.

Екатерина Вторая буквально зазывала немцев в Россию, обещая всем земли и целый ряд привилегий, в том числе освобождение от воинской службы. Уже в 1764 году на Волге появились первые колонии российских немцев. Однако со второй половины 19 века над российскими немцами начали сгущаться тучи. Это было связано с тем, что в 1871 году была образована Германская Империя. Некоторая часть российской государственной элиты начала относиться к немцам как к внутренним врагам, которые в случае войны с Германией могут нанести удар в спину России. Во время первой мировой войны царское правительство провело первые массовые депортации российских немцев. Из западных районов Российской Империи в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию было депортировано около 200 тысяч немцев.

Свержение монархии в России означало новый поворот и в истории российских немцев.

Рассказывает председатель землячества немцев Поволжья в Германии Роберт Корн:

- В 1918 году была создана так называемая «трудовая коммуна немцев Поволжья». Автономная область в форме АССР немцев Поволжья существовала до 1941 года.

Указ от 28 августа был для немцев Поволжья шоком.

Рассказывает очевидец событий Александр Швиндт:

- Такой урожай был в этот год, каково люди в жизни не видели. Пшеница лежала кучами на полях, и тут солдаты приехали. Мы подошли, стали спрашивать, в чем дело. Они отвечали, что приехали нам помочь в уборке. А со мной был старик один, который только в 1932 году приехал из Америки в Россию. В обед он пришел: «Знаешь, нас всех хотят убирать отсюда. Уже указ есть в газете». Я пошел в магазин,

смотрю – указ: «В ближайшее время выслать весь немецкий народ с Волги, в первую очередь южные районы».

Первого сентября Александру Швиндту исполнилось 18 лет и у него была подруга.

- Мы знали с 1938 года. Я подумал-подумал и взял да и предложил пожениться, потому что как это сейчас получится, то там сам черт никого не найдет. Мы дождалась первого сентября, потому что 30 вышел указ, пошли в сельсовет, зарегистрировались. Ей дали на руки свидетельство о браке и мне.

Оформив брак, Александр Швиндт вернулся в свое родное село, к матери:

- Пятого сентября я сначала собрал бабушку с одним сыном, увез на станцию, вернулся оттуда и нашу семью собрал и увез. Погрузились в телячьи вагоны, как говорят. Сколько только влезло людей, и поехали. В конце сентября привезли нас в Красноярский край. Там сразу в колхозах работать. Жenu я нашел только благодаря хорошему человеку – начальнику НКВД. Мы приехали, пришел начальник НКВД. Он объявил, что мы приехали сюда навечно. Я встаю и говорю, что я не знаю, у меня жена где-то есть. Он меня вызвал один на один и сказал: «Раз такое дело. Пиши, ищи и не ходи на работу. Если на работу пойдешь, то попадешь в распоряжение секретаря райкома партии, тогда я потеряю власть над тобой. А пока ты не работаешь, ты в распоряжении НКВД. Как только найдем, я смогу решить туда ты поедешь или она сюда приедет». Я сколько живу - не забуду.

Александр получил письмо от жены, в котором она сообщала, что едет к нему. Но на следующий день его забрали в трудармию. По сути дела это был самый настоящий концлагерь.

Рассказывает председатель землячества российских немцев города Висбаден Герта Факанкин-Мюллер:

- В трудармию было мобилизовано все мужское население, начиная от 16 и до 55 лет. Мужчин в трудармию было мобилизовано 600 000, а женщин 250 000. Только на одном Урале было более 49 лагерей. Еще до войны было запланировано строительство металлургического комбината в Челябинске. Но до войны не успели осуществить этот план. А когда началась война, и фронту нужен был металл, то нашли рабочую силу и – это были немцы. Их мобилизовали. Не было ни теплой одежды, ни запасов продуктов. Так что голод мобилизованных в трудармию начинался сразу с первого дня.

- Мы приехали в лагерь. Нас остановили в полутора километрах от лагеря и, когда стало темно, нас подвезли к этому лагерю. Дали команду выходить строиться по шесть человек, и давай вызывать нас как заключенных: «Швиндт, Александр Самуилович, первого сентября 1923 года рождения!». На утро когда встали, смотрим – на углах вышки с солдатами, трехметровая деревянная стена, над ней три ряда колючей проволоки, а по обе

стороны на три метра этой деревянной стены опять колючая проволока.

Говорит Александр Швиндт. Место, куда он попал, называлось Вятлаг:

- В 1943 году смертность была такая, что начальника управления лагерем сняли. Нам сказали, что из-за того, что так много людей умерло. Потому что продуктов нам не так мало давали, но это начальство, которое там было, их разбазаривало, и люди стали массами умирать. Люди же не привыкли к такому климату. Всё сыро, снег падал, таял. Вечером приходишь – одежда мокрая. Отдаешь в сушилку. Утром приходишь, одежда такая же мокрая, как и была, только пар с неё идет. В этой мокрой одежде опять на работу. В начале было 460 грамм хлеба, если не выполнили норму. Клюква была. Когда снег стал таять, эти красные пятна видны. Люди бежали как дурные за этими ягодками. А после этого дизентерия. И от этой дизентерии люди стали массами умирать. Начальника управления сняли в 1943 году.

Александр Швиндту повезло: за хорошее знание русского языка его назначили секретарем в управлении.

- Я уверен, что с тех лагерей, где мы были, больше одной трети оттуда не вернулись. Потому что я все время был связан со списками. Я знал, сколько сегодня было, я знал, сколько умерло за ночь. Нас привезли туда, я считал приблизительно 7 500 людей, три состава по 50 вагонов. Мы считали 50 человек в вагоне. И мы тогда говорили, что 7 500 человек попали тогда в те лагеря. Когда нас туда привезли, было 15 лагерей. Пятнадцатый был штрафной.

Были времена, когда 14 человек в день умирали. Я сижу до двух часов ночи собираю общие списки, а утром к шести часам я должен выходить на воротах и сказать, что в этой бригаде 20 человек, в этой бригаде 25, больных столько, умерло столько, в стационаре столько, остальные дома в бараке. И так я там был до 1947 года. В 1946 году жена приехала ко мне в лагерь и в феврале 1947 нас, 300 человек, отправили в Читу на золотые прииски. В такие горы завезли, что можете поверить, чтоб добраться из одного поселка в другой, по таким тропинкам над обрывом нужно было идти, что наши жены боялись упасть и ходили только вчетвером. На тросах висячие мосты через бушующие реки. Там родились все мои дети. 17 километров от Лены.

Теперь мысленно перенесемся на Урал в Челябинг - так назывались лагеря строителей Челябинского металлургического комбината. Рассказывает Герта Факанкин-Мюллер:

- В декабре 1941 года прибыли первые полторы тысячи. Их привели пешком со станции Челябинск туда к металлургическому району. Этим людям сразу сказали, что надо располагаться как на фронте, что нет ни палаток, ни барачков, надо сначала эти бараки будет построить, а потом задача построить этот большой металлургический комбинат. Эти люди

нарубили ветки, забросали их хвоей, и так они под открытым небом жили до того, как они построили бараки, это значит с декабря до апреля. Сразу с первых дней они уже знали, что они заключенные, потому что строили бараки они уже за колючей проволокой. Где-то около года люди спали без постельных принадлежностей в своей же одежде. К утру несколько человек умирало. Днем их грузили на железные вагонетки и увозили. Хоронить их не успевали. Стояли страшные сибирские морозы, при которых земля промерзала на два метра. Этим людей не хоронили, а их свозили и складывали штабелями. На руках у них были только бирки, а поверху бегали лисы.

«Примерно каждый третий в этих лагерях умер от голода», - вспоминает Герта Факанкин-Мюллер. В 15 лет её вместе с матерью, сестрами и племянниками отправили из Крыма сначала на Северный Кавказ, а затем на станцию Токуши Петропавловской области.

- Если я ходила на работу, то за рабочий день получала 500 грамм хлеба. Несмотря на то, что у моей сестры муж-офицер был на фронте, у нее не было документа, и она на детей абсолютно никакого пайка, как жена офицера или фронтовика не получала. Через год все трое детей умерли. Первым умер старший, а потом, в три недели, умерли и остальные. Сестра моя заболела. У нее тоже был нервный шок. Мы боялись, что и она умрет. Но сразу после того как она только выздоровела, ее и вторую сестру забрали в трудармию.

А 20 мая пришла повестка маме, тогда попросилась и я с мамой, потому что мне пришлось бы остаться одной в деревне с незнакомыми людьми. И меня вместе с мамой взяли в трудармию. Два дня мы находились в Погудино, а потом нас тоже погрузили в вагоны и повезли в Челябинск. Сестры мои были в Челябинске. Они были на строительстве завода «Калибр» и нефтебазы. А мы уже тогда с мамой попали на строительство большого металлургического комбината. Привезли нас, выгрузили, поместили в овощехранилищах на матах. Уже за колючей проволокой нам рассказали, что до мая 1943 года здесь был страшный голод, каждый третий на строительстве умер от голода. Я видела их могилы, я видела это огромное в 10 гектаров кладбище, где или крест к кресту, или палка к палке, или большие братские могилы, где земля под ногами ходила еще, потому что она не улежалась, а зарывали кое-как бульдозерами.

Женщин забирали всех, кроме беременных и имевших детей до 3 лет. Если ребенку было 3 с половиной года, то мать забирали.

- Дети старше трех лет цеплялись за подол материнской юбки, их отталкивали, стоял вой, стоял плач, охранники заталкивали матерей в вагоны, а дети оставались просто на площади и плакали.

После реабилитации народов Кавказа понадобилось еще 7 лет, чтобы реабилитировать немцев. Указ о реабилитации появился только 29 августа 1964 года. В Указе отмечалось, что

обвинения советских немцев «в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам» были необоснованными и явились «проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». Советским немцам были возвращены все гражданские права, но их автономия в Поволжье так и не была восстановлена.

Роберт Корн:

- Людей, которые проживали на нашей территории, было очень легко настроить против этой идеи. Занимались

этим местные партийные органы. Им это удалось. И конечно это можно объяснить только тем, что в людях еще жил, и я думаю, сейчас еще живет образ немца-врага.

С 1949 года, т.е. с момента возникновения ФРГ, на свою историческую родину вернулись три с половиной миллиона человек. В России их называли фашистами, в Германии - русскими. Кстати, молодёжь нередко называет себя русаками. Но это тема других передач.

<http://dw.de/p/1TD>

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ ТЮБУК (Кыштымского района)

Наталья, 17 ноя 2012

Тюбук, Кыштымского района Челябинской области - место спецпоселения моего отца Шмидт Николая Эдуардовича. Туда он попал после того как отбывал в Широклаге (Молотовская область, ст. Половинка), Днепродзержинске, Кадорском районе Абхазии (Рица). Знакомясь с его делом, обнаружила запись в анкете, заполненной и подписанной им 3 марта 1949 года.

Пункт 21. Точный адрес выселенца-спецпоселенца в настоящее время - разъезд Тюбук, Кыштымского района, Челябинской области, барак номер 7. В другом документе (дополнение к анкете) написано, что ...с августа 1947 года в Тюбукском лесозаготовительном районе, Кыштымского района, Челябинской области.

Начала искать в интернете какие-то сведения об этом месте.

Прежде всего, поняла, что с этим местом связала судьба очень большого числа российских немцев, которые там подневольно жили и работали. А вот отрывок из одной публикации об атомных разработках и испытаниях. Они проходили и там тоже, в Тюбуке.

«... О строительстве атомных объектов в Челябинской области не знал даже Г. Жуков, командующий Уральским военным округом. Не очень были информированы и в Генеральном штабе, а потому в районе городов Кыштым, Касли и станции Тюбук были назначены военные учения. Был отдан приказ о переброске сюда 9 эшелонов с войсками из Челябинска и 10 из Свердловска. Войска предполагалось развернуть рядом с реакторами, на картах эти места значились как абсолютно необжитые. Разведку с воздуха провести было невозможно — полёты над этими районами были категорически запрещены».

http://wsyachina.narod.ru/history/carve_nuclear.html

Пока нашла фотографию села Тюбук. Наверное, это рядом. Выставляю фотографию, но не знаю каково время, отражённое на ней.

<http://lyutov70.livejournal.com/33050.html>

ЛЮДИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Семьдесят лет назад апрельский день своими событиями разрезал жизнь коренных жителей Москаленского района Аграфены Ивановны Беловой и Генриха Ивановича Реймхе на «до» и «после». С удивительной точностью их судьба повторила слова военной песни: «Дан приказ: ему - на запад, ей - в другую сторону...», соединив их лишь в шестьдесят пятом году.

Генрих

Пятнадцатого апреля сорок второго года семнадцатилетний Генрих получил приказ на мобилизацию в трудовую армию. Такому же приказу подчинились в его семье пятеро: брат, две сестры и мать. Двое младших детей из семьи Реймхе провели всю войну в детском доме.

- Нас забрали из Таджикистана, хотя я родился и вырос в селе Алексеевка Москаленского района, - поделился воспоминаниями Генрих Иванович. - Попали мы туда в предвоенные годы, страшные тридцатые. Так сложилось, что отец в годы Первой мировой

служил в армии, а в гражданскую войну воевал на стороне Колчака. Много тогда наших, алексеевских, мужчин воевало вместе с ним, но за это их стали презирать. От негативного общественного мнения отец и пытался нас увезти на новое место, в Таджикистан. Но и там его нашли. В тридцать седьмом арестовали и расстреляли, а через десятки лет оправдали. Где и как он захоронен, мы так и не узнали. Мама старалась нас поднять, учить. Старший брат Иван успел выучиться на зоотехника, я уже нет. Так и остался неграмотным. Жизнь мне науку через опыт давала. Отлично помню 15 апреля 1942 года – теплый, яркий, весенний день, когда нас погрузили в теплушки и повезли – тяжело, медленно, голодно... Мама с сестрами попала в Копейск на шахты, а я со старшим братом на Бакалстрой за колючую проволоку.

Какие только специальности не пришлось освоить Генриху Ивановичу за время работы в трудовой армии на строительстве Челябинского металлургического завода – чернорабочий, землекоп, каменщик, столяр.

- Я никогда не боялся работы, - продолжил Генрих Иванович. - Работал на совесть всегда. Угнетало другое: мы жили в бараках за колючей проволокой под охраной, точно преступники, враги. А нам хотелось с оружием в руках защищать родину, советскую страну, но вышло, что победу приближали с пилой да лопатой. Но об этом я не жалею. Так, видно, судьбе было угодно. В сорок четвертом нас вывели из-за «колючки». Первое время не мог привыкнуть, что за мной по пятам человек с ружьем не ходит. Еще два года на лесозаготовках Нижнего и Верхнего Тагила отработал, только потом домой отпустили. Так я вновь приехал в Алексеевку.

Аграфена

- Родилась я в Новоцарицыно девятого сентября 1924 года, - рассказала Аграфена Ивановна Белова. - Росла на улице, где были одни мальчишки и только три девочки. С ними и в школу ходила, а когда время подошло вступать в Комсомол, я добавила себе еще полгода, чтобы не отставать от подруг и стать вместе комсомолками. Семь классов школы были за плечами, когда грянула война. Послали меня учиться на штурвального – окончила курсы. Зимой на ферме работала, а весной - в поле. Пришла повестка – на фронт. Собрала нехитрые пожитки и на вокзал. В тот же день, пятнадцатого апреля сорок второго, как и Генрих, села в вагон-теплушку. Только повез он меня на Дальний Восток. Попала в авиацию. Окончила школу младших авиаспециалистов на «отлично» и в бой. Моя служба заключалась в техническом обслуживании самолетов – вместе с механиком ремонтировала, охраняла, бомбы подвешивала. Сначала работала на тяжелых бомбардировщиках, потом эскадрилью расформировали, перевели на истребители.

Потерла виски пожилая женщина, стараясь унять волнение. Помолчала, а потом продолжила:

- Служила во Владивостоке, Приморском, Уссурийском крае. Наша часть стояла и у са-

мой границы на берегах холодного, седого Амура. Приходилось мне участвовать и в «прочесывании» леса, когда забрасывали на нашу территорию вражеский десант. Все болячки, которые преодолевают сейчас, заработала там, на войне. Конечно, бывало по-разному, но никогда не забуду то чувство радости, гордости за страну, которое охватывало – рев самолетов и дрожь земли, когда один за другим поднимались с аэродрома бомбардировщики, несущие смерть врагу. Тогда ощущала себя причастной к великому делу победы. И на задний план уходили личные горести и болезни, думали только о стране и о победе!

Семья

Вернувшись в Алексеевку, Генрих Иванович женился, в семье родились трое детей. Он работал в колхозе трактористом, был три года бригадиром тракторной бригады в Ромадане. Построил дом, начался налаживаться быт. Но жизнь внесла свои коррективы. Тяжело заболела жена. Пришлось искать другую работу. Переехали в Новоцарицыно, устроился работать слесарем.

- Как взяли меня тогда слесарем по гидравлике, так и проработал на одном месте тридцать два года, - констатировал Генрих Иванович. - Как только устроился, послали меня на курсы, а сам думаю: «Как же я буду учиться, ведь неграмотный». Подошел к мастеру так прямо и сказал: «Показывай, по книжкам науку не освою. За две недели на практике научился всему. Отличным трудом заработал медали и почетную ленту «Мастер золотые руки». Планы выполнял и перевыполнял. А в семье умерла жена, остался с тремя детьми на руках. К тому времени и Аграфена овдовела, у нее четверо ребятишек было. Вот так и сошлись, немец и русская. Сорок семь лет вместе живем. И радости, и горести – всё пополам делим.

За этой короткой фразой, произнесенной Генрихом Ивановичем, целая жизнь больших тружеников, скромных людей, которые в самые тяжелые годы поднимали экономику страны,

не жалуясь и не завидуя никому. Мы еще долго беседовали о детях и внуках, правнуках, о селе и стране в целом.

- Знаете, - добавила Аграфена Ивановна, - посмотришь телевизор, где показывают фильмы о войне, о нашем времени, и такая боль в душе остается. Чернят все, что было дорого нам, чем мы жили, страну, которую строили и которой гордились. Мы жили во имя счастья, мира и труда. А что сейчас? По телевидению показывают сплошные убийства, неужели ничего хорошего в нашем государстве не осталось, что возносят одно насилие и ужасы. Показывают, как без труда, мошеннически захватить богатства, унижая, обирая и идя «по головам» других людей. Учат «красиво» жить не работая. И это смотрят наши дети, молодежь, через это информационное поле формируется их сознание. Так к чему мы придем?! Какую Родину защищать молодым? Спросите меня: «Аграфена, вернись семьдесят лет назад, как бы ты поступила?» Так же, как и тогда. Ни секунды бы не сомневалась, пошла бы защищать Родину! И ни сколько не жалею, что прожила такую большую жизнь, наполненную трудом, бедами, невзгодами и испытаниями. Человек не может выбирать время, когда ему родиться. Главное, чтобы человек оставался человеком в любое время. Поэтому мы считаем, что нужно об этом не молчать. Говорить, писать, телепередачи, фильмы снимать о простых тружениках села, на которых страна держится, чтобы пример положительный был для нашей молодежи. Чтобы молодые люди думали, как сделать свою страну сильным, комфортным для жизни государством, а не про границу мечтали.

Генрих Иванович внимательно выслушал супругу, согласно кивнул и подытожил:

- В девятые у меня был выбор – остаться здесь или уехать жить в Германию. Я свой выбор сделал. Здесь жили мои родители, я родился, вырос, трудился, родились мои дети, здесь хочу и умереть. Россия - моя Родина, поэтому остался и живу здесь.

<http://www.jdr.ru/?news=831&menu=3>

Светлана Симонова,
заведующая Серебряноключевской библиотекой

«А РЕАБИЛИТИРОВАЛИ НАС ЛИШЬ В 1991 ГОДУ...»

Исследование истории немецкого этноса в России является одним из направленных работ нашей библиотеки. На протяжении нескольких десятилетий данная тема находилась под негласным запретом. Из памяти, по меньшей мере, двух поколений была изъята история целого народа.

Сегодня подавляющее большинство россиян ничего не знает о том, что на территории нашей страны, начиная с XVIII века, располагался целый конгломерат немецкоязычных сельско-

хозяйственных колоний – меннонитских, лютеранских, католических. И о том благотворном влиянии, которое немецкие колонисты оказали на развитие сельского хозяйства и промыш-

ленности, культуры и науки России.

С началом Великой Отечественной войны принадлежность к немецкой национальности стала поводом для выселения с обжитых мест. Ни в чем не повинных людей отправляли в трудовые лагеря, аналогичные лагерям ГУЛАГа. Прокатившиеся по стране репрессии продолжались до середины 50-х годов.

Привожу рассказ жительницы Серебряных Ключей Валентины Гертер, родные которой тоже безвинно пострадали в годы репрессий.

«О репрессиях в отношении моей семьи знаю немного. Моя матушка Эмилия Марцинковская не любила вспоминать о тяжелых временах для советских немцев и о нелегких судьбах своих близких.

Мои предки переселились в Россию во второй половине XVIII века. Этому, видимо, способствовали манифесты Екатерины II 1762-1763 годов о переселении европейских народов в Россию в «наивыгоднейшие к населению и обитанию рода человеческого полезнейшие места империи, до сего праздно остающиеся».

Мой прапрадед по фамилии Мартенс приехал в Россию из Польши вместе с родственниками. Жили сначала на Украине семейным кланом. Позже перебрались в Калужскую область. По неизвестным причинам поменяли фамилию на Марцинковский.

Семья моего деда, Вильгельма Марцинковского, жила в немецком поселении, коих тогда было немало по всей России. Поселенцы жили мирно, занимались земледелием и скотоводством. Все члены этого сообщества были протестантами-лютеранами. Дед Вильгельм являлся пастором.

За это он и поплатился. В 1930 году его арестовали. Больше деда никто не видел. О том, куда его отправили и вообще, что стало с ним в дальнейшем, я ничего не знаю и по сей день.

С началом Великой Отечественной войны семью моей мамы выслали в Казахстан, в город Казалинск. В 10 вечера пришли сотрудники НКВД и приказали быть готовыми к переезду к пяти утра. Начались для моих родных тяжелые дни.

После долгого и нелегкого путешествия маму с двумя ее сыновьями и матерью, моей бабушкой, поселили в бараке. Они стали спецпоселенцами, находящимися под надзором комендатуры.

Маме пришлось отбывать трудовую повинность на разных тяжелых работах, часто вдали от родных. Большею частью она работала на заводе по переработке рыбы, который находился на берегу Аральского моря, что в 50 километрах от Казалинска. С семьей она виделась крайне редко, так как работала без выходных и отпусков. Сыновья оставались на попечении престарелой бабушки. В отсутствие мамы три самых близких ее человека в резуль-

тате тяжелой неустроенной жизни погибли от голода и болезней.

После войны оставшаяся одна мама продолжала жить и работать в Казалинске. В 1946 году у нее родилась я, в 1950-м – мой брат Валерий, а спустя еще три года – сестра Майя. В 1957 году мы переехали в село Коктерек Джамбульской области

Сестра мамы, моя тетушка Августа, накануне войны жила и работала в еврейской профессорской семье в Москве. Когда началась война, тетя находилась с малолетней дочерью профессора на даче. Это спасло ее и девочку.

Семью профессора арестовали. Искали и мою тетю, но не нашли. Впоследствии тетя Августа удочерила девочку и заботилась о ней все тяжелые военные годы.

Профессор с семьей вернулся домой после войны. Нашел мою тетю и свою дочку Марианну. В благодарность за спасение дочери он помог Августе найти сестру и братьев.

Оказалось, что Фридрих работал на лесоповале в Тюменской области, а Адольф занимался заготовкой дров в Казахстане. Младший Юлиус трудился на угольной шахте в Челябинской области.

В моей памяти сохранились детские воспоминания, как после долгих хождений по кабинетам за оформлением документов на выезд, мы из Казахстана поехали в Москву. Здесь все и встретились благодаря покровителям тети Августы.

Вскоре был отменен сталинский указ о репрессиях, унижающий человеческое достоинство. А реабилитировали нас, как и большинство граждан СССР, пострадавших от репрессий, лишь в 1991 году.

В 1971-м я вышла замуж, родила и воспитала троих сыновей. В 90-х годах переехала с семьей в поселок Серебряные Ключи, где проживаю и поныне. Дети выросли, обзавелись своими семьями, у меня появились внуки.

Дочь профессора Марианна живет в Германии. Она помогала моей тете Августе до последнего часа ее жизни.

Что я могу сказать о репрессиях против немецкого народа и других граждан бывшего СССР? Надругательство над честью и достоинством невинных людей продолжалось несколько десятилетий. Многие тысячи были истреблены, а выжившие подверглись физическим и моральным пыткам. Жизнь их семей превратилась в беспросветную полосу унижений и страданий.

Сегодня очень важно разобраться в причинах и сущности репрессивной политики тех лет, дать всему объективную оценку. Чтобы подобная трагедия никогда не повторилась на гостеприимной российской земле.

**«Маяк», общественно-политическая
газета Киреевского района Тульской
области, 30.10.2013
<http://kirmayak.ru/news/2190>**

ОБ ОТМЕНЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В СВЯЗИ С ДЕКЛАРАЦИЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 14 НОЯБРЯ 1989 ГОДА «О ПРИЗНАНИИ НЕЗАКОННЫМИ И ПРЕСТУПНЫМИ РЕПРЕССИВНЫХ АКТОВ ПРОТИВ НАРОДОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ, И ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ ПРАВ» ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

7 марта 1991 г.

N 2013-I

(Д)

Руководствуясь Декларацией Верховного Совета от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» и исходя из политического и социального значения полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав народов, подвергшихся необоснованным репрессиям, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Отменить акты высших органов государственной власти СССР, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных народов из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований.

Снять с законодательных актов Союза ССР гриф «Не для печати» и гриф секретности с постановлений бывшего Государственного Комитета Оборона СССР.

Поручить Кабинету Министров СССР рассекретить соответствующие акты Правительства СССР:

2. Отменить:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941г., N 38);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941г., N 40);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР»;

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся в спецпоселении»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся в спецпоселении»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»;

статью 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство»;

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР»;

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года «О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР»;

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1964 г., N 52, ст. 592);

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., N 36, ст. 493);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., N 36, ст. 494);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года «О порядке применения в отношении граждан СССР – турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1968 г., N 23, ст. 188).

3. Признать необходимым, чтобы Президент СССР и Кабинет Министров СССР отменили в месячный срок решения бывшего Государственного Комитета Оборона СССР и Правительства СССР по вопросам насильственного переселения отдельных народов и ограничение прав граждан из числа этих народов.

4. Отмена указанных в настоящем Постановлении нормативных актов не означает автоматического решения вопросов национально – государственного устройства и административно – территориального деления, возникших вследствие насильственного переселения отдельных народов. Рекомендовать Верховным Советам республик, исходя из их компетенции, рассмотреть указанные вопросы и принять по ним необходимые решения, не допуская ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на соответствующих территориях.

5. Кабинету Министров СССР совместно с высшими органами государственной власти и управления республик организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав репрессированных народов, включая предоставление соответствующих льгот гражданам, мобилизованным в годы Великой Отечественной войны в рабочие колонны, а также установить по мере создания экономических и социальных условий порядок, размеры и механизм материальных компенсаций лицам, непосредственно подвергшимся насильственному переселению.

Эрна Гейзер

ПОЭМА О БАЗАРЕ

«В горах мое сердце!»
(Р. Бернс)

Так получилось, что вся моя жизнь на прежней родине была неразрывно связана с базаром. В разные периоды тема базара занимала разные положения и, как говорится, выполняла разные функции, но полностью не исчезала никогда. Вплоть до моего приезда в Германию. И если мне чего и не хватает здесь в материальном и даже, пожалуй, в моральном смысле (как один из аспектов психологического комфорта), так это восточного базара.

Тема базара могла играть главную роль, когда она был единственным источником существования нашей семьи. Второстепенную роль он играл в периоды относительного благополучия, становясь красочной (и вкусовой) приправой – не стола, самой жизни! Базар мог и вовсе уйти на третий, десятый планы, стать аккомпаниментом повседневности с ее заботами, тревогами, страстями, вроде «Классик-радио», которое звучит под ухом во время работы – вроде бы и не прислушиваешься, а все равно слышишь. Но он всегда проходил контрапунктом через всю мою жизнь и жизнь той страны, которую я покинула. Потому что восточный базар – это не только часть моей личности, он – еще и срез жизни общества, барометр, чутко реагирующий на все политические и экономические кризисы,

до сих пор сотрясающие мой бедный, прекрасный город.

Базар вошел в мою жизнь уже в раннем детстве. Как только я начала осознавать себя, часто слышала от мамы: «Бабушка уехала в Челябинск на базар». Это означало, что бабушка находится на барахолке, продает или обменивает на продукты остатки былой роскоши – драгоценности, чудом пронесенные сквозь революцию, гражданскую войну, нескончаемые смены власти в Крыму – красные, белые, зеленые, батька Махно, Петлюра... Продукты предназначались для папы (мы сами ели «балябушки», выпеченные из «черной» муки на воде, и картошку). Папа выжил только благодаря бесконечному самопожертвованию и предприимчивости моей бабушки – в военные годы он находился «за колючей проволокой», как говорили у нас дома, то есть в трудармии (Челябинск 5). 14.07.2008

От непосильного труда, лютых уральских морозов и голода люди гибли как мухи. Или сходили с ума. Папа выжил и вернулся домой. Мне, в отличие от сотен тысяч других немецких детей, повезло: в четырехлетнем возрасте я, родившаяся несколькими месяцами после того, как забрали отца, впервые увидела его.

* * *

В награду за «живучесть» (а может быть, приняв во внимание геологическое образование отца) НКВД отправил нашу семью на спецпоселение в Среднюю Азию, в славный таджикский город Ленинабад, на урановые рудники. Отец отказался разведывать стратегическое сырье и был навсегда лишен (вместе с мамой) права работать по специальности – начальство строптивых не любило.

Тема базара – весомо, грубо, зримо – снова вошла в нашу жизнь. Пока подыскивается хоть какая-нибудь сносная работа, мы с мамой выходим «на базар». Базар этот особый – дровяной: огромная открытая площадь, прилегающая собственно к базару «Чоршанбе», огорожена глиняным дувалом. Местное население торгует здесь углем, саманом, вязанками высушенной гузы-паи (кустов хлопчатника, оставшихся после уборки урожая), скотиной. Там и сям переминаются с ноги на ногу или величаво возлагают верблюды, похожие на доисторических чудовищ. Коровы с печальными глазами жуют свою вечную жвачку. Упитанные, с округлыми боками ишаки вздрагивают холками и отмахиваются хвостами от яростных слепней. Спасаясь от жары, жмутся к дувалу в надежде на небольшую тень толстозадые курдючные гиссарские овцы.

На глинистой земле, утрамбованной тысячами ног и обильно политой мочой животных, раскладываем свой нехитрый товар: мамину крепдешинную кофту, вдруг ставшие тесными мне сандалики, бабушкину меховую горжетку – страшно даже подумать, кому она может понадобиться здесь, в 42-градусную жару! – зеркальце в кокетливой оправе, какую-то посуду, почти новые, сверкающие на солнце

ножницы. Рядом, подстелив под себя тряпицу, располагается прочая торгующая «европейская» публика: такие же спецпереселенцы, как и мы, ссыльные поляки, евреи, греки, армяне, бежавшие из голодного Оренбуржья русские...

Несмотря на колоритное восточное окружение, послевоенная барахолка, наверное, мало чем отличалась от подобных себе во всей огромной советской империи. Крикливые цыганки с выводком чумазых полуголых детишек предсказывали судьбу всего за рубль. Безногие люди с выжженными пустыми глазами, в вылинявших гимнастерках и с медалями на груди, играли на гармошках и голосисто выводили «Катюшу». Такой же, как они увечный, но без рук, демонстрировал поразительное умение с помощью пальцев ног есть ложкой и вилкой из алюминиевой мисочки или прикуривать сигарету. Луноликий узкоглазый киргиз отчаянно торговался с дешевой проституткой...

У нас день счастливый: маме удалось выменять ножницы на полбуханки черного хлеба, а маленькую скамеечку, на которой она просидела весь день, продать. Мы идем на роскошный, несмотря на тяжелые послевоенные времена, «продуктовый» базар и на вырученные деньги покупаем килограмм огромных сочных помидоров. Царский ужин! Знаете ли вы среднеазиатский базар, скажем, «эпохи застоя»? (Вопрос не для вас, бывшие жители Ферганы или Оша, Ташкента или Самарканда). Нет, вы не знаете его! Иначе вас не потрясли бы ни изобилие германских супермаркетов, ни изысканная роскошь «съестных» натюрмортов «больших и «малых» голландцев!

27.11.2008

Шенфельд Игорь Александрович (Schcnfeld), родился 25 июня 1950 года в селе Кокино Брянской области Выгоничского района (Россия) в немецкой семье.

В 1972 году окончил факультет физики, отделение «физика на английском языке» Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена и был направлен на работу в качестве учителя в республику Замбия. Три года проработал в школе-интернате города Лундази в Восточной провинции. В 1975 году вернулся в Ленинград.

Работал учителем в средней школе. Служил в армии в строительных войсках. Затем занимался научными исследованиями на кафедре физики Брянского Технологического института. В 1990 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1997 году выехал с семьей на постоянное место жительства в ФРГ. Женат, имеет двух детей.

Игорь Шенфельд

ИСХОД

(Отрывок из повести)

В степь

Аугуст отстоял долгую очередь в кассу и взял самый дешевый билет в общий вагон обратно до Омска. С общим вагоном его «дембельский» шик-парад закончился: чай тут не

разносили, жареную колбасу — тоже. Тут царил грубый закон джунглей: «Зад поднял — место потерял».

В переполненном отсеке, куда закупорилось

— с детьми и барахлом — человек десять, Аугуст со своей шляпой и пальто смотрелся как пророк Моисей в кругу австралийских аборигенов, но ему повезло: народ в его отделении попался миролюбивый, озабоченный собственными проблемами, но и бдительный: быстро договорились между собой спать по очереди, чтобы следить ночью за чужаками с их зацепущими руками, постоянно снующими туда-сюда по составу.

А вагон на каждой станции снова и снова брали на бордаж, так что он раскачивался, скрипел и трещал, но не поддавался; это был очень крепкий и твердый вагон, хотя и вмещал народу как резиновый.

«Неужели столько людей из лагерей разом поотпускали? — подумал в один из таких штурмов Аугуст, и это была драгоценная мысль: значит, все будет теперь быстро меняться; следовательно, не сегодня-завтра могут и августовский Указ отменить, и немецкую республику восстановить. Хоть бы мать с Беатой были живы»

Омск встретил Аугуста неприветливо. Прямо с поезда, вместо того чтобы отдать честь его пальто и шляпе, Аугуста задержал милиционер и отвел его в милицейскую комнату, где учинил ему допрос. Аугуст отвечал на вопросы четко, вежливо, но слегка раздраженно: ему мешал вид голубино перышка, прилипшего к рукаву милиционера вместе с кусочком голубино помета.

Голубятник долго, по слогам, изучал документы Бауэра, удивлялся странно звучащей фамилии арестованного и не менее странному имени его, и совершенно окаменел лицом, докопавшись до факта, что Аугуст — немец. Наверно, милиционер этот только что прибыл из настолько глухой таежной деревни, где еще не подозревали, что война с немцами закончилась, и принял Аугуста за представителя передовых гитлеровских частей, дошедших уже до Сибири. От внезапного приступа бдительности привокзального идиота прошиб пот до колен, и он принялся возбужденно звонить, бесконечно повторяя: «Алле, алле, коммутатор, девушка», пока его не соединили с кем ему надо было, и он тихо, в трубку, сообщал кому-то военную тайну о пойманном шпионе. Аугуста он запер за решетку — вместе со шляпой и чемоданом — вещественными доказательствами шпионства. Часа через два прибыла вызванная голубятником «инстанция» в составе двух человек в гражданском, просмотрела документы Аугуста, и «шпиона» отпустили — к великому разочарованию опозоренного мента: эксперт в гражданском подтвердил, что чернильная печать на почетной грамоте трудармейского лагеря — подлинная. Невероятно, но факт: «инстанция» даже извинилась перед задержанным словами: «Товарищ Ушаткин Вас за фармзона принял, товарищ Бауэр. Это было ошибкой. Вы свободны». Бауэр не совсем впопад сказал: «Очень приятно», — и поспешил убраться из милиции поскорей. Из-за этой досадной задержки он

не успел добраться до окошка до закрытия касс, и пришлось ему продолжить стояние ночью, чтобы к восьми утра следующего дня не потерять место в очереди. То была тяжелая ночь. Аугуст провел ее в основном стоя, потому что сидеть в кассовом зале на полу запрещалось, и за этим строго следил товарищ Ушаткин. Несколько раз за ночь товарищ Ушаткин подходил к Аугусту, как будто видел его в первый раз, и проверял его документы заново; затем строго произносил: «Все в порядке, товарищ», возвращал документы, козырял и переходил к следующему пассажиру. При одной из таких повторных проверок мозговые усилия товарища Ушаткина, судя по заблестевшим вдруг глазам, чуть не принесли ему победу: он спросил, почему в документах стоит «Чарск», а Бауэр находится в Омске. Но Аугуст почтительно объяснил милиционеру, что дорога в Чарск лежит через Омск, и именно в Чарск он и собирается купить билет, когда откроется касса утром. Глаза у голубино обосранца потухли, но он еще предупредил: «Утром проверю!».

Но проверить билет у Аугуста идиот Ушаткин не успел: сменился. В восемь утра на дежурство заступил другой, пожилой милиционер, который один раз еще проверил у Аугуста бумаги, козырнул и больше не подходил. И тогда Аугуст сделал одну мудрую вещь, за которую хвалил себя потом всю оставшуюся жизнь: он достал из чемодана и спрятал за пазуху, под рубашку, деньги и документы. Очередь наблюдала за его манипуляциями с одобрительным пониманием. Такой оптимально переупакованный, Аугуст купил билет и вечером того же дня уехал в сторону Чарска. В первую же ночь у него украли в поезде чемодан и шляпу. Все остальное, а именно — пальто и документы — было на нем, и таким образом он спас свое будущее перед лицом надвигающейся холодной осени и всех последующих зим и лет.

Прибыв в Чарск, Аугуст в тот же день познакомился на станции с колоритным стариком — поволжским земляком с драматическим театральным именем Манфред Тойфель. Старик разгуливал по платформе в длинном женском пальто с каракулевым воротником и цепко присматривался к приезжающим. Когда Аугуст на минуту приостановился, озираясь и соображая, с чего следует начать поиски матери и сестры: с горсовета, или с милиции, или сначала в Сыкбулак бежать (они с матерью договорились писать туда на всякий случай, на адрес хозяйки, чтобы не потеряться), странный старик торопливо подкатился к Аугусту, представился Тойфелем и с сильным немецким акцентом поинтересовался, не ищет ли «тофарич крича калафой тля начифат». Аугуст ни черта не понял, но опознал родной акцент и предложил старику повторить то же самое по-немецки. «Tu liper Gott! Si sin toch euner von unsch!», — возликовал старик, и объяснил, что предлагает ночлег тем, кому некуда деться: гостиниц-то нет, а сейчас столько швали гуляет по степи, что добрые хозяева

бояться на постой незнакомых брать. Дальше они говорили по-немецки.

«А Вы сами-то не боитесь?», — спросил Аугуст. Старик Тойфель засмеялся: «Мне бояться нечего, у нас нет ничего: две кровати да тумбочка пустая. Мы с сыном Клаусом сами у хозяина живем. Сын ночами на подстанции дежурит, а днем спит, а я днем постояльцев ищу мужского рода на свободную кровать. Жить-то надо. Пенсии у меня нет, а сын с женщиной связался, все деньги ей отдает, а сам голодный ходит, дурак такой. Сейчас он спит, а вечером можете приходите ночевать, я покажу, пошли. Сто рублей всего. И чай утром! А если я мешаю, то и я уйду, в котельной посижу: меня пускают. А то и бесплатно приходите — поговорим о родине нашей, вспомним. Только мне надо знать, придете Вы или нет: а то вдруг я еще кого-нибудь найду?». Аугуст спросил адрес, сказал что придет и дал старику две тысячи рублей с наказом купить хлеба и сахара, если сможет. Старик прослезился немножко, и сказал, что все будет исполнено.

И Аугуст побежал в Сыкбулак. Старая хозяйка, для которой мать с сестрой чесала когда-то шерсть, там уже не жила: уехала недавно к сыну в город Алма-Ата. В доме жила ее одинокая сестра-казашка с завязанным зубом, раздраженная на весь мир. Сначала она сказала Аугусту, что ничего не знает про немцев, которые здесь жили, потом вспомнила, что да, были письма на букву «Б», но она не знает где они — на растопку пошли, наверно. Потом, за двести рублей пошла искать и принесла целых два, оба от матери. В первом мать сообщала Аугусту куда они попали, а во втором второе письмо было страшное: сестра Беата погибла. Аугуст сел у ворот и заплакал. С трудом перечитал второе письмо еще раз: был пожар на шахте, под землей, и Беата, которая толкала там вагонетки, сгорела вместе с другими женщинами. Мать под землю не посылали: она работала в лагерной столовой. Последнему письму было больше года. Аугуст поднялся и побрел обратно в Чарск. Ну вот. Война закончилась, а жертвы ее продолжают. Теперь их осталось только двое с матерью. Если мать вообще пережила этот последний год. Но хотя бы Аугуст знал теперь где ее искать, знал в каком она лагере. Он поедет туда и пойдет по ее следам. Если она жива, то в лагуправлении будут знать, куда ее направили. А может быть, лагерь еще не закрыли, и тогда она еще там

Со свинцом на сердце, уже в полной темноте Аугуст притащился в Чарск. Он слишком устал, чтобы идти сразу на станцию; он и так почти не спал последние трое суток. И он направился к старику Тойфелю, у которого его ждали кровать и горячий чай. Может быть даже с хлебом и сахаром.

Старик Тойфель встретил его с арматурным прутком в руке.

— Вот, — сказал он сразу по-немецки, — подарок Вам, Аугуст: нельзя сейчас без

оружия ходить. Отличная штука. У меня такая же есть. И у сына — тоже. Сын уже три раза от бандитов отбивался после зарплаты, и я тоже один раз, когда хлеб нес. Вы, Аугуст, человек при деньгах, вам этот инструмент обязательно пригодится, обязательно. А я Вам его прилажу как положено: со специальным карманом и на резинке. Вот, смотрите, как я ловко придумал: на пальто внизу пришивается маленький кармашек из кожи, и туда вставляется нижний конец палки; а сверху пришивается резинка петлей. Смотрите: рраз — резинка сдвигается, и палка уже в руке! И ничего не видно, когда идешь, а то собаки и милиционеры злятся, если это в руке носить. У меня как раз и кожа есть, и нитки, и даже резинка отличная; жена хозяина свои трусы рваные в мусор выбросила, а не подумала, дура, что в них еще резинка хорошая может быть. А я подумал об этом: и вот вам — пожалуйста. Очень важно все замечать и всегда иметь думающую голову на плечах. А хлеб, и сахар, и чай я купил. И даже рыбную консерву для Вас, Аугуст. Мы с сыном, правда, рыбу не едим, никогда не ели раньше, но в теперешних условиях — теперь мы едим все. Наш хозяин — он мусульманин, но сало ест и шамальц так, что ни один честный христианин за ним не угонится. Тоже раньше этого не ел. Голод научил! Зато, говорит, я теперь цивилизованный человек стал, могу в Париж ехать. Это у него шутка такая про Париж. А сам не знает даже, где тот Париж находится. Думает, что в Америке

В таком духе болтая и суется, Тойфель провёл Аугуста в комнатку два-на-два, где на полу, между кроватями горела керосинка, на которой сипел большой алюминиевый чайник, а на столе слабо светилась керосиновая лампа и стояли две мятые-перемятые алюминиевые кружки. — Вот, с керосином живем второй месяц благодаря меня! — гордо похвастался старый Манфред, — но и везет, конечно: много народу ходит теперь на станции: всем чего-то нужно здесь, все чего-то ищут. Как Вы думаете, Аугуст, вернут нас обратно на родину теперь, когда война закончилась и когда ясно стало, что мы не враги больше, или еще дальше будут нам напоминать, что мы — немцы? Как Вы думаете об этом? А то мой сын, мне кажется, думает об этом неправильно; он каждый раз говорит мне на русском языке: «Pfuj nas wernut, Fati». То есть, он не очень верит что нас вернут. Он очень хорошо говорит по-русски, не то что я. И с женщиной он спутался тоже с русской — старик вообще не умолкал ни на секунду, и Аугуст усомнился, даст ли ему этот несчастный болтун вообще поспать сегодня, даст ли побыть одному со своими мыслями, со своей скорбью? Ведь не даст, старый пес.

— А водочки Вы бы выпили, Манфред? — спросил он издали.

— Что? Водка? О, мой сын Клаус с удовольствием выпил бы, он привык уже. А я еще не привык, но тоже выпил бы с удовольствием.

Но только у нас нету водки. Это редко бывает, на праздники, в гостях если. Но нас редко приглашают.

— Ну а купить есть где? — спросил Аугуст.

— Купить? Да, конечно: купить можно. И идти даже никуда не надо: наш хозяин гонит водку.

— Мусульманин?

— Да он такой мусульманин, что любому доброму католику сто очков форы даст в вопросах изготовления самодельной водки! Так-то он человек неплохой. Жадный только очень, и память у него слабая: по три раза в месяц за квартплатой приходит, забывает что ему уже отдали, выкинуть на улицу грозитя.

— Вот Вам деньги, Манфред: купите у него бутылку водки от моего имени: мол, гость пришел, земляк.

— Он гостей не терпит, земляков тоже — ни наших, ни своих, но за деньги он мне будет рад и посреди темной ночи, — засуетился старый Тойфель, одевая свое вооруженное пальто («Хозяин живет с другой стороны дома, а пальто защищает дополнительно от злых собак», — пояснил мудрый старик, готовясь в опасный поход вокруг дома и извлекая из «кобуры» свою арматуру).

Расчет Аугуста оправдался: не успели они выпить по полкружки, как старый Манфред «поплыл», прекратил талдычить про милое свое, лютеранское село Куккус — самое красивое на всем левобережье Волги, стал плакать, повесив голову и повизгивая, так что Аугуст уложил старика набок на его кровати, и накрыл его поверх одеяла еще и женским пальто с каракулевым воротником. Старик спал и всхлипывал во сне, но Аугусту это уже не мешало: у него громко стонало свое собственное в душе; он задул лампу и долго еще, накрывшись своим пальто, лежал в кромешной тьме на шишковатом ватном матраце, вросшем за века в тяжелую ржавую сетку кровати, завезенной в эти края, наверное, в самом начале железной эры. Аугуст лежал так меж сном, явью и картинами прошлого, которые то ли снились ему, то ли вспоминались, путаясь во времени и пространстве; так, не мог он никак понять, жива ли Беата, с которой он только что разговаривал и требовал не лезть в шахту ни в коем случае, или правдой является все же сообщение о ее смерти, которое они с Беатой только что прочли вместе в письме матери. А потом они вчетвером: отец, Вальтер, Буглаев и Аугуст, пилили огромное дерево, а оно все не валилось, а свалить его надо было непременно, потому что, сказал Буглаев, от этого зависит победа; и они пилили это проклятое дерево дальше, но зачем-то — обратной стороной пилы. Однако, Аугуст помалкивал: раз обратной — значит так надо, Буглаеву видней. А вот то, что Вальтер дергал пилу невпопад — это Аугуста сильно раздражало. И еще его раздражало, что Вальтер никак не мог вспомнить куда он подевался из поезда. Он утверждал, что он никуда не девался, и отец стоял на его стороне, и получалось, что

Аугуст — круглый дурак, и сам все позабыл. И он все пытался вспомнить, что же это он забыл такое, что все другие помнят, и тут дерево затрещало и стало валиться прямо на него, и упало на него, и раздавило его, но он все равно оставался жив — только сильно придавлен стволом к земле. Аугуст сильно дернулся из-под ствола и проснулся. Было темно. Аугуст вспомнил где он, отдышался и заснул снова, не совсем соображая — так жива Беата все-таки, или нет, если он с ней только что разговаривал.

Аугуст спал так крепко, что не услышал даже, как «директор гостиницы» снова зажег лампу посреди ночи, снял с него пальто, накрыл его одеялом, и долго пришивал, тяжело вздыхая, к подкладке пальто кожаный карман и резинку для ношения страшного оружия, а после накрывал Аугуста снова его шикарным, отныне надежно бронированным пальто, пил воду, гасил лампу и укладывался со стонами и причитаниями, бормоча какую-то невразумительную абракадабру, из которой немецкое ухо могло бы выхватить только один часто повторяющийся звук, похожий то ли на «Zuhause», то ли на «Nachhause», что по-русски означало «дома» или «домой»; возможно, дед озабочен сам себе на что-то, вспоминал, насколько лучше жилось ему дома, и просился у судьбы назад домой.

Когда Аугуст наутро обнаружил конструктивные изменения в своем пальто, то сделал себе строгий выговор с предупреждением за слишком крепкий сон: при таких роскошных привычках у него когда-нибудь не то что документы — жизнь украдут во сне к чертям собачьим; он даже украдкой документы проверил и деньги пересчитал, но все оказалось на месте и в полном порядке.

Аугуст заторопился на станцию, но старик запротестовал, что без «фрюштюка» не положено, и запалил керосинку. Тем более что на север, сказал он, — «нах Руссланд», — поезд все равно только в три часа дня будет, а раньше одни товарняки пройдут, без остановки. Тойфель настолько хорошо ориентировался в расписании поездов по станции «Чарск», что при дурном расположении госпожи удачи, если бы она подослала ему энкавэдэшника, перед которым он обнажил бы свои глубокие познания, то катиться бы ему однажды в одном из этих поездов, далеко и бесплатно, в статусе чрезвычайного и полномочного немецкого шпиона.

Аугуст сказал об этом старику, и тот обрадовался: «Так я за немецкий шпионажв пользу Румынии и отсидел уже два года — еще до того как нашу республику разогнали!». Почему именно в пользу Румынии, Тойфель сказать не мог.

— Такая, наверное, разрядка была, — пожал он плечами, — а может быть за то, что я у румына ковер купил на базаре. Тот румын со мной потом по одному и тому же «румынскому» делу проходил.

— Всего два года за шпионаж получили? —

удивился Август.

— Не два, а двадцать два впаляи! — гордо возразил Тойфель, — но был амнистирован в ознаменование пакта Молотова-Риббентропа в тридцать девятом! — у Тойфеля был такой ликующий вид, как будто это он лично пакт Молотова-Риббентропа за обе стороны подписывал, — а сюда я уже потом, вместе со всеми приехал в сорок первом.

— И в трудармию не загребли?

— Нет, я старый, мне трудармию не доверили, а Клаус без ног: обморозил в сорок втором, чуть не расстреляли его насмерть за членовредительство, но обошлось: нашлись свидетели, русские, что он пьяный был — а он тогда совсем ничего не пил еще, даже пива не пил; но русские его спасли, сказали, что он пьяный был, и его отпустили. Если пьяный, то это сильно смягчающее обстоятельство для суда. Уж как он радовался, мой Клаус: целый год потом с этими русскими водку пил: с ними и привык пьянствовать. Сейчас с женщиной своей пьет. Но жить к себе она его не пускает: может быть к ней еще муж с фронта вернется, надеется она. Ей в сорок третьем похоронка пришла с Курской дуги, и она поклалась мужа своего до сорок седьмого еще ждать; почему до сорок седьмого — не знаю: блажь у нее такая. Но вот ждем с сыном сорок седьмого года. Может, тогда они и меня к себе заберут от моего мусульманина. Там у нее места много в доме: десять или даже двенадцать кроватей для приезжающих можно поставить — не то что тут

Вдруг старик спохватился, что постоялец забыл выпить водку: бутылка почти еще полная. Август махнул рукой: «Оставьте своему Клаусу».

— Он не придет сегодня, — вздохнул старик, — раз не пришел до сих пор, значит к женщине своей подался: уголь завозить ей на зиму. Зима скоро будет, — пригорюнился Тойфель, — еще одна зима

На станцию они отправились вместе. Старик там делать было совершенно нечего: платформа была пуста, но он утверждал, что дома ему все равно скучно, а хорошего друга нужно проводить достойно. Он сидел рядом с Августом на лавке и клевал носом. Хитрый дед. Август понял, что Тойфель ждет, уедет он или ему не удастся сегодня: тогда выгодного клиента можно будет снова забрать на постой. День был холодный, начал моросить дождь.

— Идите домой, Манфред: все равно никого нет.

— Вот Вы уедете, Август, и я уйду, — старик явно зябнул в своем пальто. Что же он зимой-то делать будет, замерзнет ведь?..

— А как вы греетесь зимой, Манфред? У вас даже печки нет.

— Клаус принесет буржуйку опять. Поставим на место тумбочки. Там, над окном дырка есть для трубы.

— А чем топить?

— Это всегда большая проблема: уголь надо под кроватью хранить, а то украдут снаружи.

Всего четыре мешка помещается. Но ничего: на месяц растянуть можно, если с умом топить.

— А сколько мешок угля стоит?

— За тысячу рублей можно купить, если не антрацит. Антрацит — дороже.

— Манфред, вот Вам пять тысяч рублей: идите купите себе уголь.

— Нет, мы таких подарков принять никак не можем! — закричал старик в радостном негодовании, — ни при каких условиях не можем! Мы с Клаусом — не нищие люди, у нас просто временные трудности. У нас большой дом был в селе Grimm, две коровы, два коня и маслобойка! У нас все было: земли до горизонты! Скоро нам все это вернут, и тогда милости просим в гости! — старый Тойфель раскраснелся как юный пионер и размахивал руками, на кончике носа у него повисла прозрачная сопелька, и в заслезившихся глазах его сверкали счастливые искры.

— Тогда я скажу так: я еще приеду, может быть, и приду к вам ночевать, и я хочу, чтобы в комнате тогда было тепло, чтобы не надо было за углем бежать.

— Да ну, при такой постановке вопроса конечно, тут мне возразить трудно, — забормотал Тойфель, хотя, мне кажется, Вы слишком легко транжирите свои деньги, Август. У Вас доброе сердце, Бог Вам воздаст за это когда-нибудь, но только Бог — Богом, а деньги — деньгами. Это, Август, немножко разные ценности, и их надо держать в разных карманах. Но если Вы так настаиваете на своем желании сделать доброе дело, то я, разумеется, не могу Вам в этом воспрепятствовать. Один мешок в виде НЗ будет всегда лежать и ждать Вас: это я Вам обещаю. Но все-таки, чтобы это не выглядело как милостыня с Вашей стороны, Август, я соглашусь принять у Вас эти деньги только взаимобразно. В следующий раз, когда Вы приедете, я их Вам обязательно верну. Лучше бы это произошло после сорок седьмого года, конечно, но это, в конце концов, неважно: мы с Клаусом отдадим Вам эти деньги обязательно, в любом случае, и даже, как говорят русские на базаре — еще и с поносом

— «С походом», — поправил старика Август.

— Ну да: с поносом или с походом — какая разница! С процентом, как правильно сказал бы честный еврей. С кучкой сверху.

— Хорошо: пусть будет кучка сверху, — согласился Август, — а теперь идите, не мокните под дождем, Манфред. И передайте мой привет Вашему сыну Клаусу. Если я не уеду вдруг, то приду ночевать, договорились?

— О, я буду счастлив. Лучше бы Вы не уехали, Август!

— Да нет, Манфред: лучше бы я уехал

— Ну, тогда: лучше бы Вы уехали, Август!

— Вот теперь правильно. Прощайте, Манфред.

Старик бережно упаковал деньги где-то у себя глубоко за пазухой, и пошаркал вон

с платформы, часто озираясь на Аугуста и прощально махая ему рукой, крепко держась другой рукой за арматурный прут на боку, грозно притаившийся под многогодным женским пальто с каракулевым воротником.

Непросто добирался Аугуст до цели — до города Копейска в Челябинской области: с пересадками и ночевками на вокзалах. Пригодился однажды и арматурный прут, который Аугуст хотел выбросить поначалу. В городе Кустанае была сделана попытка отобрать у Аугуста пальто, так что пруту пришлось защищать, по сути, собственное жилище, но ведь в этом же пальто проживал и сам Аугуст, поэтому они бились сообща, за единый интерес: Аугуст спиной к стене дома, а прут у него в руке. Получился бой два на два, потому что разбойников было тоже двое. Один из грабителей достал, правда, нож из кармана, но сам факт внезапного появления арматурного прута, сопровождаемого матерым лагерным «паарву, ссуки!!!!» озадачил грабителей до неуверенности, а неуверенность в бою — это уже проигранный бой, так что любители чужих польт, не сговариваясь, сочли за лучшее отступить пятками назад, матеря этого странного блатного в дорогом пальто и в рубахе с петухами, который, со своей стороны, не менее виртуозно матерился в ответ. Да здравствует Борис Буглаев с его суровой лесной выучкой! Да здравствует большой жизненный опыт старого, мудрого Манфреда Тойфеля! Да здравствует арматурное оружие, разрешенное государством.

Лишь через неделю прибыл Аугуст, наконец, в Челябинск — очень бодрый город, все еще наполненный возбужденной суетой: заводы и институты паковались, они возвращались в Европу. Дымили заводы из тех, которые оставались, дымили паровозы, увозящие станки и людей из эвакуации, где они ковали оружие Победы под защитой Уральского хребта. Дымы упирались в небо, которое их не умещало и заворачивало обратно к земле. Эта промышленная гарь несла в себе запах мощи: той мощи, которая разбила Гитлера; той мощи, которая обещала теперь лучшее будущее народу. В Челябинске Аугуст ободрился: страна жила и набирала обороты — значит все наладится.

Поиски на месте Аугуст начал по принципу «язык до лагеря доведет». В соответствии с этой тактикой Аугуст довольно скоро разыскал на окраине шахтерского Копейска зону за колючей проволокой, где должны были, согласно письму, служить в трудармии его мать и сестра.

Колония по всей видимости действовала, но охранник у ворот сообщил Аугусту, что никакая это не трудармия больше, а совершенно свежая зона для новых врагов народа — для угнанных в Германию, которые там, вместо того чтобы честно умереть в концлагерях, производили продовольствие для гитлеровской армии в крестьянских хозяйствах, или делали снаряды против Советского союза. «Предате-

ли!», — сказал охранник. Аугуст опечалился: вот оно как, оказывается: враги народа в Советском Союзе, значит, не перевелись еще. И как долго еще будет это продолжаться?

— А ты чего тут ошиваешься, гражданин? Шпионишь, что ли? — поинтересовался охранник. Охраннику было скучно, он не прочь был поболтать с прохожим, поострить, отмочить что-нибудь остроумное. «А то заходи, если шпион. Как раз по адресу пришел», — сказал он.

— Я мать ищу, — сказал Аугуст.

— А она у немцев была? Тогда заходи ищи. Только назад уже хрен выпущу, — словоохотливый охранник развеселился: — так была она у немцев, или не была?

— Она сама немка, — пробурчал Аугуст.

— Чего, не слышу?

— Не была, говорю.

— А, ну тогда и вали отсюда: нечего тут торчать, — крикнул солдат, меняя настроение, и передернул зачем-то затвор на автомате; из глубины лагеря к воротам шел офицер.

Аугуст пошел прочь. Но лагерный опыт подсказывал ему, что поблизости должен быть поселок: в конце войны трудармейцам разрешалось иногда вызывать семьи и селиться рядом с лагерем; вокруг лагерей поэтому часто вырастали поселки, или же разрастались те, которые имелись поблизости. Они так и назывались: «лагерный поселок».

— Где тут лагерный поселок? — спросил Аугуст у первого встречного, и тот махнул рукой вправо по дороге. Аугуст пошел в указанном направлении до конца улицы, затем двинулся дальше по луговой стежке, перешел крохотную речку по мосткам, и на другом берегу, за пыльной, уже желтеющей рощицей увидел беспорядочно разбросанные домишки поселка. Он вступил на деревянную, немощеную улицу, засыпанную для повышения проходимости какой-то рудной окалиной, и пошагал по ней наугад, сообразив, что эта улица — центральная, а следовательно приведет к какому-нибудь подобию поссовета. Несколько в стороне от дороги Аугуст увидел длинный барак — явно общественной конфигурации. Аугуст свернул с дороги и пошел к нему. Широкий двор барака был обнесен грубым частоколом. Заросшая сухим, истоптанным бурьяном лужайка, на лужайке — столбы. На столбах натянута были веревки, на которых сушилось белье быличного вида, в том числе несколько белых халатов. Это была поселковая больничка, не иначе. Аугуст обогнул бельевое поле и увидел седую старушку в белом халате, дремлющую на лавочке, склонив голову. Аугуст обрадовался: старушка должна что-то знать про соседний лагерь, не может не знать. Он подошел ближе и обратился к старушке:

— Бабушка, подскажите пожалуйста

Старуха подняла голову и и это была это была его мать. Аугуст стоял перед старушкой и думал, что ему мерещится: ему дважды уже на вокзалах чудилась в толпе его мать, и он однажды даже догнал одну пассажирку

у самого вагона и схватил ее за руку, но вынужден был извиниться. А теперь но ведь его мать совсем другая: она не была седой — она была невысокой, статной сорокавосемилетней женщиной; этой же бабушке перед ним было лет семьдесят, и лишь лицо ее было лицом его матери. И Аугуст стоял столбом, забыв свои вопросы, и смотрел на старушку в изумлении и страхе, и вдруг она закричала, как раненый зайчик и повалилась ему в ноги с лавочки: это действительно была она У Аугуста сильно закружилась голова, и он опустился перед матерью на колени и взял ее за плечи: да, это была она. Она не плакала даже — она смотрела на сына и тоненько, жалобно, протяжно стонала

— Mama, mama, siehst du: ich bin da, ich hab dich endlich gefunden, ich bin es, ich bin da, oGott, ich hab dich gefunden, — повторял Аугуст все одно и то же, захлебываясь словами, уже не видя лица матери из-за слез, от которых он сам и ослеп, и задохнулся. Потом он поднялся на ноги и поднял мать, и прижал ее к себе, и так они стояли очень долго: он гладил ее по белой голове, а она вцепилась в его пальто и не могла разжать пальцы, и лишь время от времени вскидывала голову и проверяла: он ли это, ее Аугуст, и не сон ли это ее очередной

Мать жила при больничке, в чулане без окна, где на полках хранились веники, грабли, ведра, запасной хомут прибольничной кобылы, несколько «уток» для лежачих и пять штук костылей разного размера. У свободной стены располагался маленький топчан, аккуратно застеленный, с ковриком на стене, изображающем черного и белого лебедей, и домотканым ковриком на полу. Под кроватью стояли валеночки, уже приготовленные для зимы. Еще был самодельный столик, накрытый старой, белой простынкой, с керосиновой лампой на нем, чайником, чашкой и чистым полотенцем, в котором был завернут хлеб. Все тут было исключительно чисто и аккуратно: даже полки были задернуты отслужившими свой срок отстиранными простынками, и веник блистал в углу сытым баловнем: в этом мама не изменилась ничуть. Аугуст все пытался привыкнуть к ее новой внешности: он не мог себе представить, что за несколько лет всего можно так постареть: ведь ей было сейчас сколько? пятьдесят один только. Ведь это же еще почти молодая женщина. Киноактрисы в этом возрасте еще школьниц играют, а в деревнях женщины детей рожают. Ах, лагеря, лагеря За что нам все это?

Между тем мать в величайшем возбуждении металась по своей каморке, порываясь то убежать с чайником к какой-то «тёте Кляче» (Клаше, наверное) за кипятком, то разворачивая хлеб и сокрушаясь, что каши от завтрака уже не осталось в столовке, то бросая все это и хватая Аугуста за руки, вглядываясь в него и смеясь. Аугусту было невероятно радостно и горько одновременно. Он ничего не спрашивал про Беату, он знал: когда ослепление

счастьем отступит и настанет час скорби, мать все расскажет ему. Он со своей стороны, пытался выспросить у нее, есть ли тут какой-нибудь магазин, чтобы купить что-нибудь поесть, но она не слушала его, говорила, что скоро будет обед и что она его накормит: больные все равно половину оставляют, им из дома приносят Она просто боялась, что он выйдет за дверь, и видение исчезнет. Он должен был оставаться с ней, пока она не поверит окончательно, что все это — правда: что ее сыночек, ее мальчик — последнее, на что она еще надеялась в жизни, уцелел и вернулся к ней, и что она не одна больше в этом жестоком, несправедливом мире. «Какой счастливый день, господи: какой счастливый день!», — причитала она, порывисто обнимая лицо Аугуста ладонями, глядя его по щекам и теперь уже плача настоящими слезами. А ведь Аугуст никогда не видел ее плачущей; даже когда их гнали на выселение; и когда Вальтер пропал, и когда отец умер. Она не умела плакать от горя, она умела плакать только от радости, оказывается.

Чтобы не расставаться, к «тете Кляче» за кипятком пошли вместе. Тетя Клаша очень соотвествовала своему искаженному матерью имени: высокая, тощая как скелет, узколицая, мосластая, с большими коричневыми глазами, она была и завхозом больнички, и снабженцем, и дисциплинарной сестрой одновременно: рабочей лошадью больницы, короче. Она все знала и все помнила, ходила иноходью, и в любой час дня и ночи имела кипятик в большом чане, который не снимала с постоянно горячей плиты, помня о блокадной ленинградской зиме сорок первого — сорок второго, когда тепло и кипятик означали жизнь, и когда не было ни тепла, ни кипятика. У нее и хлеба всегда было запасено про черный день. Она зазначивала его всегда, даже в самые черные дни — на день еще более черный: для нее предела черноте не существовало; у нее был огромный опыт жизни, огромное знание черноты.

Услышав от матери, что ее нашел, что к ней приехал ее сын, тетя Клаша сурово кивнула и подтвердила:

— Да, чудеса бывают, потому что Бог — есть!

Тетя Клаша была беспартийная, и весьма рискованно отзывалась о своей беспартийности: «Бог миловал». То, что она пережила блокаду, она тоже называла «Бог миловал», хотя и не крестилась при этом, и икон в своей каптерке не держала. Ее Бог был внутри нее, как и положено нормальному человеку с чистой душой и светлой совестью.

Помимо кипятика, тетя Клаша всучила матери хлеба, грамм сто масла и банку мармелада.

— Обождите-ка, у Магомедова сегодня глаза блестели, — сказала она и ушла в мужскую палату, откуда скоро вернулась с грелкой: — вот, пожалуйста вам: ноги он греет, педраный. Гангрену ему отрезали, теперь, говорит, пальцы мерзнут, которых нету. А в грелке — чача: самогонка грузинская; к нему

приходили шахтеры вчера А ему не положено, и так доктор за гангрену головой качает. Я ему говорю: «остыла уже грелка твоя, сейчас горяченькой подолью, раз тебе пальцы греть надо», а ему и пикнуть в ответ нечего. Попался, голубок! Вот, забирайте — отпраздновать встречу. А то и я махну с вами десять капель: за радость пить всегда полезно, только с горя пить вредно.

— Nein, nein!.. — запротестовала было мать, но «тетя Кляча» оборвала ее: «Хренайн! Тут тебе Россия-матушка, а не Поволжье твое безвинное. В России на радостях пить положено! Чтобы все слезки отжались за один раз, чтоб дальше дышалось легче. Ишь ты, Амалия Петровна, матушка ты моя немецкая — заладила мне тут свой «найн, найн»! Со своим уставом в чужой приход небось не ходят, ясно, бабушка?.. Ладно, ладно, не пугайся, Амальюшка, я не ругаюсь, я ворчу только. А ты Август, значит? Ишь, какие имена у вас красивые на, держи грелку-то пошли вместе, не разлей по дороге-то, за ухо держи добро грузинское и откуда они берут-то его, я удивляюсь глаз да глаз нужен за вами за всеми, — бормотала она, собирая со стола стаканы.

— Эй, Амалья, да куда ты намылилась-то: в конуру свою, что ли? Да там и сесть-то у тебя негде! Э, нет: в столовку пошли. Петровича нету, а до обеда еще нескоро, вся хата наша: гуляй — не хочу! — тетя Клаша — Клавдия Ивановна — очень оживилась: ничто человеческое ей не было чуждо. А мать все время смеялась, осторожно и стеснительно, чтобы ничего не сглазить и не испортить в этот фантастический день.

Клавдия Ивановна — деликатная душа — не досаждала своим присутствием: хлопнула «за радость встречи» чачи на дне стакана и ушла по делам. А у Августа с матерью начался долгий-предолгий разговор о пережитом. Матери в лагере было не слишком трудно, сказала она: ее сразу приставили к столовой, и это было очень хорошо; хотя и не просто это было, но она могла подкармливать Беату иногда, потому что та буквально таяла под землей — совершенно не была приспособлена к тяжелой физической работе; она всегда была болезненная, да еще и боялась очень: не выносила закрытых пространств. Там у многих женщин чахотка развивалась стремительно, сгорали за месяц — за два; мать боялась, что Беата тоже не выдержит, с риском для жизни то кусочек масла для нее припрятывала, то сальца. И Беата — удивительное дело — как-то даже втянулась, приспособилась, вроде бы, научилась силы экономить. Тощенькая всегда была, а тут совсем прозраченькая стала, но держалась как-то. И вдруг этот пожар. Чтобы он не распространился, какой-то там штрек взорвали, отсеки от пожара: мол, которые там остались — те все равно уже сгорели; а потом спасательная бригада над тем местом скважину пробурили, и все то пространство внизу пульпой — грязью то есть — залили до верху. Так что у Беаточки даже могилки

своей нет: шахта теперь ее могила; где-то там, сгоревшая и залитая пульпой, лежит она навсегда и еще двадцать шесть женщин Мать говорила шепотом, без слез, только сильно дрожая лицом, всеми новыми своими, бесчисленными морщинами; плакал, спрятав лицо в руках и трясясь всем телом от ужаса и жалости, сам Август. «Wobist Du, mein Gott? Wobist Du, mein Gott? Wobist Du?», — стонало его сердце, — «Будь проклят на сто поколений вперед Гитлер и вся его свора!; будь проклят на тысячу поколений вперед Сталин и вся его свора!» «Господи! Где ты есть? Или нет тебя вовсе?».

Они давно уже перешли в каморку матери, и давно уже наступила ночь. Август лежал на полу на матрасе, который, не спрашивая, притащила для него и оставила без слов вместе с комплектом больничного белья и ватной подушкой, пахнувшей хлоркой и йодом, добрая, суровая тетя Клаша.

Они разговаривали в полной темноте, и теперь уже мать хотела знать как жилось ему, и он говорил ей, что ему жилось неплохо, что он даже заработал много денег, хотя многие тоже умерли на лесоповале — и немцы-трудармейцы, и другие репрессированные — разных национальностей, русские — тоже. Потом, чтобы немного развеселить мать, Август стал рассказывать ей, как он ехал с Буглаевым и пил водку, но мать не смеялась: она только вздыхала часто и говорила: «Слава Богу, что ты меня нашел, Август. Я все время, постоянно, днем и ночью, и даже во сне молилась, чтобы ты был жив. И видишь: Иисус Христос меня услышал. Теперь я буду изо всех сил молиться, чтобы нам Бог и Вальтера вернул. Вдруг и он еще найдется, и мы вернемся в наш дом на Волге, и будет еще столько жизни у вас впереди. Только Беаточку уже не отмолить. Этот проклятый Сталин оказался сильнее Бога Но о Беате мы будем все время помнить и любить ее, и ей там, на небесах будет хорошо: она ведь знает, что мы ее помним и любим». Мать замолкала, и Август тоже долго молчал: его снова душили спазмы слез. Так он и уснул в слезах, и проснулся, услышав, как мать поднимается на работу: она здесь, при больничке, совмещала две должности: помогала поварихе и стирала белье.

Когда мать вернулась часа через два в свою конуру и принесла сыночку завтрак, Август сказал ей, что хочет забрать ее отсюда. «Куда? Домой, в Поволжье?», — спросила мать с мольбой в голосе.

— Не знаю пока, мама. Нет, в Поволжье нам пока не разрешено. Найду работу, жилье, и заберу тебя отсюда.

— Может быть, в Челябинске работу найдешь? — предположила мать, — я ведь не хочу уезжать далеко от Беаточки.

— Попробую, мама. Но Челябинск — стратегический город, военные заводы. Немца вряд ли возьмут.

— А где же возьмут?

— Не знаю. В Казахстане полно работы, и

немцы там — везде сейчас. Почти как в Поволжье: одни немцы везде.

— Ах, я не хочу в Казахстан. Там так холодно и уныло. И это так далеко от Волги И от Беаты

— Отец там

— Да, конечно. Аугуст, милый мой мальчик, мне, в концов, все равно: лишь бы ты забрал меня с собой. Я очень устала

— Я заберу тебя, мама: для этого и искал тебя, для этого и приехал сюда.

В тот же день Аугуст вознамерился вернуться в Челябинск и попробовать счастья на тракторном заводе: он умел водить трактор и разбирался в его устройстве — все-таки он был сельский механизатор, так что — чем черт не шутит.

Однако, челябинский черт оказался не очень шутливым: в отделе кадров Аугуста приняли любезно и даже дали бумагу и ручку с чернильницей — написать заявление. Но когда он отдал подписанное заявление начальнице, та посмотрела мельком и тут же заявила, что в данное время вакансий никаких на заводе нет. Все было понятно. Аугуст вернулся в Копейск ни с чем. Здесь, на вокзале ему на глаза попался призыв: «Шахта зовет!» с адресом внизу. Аугуст усмехнулся, вспомнив то ли анекдот, то ли лагерную быль про партийного активиста-шахтера, которому дали десять лет за неудачный первомайский плакат: «Настоящему коммунисту — место под землей!». Аугуст не был коммунистом, но по адресу пошел. Там, не спрашивая про нюансы фамилии и опыт работы, его пообещали взять в шахту прямо с завтрашнего дня. С этой хорошей новостью он и вернулся к матери, которая вместо того, чтобы обрадоваться пришла в неопишемый ужас и закричала, что никогда, никогда, никогда не позволит, чтобы Аугуст спустился в шахту. «Никогда, Аугуст, никогда!!! Ты слышишь меня? Никогда ты туда не пойдешь! — она была близка к истерике, — Уедем хоть сейчас отсюда куда глаза глядят, хоть пешком уйдем, но только в шахту ты не спустишься! Я умру в тот день, когда ты под землю спустишься!»

Что ж, Аугуст вынужден был подчиниться. Хорошо бы уже, конечно, с завтрашнего дня начать работать, зарабатывать деньги и получить комнату в общежитии, как обещали, но мать он тоже мог понять: она будет каждый день умирать от страха за него, и он не вправе обрекать ее на такие пытки. Но что делать? Куда податься? Назад в Чарск, к старому Тойфелю? Или попытаться найти Буглаева в Свердловске? Свердловск-то — рядом. Черт! Он даже не поинтересовался адресом бывшей тещи Буглаева, а может и ныне действующей еще. Без этого вряд ли удастся найти Буглаева. Да и найдет если: что из этого? Что ему Буглаев — работу даст, что ли? Нет, это бесполезно. А больше у него и нету никого на всем этом огромном земном шаре. Разве что Федор из города Свободный. Но тот тоже работодатель плохой Аугуст сидел в конуре у матери в полной

темноте, в глубоких раздумьях, от которых его отвлек белый всплеск в коридоре. Аугуст вспомнил возбужденный рассказ пьяного Буглаева про ангела, которого бригадир видел собственными глазами взлетающим из снега, и грустно улыбнулся. Но на сей раз, похоже, это действительно был он, белый ангел, в образе Клавдии Ивановны, которая заглянула в конуру матери, опешила, что Аугуст сидит без лампы, и сказала: «А я тебя как раз и ищу. Иди-ка ты в третью палату к Сеньке Фомичеву, который с загипсованной рукой у окна лежит. Этот Сенька тебе про работу что-то скажет».

Сенька был слесарем на шахте, подрался неделю назад в пьяном виде, с кем — не помнил, и был сброшен с моста на отмель, упав боком на небольшое бревнышко; это бревнышко Сеньку едва не убило, но оно же и спасло: не дало захлебнуться потерявшему сознание рабочему, у которого голова зацепилась подбородком за дерево и не ушла поэтому под воду. Теперь Сенька матерился день и ночь, что не сможет попасть в «тракторный десант»: так он называл бригаду, которая под руководством его родного старшего брата Николая как раз укомплектовывалась и готовилась по заданию комсомола отправиться на днях в Павлодарскую область Казахстана, чтобы подставить там сельскому хозяйству стальной кулак МТС в помощь. Сенька боялся и уважал Клавдию Ивановну, и обещал ей рекомендовать брату Аугуста вместо себя, чтобы закрыть им непредвиденную кадровую брешь. Сам Сенька понравился Аугусту не очень — полным отсутствием логики в рассуждениях и невнятной речью, хотя рот Сеньки от падения, казалось бы, заметно не пострадал: видимо, это был его дефект от рождения. Так, например, Сенька сказал Аугусту: «Вы, немцы грёбанные, еще те молодцы: везде вы поспеваете — и на пире, и на сковородку», — и пожал Аугусту руку, так что непонятно было — обидное было сказано, или похвала, или просто откровенная глупость. За первой фразой последовала следующая: «Сидел? Где? На лесоповале? Отлично! Только учти: в степи тебе валить будет нечего. Кроме баб, конечно, гы-гы-гы». Аугуст ушел от него сильно разочарованный. Однако, старший брат Сеньки Николай, навестивший назавтра Сеньку, вызвал Аугуста на собеседование, попросил его насчет тракторного опыта, и узнав, что после семилетки Аугуст успел закончить техникум механизации сельского хозяйства, умеет водить трактор и грузовую машину, и два года работал с техникой в немецком колхозе на Волге, заключил: «Сойдет, беру. Условие только одно: я — начальник, генерал, царь, султан и господь бог в одном лице. Все мои приказания выполняются без рассуждений. Скажу «обосрись» — должен обосраться в ту же секунду и с радостной улыбкой. Понял?». — «На голодный живот может не получиться», — сдерзил Аугуст, подумав, что не очень-то и расстроится, если этот ударник социализма от него откажется. Но тот, моргнув два раза, так расхохотался, что прибежал доктор Петрович

посмотреть, не привезли ли нового больного. Увидя Николая, успокоился и вышел.

— Пойдет, Августин! — хлопнул Аугуста по плечу новый начальник, — веселые ребята нам нужны! И голодным тоже не будешь — не волнуйся! — и повернулся к брату: — А ты, мостопад, чтоб через месяц выехал следом! Родине нужны механизаторы, а не пикирующие с моста алкаши, поленом ушибленные!». Видно было, что братья очень близки между собой и оба склонны к героизму. Ни один из них на фронте не был, правда: оба они были героями в тылу, где ковали щит и меч для родины. Что ж — хорошо ковали, значит, раз

мы в войне победили. Особенно счастливым от своего трудоустройства Аугуст себя не чувствовал, ну да речь и не шла о счастье пока, а лишь о работе. Труд, конечно — это и есть главное счастье, но человеку, только что покинувшему трудармию, этот бодрый плакатный тезис не обязательно представлялся истиной в последней инстанции.

В тот же самый день, вместе с Николаем Фомичевым Аугуст уехал, пообещав матери устроиться на месте и вернуться самое позднее через месяц, еще до зимы, и забрать ее.

http://www.e-reading.ws/chapter.php/1014904/9/Shenfeld_-_Ishod.html

Антонина Шнайдер-Стремякова (г. Берлин, Германия)

ГРИМАСЫ ВОЙНЫ

Широко распространено мнение, что российские немцы не воевали, ибо их снимали с передовой и отправляли в трудармию. Однако так было не во всех воинских частях — многие российские немцы прошли войну, служба в пехоте и разведке.

В память об отчине папе Лео

(Быль. Отрывок из мемуарно-автобиографической диалогии «Жизнь — что простокваша»)

Словоохотливый папа Лео рассказывал, как воевал, как был ранен, как затем оказался в госпитале.

— Так ведь немцев на передовую не призывали! — возразила хозяйка.

— Меня призвали перед войной, а когда началась война, никого не спрашивали, кто он по национальности, — немец, поляк, узбек или казах. Приказ для всех был одинаковым — не отступать! Это потом уже вышел указ — немцев снять с передовых и отправить в тыл! Тылом же была трудармия, иначе говоря, — заключение.

— Пап, а отчего немцев сняли с передовых?

— Почём мне знать?

— Это ж, как божий день, ясно! Воевать против германца русские немцы не стали б, на его сторону перешли, — вмешалась в разговор хозяйка, заведомо пропаганды райкома партии.

— Не скажите Мы собирались защищать Родину — республику свою!

— Но вы же родом из Германии!

— Да, предки наши — из немецких земель, но мы и наши деды уже здесь родились.

— Ну и что!

— Самые умные командиры рисковали карьерой, но оставляли у себя в роте немцев. Роты от этого только выигрывали — получали отличных переводчиков!

— Я такими фактами не владею, — усомнилась хозяйка.

— А где тебя ранило? — спросила я.

— Под Курском, из боя раненого командира выносил. Пуля навывлет прошла, чуть ниже лопатки, слева. Ещё немного — и сердце б задело. В рубашке родился, но самое интересно произошло потом в госпитале.

— И что же произошло? — бабушке не терпелось.

— Могу рассказать, если хотите.

— Пап, ты сегодня наговоришь на свою голову!..

— Не бойся! — успокоила старушка. — Пусть расскажет.

И папа Лео рассказал.

— Привезли меня с командиром в госпиталь. Лежу. В палате нас четверо: выздоравливающий пехотинец на костылях, лётчик с перебинтованной головой (он всё бредил), молоденький солдатик без сознания и я. Пехотинец за всеми ухаживал — то воды поднесёт, то сестру позовёт, то одеяло поправит. Лётчик пришёл в себя и поинтересовался, с кем лежит. Узнал, шо я немец, и начал задираться, а однажды схватил у кровати костыль и в меня запустил. Руку ушиб.

— Не дай Бог поправлюсь, — кричал, — не жить тебе, гадина! Всё равно убью!

— Да ён наш! Командира спасал, яго и ранило, — защищал меня пехотинец.

— Из-за них, гадов, здоровья лишился, а теперь — с ним, мразью, в одной палате!..

— Я поправлялся. Просился в другу палату — мест не находили. Лётчик донимал и всё грозился убить. Было похоже, что он не шутит.

Навелись к нему как-то однополчане и оставили нож. С этого дня лишился сна. Засыпал днём – безопаснее было. Лётчик на поправку шёл, иногда даже медленно поднимался с постели. Недели через две я не выдержал и уснул. Ночью. Проснулся от крика – спростонья понять ничо не могу. Пехотинец кричал и звал на помощь. Думал, шо дерутся, а когда дошло, оказалось, – меня спасают. Пехотинец у лётчика ножпытался выбить. Как только сёстры вбежали, лётчик и пырнул его.

– Как?.. В кого?..

– В подушку.

– А ты?

– Увернулся в последнюю секунду.

– Господи, страсти-то, страсти! – прошептала бабушка и незаметно перекрестилась, косясь на безбожную дочь, что отошла к помойному ведру.

– Тебя и после этого оставили в палате?!

– Нет, в другу перевели.

– А с лётчиком что?..

– Не знаю, больше я его не видал, а вот с пехотинцем на костылях, шо жизнь мне спас, очень хотелось бы встретиться.

* * *

9 Мая 1975 года страна праздновала тридцатилетие Победы. С завода пришёл угрюмый папа Лео, умылся и пожаловался:

– Выходит, они Ветераны, а я нет. Всех поздравляли, а я будто и не воевал.

– Радуйся, что жив и дети рядом. Такое не каждому выпадает, – успокаивает мать.

– Командира спас, чуть не погиб

– От батя даёт! – смеивается старший Володя.

– Ну-у, не говори – заливаешь!.. – в унисон ему зубоскалит и меньшей, Артур.

– Как это «заливаешь»?.. Вы шо – не верите, шо я воевал?

– Ты немец – не мог воевать.

– А я воевал! Даже ранение имею!

– Ну, и где оно, это твоё ранение? Где? – донимает, издеваясь, старший. – Покажи!

– И покажу! – закатывает отец рубашку. – Смотри, Артур, вишь рубец в области сердца?

– Мало ли Может, на кол какой напоролся! – не сдаётся Володя. – Шрам ничего ещё не доказывает, ты справку о ранении покажи!

– Нет её, справки После госпиталя в армию отправили – в часть не пустили.

– Вот это уже на правду похоже. А что в боях участвовал, помалкивай – засмеют, – оставил Володя издевательский тон.

– Собственные сыновья и те не верят! Да-а, обидно, – удручённо жалуется отец.

– Обидно, да не смертельно, – афористично успокаивает мать.

– Докажу, все равно докажу! Только последние цифры воинской части не помню. И в военкомате не знают

* * *

В один их бесцветных осенних дней отработал он смену и в серой массе рабочих шагал

к проходной. Вдруг мужчина рядом, как на столб наскочил, – подозрительно уставился и зашагал рядом.

Не отставая от отца, он всё продолжал его разглядывать.

– Чо разглядываешь? Я не вор какой! – не выдержал папа Лео.

– Ты – Лёнька! Угадал? – засмеялся тот.

От неожиданности отец остановился, но ответил в том же духе:

– Ну, Лёнька – и что?

– Вот это да-а! Давай у сторонку отойдём.

Кроме нескольких человек из цеха, папа Лео никого не знал, а жизнь учила быть подозрительным и недоверчивым. «Не наедине – на людях говорить надо», – решил он перестраховаться.

– А чо нам здесь стоять? За проходной и присядем, – сказал отец.

– Тут недалёко столова с буфетом, зайдём – по стопарику хлебыснём! – предложил сияющий незнакомец.

– Да ты кто такой? Откуда? Я, брат, учёный – не подъезжай! Если из КГБ, так и скажи.

– Какое КГБ? Ты чо, Лёнь? Я тебе часто вспоминал. Многим про этот случай рассказывал. Ну, присмотрись, можа, помнишь?

Хмурое лицо отца начало разглаживаться, схлынувшее напряжение сменялось растерянностью.

– Нет, не припомню

Они замолчали – пора было предьявлять пропуска.

– Значить, такой – заговорил незнакомец, пройдя вертушку, – а ты мало измяниси. Няужто ня помнишь госпиталь у Курске?

– Госпиталь?! – выдохнул отец. – Не помнить госпиталь?.. Тёмну фигуру пехотинца в ночи? И ножлётчика?!

– Ня забы-ыл! – протянул незнакомец. – А ить кабы не я, лётчик и убил бы тебе. Ён всё думал, шо ты германец

– Так это ты? Пехотинец?! – жадно разглядывал его отец, обнимая. – Господь знает, как я этого хотел! Вот и столкнул – устроил встречу.

– Пойдём у буфет, – гудел солдат, – енто дело отметить надо.

– Пойдём, а я б тебя не узнал, – и они, обнявшись, двинулись к буфету.

– Понятно, постарел

– Да нет, и я постарел, но ты жузнал! Я больше костыли твои запомнил – боялся, шо они в меня полетят. Да и слаб был, к лицам особо не приглядывался. Запомнил только ощущение напряжённой атмосферы и тебя, как светло пятно.

Сели за столик. Вспоминали прошлое, говорили о житье-бытье.

– Ён, лётчик, хучь и образованнай, а дурак: ня понимал разницы межфашистами и вАмЯ, нашими немцами. А ты ня обижайси, зла на ёго ня дяржи.

– Да я и не обижаюсь – понимал, шо он просто фанат безмозглый. А с тобой очень хотелось увидеться. Жизнью тебе обязан!

- Я, как увидал тебе, обомлел – ну, Лёнька, и всё тут!

- Я не употребляю, а ты пьёшь, вот и подкосило тебя.

- Правду-матку колбасишь. Ня удалась моя жизнь. Жаву с третью и опять скандалы. Дятей растерял Ня за енто мы дрались.

Весь вечер, вплоть до закрытия буфета, провели в разговорах. Крепкое мужское пожатие – и они разошлись. Отойдя несколько шагов, отец крикнул в темноту:

- Слушай, не помнишь две последние цифры воинской части?

Солдат назвал их, махнул рукой: «Ну, бывай!» и – ушёл.

Обеспокоенная его долгим отсутствием, мать радостно бросилась на звонок, но, видя, что отец едва держится, сникла. Ни слова не говоря, молча провела к дивану.

В одно из воскресений, когда я приехала к

родителям, папа Лео решительно придвинул мне бумагу с ручкой:

- Сегодня ты должна поработать – в воинскую часть заявление написать

Вскоре отец получил не только справку, но и затерявшийся в ожидании хозяина орден Великой Отечественной войны II степени – не верие сыновей было отмщено. Как Ветеран Великой Отечественной, он до конца жизни получал ещё и повышенную пенсию.

Долго высматривал он на проходной своего спасителя, чтобы пригласить в гости, да так ни разу и не встретил. Через годы узнал, что он умер от инсульта через несколько дней после неожиданной встречи.

Став роковой для спасителя, встреча оказалась козырной в судьбе папы Лео: помогла защитить честь не только перед сыновьями – перед Родиной тоже!..

ШТЕЙНГАУЭР ЭДУАРД ГОТТЛИБОВИЧ

Ф.И.О.: Штейнгауэр (Steinhauer) Эдуард Готтлибович

Год рождения: 1921

Место рождения: АО НП, Кукуцкий кантон, с. Бангердт

Национальность: немец

Подданство: СССР

Социальное происхождение: из крестьян

Место жительства до мобилизации: Отбывал наказание по ст.58-4 с марта 1938 по март 1943 год (5 лет)

В 1938 году учился в техникуме на ветеринара. Из-за неосторожного высказывания по поводу украденного у него обеденного бутерброда был арестован и осуждён на 5 лет. После освобождения сразу был направлен в Копейск. После демобилизации жил с родителями: сначала в Томской области, а затем в Джамбулской области Казахстана.

Последние годы жил в Германии. Умер 9.12.2007 года в Берлине.

<http://www.schuk.ru/basa/news.php?subaction=showfull&id=1393677337&ucat=24&>

Опубликовал 2014 Mar 01 lidijaSt

Ирина Балк

ОТКАЗ НА ВЪЕЗД ИЗ-ЗА ПАСПОРТА

Прошу откликнуться имеющих опыт в составлении письма на отказ из БВА. История такова. Заявитель мой папа (24 год рождения). Уже прошел собеседование в консульстве. У него есть диалект и претензий по этому поводу нет.

Претензии у них к документам, с которыми у папы очень сложно. Дело в том, что никаких личных документов папа не имел до тех пор пока его не выпустили из рядов Трудармейцев. При рождении тогда не выдавали Свидетельств

о рождении у них была церковная семейная книга, куда все записывалось: рождение и смерть. Книга во время депортации из Крыма была утеряна.

Депортировали их по списку, как немцев. Сначала в Ставрополь, а потом дальше в Казахстан. В трудармию взяли в 18 лет на Урал в Челябинск. Строил ЧТЗ. Условия были хуже, чем в концлагере. На работу и с работами сопровождали под конвоем с собаками. Умерших или полуживых, лежавших на земле, в конце дня, когда возвращались в бараки, добивали

простым железным ломом, сбрасывали на телегу и выкидывали в ближайший овраг. Мало кто выжил, спасибо Богу, что папа больной, но остался жив.

Там ему, выписали паспорт, где неправильно вписали дату рождения и национальность. Тогда он не стал связываться, в то время настаивать, чтобы ему в паспорт вписали правильную национальность - немец, это смешно, и за ошибку могла пострадать паспортистка. Свидетельства о рождении он никогда не запрашивал. А сейчас, когда стали собирать все документы и запросили Свидетельство в Крыму. Прислали на украинском языке, оформленное по новым правилам:

отец и мать без национальностей, другая дата рождения, о которой папа и не знал и село, где он родился, названо по-современному. Есть только документ, что он учился в Крыму в немецкой школе и есть документ о реабилитации как гражданин другой национальности. Его брат и сестра имели паспорта с немецкой национальностью и Свидетельства они раньше (в советское время) запрашивали и поэтому Свидетельства у них по образцу российскому. Что писать в БВА в оправдание, что приложить еще раз? Прошу помочь советом. Для меня это очень важно

15/4/07

Вилли Мунтаниол

ПРЕМИИ ЛАГЕРНИКАМ ЗА РАССТРЕЛ «ТРУДАРМЕЙЦЕВ»

**Из воспоминаний узников советских концлагерей
(в 4 частях)**

Часть первая

В Гамбурге живет один из оставшихся в живых призывников сталинского «трудармейского» концлагеря, наш видергебуртовец, делегат всех немецких съездов бывшего СССР и член «Международного конвента российских Немцов», 90-летний Александр Райсих.

В своих воспоминаниях очевидец тех каторжных будней описывает редкие детали материальной заинтересованности лагерных начальников, подводивших своих узников под 58-ю статью к 10 годам каторги или к расстрелу. Таким образом, Райсих раскрывает новые, доселе неизвестные факты геноцида советских немцев, щедро поощряемого режимом большевистской империи зла.

«В сверхсекретном номерном концлагере Челябинск-40 1942-1946-го я не погиб, как многие от голодной смерти, только благодаря моим музыкальным способностям. Уже в начале 1943-го люди умирали от голода как мухи. А начальство требовало от нас выкладываться из последних сил. Ведь стране срочно нужна была качественная сталь от доменных и сталеплавильных печей, которые мы строили.

Еще в феврале 1942-го нас ознакомили с приказом Сталина, согласно которому - отказ от работы на каторжной стройке квалифицировался как побег с фронта (дезертирство), за что приговаривали к расстрелу. Процедура оформления отказа от работы была предельно проста: охранник (конвоиры) оформляли акт заранее заготовленных бланках и передавали его в военный трибунал.

Был случай, когда один парень - наш немец моего возраста (фамилию не помню) сильно

ослаб от истощения. Без посторонней помощи не мог передвигаться. Из котлована, который мы копали вручную под фундамент первой электросталеплавильной печи (всего их было пять), мы его вытаскивали веревками.

Работать он мог только до обеда. А после обеда мы его даже не спускали в котлован.

А охранники, которые следили за нами, заметили, что он «Филонит», лежа на бровке котлована. Его поведение они приняли за отказ от работы. И тут же, прямо у бровки котлована, командир отделения и два солдата составили на него акт.

Вмешаться в разговор, заступиться за «симулянта» было равносильно соучастию в преступлении. Я стоял рядом безмолвным свидетелем этой трагической истории. Парень не знал русского языка и говорил по-украински (до войны он жил в городе Белая Церковь). Помню, он слезно умолял командира: «Пыши акт. Тилько нэ пыши, шо робыть не хочу, а пыши, шо сыл нэма». Но стражи беззакония пропустили его рыдания мимо ушей.

Через пару дней, прямо у нас в лагере, перед палатками, в которых мы зимовали, состоялся показательный суд военного трибунала. Привели под охраной этого парня. Приехал военный прокурор Воробьев, зачитал обвинительное заключение, согласно которому «отказчику от работы» на оснований приказа Верховного Главнокомандующего была определена высшая мера наказания - расстрел.

Председатель военного трибунала (тоже военный в чине капитана) зачитал приговор, созвучный прокурорскому обвинению. Суд над парнем состоялся без защитника, без медицинского заключения о состоянии здоровья.

Не могу не вспомнить еще один факт произвола по отношению к бесправным «трудоармейцам». Речь о прогрессивной системе оплаты труда оперуполномоченных, которые к своему месячному окладу получали в качестве премиальной надбавки еще один оклад за каждого осужденного «трудоармейца» по 58-й статье закона.

Каждый оперуполномоченный, а их в лагере было четверо, имел свою сеть доносчиков. Мы их знали, остерегались и называли сексотами, которые предавали нашего брата за неудачно сказанное слово.

О том, что я хорошо играю на мандолине и домре, в лагере знали многие. Я выступал на концертах с сольными номерами. И вот один из оперуполномоченных пригласил меня однажды вечером к себе в кабинет с инструментом

(видимо был большим любителем музыки). Он сидел за столом уже «поддатый», продолжая открывать очередную бутылку вина. Меня он усадил на табуретку, в углу кабинета и просил сыграть несколько приятных мелодий для хорошего настроения. Сразу предупредил меня, чтоб о своем визите никому - ни слова.

Я и сам понимал: стоило мне брякнуть об атом где-нибудь, как меня бы сразу заподозрили. Так что я просто молча играл себе на мандолине. Но, благодаря обостренному слуху, мне все же удалось незаметно прислушаться к его словам, чтоб ничего не упустить. А он продолжал опрокидывать в горло содержимое бутылки за бутылкой. И тут он, кажется, дошел до такой кондиции, что стало просто невтерпех: так и подмывало похвастать везением. И вот он, как бы между прочим, стал бахвалиться, что в атом месяце получит аж два месячных оклада! Один из них - в качестве премии.

- А премию-то за что? - не выдержал я, продолжая играть. Отпив из очередного стакана глоток вина, он ответил: «А за то, что в этом месяце мне удалось одного гада - предателя Родины, за которым я уже давно слежу, передать в военный трибунал по 58-й статье. А в будущем месяце я рассчитываю получить два премиальных оклада. На это у меня уже есть надежные наметки».

Был еще один, самый невинный случай, когда просто ни за что придрались к человеку, чтоб загнать его в могилу. Зимой 1942-го в лагере №9 один сельский немец из глубинки нашего Поволжья силился что-то сказать нам по-русски. Но у него ничего не получалось. Никто не мог понять, что ему надо.

«Трудоармеец» Винтер, к которому он обратился, сказал ему на своем языке:

- Говори же по-немецки, тебя невозможно понять!..

Этого пустяка было достаточно, чтоб приговорить беднягу по 58-й статье к 10 годам каторги. Слух об атом дошел до нас не сразу. Но потом люди перестали общаться. Разговаривали только о жратве. Спасибо, хоть за это не сажали.

Часть вторая: Михаил Дистергефт «Не верь»

Вспоминает ветеран национального движения «трудоармеец» Конрад Шеек.

- В нашем селе Грюнталь Тельманского района Украины Сталинской (ныне Донецкой) области, 2 и 3 сентября 1941 года арестовали всех 39 мужчин, в том числе и моего отца. Их приговорили к 10 годам лишения свободы.

Бланки протокола допроса были отштампованы в типографии. Требовалось только вписать в строку персональные данные, а внизу поставить подпись. Те протоколы имели единый текст: «Я признаюсь, что имею родственников за границей, а также признаюсь, что получал

помощь от фашистской Германии в середине 1930-х годов».

Какие родственники, какая помощь, сколько, в чём (в деньгах, продуктах?...), не уточнялось. Ни у кого, разумеется, ни того, ни другого не было. Людям говорили прямо: «Подпишешь - получишь 10 лет. Может быть выживешь. Не подпишешь - умрешь сегодня же под пытками. Твоя жизнь ничего не стоит: ты - немец».

Их загнали за Полярный круг, в Ивдельлаг Свердловской области. За 9 месяцев 70 % узников погибло от голода, болезней и непо-

сильной работы. После изнурительного дня не каждый мог преодолеть 5-7 километров пути. Если кто падал, колонна продолжала путь. А кто не смог подняться, сержант оттаскивал его в сторону, чтоб имитировать побег и стрелял «трудармейцу» в затылок. Потом трупы складывали в штабель, засыпали снегом до весны. Весной в сухую погоду трупы обливали мазутом и сжигали».

Рассказывает житель города Dinklage (Нижняя Саксония) Роберт Бауэр.

- 2 января 1942 года в режимный город Челябинск прибыл первый эшелон с «трудармейцами». Чтобы не смущать местное население, взятую под охрану 3-тысячную колонну немцев повели к будущей промышленной площадке «Бакалстрой» по окраине, обогнув город. Подгоняемые конвоирами, мужчины быстро преодолели расстояние в 30 километров и остановились по колено в снегу, у берёзовой рощи будущего объединения «Челябметаллургстрой».

«Вот здесь вы будете жить!» - объявили без вины виноватым людям. Наши отцы взялись расчищать площадку от снега, ставить на мёрзлой земле палатки и готовиться ко сну. Мой отец - Георгий Иванович Бауэр был тёртый мужик. Дома его знали как лучшего кузнеца в округе. Тут он быстро сориентировался: подозвал к роще своего сельского молотобойца Сайбенцала. Тот упёрся: не хотел идти. «Устал, - говорит, - не могу ходить». «А ты - через не могу. Пойдём!» - настоял отец.

Нарубили они кучу веток, палок, приволокли к палатке. Соорудили один на двоих лежак. Киркой продолбили в мёрзлой земле четыре норки, вставили в каждую по крепкой рогатулке и, залив водой, тут же надёжно приволакивали их.

Затем между пальцами рогатулк протянули жерди, скрепили их перекладинами и застелили лежак ветками. Получилась кровать на деревянных ножках. Отец снял с себя промокшую от пота одежду. Заставил раздеться и напарника. Влажные тряпки постелили вниз. Одну сухую шубейку подложили под себя, а другой - укрылись.

Так они выпалились в тепле. Утром поднялись бодрые. А многие не дожили до рассвета. Даже те, что были крепче здоровьем, застудили лёгкие и через неделю погибли.

С мёртвых сдирали всю одежду. Вместо лошадей в пароконные сани по-бурлацки впрягали «трудармейцев», грузили по 16 обнажённых трупов, да так, чтоб лежали головами наружу, по обе стороны розвальней.

При выезде за колючую проволоку их встречают чекисты в роскошных полушубках. В руках у одного автомат, а у другого - деревянный молот на длинном черенке. Палач окриком останавливает сани, поочерёдно раскалывает черепа ещё вчера прибывшим «трудармейцам», призванным делать «всё для фронта, всё для победы».

Выходит, перед Красной армией и чекистами была поставлена двуединая задача: убивать

чужих немцев на войне, а своих - в тылу. С этим тут справлялись блестяще.

А вот запряжённые в сани возчики не справлялись с обязанностью, едва дотягивая груз до могильной ямы 3-метровой глубины, шириной в 2 и длиной в 500 метров, которую успели вырыть до зимы. И вот тех, кто уже не мог оставаться в упряжке, валился с ног, но ещё был живым, попутно добивали тем же молотом, чтоб никто не вздумал шевельнуться и на том свете.

Так, заваливая яму доверху, мёрзлые трупы прессовали бульдозером и присыпали снегом. Но не в силах были спрятать свой смертный грех палачи сталинского концлагеря. Ведь тела людей не тряпичные, их бульдозером не отутюжишь. Люди умирали в муках и попадали в яму в разных позах.

И тогда отличились завидной находчивостью «бойцы» военизированной охраны. Вооружившись обрезками рессор автозавода УралЗИС, они отбивали торчащие из-под снега руки и ноги изуродованных трупов. Ночами до самой весны рылись на этой гигантской свалке волки с лисами, барсуки с крысами и мыши.

Так, за первую зиму челябинский концлагерь ликвидировал почти весь эшелон наших людей только за то, что они немцы. Но это не остановило чекистов. По их требованию пополнение поступало на стройку бесперебойно».

Один из героев документальной книги Лео Германа «Смилуйся, Господи!» - Альфред Минг был настолько убеждённым коммунистом, что вполне серьёзно считал жестокие порядки на объектах грандиозных сооружений «Челябметаллургстрой» вполне закономерными.

Вот что рассказал он своему старшему товарищу Александру Даниловичу Менгелю:

- Не знаю, поймёте ли, смогу ли я вам толком объяснить тот закономерный процесс, который происходит сегодня вокруг нас. Как бы это лучше сказать: по обычаю древних язычников, в фундамент строящегося значимого здания замуровывали живую жертву... Наше тяжёлое время тоже требует определённых жертв, и мы должны на них идти, независимо от того, насколько они будут велики и жестоки. Здание, которое мы возводим, стоит того, оно потом себя окупит сторицею.

- Ты, Альфред, напоминаешь мне рахитиков, которых я видел в голодном тридцать третьем году в Украине. Эти несчастные на четвереньках щипали траву, как скотина, и славили великого вождя Сталина за счастливое детство. Того любимого и мудрого, который вытрусил все закрома с хлебом, а их обрёл на голодную смерть...

Короче, Менгель категорически отказался выполнить завещание Альфреда - замуровать его тело в фундамент строящейся доменной печи. Но его мучил вопрос: что же заставило парня принять такое роковое решение?.. Тут он вспомнил рассказ Филиппа Бальцера о том, за что его отстранили от не такого уж тяжёлого труда по перевозке трупов на свалку «человекомогильника».

- Я наткнулся, вернее, разыскал скирду с не обмолоченными ржаными снопами. Сам понимаешь, каково нам тут на этом наркомовском пайке: голод постоянно глохнет, ну, прямо, будто зверь какой-то в животе грызёт. Я даже в своём воображении чётко видел эту жуткую рожу. Это было животное без тела, только одна сморщенная в складки, шерстью обросшая клыкастая голова с длинным языком. Вот этот гад в животе водит вокруг желудка, своим синим языком, всасывает в себя все внутренности, ну, никакого спасу нет.

Чтобы как-то успокоить терзающего меня гада, я и пристроился к этой скирде. Нашелушу карман жёстких ржанных зёрен и, как семечки, кидаю себе в рот. Пока доберусь до лагеря - карман пустой, а в желудке кое-что есть, он работает. Эти зёрнышки меня сильно поддержали... Но при обыске этот Змей-Горыныч Терехов нашёл в моём кармане пол горсти ржи, за что и сдал меня в лапы оперативника.

Как я его, беса проклятого, ни просил,

ползал перед ним на брюхе, сапоги готов был ему облизать... Он, стервец, ни в какую не соглашается. Говорит:

- Не позволю, чтобы хважисты наш хлеб пожирали». Этот гад, краснопёрый коммуняка, твёрдо обещал стереть меня в лагерную пыль, сгноить в карцере...

- Скажи, Филипп, там, под Баландино, много ли нашего брата схоронили? Говорят, сейчас туда из всех лагерей трупы узников свозят...

- Да, человек по сто двадцать - сто тридцать в день со всех лагерей набирается, - ответил он Менгелю. - В последнее время только в нашем Букашевском отряде уже по 10-15 человек в сутки, и всё больше интеллигентки, они не выдерживают... Одним рейсом

сейчас не обойдёшься... Больше 15 трупов в сани не загрузишь. Лошадёнка тоже полудохлая, много на такой кляче не увезёшь.

С утра собирал в жилой зоне, сколько за ночь Богу душу отдали. У больницы сани грудой скелетов доверху догружали. Увязываешь верёвкой, чтоб по дороге не

рассыпались. На вахте начинают досмотр: заострённым штырем прокалывают мертвецам грудь. Был случай, когда надзиратель загнал в грудь трупа штырь, а он застонал и кровь побежала... Думаешь, этот ублюдок смутился? Ведь человека убил!.. Ничего подобного. Надзиратель оскалился в ухмылке, с издёвкой произнёс: «Нужно было раньше стонать, теперь поздно!».

Быть может Альфред Минг не хотел так же вот уходить из жизни. И потому сунул в карман куртки своего звеньевого Менгеля записку с предсмертным наказом - завещанием умирающего, чтоб замуровали его в фундамент домы.

Александр Данилович до последнего не верил в намерения молодого парня. Но когда звено собралось на площадке бетонировать пень-фундамент под доменную печь, обнаружили, что Альфред Минг исчез. Не дождавись товарища, Менгель послал за ним Отто Ивановича Гефа. Но было уже поздно. Минг бросился с крыши кирпичного здания вниз головой на бетонную плиту.

Лео Герман так назвал эту главу своей книги с трагическим концом - «Он памятник себе воздвигнул рукотворный»

Часть третья

Сейчас уже почти никто из наших земляков не помнит, когда же после большевистской вакханалии, в которую были ввергнуты несколько поколений российских немцев, первым пробился на профессиональную сцену чистый и ласковый голос певицы, которую в 1960-х назвали богиней вокального искусства эпохи пробуждения национального самосознания советских немцев.

Так начинался очерк автора этих строк об Эльвире Мут под заголовком «Она из ада вырвалась на сцену», который увидел свет в мар-

товском номере журнала «Ost-West Panorama» за 2008 год.

Никто из зрителей и слушателей не подозревал, что эта очаровательная красавица прошла через адское горнило «трудармейского» концлагеря, сохранив при этом божий дар.

Мы с Генрихом Гроутом появились во Франкфурте-на Одере, у нашей живой легенды - Эльвиры Августовны Мут накануне её 86-летия. Чувствует она себя хорошо. Окружена весёлой семьёй внуков и правнуков. Самая маленькая, кучерявая любимица Анита с кра-

сивыми глазами и абсолютным музыкальным слухом, может стать повторением знаменитой прабабушки.

Вместе с Эльвирой мне довелось гастролировать по Казахстану в составе первого послевоенного Всесоюзного немецкого эстрадного ансамбля «Hand in Hand». Но прежде я всё не решался затрагивать печальную историю её адской жизни в концлагере. Ведь такое невозможно ни забыть, ни обойти...

Рассказала она об этом коротко.

- Я родилась 27 октября 1922 года в немецкой колонии Гримм, АССР НП. Мой отец Август Яковлевич Мут и семь его братьев были служителями церквей в разных местах Бальцерского кантона. Когда церкви позакрывали, в 1932-м решением суда всех нас выселили из Поволжья в Петропавловск, что в Казахстане.

В 1942-м маму увезли на каторгу в Архангельск, отца по состоянию здоровья оставили дома с малышами, брата загнали в шахту Кизела. Меня 20-летней девушкой увезли в телячьем вагоне на каторгу в Соликамск Молотовской области. Там нас, женщин, поднимали в пять утра и гнали зимой под конвоем на стройку.

Ночами в бараках нам не давали спать блохи. Так мы, обессиленные и полуголодные, досыпали на ходу, в пути очень тяжёлой мужской работы. Я бы там, конечно, не выжила, если б не встретила такого же раба из мужской колонны - Володю Кёнига. Он попал туда из Оренбурга. Ой, лучше не вспоминать...

- Элли, ты же знаешь, всё старшее поколение прошло через ту кровавую молотилку...

- Ой, в общем, без документов пожениться официально мы с ним не смогли. Я рискнула. Надо же было как-то спастись. В 1946-м родила Люсю. И меня, слава Богу, спасали. Всё

Чтобы закончить грустное воспоминание на мажорной ноте, Эльвира добавила:

- Было, конечно, тяжело, но я рада, что моя доченька выросла и стала прекрасной пианисткой. Не раз выручала меня на сцене как концертмейстер.

А я не забыл, как Эльвира в 1960-х, натянув белые капроновые перчатки, прятала в складках своего концертного платья натруженные ладони рабочих рук, стесняясь показать их зрителям. Что поделаешь, на сцене всё должно быть красиво.

Про звериные законы Соликамска, в котором отбывали национальную провинность мужчины, мне писал двоюродный брат Александр Мунтаниол, который видел все ужасы того сталинского произвола своими глазами.

«Там из колонны периодически набирали по 300 человек для работы в каменных карьерах на станции Вильва. Перед отправкой им устраивали своеобразный медосмотр. Не утруждая себя мудрёными анализами, прослушиванием, врачи поворачивали каждого спиной к себе. Если два пальца не проходят между ягодицами, значит - годен.

Все работы по заготовке камня с дроблением и погрузкой в вагонетки для вывозки на

станцию - вручную. Были громадные, никем невыполнимые нормы выработки. За каждую вагонетку получали жетончик. Никто не мог подняться с третьего котла. В результате из 300 человек полуживыми возвратились 75. Очередной набор жертв - по той же схеме. Так, с декабря 1941 по март 1942-го из 6000 немцев погибло 3700.

Бригада могильщиков копает зимой яму и к её краю подвозит трупы. Чтобы упредить случившиеся ранее побеги, наёмный палач военизированной охраны ширяет шилом в пятку обнажённого мертвеца, бьёт его деревянным молотом по лбу. Только после этого позволяет сбрасывать тело в яму. Но если кто не умещается в длину траншеи, ему тут же обрубают ноги и - на свалку».

Не случайно то проклятое место узники концлагеря называли «Вильва - гроб фрицев». В таком вот жутком соседстве провела четыре страшных года будущая звезда немецкой эстрады».

Я до последнего считал, что за плечами Эльвиры непременно консерватория. Но коммандатура не пустила её в ВУЗ. После музыкального училища с таким чарующим голосом - меццо-сопрано она могла бы стать народной артисткой! Но от судьбы не уйдёшь. А менять национальность... Она осталась до конца верной себе, своему роду, своей Волге, о которой так трогательно пела на родном языке там, и уже здесь, в Германии, в поездках с Яковом Фишером: «Издалека долго, течёт река Волга...»

Жаль, что немцы Сибири, Алтая, Таджикистана и других уголков страны так и не дождались своих артистов. Напрасно «Нойес

Лебен» посулила читателям радость встречи с искусством своих немцев.

После гастролей ансамбля по городам и сёлам Казахстана и Киргизии, пошли слухи, будто скоро нам вернут автономию. Молва об этом дошла до верхов. И тогда нашу «Музыкальную табакерку» захлопнули.

Стало ясно, что после встречи в Москве с Конрадом Аденауэром, Хрущёв велел создать для немцев «игрушку» больше для показухи перед западом, и чтобы лучше пахали. Ведь вся Целина держалась на них. Зато дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев в своей книжке «Целина» даже не вспомнил о наших немцах, хотя Микоян, Кунаев и Калашников были категорически против восстановления АССР НП. Дескать, надо оставить их на целине, чтоб вечно кормить весь мир казахстанскими миллиардами пудов хлеба.

Ну, как тут не вспомнить русскую поговорку: ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Российские немцы испытали всё это на своей шкуре.

Известно, что в «трудармии» вместе с мужчинами делили своё национальное горе наши матери и сестры. Одной из невольниц такого концлагеря была моя собеседница - жительница Динклагге (Нижняя Саксония) Эльза Витовски. В присутствии своей дочери - Людмилы Энгельман, она рассказала об издевательствах лагерников над советскими немцами. Вместе с мужем Эльза пережила пятилетнюю каторгу в городе казахстанских нефтяников - Гурьев. Там их, как врагов народа, под конвоем заставляли строить какие-то секретные объекты. Ей приходилось копать глубокие траншеи. Тяжёлый грунт долбила киркой, не справлялась

с нормой выработки. За это урезали хлебный паёк.

- Что вы там получали помимо хлеба: были ли какой приварок?

- Ой, то, что мы там кушали... нас кормили помоями. Я видела, как заполняли бетонированные ямы кожурками от арбузов, тыквы, грязными листьями капусты, очистками от свёклы... Всё это трамбовали тракторами и называли силосом. Потом этим кислым варевом кормили не свиней, а нас.

- Что вы можете сказать о качестве хлеба?

- Пайка чёрного сырого хлеба была нашим спасением. Но когда в него стали подсыпать какую-то гадость, мы испугались за жизнь.

- Что именно подмешивали в хлеб, не помните?

- Как же не помню... У нас в лагере была своя пекарня. Тогда начальником лагерного стройтреста был Хешельниц.

- Так что же подмешивали в хлеб?

- Битое стекло. Его разбивали, мололи, подсыпали в муку и пекли такой хлеб только для нас - «фашистов». Но в Гурьеве это вредительство сразу раскрыли. Я как сейчас помню: три девушки из нашей бригады - Гергенрейдер Мелита, Синицкая Марта и Гердт Эрна наелись такого хлеба и у них открылось кровотечение (кровяной понос) - кровь шла фонтаном. Их сразу увезли в больницу и больше мы их не видели.

- И что было потом?

- Из лагеря сразу убрали начальника и всех его пособников. Это было в 1943 году. Потом нас стали кормить лучше

Часть четвертая

Михаил Дистергефт «Не проси»

В наказание за то, что узник «трудармейской» зоны Гюнтер Гуммель заступился за подневольных шахтеров Караганду, которых во время аврала сутками держали под землей, его загнали в шламовое болото, пригрозив сгноить непокорного. Но паренек не уступил и отказался рисовать карикатуры на изможденных каторжников. Потом на своих концертах агитбригада, сформированная трестом из узников разных подразделений с участием Гюнтера, стегала зарвавшихся начальников шахт убийственной критикой.

В начале 1942-го 15-летнего Гюнтера Гуммеля из немецкого поселка Хеленендорф, что на Кавказе, военкомат отправил в концлагерь советских немцев Караганду. С любопытством и опаской паренек ждал встречи с загадочным подземельем шахты. Не успел втянуться в будни добытчиков угля, как всех немцев перебросили в старые темные землянки. А ранним утром им устроили побьем НКВД-шники, приказав после вахты построиться вдоль землянок: «Будете рыть землю для столбов, забор строить!». Так немцев отгородили от всего мира колючей

проволокой, за которой началась совсем другая жизнь. Людей стали плохо кормить, потому что их перевели в категорию предателей, всех подростков бросили в шахту на так называемый «лесогон». Это была очень тяжелая и опасная для жизни работа.

Сверху вниз, в вентиляционный шурф бросают столбы для сооружения крепи в виде рамы ствола, которая при горном давлении должна предохранять от обвалов. Эти столбы вязнут в мягком глинистом дне шурфа до полуметровой глубины. Мальчишки с трудом вытаскивают лес и тащат его крепильщикам в забой. Надо иметь хорошую реакцию: чуть зазеваешься - раздавит в лепешку. А если проход завален, то вместе со столбами надо карабкаться на четвереньках, а порой ползти по-пластунски.

В это время кто-то из соплеменников обокрал Гюнтера: стащил с кровати всю чистую одежду, нательное белье, обувь и - талоны на питание с хлебными карточками на 10 дней. Утром перед вахтой все шли в столовую, а Гюнтер выпивал стакан воды и - под землю.

Через неделю от голода и 12-часового изматывающего труда его стало покачивать. Перестал ходить в баню, чтоб сберечь последние силы, да и переодеться было не во что.

Увидев грустного немытого мальчишку, начальник колонны Альберт Христьянович Зонтаг приказал ему идти в баню. Стоя под душем, Гуммель услышал в свой адрес нелестную реплику: «Этот доходяга через пару дней гавкнется». С испугом оглядев себя, парнишка заметил, что от него остались кости обтянутые кожей.

Его выручил начальник колонны Зонтаг, выделив талоны на питание и на кило двести хлеба в благодарность за доброе сердце отца мальчишки - Вильгельма Иоганесовича - в прошлом любимого учителя теперешнего начальника колонны.

Начальник шахты Дмитрий Иосифович Клецко пристроил одаренного парнишку художником лагеря, выписал ему хороший костюм, закрепил за ним просторное помещение для работы над портретами шахтеров, хорошо его кормил. Гюнтер оправдай заботы покровителей - создал блестящую художественную галерею.

Выяснилось, что Гуммель еще и прекрасный музыкант с собственной скрипкой Антонио Страдивари. В 1947 году по заданию управляющего трестом «Молотовуголь» Дмитрия Ивановича Лапина, Гюнтер создал летучую агитбригаду из 7 человек. Всем выдали новые полушубки и поставили задачу критиковать заевшихся начальников шахт. Подобрали хорошего поэта Сергея Духанина. Он написал куплеты на злободневную тему. Бригаду возят по шахтам на автобусе. Везде их хорошо принимают, кормят, выпрашивают для себя щадящую критику.

Но программа утверждена вышестоящей инстанцией. Так что начальству под сплошной рев зрителей приходилось со скрежетом зубным выслушивать в свой адрес убийственную критику.

И вот, наступил момент освобождения советских немцев из-под конвоя. Стали разъезжаться бывшие начальники с конвоирами. И тут новый начальник шахты Сысоев не мог придумать ничего умнее для повышения производительности угледобычи, чем критику «разгильдяев». В разгар завала он приказал Гуммелю рисовать карикатуры на «лентяев».

- Я не пойду! Как вы смеее сутками держать людей под землей, да еще убивать их карикатурами?

- Ах, ты бездельник! А ну, марш в шахту делать что я сказал!

- Я не могу обижать ни в чем не повинных людей.

- Ах так?! А ну, иди в болото!

Целый день, утопая в холодном шламовом пруде, куда из шахт стекают вязкие отходы производства, Гюнтер лопатой грузил эту клейкую массу в вагонетки. От силы две недели такой работы и -неминуемая смерть.

На следующий день Гюнтер категорически отказался лезть в адскую клоаку. А на звонок

сверху о недопустимом самодурстве, Сысоев заорал:

- Да я его сгною в этой помойке!

- Не успеешь. Мы его забираем, Филипп Иванович, раз тебе не нужны такие люди.

Так Гюнтера Гуммеля вывели из-под власти местного диктатора. А шумные выступления агитбригады успешно продолжались, вытаскивая на суд публики не каторжников, томившихся в сыром душном подземелье, а тупых любителей авралов.

Кончилась проклятая война. Советские немцы с нетерпением ждали: когда же с них снимут тяжелые кандалы, чтоб вернуться в родные места. Однако новый указ правительства СССР 1948 года убил долгожданную надежду безмолвных рабов, отдав их на растерзание кровожадным комендантам МГБ.

Вот только один случай. Многие немецкие семьи не дождались своих мужей из сталинских концлагерей. На их костях построили доменные, сталеплавильные печи. А на полях и фермах продолжали тянуть каторжную лямку женщины.

Хромой комендант из фронтовиков присмотрел себе краснощекую трактористку совхоза №260 Чановского района Новосибирской области Луизу Бауман. Такая была красавица. Ни один мужик не пройдет мимо, чтоб на нее не заглядеться.

Вызвал ее тот самый комендант вечерком в контору отделения совхоза. Поначалу расспрашивал обо всем: о работе, о подругах, о семье, о муже и детях... Потом стал говорить ей комплименты, начал приставать. Может другая была бы довольна такой связью, а эта отвергла его. Тогда он с садистской улыбкой намотал ее косу себе на руку, обвинил шею непокорной красавицы и стал душить. В ответ заработал хорший «фонарь» под глазом. Вдобавок она поцарапала ему лицо. Озверевший комендант одним ударом отключил немке сознание, изнасиловал ее. Это случилось перед утром.

Об этом, убитая горем Луиза, рассказала сестре и, не выдержав позора, бросилась в колодец. Люди слышали, как она кричала, но с трудом достали ее только на третьи сутки, едва расколов ледяную горловину, вцепившуюся в узкий сруб колодца. Всем селом хоронили Луизу Бауман с сестрой, которую кто-то застрелил, чтоб молчала. Детей Луизы спас родной дед - бывший школьный учитель немецкой автономии. Сгреб семерых сиротевших внуков и увез их из того села, куда глаза глядят.

Автор данных строк узнал про тот дикий «подвиг» блюстителя бериевского беззаконна из рассказа немца Поволжья, знакомого фотожурналиста Фридриха Эгардта.

До войны отец автора Этих строк Василий Иванович Мунтаниол жил в городе Актюбинск. После сталинского указа его с семьей из пяти душ (мне - его старшему сыну было 10 лет) специально увезли под охраной подальше от немцев: в забытый богом казахский аул далекого степного урочища Жолман, за 200

километров от города Актобе, чтоб лишить «фашистов» возможности общаться с немцами и забыть родной язык. Это был один из изощренных методов геноцида с целью насильственной ассимиляции нашей семьи.

В феврале 1942 года отца загнали в большевистские концлагеря Молотовской области и Днепропетровска. А его семья осталась в темной комнате казашки - Кабиры Есжановой со своей семьей из трех душ. В первые дни войны Кабира потеряла на фронте мужа. Мы там, конечно, не смели ни при ней, ни при ее детях разговаривать по-немецки, чтоб не обидеть добрую женщину, которая спасла от голода и холода нашу единственную в том ауле немецкую семью. Так, за 15 лет ссылки мы окончательно потеряли родной немецкий язык.

Когда после войны из Германии, в самый дальний казахский аул Копинского совхоза Актюбинской области привезли запорожских немцев, где подростки Петька с Яшкой Браунном не могли учиться из-за отсутствия школы, их принуждали работать в степи наравне со взрослыми. Петька пас овец, охраняя их от волков, а Яшка был прицепщиком тракторной бригады.

Был случай, когда Петька сбежал на рыбалку, чтоб принести матери рыбки на уху. За это фронтовик - старший чабан совхоза Сергазы Махамбетов верхом на лошади гнал его в степь, к отаре овец, подхлестывая кнутом.

...Увидев больную мать семейства Анну Браун, Сергазы спросил: «Ай, зачем плачешь?..»

- Мой старший сын Яшка прошлое лето возил сено, осенью и зимой пастухом стоптал все башмаки.

- Ну?..

- Сам видишь, кругом еще снег лежит, а его в дальнем урочище гонят прицепщиком босиком зябь бороновать.

- Ойбай... И он пошел?

- Просил бригадира подождать до обеда, пока солнце отогреет поле...

- Ну?..

- Тот бил его кнутом, как скотину. Ему что быки, что немцы - никакой разницы.

- Ай, сам знайш, шишас немью за шалавек

нэ шитайт.

Сегодня порою приходится слышать упреки в адрес спецпереселенцев, которые вспоминают о пережитом в суровые годы войны и комендантского надзора: «Хватит лить слезы и сопли! В войну всем было несладко».

Нет, не всем. Не могу забыть заметку из газеты «Нойес Лебен», где сказано о том, как зимой, после свирепого бурана на пути к соседней деревушке, под снегом нашли маленькую девочку с зажатым в руке конвертом. На нем детским почерком было выведено: «Маме в трудармию». А произошло это потому, что... Немцев планомерно истребляли: Добывали слабых втихаря. Плачущих малюток отбирали, Матерей сгоняя в лагеря..

Так Сталин «отблагодарил» российских немцев за верность Советской Родине

Это всего лишь несколько строк из моей баллады - литературных вариаций на темы песен советских композиторов, посвященных товарищу Сталину и всем его политическим потомкам.

В одном из отзывов на первый том моей трилогии российская немка, живущая в германском городке Санкт Аугустин Лидия Шульц, пишет

«Многоуважаемый Вилли, огромное спасибо вам за книгу «Ты виноват уж тем, что немец». В правом нижнем углу обложки романа я увидела на снимке изображение деревянной наблюдательной вышки. Такие вот вышки, словно страшные скелеты продолжают торчать в память о бесчеловечном прошлом. Местные жители-сибиряки их не замечают. Но у меня эта вышка вызвала сильное впечатление.

Я, как учитель, знала историю России из учебников, но как немка, лишь поверхностно знала другую версию истории - от своих родных. Имя «Сталин» слышала от своей бабушки еще в раннем детстве. Она говорила: «Сталин сожрал моих старших сыновей». И я, будучи еще ребенком, представляла себе в полном смысле людоеда, поедающего людей. Страх и ужас вызывало во мне это имя. Таким он остался во мне до сих пор».

<http://genosse.su/novosti/238-vzglyad-iz-za-brevna.html>

ПРОТОКОЛ

О сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев.

Правительство Российской Федерации и Правительство Федеративной Республики Германия, исходя из намерения Российской Стороны, которое весьма приветствуется Германской Стороной, поэтапно восстановить республику немцев в областях традиционного проживания их предков на Волге...

руководствуясь целью сохранения родины как можно большему числу российских немцев и их потомкам и возвращения им возможности развивать свою национальную самобытность в сфере культуры, языка и религии в России, не ущемляя при этом их права на выезд,

уверенные в том, что восстановленная республика немцев Поволжья станет культурным и духовным центром для всех немцев, проживающих на территории государств,

входивших в состав бывшего СССР, а также убедительным свидетельством их полной политической реабилитации, независимо от того, решат ли они туда переселиться или захотят остаться в местах своего нынешнего проживания..

осознавая, что российские немцы играют важную роль в развитии сотрудничества между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия, согласились о нижеследующем:

Статья I. Правительство Российской Федерации подтверждает свое намерение поэтапно восстановить республику немцев Поволжья в областях традиционного проживания их предков на Волге ... Российская Сторона предоставит уже в 1992 году возможности для эффективного содействия процессу восстановления республики немцев Поволжья... Переселение в создаваемую республику открыто для всех немцев, проживающих или проживавших на территории государств, входивших в состав бывшего СССР...

За Правительство Российской Федерации В. Тишков
За Правительство Федеративной Республики Германия Х. Ваффеншмидт.

Совершено в Москве 10 июля 1992 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы познакомились с самым тяжелым периодом жизни российских немцев. Хотя все материалы мною взяты из открытых источников, но, уверен, для многих кто прочитал все части книги, посвященные Великой Отечественной войны, это откровение. После войны прошло 70 лет, но остается немало событий, правда о которых еще ждет своих исследователей. Думаю, наш коллективный труд помог понять какую глубокую трагедию испытал мой народ.

Самое трагическое то, что в течение войны государством был нанесен такой мощный удар по способности российских немцев к национальному воспроизводству, что ставит под вопрос само существование одного из российских народов.

Но народ не сдастся.

**В ВЕРЕ НАШЛИ
СПАСЕНИЕ**

Как выстоять в таких жесточайших условиях, откуда ждать помощи, если она ниоткуда не может прийти? Эти вопросы стояли перед нашими отцами и дедами, матерями и бабушками. Как всегда, помощь находили в том, в чем ее находит любой народ в самую лютую годину – в вере своих предков и во взаимопомощи. В история католической и лютеранской церквей, а большинство немцев относятся именно к этим конфессиям, немало сподвижников, которые вели за собой народ к свету.

В таких тонких духовных отношениях мы во многом опираемся на личные качества тех, кто несет божественную истину. Это всегда был сложный процесс, который не всем понятен. Но те кто встал на путь, который помог народу сохранить свой духовный стержень и с достоинством пройти все жизненные невзгоды, достойны нашего глубокого уважения. И это совершенно не зависит от того, к какой конфессии себя причисляют представители российских немцев.

ИСТОРИЯ КАТОЛИКОВ НА УРАЛЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАШЕГО ПРИХОДА

Первые католики появились на Урале и в Сибири еще около 400 лет назад, это были поляки, пришедшие с дружиной Ермака. Правда, некоторые историографы сообщают о католических миссионерах еще XIII в., но эти данные нам точно не известны. С большей уверенностью можно утверждать, что в Челябинске ссыльные поляки-католики появились в XVIII-XIX вв. Сначала богослужения проводились в небольшой деревянной часовне. А в 1911-1914 гг. они построили в Челябинске храм Непорочного Зачатия Девы Марии. Это была небольшая церковь в неоготическом стиле. В городском архиве сохранились документы того времени за подписью настоятеля, о. Иосифа Сенвайтиса: просьба о выделении земли для строительства храма и о налоговых льготах для прихода. Из этих же документов мы узнаем и о составе католической общины. Она состояла из 80 семей, в основном, это были трудящиеся и мелкие торговцы. В 1914 г. храм был освящен. Но недолго радовались челябинские католики своей новой церкви. Наступили 30-е годы, когда по всей стране принимались решения о закрытии церквей и разрушении храмов.

В городском архиве сохранились документы, свидетельствующие о тех трагических решениях: например, «Постановление Президиума Челябинского Городского Совета Р.К.К. и К. депутатов. В другом документе тех лет читаем причины, по которым закрывали храмы: «Последнее время на всех новостройках и в городе на своих многотысячных собраниях, рабочие вынесли постановление о закрытии

имеющихся в городе церквей, мотивируя тем, что из общего количества населения 175000 тыс. человек пользуются ими не более 300 — 400 человек, к тому же из них значительная часть нетрудового элемента» (Докладная записка из Челябинского горисполкома в Уральский Областной Исполнительный Комитет РКК и КР от 15 мая 1931 года, Материалы Челябинского городского архива, Фонд р 220, опись 4, дело 94).

И храм был отнят у верующих. Сначала он был отдан культпросвету, затем — общежитию рабочих, и в конце концов просто разрушен. Последний свидетель, видевший тот храм — наша прихожанка Екатерина Старикова — умерла 10 ноября 2002 г. Она любила рассказывать, как еще маленькой девочкой ездила с бабушкой на богослужения. Рассказывала о красивых деревянных скульптурах, которые украшали храм, особенно о двенадцати апостолах.

Кстати, со скульптурами связана еще одна любопытная история. Когда разрушали храм, другая девочка (её имя так и осталось неизвестным) сумела спасти статую Воскресшего Иисуса. Она принесла статую к себе домой и долго прятала её ото всех. Но в голодные военные годы ей пришлось расстаться со спасенной статуей. Чтобы не умереть с голоду, она продала статую своей знакомой за полбулки хлеба. Теперь уже та знакомая, тоже католичка, хранила в своем доме образ Спасителя, скрывая его от посторонних глаз и тем самым спасая от уничтожения. К сожалению, после разрушения храма первая католическая общи-

на в Челябинске, которая по национальному составу была преимущественно польской, рассеялась. Люди молились каждый у себя дома, но не имели контактов друг с другом и ничего не знали о Церкви в стране и даже в своем городе. Только когда в 1999 г. был освящен новый храм, и об этом появились публикации в газетах, потомки этой женщины узнали о церкви и сообщили нам о статуе. Они не отдали её в храм, так как считают её ценной семейной реликвией, но разрешили сделать точную копию. Теперь в Пасхальное время Иисус в победном красном одеянии стоит на алтаре нашей церкви. Он воскрес. И воскресла вера в России, которую много лет пытались убить.

Новая община католиков сложилась уже в 40-е годы из ссыльных немцев. В тяжелых условиях трудармии, несмотря на запреты, они хранили веру, продолжали молиться и даже собирались для совместных богослужений. И после войны, находясь под надзором спецкомендатуры, они продолжали собираться для совместной молитвы. Собирались по домам, тайно, ночью. Мирянин Александр Мэрц, руководивший такими собраниями в начале 50-х, был приговорен к 10 годам лагерей. И хотя он вскоре вышел по амнистии после смерти Сталина, заключение так подорвало его здоровье, что он умер через два года после освобождения. Наши бабушки часто рассказывали, как тайно ночью собирались на мессу. Как молились по домам, а милиция ходила и гоняла их. Поэтому летом ходили молиться на кладбище. Там никто за ними не следил. А они обходили все могилки и читали Розарий и «Hauspostillie», книгу для чтения в католических семьях, в которой были евангельские чтения с комментариями на каждое воскресение литургического года. Эту старую книгу, напечатанную ещё готическим шрифтом, в общине берегли. Когда собирались на богослужения, кто-то из верующих читал, а остальные слушали. После смерти Александра Мэрца книгу обычно читала Анна Вендель. Она рассказывала, что сначала боялась и робела, но другие были старше её или не умели быстро и громко читать. Поэтому она взяла эту обязанность на себя.

Постоянного священника в городе не было. Раз в месяц на полтора дня приезжал о. Александр Бень (Александр Одорык), монах-францисканец из Казахстана. О том, что он был монахом-францисканцем, мы узнали уже после его смерти, когда группа молодежи из Челябинска оказалась в Польше, в местах, где он жил и умер. Об о. Александре мы знали немного. Что-то он рассказывал о себе сам, что-то рассказали нам уже его братья-францисканцы в Польше, что-то прочитали мы потом в «Книге памяти».

Он родился в 1912 г. в Каменец-Подольской губернии. В 1931 г. вступил в орден францисканцев, изучал богословие во Львовском университете, был магистром богословия, о чем часто с гордостью и одновременно с

печалью рассказывал нам. Он говорил, что мог бы преподавать Закон Божий в гимназии. Но где была та гимназия в СССР, в которой он мог бы его преподавать? В 1939 г. он был рукоположен в священники. Служил в Польше и на Украине. После захвата Западной Украины Красной Армией был арестован. Рассказывал, что ему предложили отречься от веры. Но он сказал, что вера — его жизнь и отречься от неё он не может. В 1946 г. был приговорен по ст. 58 к семи годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Казахстане. В 1953 г. освобожден из лагеря и выслан в Кокчетавскую область. В 1956 г. освобожден из ссылки. До 1958 года жил без паспорта. Работал в котельной и тайно совершал богослужения. В 1975 г. получил разрешение на организацию прихода в Кустанае. Служил в Кустанае, Лисаковске и еще нескольких деревнях Казахстана. Нелегально окормлял католиков и в Челябинске, приезжал во второе воскресенье месяца на полтора дня. Поездки были тайными. Во время поездок он не раз подвергался унижению со стороны попутчиков. Один раз он рассказывал, что какие-то люди, увидев его на автовокзале, кричали ему вслед «Поп! Поп!» и дразнили его.

Он очень заботился об организации прихода в Челябинске, но сам не мог его организовать, так как ему не хватало времени для работы здесь. Он просил о. Иосифа Свидницкого позаботиться о верующих в Челябинске. Так в 1974 г. о. Иосиф сумел организовать несколько семей, которые начали добиваться официальной регистрации общины. Это очень радовало о. Александра.

В 1989 г. он отметил свой золотой юбилей: 50 лет священнического служения. В июне 1991 г. он поехал на встречу с Папой Римским в Белостоке. 1 июня в г. Пшемышле, во время мессы, в которой он сослужил Святейшему Отцу, ему стало плохо с сердцем. Он вышел на ступени храма и тут же упал и умер. Когда весть о его смерти дошла до Челябинска, бабушки говорили: «Он уехал к себе на родину и там умер». Еще они радовались, что он похоронен в монастыре своего родного ордена, в Кальварии Пацлавской, так что будет, кому позаботиться о его могиле. Единственный важный момент, касающийся обстоятельств его смерти, который остался нам неизвестным — успел ли он принять причастие. Но мы верили, что, прожив долгую и нелегкую жизнь в служении Церкви, сегодня о. Александр пребывает с Господом и молится за нас.

Рассказывают, что приезжал в Челябинск и проводил богослужения также о. Альбинас из Караганды. Но поскольку автору этих строк о. Альбинаса застать уже не довелось, то и написать о его деятельности в нашем городе не представляется возможным. На фотографии 1 мы видим о. Альбинаса, который вместе с о. Александром служит мессу в молитвенном доме в Челябинске.

Из историй тех лет сохранилась одна полулегенда. Её рассказывала мирянка Эмилия

Шмидт, которая собирала людей на богослужение, договаривалась о приезде священников, организовывала хозяйственные работы в молитвенном доме. Уже в 90-е годы она рассказала, что была терциаркой кармелитов, но после депортации потеряла контакты с орденом. Она же рассказывала, что трудились у нас еще три сестры-францисканки, одна из которых была её тетья, Эмилия Риттер. Но более конкретных сведений о них не сохранилось. Та же Эмилия Шмидт рассказала, что в 50-е годы (точная дата неизвестна) приехал в Челябинск священник из Украины, кажется, о. Александр (фамилия неизвестна). Он остановился в католической семье, совершил ночью мессу и должен был ехать дальше в Казахстан. Но, к несчастью, заболел гриппом. Три дня больной священник лежал в доме, но никто не решался позвать врача, так как его приезд был незаконным, и люди боялись предательства. На третий день отец семейства взял некоторую сумму денег и пошел к врачу-еврею. Тот пришел и тайно оказал медицинскую помощь. Едва-едва встав на ноги, священник решил продолжать свой путь. Ему купили билет на поезд, но на вокзале он был арестован. Женщина, проважавшая его, видела, как его «взяли». Впоследствии до верующих дошли сведения, что он умер в КПЗ. Нам не удалось найти каких-то документов, подтверждающих или опровергающих эту историю. Кто именно был этот отец Александр и откуда, нам тоже неизвестно. Однако верующие Челябинска хранили в сердце историю о священнике, отдавшем жизнь в служении Богу.

В середине 70-х годов из Украины был выслан о. Иосиф Свидницкий. Он стал страстным миссионером, собравшим верующих и основавшим общины католиков во многих городах. Он-то и позаботился об официальной регистрации общины в нашем городе. В 2000 г. о. Иосиф был на Днях памяти новомучеников в Новосибирске. По дороге домой, на Украину, он заехал к нам и рассказал, как ему пришлось выискивать католиков и уговаривать их подписать прошение о регистрации прихода. Многие были рады собираться на молитвы или получить Таинства, но далеко не все были готовы поставить свою подпись в документе или официально признать себя верующими, так как это грозило серьезными неприятностями с властями. Отец Иосиф внес огромный вклад в создание католической общины в Челябинске. Он же помог в 1981 г. купить и перестроить под церковь небольшой дом в поселке Першино, что в Металлургическом районе города. (В 1982 г. отец Иосиф Свидницкий уехал из Душанбе в Сибирь, где основал приход Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в г. Новосибирске. В Душанбе тогда остался настоятелем отец Бенедикт Юрчис — однокурсник епископа Иосифа Верта, в 1990 г. он тоже покинул Душанбе и вернулся в Литву, его место занял о. Иероним Мессмер. Сам же о. Иосиф Свидницкий в этот город больше никогда не возвращался, — прим. Н. В.). Об о.

Иосифе можно было бы писать много, однако о нем уже писали и другие, существует даже книга «Воспоминания узника», написанная им самим, так что здесь можно ограничиться несколькими замечаниями. Он был непредсказуем. Приезжал то из Омска, то из Ферганы, то еще откуда-то, всегда неожиданно, всегда на короткое время. Это короткое время было наполнено встречами с людьми, молитвами, исповедями, общением. В Челябинске особенно запомнилась его экуменическая деятельность. Его знали и любили во многих протестантских церквях. Молодежь баптистской общины была ошарашена, когда о. Иосиф явился к ним на собрание, представился. Построил их всех и пел с ними: «Шагай, шагай, шагай туда, где Земля Обетованная». После этого баптисты часто спрашивали у нас, не приезжает ли о. Иосиф (его любовно называли «Батя»), а если он приезжал, всегда старались прийти в наш молитвенный дом, чтобы пообщаться с ним. Старался о. Иосиф и наладить катехизацию в приходе. У него самого было слишком мало времени для этого. Но когда он приезжал, мы по воскресеньям проводили в молитвенном доме часов по семь, не меньше. После мессы начиналось общение, в котором он старался выдать всё учение Церкви, насколько это было возможно. А ещё он много строил. Дом, купленный под молитвенный, был очень маленьким. Вдохновленные о. Иосифом, наши бабушки и дедушки перестроили его, увеличив раза в три.

С приобретением молитвенного дома жизнь общины пошла более ровно. Регулярные богослужения, чтение христианской литературы, хотя бы раз в месяц — возможность принять Таинство. Но священника так и не было. Бабушки годами молились, просили власти, чтобы разрешили пригласить священника, посылали делегацию в Каунас (Ригу? — прим. Н. В.), в семинарию, чтобы выпросить выпускника. Ездили туда Эвальд Руппель (дедушка-министрант) и Мария Бископ (дочь Эмилии Шмидт), так как они были помоложе других членов прихода и могли взять на себя дальнюю поездку. В Каунасе, кажется, сказали, что надо послать кандидата из Челябинска, тогда он закончит семинарию и приедет служить к нам. Но молодых мужчин в общине не было, так что и послать было некого. Была оформлена рекомендация некоему Антониусу, но он был не из нашего города и мы его никогда не видели. О. Александр говорил, что у него мать — немка, а отец — туркмен. Еще обещал, что семинарист приедет к нам на практику, но семинарист так и не приехал и после окончания семинарии отправился служить в какой-то другой город. (Загадочная личность Антониуса очень хорошо известна сибирским католикам. Это не кто иной, как священник Антон Ромме, который в 1987 г. был органистом в г. Актюбинске, в том самом приходе, где настоятелем был сегодняшний епископ Преображенской епархии Иосиф Верт. Антон хотел поступать в Рижскую семинарию,

но ему в этом отказали, поскольку по тогдашним законам в семинарию мог поступить только один кандидат от города. От Актобинска кандидат уже был послан — Иосиф Мессмер. Поэтому на Антона Сахатдурдыева (фамилия отца-туркмена) документально рекомендация была оформлена от г. Челябинска. Сейчас о. Антон служит совсем недалеко от этого города — в Екатеринбурге.

Господь все равно не оставил без ответа многолетние молитвы бабушек о собственном священнике. Им стал о. Вильгельм Палеш из Эрфуртской епархии (Германия). В первый раз он приехал в отпуск летом 1990 г. Этот первый приезд о. Вильгельма в Челябинск оказался почти случайным, но, конечно же, в этой случайности был промысел Божий. Дело в том, что о. Вильгельм приехал по приглашению вовсе не в Челябинск, который тогда был закрытым городом и въезд иностранцев был категорически запрещен, а в Душанбе. Приехал он в гости к о. Иосифу. Но у того гостей и так хватало: большая группа семинаристов из Польши. Так что о. Иосиф, недолго думая, позвонил в Челябинск, посадил о. Вильгельма (тогда почти не знавшего русского языка) в поезд, и отправил в путь. Для челябинских католиков это была великая радость. О. Вильгельм служил мессу, много общался с ними, учил правильно петь церковные песни, провел первое занятие по катехизации. Особенно радовались немцы-католики тому, что о. Вильгельм — тоже немец. Все священники, приезжавшие в Челябинск до него, были или поляками,

или уроженцами Прибалтики, — по-немецки хотя и говорили, но, конечно же, не так блестяще, как о. Вильгельм. Тогда же бабушки пригласили его на Рождество. О. Вильгельм ответил тогда, что приехать не сможет, ведь он должен быть в своем приходе, в Германии, но все сложилось так, что он смог вернуться, поскольку нашелся священник, заменивший его. Это было прекраснейшее Рождество в Челябинске. Затем о. Вильгельм несколько раз посещал общину в Челябинске, сначала нелегально, так как город еще был закрытым, и иностранцам нельзя было въезжать в него, а в октябре 1992 г. приехал на пять лет, и так и остался, став настоятелем прихода в Челябинске. Он, приехав в Россию в отпуск, обратился с просьбой к епископу Иосифу Верту о разрешении служить в Челябинске. Епископ Иосиф удовлетворил его просьбу, а позже пригласил туда еще трех священников: отцов Петера Даниша (сегодня — настоятель прихода в Омске), Райнгарда Фрэнитцу (и сегодня служит в Челябинске) и Луциана Германа (сегодня служит в Новосибирске).

И началось строительство нового храма. Но прежде, чем этот прекрасный храм величаво вознесся над улицами ЧМЗ, над бывшим лагерем трудармейцев, прошло немало лет и потребовалось немало труда. Это особая история.

Католическая церковь.

Август 15, 2008 — cc74

<http://cc74.ru/2008/08/15/history/>

Лидия Мухамадеева

КАТОЛИЧЕСТВО В ЧЕЛЯБИНСКЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава I. Конец XIX — начало XX века

Возникновение первой католической общины в Челябинске

Появление первых католиков на Урале было связано с миграцией населения из западных областей Российской империи в XVIII веке. Первая община католиков в городе Челябинске образовалась в конце XIX века, хотя появление первых верующих католиков в городе произошло раньше. Среди верующих католиков были и австрийцы, и немцы, и поляки. В сохранившихся метрических книгах прихода римско-католического молитвенного дома среди крещеных детей 1909 — 1913 гг. значительная часть имеет немецкоязычные фамилии.

Свидетельством того, что среди общи-

ны католиков значительную часть составляли представители немецкоязычного населения, является тот факт, что во время миссии редемптористов в 1908 году для челябинских верующих один из отцов говорил проповеди на немецком языке.

Однако большую часть в общине составляли поляки. К тому же их число стремительно увеличивалось. В основном это были ссыльные, которые были сосланы в Сибирь и на Урал после подавления польских восстаний в 1830-31 и 1863-64 годах. На территории современной северной окраины города они создали поселение, которое назвали по имени одного из основателей — Щигела (со временем название трансформировалось в Шагол).

Число жителей католического вероисповедания в Челябинске стремительно росло также благодаря постройке транссибирской железно-

дорожной магистрали (в 1891 – 1916 годах), которая связывала европейскую часть России с Сибирью.

Статистические данные свидетельствовали о стремительном росте среди городского населения числа римских католиков: в 1894 году число жителей католического вероисповедания насчитывало 46 человек, в 1901 году – 222 чел., в 1908 году – 1000 чел., а в 1911 году – 1864 человека.

В Челябинске также было много представителей греко-католичества (униаты). Челябинские униаты нашли греко-католического священника в Златоусте и стали приезжать туда как минимум раз в год, чтобы принять таинства. После постройки римско-католической церкви в Челябинске униаты стали проводить службы в новом храме.

В областном архиве Челябинской области сохранились метрические книги Челябинского Римско-католического молитвенного дома. В ней имеется информация о крещенных младенцах и усопших католиках, принадлежавших к челябинскому приходу. В записях метрической книги многие католики значатся как австрийско-, польско- и германско-подданные. Есть также и литовско-подданные.

Многие католики того времени (впрочем как и остальные жители Челябинска) умирали в совсем юном возрасте. Редко кому удавалось дожить до пожилого возраста. Некоторым из скончавшихся едва исполнилось 1 год.

В записях о смерти, в числе причин значатся тиф, скарлатина, воспаление легких, но чаще всего встречается запись: «скончался от неизвестной болезни».

Первый католический храм Челябинска

6 июня 1897 года жители города исповедовавшие римско-католическую религию обратились с заявлением в городскую управу, в котором, в частности, говорилось: «С приступом к сооружению Великого Сибирского пути, число жителей католического вероисповедания в г. Челябинске с каждым днем стало увеличиваться и в настоящее время достигло значительных размеров». В связи с чем они просили, чтобы им выделили место под молитвенный дом во вновь нарезанных кварталах между Железнодорожным шоссе и Уфимским трактом, добавляя при этом, что желательно было бы получить крайнее место по Уфимскому тракту, «считая от больницы».

Журнальным определением челябинской городской думы от 3 июля 1897 года под молитвенный дом был выделен участок земли в 99 квартале Челябинска площадью в 507,5 кв. саженей. Однако общину этот участок не удовлетворил, так как был очень удален от заселенных мест. В связи с этим они вторично обратились в городскую думу, конкретно указав участки, где они хотели бы строиться, а именно: «участки №1242 и 1243, близ городского кладбища, первый – 585, а второй – 345

квадратных саженей».

Постановлением городского собрания от 5 марта 1898 года площадь была выделена под молитвенный дом. Таким образом, в 1898 году появилось деревянное здание и началась служба.

Позже, рядом с деревянной церковью в 1909 году было начато строительство нового костела. По свидетельствам современников, деревянное здание находилось западнее каменного. 7 июля этого же года в газете «Голос Приуралья» было опубликовано: «На днях приступлено к постройке нового костела. Постройка производится около старого костела под наблюдением местного ксендза».

По словам современников, ксендзом костела был Пашкевич, а синдиками – Ольшевский, Круковский, Шубарчук. В местных газетах начала 20 века упоминается имя ксендза Грабовского и председателя Союза молодежи ксендза Шокалло. В городском архиве также сохранились документы, подписанные настоятелем отцом Иосифом Сенвайтисом.

Строительство храма Непорочного Зачатия Девы Марии было завершено, по разным данным, в 1913 или 1914 году. Новый храм освятили в 1914 году и началась служба. В храме проводили богослужения не только римские католики, но и униаты.

Костел располагался на улице Спартака (современный проспект Ленина), напротив бывшей Ткацкой фабрики (пересечение современных проспекта Ленина и улицы Свободы). Сегодня на этом месте стоит типовой жилой дом. Среди низких одноэтажных и двухэтажных домов старой Челябины костел, выполненный в готическом стиле, заметно выделялся. Храм был выполнен из лекального красного кирпича с элементами декора из белого цемента. Главный западный фасад костела был обращен в сторону современной площади Революции.

«Храм был виден издали. Две башенки-звонницы, увенчанные шатровыми крышами, уходили ввысь, завершаясь крестами на голубых сферах. Увеличенные размеры стенных проемов придавали башням легкость и стройность. Между башнями на верху фигурного готического фронтона помещалась статуя летящего ангела (В первые годы существования нового костела мраморная статуя летящего ангела была заменена на чугунную – Авт.).

Изрезанный узкими стрельчатыми окнами, ребристыми от контрфорсов, храм с величественным видом красновато-коричневой кирпичной пирамидой возвышался над окружающими строениями. Богатый, мастерски прорисованный кирпичный декор и прочее скульптурное убранство придавали храму красоту, своеобразие и большую праздничность.

Неброский портал западного фасада, над которым помещалось круглое узорчатое окно (роза), открывал вход внутрь храма. Огромный интерьер освещался светом витражей, заполняющим оконные проемы. Песнопение во время церковного богослужения шло в со-

провожении органа» – так описывал костел краевед С. Уткин .

После постройки нового костела старый деревянный костел в дореволюционное время служил ночлежкой. Позднее переоборудованный в жилой дом это здание пережило век кирпичного и было снесено в начале 50-х годов.

Миссии отцов редемптористов в Челябинске

В 1908 году отцы редемптористы провели приходские миссии в Сибири, одним из пунктов, которые они посетили, был Челябинск. Организаторами миссий были польские священники – отец Бернард Лубеньский и администратор могилевской епархии ксендз Стефан Денисевич. Было назначено три миссионера: отец Владислав Богосевич из Варшавы, отец Мартин Нуцковский из Подгужа и отец Юзеф Палевский из Мостиска.

Миссионеры выехали из Варшавы 27 мая 1908 года. Вначале они направились в Санкт-Петербург, где в Министерстве Иностранных Дел получили разрешение на проведение миссий и после этого по железной дороге отправились дальше в Сибирь. Редемптористы посетили Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Читу, Харбин, Владивосток и Челябинск, который они посетили одним из первых.

Многие католики во время миссий вновь возвращались к религиозным практикам, многие принимали таинства впервые. Некоторые только во время миссий признались в том, что они католики. Происходили также немногочисленные случаи в городах Омске, Томске, Екатеринбурге перехода на католицизм представителей иных верований. «В Челябинске люди пришли к выводу, что теперь им будет легче жить, т.к. они увидели, что вдали от Родины Бог есть и заботится о них».

В Челябинске редемптористы пробыли со 2 по 12 июня. Почти все челябинские католики приняли таинства. Из 1000 человек Святое причастие приняли 950.

Миссии закончились 13 сентября 1908 года во Владивостоке. На обратном пути миссионеры еще раз остановились в Иркутске, Челябинске и Москве.

Разрушение храма

После известных октябрьских событий 1917 года власть перешла в руки большевиков. С захватом власти началось укрепление контроля правящей партии над политической и духовной жизнью общества. В конце 20-х годов начались гонения на религию и церковь.

Вследствие постановления ВЦИК от 16 февраля 1922 года в Челябинске была организо-

вана уездная комиссия по изъятию церковных ценностей. В конце марта началась работа по изъятию ценностей из церквей и молитвенных домов.

В 1929 – 1932 гг. была развернута борьба с религией, велась активная антирелигиозная пропаганда. Некоторые священнослужители подверглись репрессиям. Многие церкви города были снесены.

В 1929 году Римско-католический костел закрыли. 7 августа 1930 года было издано официальное постановление о закрытии храма.

Сначала церковь была отдана культпросвету, затем – общежитию рабочих. В его стенах также размещали различные хозяйственные службы, общежитие, склады.

Официальной причиной послужившей закрытию храма было отсутствие прихожан. Хотя статистические данные свидетельствуют о том, что в 1911 году число католиков в Челябинске насчитывало около 1864 человек, но отсутствовала регистрация общины каждого ее члена.

Челябинские католики не однократно обращались с просьбой к властям вернуть храм, но просьбы не нашли отклика. 15 июля 1932 года храм начинили взрывчаткой. В этот же день костел был разрушен.

Одним из свидетелей посещавших тот храм была Екатерина Старикова, которая умерла 10 ноября 2002 года. Она любила рассказывать, как маленькой девочкой ездила с бабушкой на богослужения.

«Воскресший Иисус»

Оставшуюся после разрушения храма церковную утварь уничтожали на костре, который горел днем и ночью. В огонь бросали все: одежды священников, иконы, скульптуры. Из церковного имущества удалось спасти лишь деревянную статую «Воскресшего Иисуса». Ольга Адамовна Потовская протянула половину булки хлеба рабочему, выполнявшему приказ сожжения церковного имущества в обмен на скульптуру. Долгие годы она хранила ее у себя, а перед смертью отдала родственникам. Ее внуки, хранившие позже эту статую, отдали ее новой церкви, построенной в Металлургическом районе. Долгое время скульптура украшала залы храма, но ее владельцы готовились уехать в Прагу (Чехия) и попросили вернуть статую.

Незамедлительно отец Вильгельм пригласил в церковь художника, резчика по дереву Александра Жижилева, чтобы он изготовил копию статуи. Александр Леонидович с удовольствием взялся за поручение и в считанные сроки выполнил копию статуи. В Пасхальные дни она украшает помещения храма, напоминая нам о чудесном костеле, разрушенном режимом воинствующего атеизма.

Глава II. Середина XX – начало XXI века

Депортация.

Вера под запретом

С началом Великой Отечественной войны сотни тысяч советских граждан были превращены сталинским режимом во внутренних врагов только за то, что они оказались одной национальности с захватчиками. В рабочие колонны НКВД попали безвинные советские граждане немецкой, финской, румынской, болгарской, венгерской, чешской и других национальностей.

Республика немцев Поволжья была ликвидирована, и вглубь страны были вывезены все немцы с ее территории, а также и из других регионов Советского Союза. В 1942 году тысячи депортированных поволжских немцев попали в Челябинск. Мужчин не отправляли на фронт – их отправили в «трудовые армии». За колючей проволокой, под вооруженной охраной, впроголодь, трудармейцы за считанные сроки создавали корпуса заводов.

Несмотря на суровые условия, им удавалось сохранить свою веру. Впоследствии к ним приезжали уцелевшие католические священники (во времена сталинских репрессий в СССР были расстреляны или погибли в лагерях около полутора сотен католических священников).

Среди депортированных российских немцев, оказавшихся по воле обстоятельств в Челябинске был также репрессированный священник Франц Фризен. Он был осужден советской властью за проповеди и трудился в Челябинской трудармии, где пользовался среди немцев уважением и авторитетом. В конце концов, устав от преследований и гонений он был вынужден уехать в Фергану, где жил до скончания своих дней.

После войны, в 1947 году трудармии были расформированы, но за бывшими лагерниками был введен комендантский контроль. Находясь под надзором спецкомендатуры, верующие христиане тайком собирались для совместной молитвы в квартирах и домах.

Свидетель тех лет Эмилия Шмидт позже поделилась своими воспоминаниями: «В 1948 году я и мой муж Леопольд Шмидт приехали в Челябинск. Верующие, мы не могли жить без молитвы. Вскоре собралась группа католиков, но официально встречаться и молиться нам было запрещено, потому мы часто меняли место встреч. И все же нас выследили. Через год был арестован староста нашей группы и осужден за веру на 25 лет. Многие годы мы, немцы, были под комендатурой, потому священника был сопряжен с большим риском, тем более что Челябинск был закрытым городом. Верующие нередко собирались у нас в квартире. Моего мужа арестовали однажды, устроили допрос, грозили тюрьмой, а потом предложили сотрудничать с органами. Он

нашел в себе мужество отказаться от «перспективной» работы».

Много лет подряд община проводила мессы ночью на квартире семьи Зиберт. Эдуард Зиберт в одном из интервью поделился своими воспоминаниями: «Мои родители были католиками. Причем очень ревностными. Когда еще община собиралась тайно, родители в своей квартире принимали священников и немцев, которые приходили молиться. Нам, детям, приходилось стоять во время молитвы на коленях по часу, а то и больше. И все это ночью. А утром – в школу, где нам говорили, что Бога нет».

Свидетели тех лет описывают случаи, когда милиция приходила в те квартиры и дома, где проводились молитвы, поэтому летом стали ходить на кладбище. Там никто за ними не следил. Они обходили могилки, читали Розарий и «Hauspostili» – книгу для чтения в католических семьях. Эту книгу в общине особенно берегли. В ней еще готическим шрифтом были написаны евангельские чтения с комментариями на каждое воскресенье литургического года.

Мирянин Александр Мэрц, проводивший собрания католической общины, в начале 50-х годов был осужден и приговорен к десяти годам лагерного режима. Он не отбыл весь срок: после смерти Сталина был амнистирован. Суровый лагерный режим существенно повлиял на его здоровье и через два года после освобождения он умер.

Постоянного священника община не имела. Эмилия Шмидт вспоминает: «Через свою родственницу в Караганде я сообщила священнику из Литвы о существовании в Челябинске католической общины. Отец Ионас готов был стать нашим священником, но власти ему не разрешили». Еще один свидетель, поведавший о событиях тех лет Э. Роппель также вспоминает: «Из Литвы приехал Ионас, согласившийся стать настоятелем церкви, – не позволили, правда, дали возможность провести перед Рождеством службу в течение 15 дней».

Из воспоминаний Эмили Шмидт мы также узнаем: «Полулегально к нам приезжал из Караганды отец Альбинус, но и его желание стать священником в нашей общине не осуществилось. Казалось, что наша борьба за официальное признание нашей общины и за священника была безнадежной. Иногда к нам приезжал священник. Его отправление в дорогу создавало немало трудностей: покупали билет на обратный путь только в последний день, он вскакивал на подножку вагона, когда поезд уже отправлялся».

В 70-80-е годы в Челябинск стал приезжать священник Александр Бень (Александр Одорык). Вплоть до 1989 года он регулярно, раз в месяц на полтора дня, приезжал из Кургана, чтобы тайно проводить ночную службу, потому что официальная служба днем была запрещена.

Он крестил детей и проводил венчания. После освобождения из заключения он начал служить в Кустанае, Лисаковске и окрестных деревнях Казахстана.

В 1989 году патер Александр отметил свой золотой юбилей: 50 лет со дня рукоположения в священники. В июне 1991 он отправился на встречу с Папой Римским Иоанном Павлом II в Польше, в городе Белостоке. 1 июня в городе Пшемышле он сослужил мессу Святейшему Отцу. Во время мессы ему стало плохо с сердцем. Выйдя на ступеньки храма, он упал и умер. Отец Александр был похоронен в монастыре своего родного ордена, в Кальварии Пацлавской.

Долгое время в Челябинске служил отец Иосиф Свидницкий. Он был выслан в середине 70-х годов с Украины. Отец Иосиф служил мессу, преподавал святыя таинства. С конца 1983 и до 1992 года отец Иосиф Свидницкий работал одновременно в нескольких городах, распространяя веру.

Молитвенный дом

В 1982 году община приобрела небольшой дом в поселке Першино Metallургического района на улице Доменной, 26, который они оформили на Елизавету Вольф.

Деньги на покупку дома челябинским верующим дал отец Иосиф Свидницкий. В своей книге «Воспоминания узника» он позже напишет: «В 1982 году я поехал в литовский город Тяльшай к Апостольскому администратору Вайчусу. Я рассказал ему о своих проблемах. Он на прощанье дал 14 тысяч рублей, на которые я купил в Челябинске дом для богослужений по улице Доменной».

Отец Иосиф Свидницкий освятил дом и община начала его реконструкцию под молитвенный дом – Bethaus. В материале опубликованном 4 мая 1993 года в «Вечернем Челябинске» Э.Ропель вспоминает: «Из трех комнат оставили одну для исповедальни, перегородки снесли, пристроили веранду. Алтарь был сооружен из подручных средств: на две табуретки положили дверь, а на нее поставили иконы Божьей Матери и Иисуса Христа». Вскоре в Челябинск стали съезжаться верующие католики из Копейска и из Коркино. «В тесном доме стало еще теснее». Было решено «пристроить еще веранду, убрать стену».

После долгих настойчивых просьб у местных властей о реконструкции молитвенного дома «было разрешено сделать пристрой, но не более девяти квадратных метров». Однако члены общины «решили поднять и потолок». «Кирпич нашли в старых бараках, заготовили свыше 6 тысяч штук». Однако вскоре представитель райисполкома, а затем и обкома приехали с проверкой. Было приказано «прекратить строительство». Представитель власти порекомендовал: «Вам нужно получить разрешение в горисполкоме. Если не получите, подкачу бульдозер» Однако община не прекратило строительство. А однажды «на месте прежнего уполномоченного увидели нового, который

без канители решил: «Стройте».

Для росписи интерьера молитвенного дома нашли художника. Им стал сын одного из прихожан. Он расписал алтарь, сделал распятие, нарисовал иконы.

Возрождение духовности.

В 90-е годы в России наступил новый исторический период. Конечно, это было не самое легкое время для россиян: дефицит продовольственных товаров, задержка заработных плат и пенсий и многие другие последствия государственного реформирования. Но в этот период началось возрождение религии, которое выразилось в реставрации старых культовых зданий и строительстве новых. С каждым годом заметно увеличивалось число верующих. Возрастал интерес к религии. В прессе начали появляться публикации о вере.

В 1990-е годы в Челябинск начал приезжать отец Вильгельм Палеш, где оставался от нескольких недель до трех месяцев, чтобы вести душеспасительную работу, а 12 апреля 1993 года, по просьбе общины отец Вильгельм получил вид на жительство и остался служить в Челябинске.

В этот период состав общины меняется количественно и качественно. Во-первых, число верующих католиков с каждым годом заметно возрастает. Во-вторых, членами общины теперь были не только представители немецкой, польской национальностей, традиционно исповедовавших католичество, но и русские, татары и др.

В связи с тем, что в общине возрастало число людей не владеющих немецким языком, начали проводиться мессы на знакомом для большинства прихожан русском языке. Первая святая месса на русском языке была отслужена осенью 1991 года.

В связи с большим численным ростом верующих молитвенный дом уже не вмещал всех прихожан во время воскресных месс. Было решено строить новый храм. Прежде всего, необходимо было получить новый земельный участок под строительство. По генеральному плану застройки Metallургического района улица Доменная и прилегающие к ней районы планировалось застроить многоэтажными жилыми домами. Община решила, что в таком случае будущий храм не будет виден издали – нужно было найти более подходящее место.

Осенью 1992 года, чтобы подобрать необходимый проект для строительства нового католического храма отец Вильгельм поехал в Германию вместе с Губертом Витлифом. Инженер-архитектор Франц Везингер предложил три проекта храмов: на тысячу двести мест, на двести пятьдесят мест и проект совсем маленькой церкви. В конце концов, был выбран проект среднего по размеру храма, который напоминает глыбу природного кристалла. Архитектор подчеркнул, что это редкий современный вариант и в России это будет первая церковь такой конструкции.

Большую помощь оказывали в строительстве

храма коллеги отца Вильгельма, прибывшие в Челябинск в 1993 году: отец Луциан Герман (епархия Эрфурта), отец Петер Даниш (епархия Магдебурга) и отец Райнгард Франитца (епархия Гильдесгейма). Через год прибыли четыре сестры-монахини конгрегации Святой Агнессы из США: Люси Энн Вазингер, Мэри Эллис Лайкер, Мария Энн Шипперс и Элис Энн Пфайфер. Они помогали в проведении занятий воскресной школы, навещали больных и нуждающихся, создавали Интернет-страницу о храме, ездили на службы в отдаленные населенные пункты – Коркино, Копейск, Старокамьшинск и другие, чтобы проводить службу, знакомить жителей со Святым писанием, проводить Святое Причастие немощным на дому.

Появлялось все больше желающих принять участие в курсе веры, в подготовке к крещению, исповеди и причастию. По четвергам сестра Люси проводила «Библейский курс», где слушатели лекций под руководством сестры изучали четыре Евангелия, Откровение Иоанна, Псалтырь, а также курс посвященный пророческим книгам Библии. Сестры пробыли в Челябинске 7 лет и 7 месяцев. В 2001 году община проводила их на родину.

Строительство новой церкви

Строительство новой католической церкви стало важным событием не только для общины, Metallургического района, но и отчасти для всего города Челябинска. На разных этапах строительства ход проведения работ по возведению храма и происходящие в общине события освещали представители телевидения и прессы. Роль журналистов часто выполняли сами члены общины, например, Алина Назаренко и Губерт Витлиф. Благодаря Губерту Михайловичу в 1999 году также была выпущена книга «Возрождение духовности», рассказывающая о ходе строительства церкви.

17 ноября 1992 года был заключен договор с институтом Челябгражданпроект на разработку эскизного проекта Римско-Католического храма. Главным инженером, согласно договору, был определен Алексей Буров.

27 февраля 1993 года было получено разрешение архитектора Metallургического района г. Челябинска госпожи А.Б. Маляр на проектирование Римско-Католического храма по улице 50 лет ВЛКСМ.

17 марта 1993 года было издано постановление главы администрации города на возведение храма, а через несколько дней, 29 марта стройплощадку освободили от автостоянки.

13 мая 1993 года был утвержден эскизный проект храма на 350 мест за подписью Апостольского Администратора Азиатской части России, епископа Иосифа Верта, а 24 мая эскизный проект храма был подписан настоятелем отцом Вильгельмом Палешом.

Первая лопата из грунта котлована была вынута 26 октября 1993 года. Отец Вильгельм

в присутствии священников: отца Райнгарда Франитцы, отца Петера Даниша и отца Луциана Германа провел молебен, освящающий землю, предназначенную под Святой храм. Затем временно стройка была приостановлена по указанию епископа отца Иосифа Верта, который беспокоился, что в зимнее время строительство сопряжено трудностями и не безопасно.

Пауза в строительстве церкви вызвала у многих челябинцев скептические настроения к происходящему. Многие полагали, что достроить храм не удастся. Пессимистическими настроениями была охвачена и пресса. В материале В.Косолапова, опубликованном в Челябинском рабочем от 25 января 1994 года автор делится впечатлениями от будущего проекта: «Ну в самом деле, среди типовой жилой застройки, в окружении заводских труб, в рабочем квартале вдруг возносится здание настолько выламывающееся из общего весьма серого фона, что не веришь в реальность его существования К сожалению, последние слова могут оказаться пророческими».

Описывая увиденное на стройплощадке церкви, он также пишет: «Эту стройплощадку не заметить не возможно. Расположена на самом въезде в Metallургический район, на бойком месте: между кинотеатром «Союз» (сегодня это досуговый центр «Импульс» – прим. М.Л.) и бассейном «Строитель». И если не любители плавания, то ценители десятой музы обратили внимание на происходящее в округе. Правда, признаков трудовой жизни на этом пространстве давненько не наблюдается: за глухим железобетонным забором не видно и не слышно строительной техники, не суетятся люди. Разглядеть можно лишь глубокий котлован, покрытый льдом и занесенный снегом, да сломанный ковш от экскаватора Тишина, покой, запустение».

Однако община католиков надеялась, что храм удастся построить. Каждое воскресенье в 15.00 члены общины собирались на стройплощадке для совместной молитвы о строительстве церкви.

Деньги на строительство храма община челябинских католиков получала из Германии и других западных стран. Для пожертвований на строительство храма был открыт расчетный счет в Metallургическом филиале Челиндбанка.

С наступлением первых весенних дней строительство возобновилось. Уже 1 марта 1994 года был заключен договор с генподрядчиком – фирмой «Зиновьев и К» – на установку железобетонной монолитной плиты под здание храма, возведение наружных стен и покрытие цоколя железобетонными плитами.

9 мая 1995 года с участием епископа Иосифа Верта, отца Вильгельма Палеша и других в восточной части стены башни храма на отметке ниже оконных проемов первого этажа была заложена капсула с текстом, рассказывающим будущим потомкам о строителях храма. Тогда же и состоялась закладка краеугольного камня.

В декабре 1995 года, накануне Рождества, в «Челябинском рабочем» было опубликовано: «Многие челябинцы, особенно жители Металлургического района, заметили быстрорастущее здание рядом с бывшим кинотеатром «Союз». Это – будущий католический храм».

Первоначально, планировалось открыть храм уже в 1997 году. В газете «Вечерний Челябинск» от 4 сентября 1997 года на вопрос корреспондента, «Когда планируется открытие храма?» отец Вильгельм отвечает: «Мы планируем открыть его 13 октября 1997 года и надеемся выдержать этот срок, несмотря на множество препятствий. Нас очень задержало то, что с опозданием привезли материалы, очень медленно работает таможня»

Храм достроили на год позже, чем было запланировано. 15 августа 1998 года община переехала из молитвенного дома в новый храм, хотя для богослужений можно было использовать только часовню в башне. В мае 1999 года отец Райнгард привез из Германии челябинским католикам – электронный орган. В праздник Пятидесятницы инструмент освятили.

Паломничество Фатимской Божьей Матери и мощей святой Терезы

В 1997 году состоялось паломничество Фатимской Божьей Матери, которая пробыла в Челябинске несколько дней. В сильный мороз процессия сопровождала статую Марии на строительство новой церкви.

В апреле 1999 года в приходе пребывали мощи святой Терезы Младенца Иисуса. Паломничество саркофага с мощами совершалось в честь 2000-летия Христианства. Мощи сопровождали сестры-кармелитки из монастыря Лизье. В местных газетах писали: «Саркофаг с мощами святой Терезы из монастыря кармелиток на севере Франции совершает паломничество по городам России». Мощи прибыли в Челябинск из Оренбурга и были выставлены в Римско-католической церкви. Мощи пробыли в Челябинске всего два дня. За это время сотни челябинцев побывали в храме, «чтобы прикоснуться к чуду». Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица всю жизнь провела в монастыре и умерла в 24 года. Всю свою жизнь она помогала духовному преображению людей, помогала обрести свой путь к Богу. Она умерла в 1897 году, а «мощи Святой Терезы продолжали совершать чудеса духовного и физического исцеления».

«Днем и ночью шли к саркофагу святой челябинцы, при чем не только католики. Православные, мусульмане, вовсе не верующие люди приезжали в церковь, чтобы обрести надежду». Из России саркофаг отправился дальше, в Казахстан.

Освящение церкви

15 августа 1999 года, в праздник Успения Богородицы, новый храм освятили. «Празд-

ник начался традиционно – с символического вручения ключа. Роман Кайзер, директор «УКС ЧМС», генерального подрядчика, который все эти годы курировал строительство, и глава немецкой диаспоры района, вручили ключ от храма его настоятелю Вильгельму Палешу». Отец Вильгельм и приехавший из Новосибирска глава курии Апостольской администрации Азиатской части России епископ Иосиф Верт провели литургию освящения храма. Служба велась на русском и немецком языках.

Торжество освящения проходило при участии католических священников, паломников из многих городов России и из-за рубежа, представителей СМИ и членов католической общины. В газете «Челябинский рабочий» на первой полосе было опубликовано: «В традициях доброго сосуществования в нашей области различных конфессий в знаменательном для челябинских католиков событии приняли участие представители других религиозных общин, в том числе православной и мусульманской. Особое слово благодарности прозвучало на празднике в адрес строителей храма, а также областной, городской и районной администраций, чье содействие на разных этапах строительства помогло его успешному завершению».

Рабочие чертежи храма разрабатывал архитектор «Челябинскгражданпроекта» Алексей Геннадиевич Буров. Наиболее значительные работы на строительстве проделаны управлением капитального строительства «Челябметаллургстроя», фирмой «Стройтекс» и «Востокметаллургмонтажом».

При освящении храма в алтарь была замурована частичка мощей святого Николая из Флюе. Благодаря «случайной встрече» отца Луциана Германа, служившего в Челябинске, с отцом Иосифом Эберли, настоятелем церкви в Саксельне, где похоронен святой Николаи, частичка мощей святого была передана в Челябинск.

Церковь Непорочного зачатия Девы Марии и ее достопримечательности

Архитектор храма Франц Везингер вложил в проект храма идею церкви как семьи Божьей. Особенность храма в том, что алтарь храма находится посередине, в центре основного зала, а не в восточной части храма, как обычно. Это подчеркивает то, что во время воскресной мессы прихожане и священники сидят по кругу, вокруг алтаря, который символизирует Христа. Все внимание, таким образом, обращено на алтарь.

В храме есть помещения для собраний, учебных занятий, жилые и офисные помещения. Общая площадь церкви составляет 680 квадратных метров¹⁰. В большом зале на 350 мест имеются орган, дубовые скамьи, отделанные каслинским литьем. Скамьи аналогичны скамьям Кельнского собора в Германии. Перегородка между большим залом и часовней сделана в виде иконостаса, иконы для которого выполнены в Палехе.

Шестиконечный алтарь, купель и кафедру из коелгинского мрамора выполнил Усатов Е.Н. Его авторству также принадлежит скульптура распятия, выполненная в смешанной технике (дерево, гипс, металл). Икона «Архангел Михаил», расположенная над исповедальней написана Усатовым, Б.К. Винокуровым, А.И. Шведовым. Иконы «Евангелист Марк», «Евангелист Иоанн», панно изображающее Деву Марию, икону «Святого Николая из Флюе», а также иконы «Святого Иосифа» и «Милосердного сердца Иисуса» освященные в 2007 году, выполнила прихожанка Мария Аккуратнова.

Скульптурные композиции яслей и крестного пути, в том числе распятого Христа, Девы Марии, апостола Иоанна находящиеся в церкви выполнил художник из австрийского города Вены Винценс Шрайнер.

Многое из церковной утвари, имеющейся в храме, имеет свою историю. Старые книги, иконы, статуэтки, колокола, – все это было бережено многими десятилетиями верующими людьми, иногда под угрозой смерти, и тем или иным образом оказалось в католической церкви Челябинска.

Скульптура Святого семейства

Одна из достопримечательностей Римско-католической церкви Челябинска – скульптура Святого семейства, история которой весьма необычна

Иоанн Павел II стремился добиться расширения религиозных свобод в Советском Союзе и в конце 80-х годах направил усиленное внимание на установление дипломатических отношений с Москвой. В 1988 году на празднование тысячелетия крещения Руси в СССР была отправлена религиозная делегация из Рима, которой было поручено передать письмо и устное послание Папы Михаилу Горбачеву. Через несколько месяцев был получен ответ, в котором Михаил Сергеевич изъявил желание встретиться с Папой. 30 ноября генеральный секретарь ЦК КПСС и его жена прибыли в Рим. В ходе беседы двух глав государств были установлены дипломатические отношения. Михаил Сергеевич согласился установить полную религиозную свободу на территории СССР. Римско-католическая церковь могла теперь работать в Советском Союзе открыто.

В ходе одной из этих встреч конца 80-х – начала 90-х годов Папа Римский подарил семье Михаила Горбачева скульптуру Святого Семейства. Михаил Сергеевич передал этот подарок Немецкому культурному центру, который в особые торжественные случаи, предоставляет скульптуру Римско-католической церкви. Сегодня удивительную скульптуру можно воочию увидеть в церкви в период Рождественских праздников.

Икона Иисуса

Икона Спасителя Иисуса Христа, украшающая сегодня дарохранительницу была подарена

отцу Вильгельму кардиналом Майснером еще до переселения отца Вильгельма в Челябинск. Отец Вильгельм и кардинал Майснер связаны старой дружбой. Когда-то они служили в одной общине в городе Мюльхаузене (Тюрингия).

В период строительства церкви икона находилась в квартире отца Вильгельма, а с завершением строительства новой церкви украсила дарохранительницу в часовне.

Колокола Штарнберга

По воскресеньям и праздничным дням прихожан церкви созывает на службу звон немецких колоколов. Вес колоколов составляет: 3, 4 и 5 тонн. Самый большой колокол в диаметре составляет около двух метров. На нем надпись: «Я звоню в честь Девы Марии». На двух других колоколах написано: «Я звоню за мир» и «Я звоню за усопших и скорбящих».

Эти колокола были подарены церковной католической общиной Штарнберга (Бавария). Бронзовые колокола этой церкви во время войны были переплавлены на снаряды. После войны, в 1949 году новые колокола для церкви было решено отлить из чугуна, так как на бронзовые не хватило денег. Они прослужили полвека, пока их не заменили на бронзовые.

Архитектор Франц Везингер бесплатно получил эти колокола из Штарнберга и предложил поместить их в новой церкви Челябинска.

Колокола проделали долгий путь, добираясь до Челябинска. Вначале их везли на грузовике, а затем, достигнув берегов Балтики, переправили паромом. На таможне колокола не захотели приравнять к гуманитарной или технической помощи и предложили заплатить пошлину. Благополучно прибыв в Челябинск колокола почистили и выкрасили бронзовой краской.

Долгое время колокола были подвешены рядом с церковью на каркасе из труб, а 10 апреля 2000 года были возведены на колокольню и, вскоре, над улицами Metallургического района впервые зазвучали голоса немецких колоколов.

Механизмы звона колоколов не такие как в России и как выполнить такое устройство местные строители не представляли. Челябинский инженер Владимир Бреган изготовил механизмы звона по чертежам колокола «Славный», установленного в Эрфурте (Германия).

Мемориальный комплекс трудармейцам

18 сентября 2004 года, в один из выходных дней, на территории церкви был открыт мемориальный комплекс трудармейцам. Во время Великой Отечественной войны на этом месте располагался лагерь трудармии № 3.

Инициаторы возведения памятника – Римско-католическая церковь и челябинская общественная организация «Немецкий культурный центр».

Композиция мемориального комплекса тру-

дармейцам – это плод усилий многих людей. Авторы из Челябинска, Каслей, Екатеринбурга предлагали свое видение. В конце концов, был выбран проект Винченца Шрайнера – статуя Спасителя.

Памятник состоит из алтаря, кольца из колючей проволоки и скульптуры Иисуса. Общая высота композиции – 7,5 метра, высота статуи Христа – 3 метра с постаментом – 4 метра, вес статуи – 3 тонны. Размер площадки перед статуей – 12x13,5 метра, на нее ушло около 50 кубометров бетона. Фигура Христа выполнена из чугуна и покрыта специальными полимерными устойчивыми красителями в белый цвет.

Кольцо из колючей проволоки символизирует терновый венец, которым «короновали» Иисуса. Он был изготовлен на заводе Теплоприбор и составляет в диаметре пять метров.

Под алтарем была перезахоронена часть останков Неизвестного Трудармейца.

Макет скульптуры Христа лепил приглашенный из Австрии скульптор Винченс Шрайнер. Из скульптурной глины он вылепил миниатюрную скульптуру Иисуса Христа, а челябинский скульптор Александр Волков увеличил фигуру до трех метров, изготовив модель для отливки.

Осенью 2003 года фигуру повезли в Касли на завод художественного литья, но там изготавливали только мелкое литье и не было форм подходящего размера. Выход был найден: фигура Иисуса была разделена на 25 фрагментов и отлита по частям, а потом соединена сваркой и расчеканена для придания скульптуре вид цельного литья.

Книги

Благодаря самоотверженным людям удалось спасти некоторые старые религиозные книги. Во времена сталинских репрессий многие немцы претерпевали депортацию, высылку, подвергались всяческим гонениям. И молитвенник стал для многих людей единственным, что соединяло их с церковью, что помогало им сохранить веру и в самые тяжелые минуты уповать на Бога. Верующие собирались вместе в домах и бараках, чтобы молиться. Многие из них потом уехали в Германию, а молитвенники отдали католической общине. Эти книги, «Menergebethbuch» (Молитвенник для мужчин), 1896, «Der grosse Myrrhengarten des bitteren Leidens», 1891, и многие другие теперь хранятся в церкви Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в Metallургическом районе.

Жизнь общины католиков сегодня

Сегодня верующие католики, число которых с каждым годом возрастает, имеют возможность в любой день недели посещать церковь, молиться, приобрести христианскую литературу. Каждую пятницу здесь проходят уроки веры. Каждый желающий, независимо от своего

вероисповедания, может стать слушателем уникального духовного курса, больше узнать о Боге, о вере, о спасении души. Для детей верующих также есть воскресная школа, а для детей из неблагополучных и малоимущих семей Metallургического района действует Детский клуб, где опытные педагоги занимаются с ребятами, вместе проводят досуг.

Челябинские священники и сестры также служат мессы в деревнях и поселках области, где существуют небольшие общины верующих католиков. Небольшие общины есть в Златоусте, Миассе, Коркино, в деревнях Шишминка и Барсучье Октябрьского района, в поселке Роза.

В церкви активно работает отделение международной благотворительной организации «Каритас», работники которой посещают больницы с самодеятельными спектаклями, ежедневно раздают бесплатные обеды для бездомных, распределяют гуманитарную помощь (одежду, обувь и т.д.) среди нуждающихся семей и социальных учреждений города.

Отец Вильгельм Палеш

Вильгельм Палеш родился 27 февраля 1932 года, в деревне Цехе в Чехословакии, в семье Франца и Августы Палеш. Он был шестым из десяти родившихся в семье детей. В деревне Цехе преимущественно проживали немцы. Здесь Вильгельм провел свое детство, пошел в школу, подрастая стал помогать родителям. В его обязанности также входило пасти скот. Когда ему было одиннадцать лет, он стал мнистрантом и помогал священникам служить мессы. Однажды он сопровождал священника в соседнюю деревню, где также проводили службы. По дороге пастор обратился к юному попутчику с просьбой пасти скот для церкви, и прежде спросив разрешение у матери Вильгельма забрал мальчика к себе.

В деревне было общее пастбище, где деревенские мальчишки вместе пасти скот, но церковь имела отдельное пастбище и Вильгельму приходилось справляться со всем одному. «Мне было скучно. Я не с кем не мог разговаривать и общаться» – рассказывает отец Вильгельм. Мать священника, увидев скучающего пастушка, дала ему Розарий и учила читать молитвы. Проводя весь день на поле, Вильгельм молился. «Один раз во время молитвы я почувствовал, что мое призвание от Бога быть священником» – говорит отец Вильгельм. Однако образование в гимназии было не бесплатным, а в многодетной семье не было таких денег. «Я подумал, – рассказывает отец Вильгельм, если Бог хочет, чтобы я стал священником, то найдет такой путь».

15 марта 1939 года Германия захватила Чехословакию, а 1 сентября началась Вторая мировая война. 1 декабря 1944 года всех детей деревни эвакуировали в Германию, среди которых также был и Вильгельм. В январе эвакуация коснулась и остальных жителей деревни. Долгое время они находились в лагере, которые расформировали после окончания

войны. Одна женщина, бывшая в лагере решила отправиться обратно в Словакию. Она собрала несколько ребят, среди которых был Вильгельм Палеш и они отправились домой. Иногда ехали на поезде, иногда шли пешком. В одном из вокзалов Вильгельм встретил свою сестру. Она также с группой эвакуированных возвращалась домой. Вернувшись домой, они встретили отца. Однако в октябре 1946 года всех жителей деревни вновь поместили в вагоны и выслали в Германию.

Прибыв в Германию, семья начала поиски матери, которая была выслана в область Тюрингии. В 1947 году вся многочисленная семья вновь была вместе. Несмотря на плохие условия, «мы чувствовали себя как на небе» – вспоминает отец Вильгельм.

Спустя некоторое время в семье возник вопрос, чем заняться, какой профессии посвятить свою жизнь Вильгельму. Ему уже было 14 лет и предстояло сделать выбор, относительно своей будущей специальности.

Родители решили, что для начала нужно еще закончить школу. Еще в школе каждый день давали бесплатное питание – бутерброды, поэтому вопрос был решен в пользу школы.

«Тогда я уже не думал, что моя мечта стать священником сбудется, – рассказывает отец Вильгельм, я решил, что после окончания школы буду столяром». Однако таланты и незаурядные способности Вильгельма Палеша были замечены его учительницей, которая сказала: «Ты не будешь столяром, а пойдешь учиться дальше в гимназию».

В то время в ГДР прошла школьная реформа, и обучение стало бесплатным. В 1948 году отец Вильгельм начал учиться в гимназии. Он попал он в математический класс, а в параллельном учили гуманитарные предметы. Огромное стремление и желание добиться цели – стать священником побудили его попросить директора перевести его в параллельный класс. Директор согласился. Теперь Вильгельм стал очень близок к своей мечте.

В 1952 году Вильгельм Палеш сдал экзамены на аттестат зрелости. Однако в ГДР не было ни одной семинарии, а ехать в ФРГ было затруднительно. «Я опять получил знак с неба, – говорит отец Вильгельм, – епископы открыли в Эрфурте новую семинарию». Таким образом, Вильгельм Палеш поступил на первый курс новой семинарии. С 1952 по 1957 год он учил богословие и в декабре 1957 года в городе Эрфурте (Тюрингия) был рукоположен в священники. «В день моего рукоположения шел дождь» – вспоминает отец Вильгельм – было пасмурно». Несмотря на это в сердце отца Вильгельма было ясно и светло от радостных минут осуществления его мечты, к которой он стремился большую часть своей жизни. Это было началом нового жизненного этапа для отца Вильгельма, началом священнического пути.

Первой работой отца Вильгельма стала служба викарием в городе Айзенахе (Eisenach), расположенном неподалеку от Эрфурта в церк-

ви Святой Елены. Отец также служил в Готе, Мюльхаузене, Заалфельде, Зондерсхаузене.

Когда отец Вильгельм учился последний год в семинарии, он много думал о России. Тогда у него возникло большое желание проповедовать и служить в России. В 1981 году отец впервые посетил СССР как турист. Долго он искал контакты с общинами, просил членов общин присылать приглашения, чтобы как можно чаще посещать верующих. В начале 1990-х годы он посещает Душанбе, где встречает отца Иосифа Свидницкого, который рекомендует ему поехать в Челябинск. В июле 1990 года отец Вильгельм впервые посещает Челябинск. Верующие просят отца остаться служить в городе, и 12 октября 1992 года отец Вильгельм получает вид на жительство и остается служить в Челябинске

Прежде чем приехать в Россию, в жизни отца Вильгельма прошла огромная череда событий и происшествий, радостей и огорчений, но всегда его отличало стремление к своей цели, неотступность от своего пути, предначертанного ему Богом. Сегодня отец Вильгельм – пример для подражания нынешней молодежи, достойный авторитет, советы которого помогают подрастающему поколению найти свой путь в жизни.

Многие люди, благодаря отцу Вильгельму обрели веру в Бога, скорбящие обрели утешение, опечаленные – радость, отчаявшиеся – надежду, потерявшие в беспорядке будничных забот обрели покой и мир в душе.

Отец Райнгард Франитца

Отец Райнгард родился 7 августа 1939 года в городе Берлине. Он был четвертым ребенком из шести детей.

Семья жила очень скромно. Отец Райнгард вспоминает: «Мы сэкономили во всем, покупали самые скромные вещи и питание. Жили скромно, но не бедно. Через некоторое время, когда мне уже было 18 лет, отец стал зарабатывать достаточные деньги, и мы стали думать, как купить самую скромную машину. Родители даже стали строить дом. Конечно, это было не так просто: заплатить за кредит и стройматериалы».

Отец Райнгард рано приобщился к труду и с юношеских лет стремился сам зарабатывать деньги. Несколько лет он занимался репетиторством с более младшими ребятами – учил их английскому и французскому языкам. В возрасте шестнадцати лет подрабатывал на стройке во время каникул. Заработанные деньги он платил за обучение. «В юношестве я занимался спортом – плаванием, поэтому с удовольствием выполнял физическую работу» – говорит отец Райнгард. «У меня не возникало мысли, что человек, призванный стать священником не должен выполнять физическую работу. Наоборот, человек, который имеет желание быть священнослужителем должен иметь опыт физического труда и общения с простыми людьми, выполняющими сложную

физическую работу».

Некоторое время семья Франитцы жила на севере Германии. Основным контингентом населения там были люди неверующие или лютеране. Католики, по словам отца Райнгарда, составляли только 15% населения. В классе, в котором учился отец Райнгард, было всего два ученика, исповедовавших католическую веру. Отец Райнгард рассказывает: «Мне нужно было хорошо знать свою религию, чтобы защищать свою веру. Мне задавали большое количество вопросов, и мне приходилось много аргументировать и приводить доводы в защиту своего вероисповедания, чтобы противостоять неверующим, постоянно подшучивающим над религией. Я часто размышлял, во что я верую и почему, и стал больше интересоваться религией, Библией. Я стал хорошо разбираться в религии и одноклассники больше не стали подшучивать над верой. Тогда мне было 12 лет».

По прошествии некоторого времени, отец Райнгард вступил в группу церковной молодежи и вскоре стал в ней одним из лидеров. «Священники очень заботились о нас, с любовью относились к каждому члену общины и для нас это было очень важно. – рассказывает отец Райнгард. – Они произвели тогда на меня большое впечатление.

Возможно, это была самая главная причина, из-за которой у меня возникло большое желание посвятить свою жизнь священству. В то время было очень много священников: в нашей общине было три викария. Все они между собой жили очень дружно. Я думал: «Как они могут так дружно жить? Видно, вера дает такую теплую дружбу, такую же сильную как в семье». Для меня это было значимым открытием. Для меня очень важно то, что вера дает теплоту и духовную близость».

Родители отца Райнгарда всегда заботились сохранить в семье единство и сплоченность. «Мои родители очень старались, особенно отец, чтобы соединить всех членов семьи и, по возможности, постоянно быть вместе, – рассказывает отец Райнгард. – По воскресеньям, мы обязательно посещали церковь и после этого вместе проводили досуг: гуляли в парке, вечером играли в игры. Это было для традицией. По воскресеньям все было торжественно: мы надевали самые лучшие наряды, мать старалась испечь вкусный пирог».

Когда Райнгарду Франитце было 16 лет, все чаще он стал размышлять о том, чтобы стать священником: «Я много думал о призвании священства, но всегда боялся, что я не достоин. Потом, когда мне исполнилось 18, я уже постепенно потерял этот страх. Я думал: “Бог все знает и если ему угодно, чтобы я стал священником, то покажет мне. Не стоит ломать себе голову” Конечно, никто не достоин».

Вначале отец Райнгард решил стать монахом и год прослужил в ордена доминиканцев, но после понял, что это не его путь и поступил в семинарию. В 1966 году, за месяц до того,

когда ему исполнится 27 лет, он был рукоположен в священники.

Отец Райнгард служил викарием во многих городах Германии. Часто отца Райнгарда посылали служить в те места, где существовали какие-нибудь проблемы, для того, чтобы их уладить. Отец Райнгард рассказывает: «Мне было очень интересно и полезно служить в разных епархиях. Я познакомился там со многими людьми. До сих пор я поддерживаю с ними хорошие отношения. Когда я начал служить в России, многие оказали мне финансовую помощь. Мое богатство – это эти люди, с которыми я познакомился и дружил на протяжении всей своей жизни. Слава Богу их у меня очень много».

Всю свою жизнь отец Райнгард хотел служить в Южной Америке. После 25 лет служения епископ дал позволение отцу служить за рубежом. Появилась возможность служить в Южной Америке, и отец Райнгард уже готов был отправиться в путь.

В это же время границы в Германии открылись и отцу Райнгарду удалось встретиться со многими знакомыми из восточной Германии. Отец Вильгельм Палеш, случайно приехавший в Гамбург, спросил у отца Райнгарда: «Я сейчас служу в России, а ты не хотел бы тоже туда?». «Нет, я хочу служить в Южной Америке» – возразил вначале отец Райнгард, но через некоторое время передумал. В конце концов, вместе с отцом Вильгельмом они приехали в Челябинск. «Когда я очутился здесь, я понял, что это моя Южная Америка!» – говорит отец Райнгард.

Винценс Шрайнер

Известный в Европе австрийский художник-скульптор Винценс Шрайнер не мало потрудился, вылепив серию скульптур для Римско-католической церкви.

Настоятель нашего храма Вильгельм Палеш познакомился с художником на одной из его персональных выставок. В художественном музее в Зальцбурге отец Вильгельм увидел скульптурную композицию библейских яслей. «Нам бы такие ясли в церковь» – сказал отец Вильгельм своему попутчику. Случайно услышав их разговор, Винценс сразу предложил им вылепить ясли для церкви в Челябинске. Таким образом, художник оказался в Челябинске. Когда он впервые приехал в наш город, в 1998 году, чтобы вылепить скульптуры ему уже шел седьмой десяток лет. На куполе храма, под самым небом, для него была размещена мастерская, где по несколько месяцев художник трудился над скульптурами.

К числу работ выполненных Винценсом относятся: скульптура Иисуса Христа для мемориального комплекса трудармейцам, крестный ход, скульптурные композиции распятого Христа, Девы Марии, апостола Иоанна.

Винценс – девятый ребенок в семье, самый младший. Окончил педагогический институт. Сорок лет преподавал в школе изобразительное искусство и немецкий язык.

Хотел стать монахом школьного ордена, но таким образом он лишил бы заботы своей мамы, и от этой мечты пришлось отказаться.

Винценс всю жизнь трудиться во благо других. За выполненную работу он не берет денег, а если все же и продает картины и скульптуры, то вырученные деньги тратит на

благотворительность. В одном из интервью, напечатанном в газете «Вечерний Челябинск» 14 августа 2002 Винценс говорит: «Бог дал мне такой подарок, что я стал художником и скульптором, и я хочу возвращать его другим, не думая о финансах».

Александр Нахтигаль

ПАТЕР ИОСИФ

(Восстановление католической общины в Челябинске)

Будни священника

Под «колпаком»

Свобода совести. Мы долгое время провозглашали ее, одновременно превращая верующих во второсортных граждан нашей страны. Теперь мы можем узнать, как они жили, что их сейчас волнует. Естественно, трудней пришлось тем, кто определил служение Богу своей жизненной судьбой. Что же думают священнослужители о своем недавнем прошлом? Как оценивают нашу сегодняшнюю жизнь?

Для этого я решил встретиться с патером челябинской общины римско-католической церкви. Ее молельный дом находится в Першино, члены общины под него перестроили обычный частный дом. Патер Иосиф живет в Фергане, но обслуживает и наших верующих католиков.

По-моему, даже по внешнему виду, он классический священник: небольшого роста, лысоватый, правильные округлые черты лица, добрые, любознательные глаза. И весь он какой-то ненавязчивый. Его невозможно представить кричащим, возбужденным. Мягкий голос и манера говорить буквально заставляет тебя его слушать и даже, когда с чем-то не согласен, становится неудобно ему возражать. О таких священниках говорят - проповедник с искрой Божьей.

Но разговор мы начали с забот вполне земных. Я его спросил:

- Что изменилось с начала перестройки в жизни служителей церкви?

Патер Иосиф, не спеша, начал свой рассказ:

- Раньше каждую неделю мне приходилось давать объяснения в облисполкоме. И не важно где я служил: это было и в Душанбе, и на Украине. Подход к нам был один и вопрос передо мной ставили тоже один: почему в церковь приходят дети и молодежь? Во время службы всегда среди верующих находился контролер. Он слушал проповедь, если ему что-то не нравилось, составлял акт. Значит, жди вызова к уполномоченному по делам религии при облисполкоме. Теперь же, последние два года, я этих контролеров уже не вижу.

Сейчас я могу спокойно встречаться с мо-

лодежью. Раньше это было криминалом. Как только тебя застигнут во время такой встречи, а органы власти всегда знают, чем я занимаюсь и где бываю, то тут как тут статья 190 прим УК «Распространение заведомо ложных измышлений на общественный и государственный строй». В чем это выражается?

Здесь большой простор для фантазии. Могли сказать. Что я агитирую не вступать в комсомол или в пионеры. Когда я требовал факты, мне говорили, раз учишь религии, значить агитируешь. Этого сейчас тоже нет.

Теперь я свободно приезжаю в Челябинск. А ведь было и так. Два года назад я ехал из Москвы и остановился в Челябинске, чтобы обслужить верующих, и позвонил в облисполком уполномоченному по делам религии. Я поступил честно, потому что мог и не позвонить, отслужить и уехать. Спрашиваю: «Разрешите провести службу?» Он мне в ответ: «Нет, нельзя. Откуда приехал, туда быстрее и уезжай». Сейчас, пожалуйста, приезжай, служи, и нет никаких проблем.

Я думаю, что представителям власти это дается нелегко, ведь десятилетиями они зарабатывали авторитет, премии получали за притеснение верующих. Если бы мне сказали, что в нашей стране за 2 года произойдут такие большие изменения, я бы в это не поверил. Потому что мне приходилось встречаться с партийными работниками от центра до периферии. Как они смотрели на нас священнослужителей? Я был для них как подопытное животное. Главное этого чувства они не могли скрыть. Ведь у них есть научное мировоззрение, его им предоставил марксизм, а тут какой-то из каменного века.

Сколько мне приходилось ходить по инстанциям, когда требовался, к примеру, стройматериал для новой церкви. Мне спокойно, по-деловому разговаривали и вдруг они узнавали, что я священник. Вы знаете, как все автоматически менялось, предо мной возникал всего лишь партийный работник. В лучшем случае из 10 двое были нормальными руководителями.

Я считаю, что это очень и очень плохо, потому что наша система учила человечно-

сти. Но учила догматично: они заучили, что у них научное мировоззрение, а у тебя - его нет. Достаточно сказать, что ты верующий и уже становишься человеком 2 сорта. Сейчас с трудом, хочу подчеркнуть, с трудом с партийными и комсомольскими работниками мы говорим как равные партнеры. Я вижу им трудно, но они перестраиваются, и мы находим общий язык. Только надо было это давно сделать, а не ждать пока об этом заявил М.С. Горбачев.

Простое дело – сестра в тюрьму

- А приходилось ли вам на себе почувствовать действия статей уголовного кодекса? – спрашиваю патера Иосифа.

- Да и такое было. Меня осудили по статье 190 прим и 227 УК РСФСР «Создание подпольной религиозной группы из числа верующих». Первая статья – 3 года лишения свободы, вторая – 5 лет с полной конфискацией имущества. Фактически мой путь к осуждению начался с первого моего прихода в Житомире, далее за мной следили в Душанбе, и вот мне пришлось уехать в Новосибирск. Там приход занимал ветхий, полуразвалившийся дом. Пришлось стать снабженцем, начали свозить для строительства необходимые материалы. И тут многие мои знакомые стали говорить, что их вызывают в органы госбезопасности и спрашивают о том, что я говорю и чем занимаюсь. Чувствую, меня хотят обвинить в антисоветской деятельности. В то время это нетрудно было сделать.

Тогда в 1984 году в наш адрес хлынул поток обвинений. Еще раньше мне пришлось столкнуться с органами госбезопасности. Я был знаком с бывшим сотрудником газеты «Известия», который из активного коммуниста превратился в активного верующего. Меня вызвали и предупредили, если не порвешь с ним всякие контакты, будет плохо. Его потом арестовали, а у меня был только обыск.

Теперь я знал, что меня арестуют. Тогда ко мне приходил лектор из общества «Знания», он интересовался католицизмом. И у меня была брошюра «Явление Фатимской Божьей матери». Есть такая деревня под Мадридом, где, по преданию, в 1917 с 13 мая по 13 октября Богородица являлась каждый месяц трем детям. И в брошюре писали, что пресвятая Богородица учила детей молиться за Россию, и предсказывала в стране преследование за веру.

Я дал лектору прочитать эту брошюру. И мне потом инкриминировали «распространение клеветы на советский или общественный

строй». На допросе мне задали прямой вопрос: «Сегодня есть преследования?» Я говорю: «Нет, но они были. Здесь же не пишется, что они есть. Но о том, что они были, говорят разрушенные храмы, и то, что католики в Томске 29 лет не могут зарегистрировать свою общину, в Новосибирске просят регистрации 17 лет. Хотя по законодательству местные органы власти обязаны это сделать в течение 30 дней.

Но эти аргументы не подействовали. Были представлены два свидетеля, которые сказали, будто я агитировал молодежь не вступать в комсомол и в партию. Я требовал назвать статью УК, где за агитацию против вступления в партию могут дать три года тюрьмы. Но ведь было известно, что в Душанбе я собирал молодежь раз в неделю на молитву. И тут уже можно подобрать статью для обвинения. Еще два уполномоченных показали, что на одной из проповедей я заявил: «Верующие преследуются у нас в уголовном порядке». Это ложь. В то время я был очень осторожен в словах. Но везде в деле фигурировало главное – привлечение молодежи. Мне присудили три года лишения свободы общего режима, и просидел я 2 года 4 месяца.

В 1987 году в зону приехала комиссия, и меня стали вызывать. То просят написать, что я раскаиваюсь, и предлагали это опубликовать в газете. То просят, чтобы я написал письмо сестре, в котором подчеркнул, что не нуждаюсь в поддержке за границы. Я сказал: «Эту поддержку я не ощущаю». Тогда мне показали папку с письмами, где протестовали против моего заключения. Вот напиши, что ты в этом не нуждаешься, говорят мне, и тебе сократят срок. Я ответил так: «Лучше отсижу спокойно, но зато потом никто меня не упрекнет в минутной слабости». Потом мене намекнули, что скоро освободят. В это я не верил.

Но через некоторое время из тюрьмы было освобождено 150 священнослужителей. Я оказался в их числе. Когда спросил, с чем это связано, мне ответили: «Перестойка». Но корни она пустила неглубокие. После освобождения я приехал в Челябинск. Меня позвали верующие. А в облисполкоме же сказали, что не могут разрешить мне здесь служить – судимость мешает.

В Новосибирске я сказал, что пойду напролом и буду служить как священник. Меня предупредили – опять арестуем. Пришлось заявить: «Если не прекратите давление вернусь в зону. Или свобода, или тюрьма». Тут пришло приглашение из Ферганы и там меня приняли, а челябинских католиков я продолжаю обслуживать.

Дорога к призванию

Поиск пути к истине

Мы знаем, что и сейчас еще человеку приходится пройти через большие трудности, если его мировоззрение не совпадает с официально принятой. Выстоять удастся только самым

сильным. И могу с уверенностью сказать, что патер Иосиф или в миру Иосиф Антонович Свидницкий именно к таким и относится.

Иосиф Свидницкий родился в рабочей семье в Винницкой области, в городе Жмеринка. Из-

за болезни матери после окончания школы не мог доучиться в институте, ни дослужиться в армии. Но уже тогда он почувствовал, что ему судьба уготовила один путь – он должен быть священником. С 1962 года Иосиф пытается поступить на дневное отделение семинарии, но это ему не удалось. Пришлось учиться заочно. В 1967 году учеба в семинарии была окончена и, чтобы Иосиф Свидницкий мог служить, его надо было посвятить.

С матерью они жили в Риге и сделать это мог только епископ, а ныне кардинал Винцентий Сладкявичус. С 1958 года он был в ссылке и жил в глухой деревне на границе Латвии и Литвы. «Через знакомого священника я спросил священника, не смог ли он меня посвятить. Пока это можно было сделать негласно, - рассказывал Патер Иосиф.

В 1974 году требовалось принять окончательное решение: будет ли Иосиф священником или нет, и он решил, что будет. Тогда ректор семинарии с согласия епископа посылает молодого пастыря в Житомир в его первый приход. Это был непростой шаг, ведь тогда Свидницкий учился еще и заочно в Ленинграде в институте железнодорожного транспорта на 4 курсе. Когда Иосиф стал хлопотать о продолжении учебы в Киеве, естественно, все изменения в его жизни стали известны.

Ответные действия не отличались особой оригинальностью: его дипломатично отчислили. На зимнюю сессию Иосиф не поехал – заболел и все время пролежал в больницы. Ректор сказал, что нечего беспокоиться. А когда приехал в институт, то появился приказ о его отчислении. Объяснения ректора были витиеваты, а потом он сказал: «Мы вас отчислили, чтобы вы собрались с мыслями». Тогда Иосифу стало все ясно. И он уехал в Житомир, где стал служить помощником настоятеля кафедрального собора.

Прослужил один год и власти предложили ему уехать. Почему? В собор стало приходиться много молодежи.

- Во время проповеди я очень часто цитировал произведения советских поэтов, - объяснял Иосиф Антонович, - К примеру, Евтушенко:

*И ты хотя б однажды в мире,
Когда он спит или кипит,
Остановись, как лошадь в мыле,
Полчуяв пропасть у копыт,
Остановись, забывший бога*

И далее:

*Подняв глаза с молитвой ввысь
Среди распада и разврата
Остановись, остановись*

Часто цитировал материалы журнала «Огонек». Публика была в восторге, сразу после проповеди многие шли в библиотеки, ведь я указывал книги, в которых они могли все это прочитать

Патера стали вызывать в горисполком, он вынужден был писать объяснительные. Главный упрек, который ему предъявляли, пытается поддержать религию ошибками советской

действительности, а это уже можно трансформировать в антисоветизм. Пришлось ему дать обещание больше не цитировать произведения литературы.

- Хотя, конечно же, делал это не случайно, - говорит Иосиф Антонович, - через гоголя, Достоевского старался показать это богоискательство из русской классической литературы переходит в советскую.

Кончилось тем, по выражению патера Иосифа, что он не стал вести такую бурную деятельность. А она заключалась вот в чем. После службы патер просил всех у кого есть вопросы остаться поговорить. Тут ему как раз пригодились инженерное образование институтское и гуманитарное семинарии. С этого патер Иосиф и начинал. К примеру, что сделал Юнг в теоретической механике, высшей математике, а это уже платформа для разговора. Потом приоткрывал духовный мир ученого, ведь он не просто верующий, но еще и активный католик. Слушатели были в шоке. Часами длились такие встречи после проповеди.

- Они удивлялись, как много от них скрывали, - говорил Иосиф Антонович, - Я не разжигал ненависть к атеизму, нет, потому что и сам был на грани сомнений, когда мне было 19-20 лет, когда поступал в институт

Вера – потребность души

Естественно, приход возрождался. Но для патера Иосифа это обернулось тем, что ему заявили: или он уедет, или на него заведут уголовное дело. Так в 1976 году он оказался в Душанбе, где в ноябре зарегистрировали католический приход. Здесь осел патер Иосиф до 1982 года.

- Почему люди приходили именно к вам: они верят или у них другие мотивы? – спросил я священника.

- На этот вопрос я отвечу, рассказав один случай, - ответил патер Иосиф, - Как -то в Душанбе во время службы недалеко от алтаря я заметил весьма приятную даму. После проповеди она подошла ко мне и попросила, чтобы я ее окрестил. Естественно, заинтересовался ее жизнью. Оказалось, она работает преподавателем истории КПСС и научного коммунизма. Ее заявление я серьезно не принял, сказал, мол, сегодня воскресенье, приходите завтра, с удовольствием поговорю с вами.

Она пришла. Я предупредил, для того чтобы окреститься, надо знать наизусть некоторые тексты. Дал ей очень большое задание, думал не выучит, не хотел я ее крестить. Не верил в ее искренность. Но женщина пришла уже на следующий день, и все молитвы читала наизусть. Я призадумался: действительно, ради чего она потратила свое свободное время на изучение основных молитв. Тогда я спросил ее напрямую: «Вы же атеистка, как могло за два часа перевернуться на 180 градусов ваше мировоззрение?» Она ответила: «Я постояла на службе, послушала проповедь, вникла в эту духовную атмосферу, и мне даже стало

неудобно, что я всего этого не знала».

А ведь действительно, что человеку нужно? Душевный покой, та мистика, которая заставляет человека ощутить свой индивидуализм в общей массе. Марксизм как предполагает – масса. Масса и за этим словом теряется индивидуум. Та женщина сказала мне: «Я ощутила у вас эту семейную обстановку, где чувствуешь себя личностью. И теперь не хочу жить при прежнем мировоззрении»

До четверга мы с ней говорили, а потом я ее окрестил, когда понял, что это не минутный порыв.

- Что же для вас главное, душевный покой или вера? Что вы включаете в понятие вера?

- Главным считаю – признание сверхъестественной силы как реальности, если ты ее ощутил. А к нам многие обращаются с расстройствами души. Я бы употребил понятие – психотерапия, - говорил патер Иосиф, - Если ко мне обращается неверующий, я могу убедить другим и привести примеры многих литературных героев. Рахметов, Базаров. Они были неверующие, но тоже стремились к внутреннему совершенству. Если у человека не укладывается в сознании вечность, то я должен ему больше разложить, объяснить о священном писании. Вспомним откровение Бога, ведь Бог не просто замкнулся сам в себе, а открылся в Иисусе Христе.

- Откуда у священника такая предрасположенность к пониманию другого человека?

- Дело в том, что весь внутренний воспитательный процесс самого священника, у верующего идет в самоуглублении, - объясняет патер, - Я беру Евангеле от Матвея, а там писано, что ты сделал для моих наименьших, то ты сделал для меня. И если я принимаю Христа как вечного спасителя, то эти жизненные установки становятся моими жизненными принципами. Мы стараемся угодить Богу, прежде всего, через отношение к ближнему.

Если я помирил двух ссорящихся, и они мирно разошлись - величайшая радость для меня. Значит, я действительно выполнил миссию,

которую мне поручил Христос, выполнил то, к чему призван.

Естественно, меня заинтересовало, почему же религии не удалось за свою тысячелетнюю историю воспитать человека в этом духе?

- Все дело в том, что мы признаем реальность зла в мире – сатаны, - ответил патер Иосиф, - Человек может принять Бога, а может не принять, он свободен в выборе. Христианство – это любовь, и не каждый на ее способен, зато тень греха постоянно тяготеет над верующим. Религия постоянно призывает человека каяться, сожалеть о том, что он оступается.

Но мы убеждены, что все перемены в обществе идут изнутри нашего сознания. Вот на что не обращали внимания ни марксисты, ни их последователи.

Мы долго беседовали с Иосифом Антоновичем. Не со всеми его мыслями был согласен, но спорить с ним не хотелось. Патер Иосиф в тяжелой борьбе отстоял право на собственный взгляд на мир, он его выстрадал. Если у вас одна цель, но разные пути ее достижения, это нас только обогащает. И, согласитесь, ставит патер перед собой цель благородную. Для себя он сформулировал ее так: понять и помочь ближнему.

Пока ее не достигли ни религия, ни другие философские и мировоззренческие течения. Не вырастили мы и идеального строителя светлого будущего. Но многое зависит от того, кто проповедывает истины. Я думаю неслучайно к патеру Иосифу шли люди. Уверен, для многих он не только священник, но и внимательный, доброжелательный собеседник, всегда готовый тебе помочь, тебя выслушать и понять.

Как жаль, что таких людей мы встречаем редко, очень редко в райисполкомах, горисполкомах, в собесах и в сберкассах, ведь именно от их работников, в первую очередь, требуется терпения и понимания. Будь они, как патер, может тогда и многие наши проблемы были не такими безвыходными.

1988-1990

Иосиф Верт

Я ХОЧУ ПОЖЕЛАТЬ, ЧТОБЫ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ БЫЛА СВЕТОМ, КОТОРЫЙ СВЕТИТ ВСЕМ

(Это интервью епископ Иосиф Верт дал в феврале 2013 г. католическому журналу «Дом Непорочного Сердца» (Санкт-Петербург))

— Владыка, расскажите о своих родителях, поделитесь самыми яркими воспоминаниями, связанными с детством.

— Я горжусь тем, что вырос в католической семье в советское время. Мои родители – католики, российские немцы. Я очень благодарен им за полученное воспитание. Воспитателем веры, или «домашним священником», была

мама. Каждый вечер, в определенное время, мы должны были как штык быть дома, потому что знали, что будет вечерняя совместная молитва, которой руководила мама. Отец хорошо читал по-немецки, поэтому во время Великого Поста именно он читал молитвенные размышления о Крестном пути. Мама давала молитвенник отцу, и он как «викарный

священник» совершал свои обязанности. Я помню собственное крещение. Родители сами окрестили меня крещением по необходимости сразу после рождения: в 1952 году священники еще сидели в лагерях. Первым в Караганду вернулся о. Буковинский, он окрестил меня в 1954 году. Мама готовила меня к крещению. Потом она часто вспоминала, особенно когда я провинился или хулиганил, каким я был хорошим, когда меня крестили. Я сам в два года отвечал священнику на вопросы: «Что ты хочешь от Церкви Божьей?» — «Я хочу веры» — «Что дает тебе вера?» — «Жизнь вечную». И отрекался от сатаны. Когда мне было года три, приходили гости, и мама ставила меня на табуретку, а гости спрашивали: «Кто ты такой?» И я с гордостью отвечал, как мама учила: «Я — христианин-католик». Мама очень гордилась своим сыном-католиком. Я хочу найти время и записать другие воспоминания, связанные с родителями, — как они в советское время воспитывали детей.

— **Дала ли Вам что-нибудь служба в армии? Есть ли у Вас светское образование?**

— Наша школа была «немецкой», то есть 70–80% учеников были из российских немцев. После школы в 1970 году мы все пошли в институты, хотя в 60-х годах российских немцев (разумеется, неофициально) не принимали в вузы. Их всеми силами старались не допустить. И в 1970 году это еще чувствовалось. Многие провалили экзамены, но некоторым удалось поступить. Я пошел на вечерний факультет, и оттуда меня забрали в армию. Служил два года под Москвой. Армия дала мне очень многое. Впервые, я научился самостоятельной молитве, во-вторых, сложности закалили меня. Я рос как Дюймовочка, окруженный заботой семьи, родителей, нашей общины, и из дома не уезжал. А в армии пришлось самому руководить. Очень рад, что прошел эту школу мужества, вернее, школу жизни. После армии я продолжил учебу в политехническом институте, но затем почувствовал призвание и выбрал другой путь. Епископ Александр Хира из Караганды считал, что лучше иметь высшее образование, потому что в 70-х годах священник был простым гражданином и служил подпольно. Но Общество Иисуса, в которое я вступил в 75 году, решило по-другому.

— **Когда Вы поняли, что Бог призвал Вас стать священником, и почему выбрали Орден иезуитов?**

— О том, как молодой человек распознает свое призвание, каждый священник или монашествующий мог бы сказать очень многое. Каждый путь своеобразен и индивидуален. В 1954 году из лагерей стали возвращаться священники. Началась религиозная оттепель, снова стали совершаться святые мессы. И в семьях верующих у детей самой распространенной игрой была игра в мессу, игра в священники. Мы все хотели быть священниками. После армии я навестил родственников, которые переехали из Караганды в Литву, и там

впервые увидел церковь не в подполье. Один священник сказал, что я тоже мог бы стать священником. Это стало для меня неожиданно, потому что я никогда об этом серьезно не думал. В Караганде не было семинарии. Я вернулся в Караганду, хотел учиться дальше, но мысли о священстве стали возвращаться все чаще. В конце концов я решил пойти к отцу Александру — так мы называли епископа Хира, потому что не знали, что он епископ. Я выбрал именно отца Александра. Мы знали, что отец Буковинский по своей натуре борец, он уже трижды сидел в тюрьме за свою веру. А отец Александр был более осторожным.

Когда в 1959 году родился мой брат и мама позвала отца Александра крестить его, он дважды отказывался, а когда наконец пришел и увидел в коридоре целую ватагу детей, то сразу захлопнул дверь и ушел. Мама бросилась за ним в одних носках по снегу, а он строго сказал, что не должно быть чужих людей. Но мама ответила, что это все наши дети. Тогда он немного смягчился, вернулся, быстро окрестил братика и ушел. Когда я выбирал священника, с которым можно поговорить о призвании, я искал именно такого — осторожного, чтобы он сказал мне: «Выброси все эти мысли из головы, какая семинария, когда на улице советская власть». С такой надеждой я шел к отцу Александру. И не ошибся.

Я несмело начал рассказывать ему о моих мыслях, переживаниях, мучениях. И тогда он сказал, что даже в лагерях он и другие священники совершали святую мессу, уделяли таинства. Он признался, что очень счастлив в своем призвании, и добавил, что если бы Бог дал ему сто жизней, то он бы сто раз выбрал такую жизнь и священство. Я сказал ему, что не могу проповедовать, потому что заикаюсь. Но он ответил, что тоже заикается, и рассказал о Демосфене, который выходил на берег моря во время шторма и старался перекричать шум волн, а над своим плечом вешал острый меч, потому что у него была привычка дергать плечами во время речи.

Уже в первой беседе епископпреподал мне уроки того, как можно избавиться от своих привычек, как стать оратором. Отец Александр сказал, что мысли о священстве нельзя прогонять. Его ответ был противоположным тому, что я надеялся услышать. А потом он добавил, что мы не можем стать священниками только потому, что хотим, этого должен хотеть Иисус Христос. Он должен нас призывать. Отец Александр предложил мне 10 дней приходиться к нему. В первый день я совершил исповедь за всю жизнь. Я тогда ходил на работу, но все-таки старался больше молиться, читать Евангелие от Иоанна, размышлять. И эти десять дней он каждый день давал мне Причастие, а я ждал, что мне скажет Святой Дух.

Уже позже я понял, что это были мои первые духовные упражнения. Эти десять дней были чудесными днями. Мои чувства можно было сравнить с тем, что испытывает солдат после демобилизации или священник после

освобождения из лагерей. В тот первый вечер я лег спать, но потом встал и молился, и было легко, как никогда раньше. Я вдруг понял, что молитва — это самое удивительное занятие. И засыпал с мыслями о Святом Духе, о первой Пятидесятнице. Молился своими словами к Святому Духу, чтобы Он просветил и укрепил меня, как апостолов во время Пятидесятницы. Мои поиски длились год, и после этой встречи с епископом Александром никаких проблем с призванием больше не было. Позже по совету отца Александра я поехал в Литву, к тому священнику, с которым уже встречался. Он был иезуитом. Когда я об этом узнал, то почувствовал призвание вступить в Орден иезуитов. Этот священник при первой встрече дал мне жизнеописание святого Алоизия. Рядом с фамилией автора стояли буквы «SJ», и священник объяснил мне, что это значит. Впервые об Обществе Иисуса я узнал из книги «Наследник из Калькутты». Это была моя любимая книга в школьные годы. Правда, автор писал о Церкви и об иезуитах в негативном свете, но мы привыкли пропускать клевету мимо ушей.

В Орден иезуитов я вступил в 1975 году. Планировалось, что учиться я буду подпольно; вступление в новициат тоже было подпольным. Я жил у отца провинциала, он был моим магистром эти два года. Потом предполагалось тайно рукоположить меня во священники. КГБ преследовало таких священников, поэтому лучше было получить сан официально. Такая возможность представилась в 1979 году. Я закончил семинарию в Каунасе через пять лет.

— Расскажите о Вашей жизни в семинарии. Запомнились ли Вам преподаватели, общаетесь ли Вы с семинаристами?

— Я учился в советское время, тогда все кандидаты в семинарию проходили собеседование в КГБ: органы надеялись, что они подпишут бумаги о сотрудничестве. Наверное, некоторые подписали. Кто-то по наивности, кто-то по незнанию. Эти агенты во время беседы очень профессионально себя вели, оказывали психологическое давление. Они говорили, что если не подпишешь, то не будет шансов поступить, а если не поступишь — Церковь потеряет священника. Но, несмотря на то, что мы не знали, кто подписал, а кто нет, семинария запомнилась мне с положительной стороны. И преподаватели, и семинаристы. Жизнь там кардинально отличалась от жизни в армии. Все было наоборот. В армии старший солдат стремился подчинить младшего, а здесь старшие всегда пропускали молодых. Это было удивительно. Мне запомнились совместные молитвы, пение 81 семинариста в часовне, в один голос — это было сильное ощущение.

— Испытали ли Вы на себе преследование со стороны властей в советское время?

— В семинарии никто ко мне не приходил, никуда не вызывали. А потом, даже в Литве, давление чувствовалось. Один год я служил

викарным священником в приходе Швянчёнис, на границе с Белоруссией. Однажды меня позвали на похороны в Белоруссию, это было буквально в нескольких километрах. И там я хоронил, как мы привыкли делать в Литве, — шел во главе похоронной процессии. После возвращения меня вызвали и сказали, что из Минска пришел рапорт о том, что я организовал религиозное шествие без разрешения властей. Но это был единственный случай. Затем я служил в Актюбинске, в Казахстане, в Поволжье, в Саратовской области, и там это ощущалось намного сильнее. Опять КГБ давило, чтобы я стал с ними сотрудничать. Если бы не Орден, не знаю, как бы я выдержал.

— С какими чувствами Вы вспоминаете свой первый приход?

— В 1985 году, после одного года служения в Литве, я поехал в Актюбинск. В то время у меня было несколько приглашений — из Омска, из Актюбинска; были делегации из Маркса и из Новосибирска. Тогда я обратился к епископу с вопросом, куда мне ехать. А он ответил, что мне лучше знать. Так что я сам выбирал себе приход. Потом попросил епископа Вильнюсского, который в то время был в ссылке, дать мне полномочия отправиться на миссию. Епископ заулыбался: «Ты находишься у меня в подчинении, но азиатская часть СССР не в моей юрисдикции. Там ты будешь сам себе настоятелем, епископом и Папой». И на практике мне часто приходилось в этом убеждаться. В исповедальне я, молодой священник, должен был за несколько минут решать вопрос о бракосочетании, который сегодня может решить только Святой Престол.

Я хотел объехать все места, из которых получил приглашения, и посмотреть, что же мне выбрать. Для начала поехал в Актюбинск. Там служил священник о. Александр Бень. Он окормлял Актюбинск после смерти настоятеля о. Томаса Гумпенберга, приезжал раз в месяц из Кустаная. Отец Александр посоветовал мне оставаться здесь, потому что это самый большой приход и здесь я больше всего нужен. Действительно, в приходе на воскресной мессе присутствовало 300 человек. Была церковь, которую построил мой предшественник, о. Томас Гумпенберг, родом из Тироля. В 20-х годах он приехал в Латвию, чтобы основать Дом капуцинов, прошел через лагерь и напоследок попросил епископа дать ему возможность поехать к российским немцам. Церковь построена по его проекту, он был архитектором. Я послушался отца Александра и не поехал дальше в Сибирь, а остался в Актюбинске как настоятель, не имея ни епископа, ни епархии.

— Стало ли для Вас неожиданностью известие о епископской хиротонии? Какими были Ваши первые впечатления и первые шаги?

— После трех с половиной лет в Актюбинске я переехал в Маркс. К тому времени в Актюбинске приход стал таять на глазах. Оттуда уезжать в Германию начали раньше. А я еще

обслуживал Маркс, тайно приезжал туда, это не так далеко от Актюбинска, и окормлял приход. Там жили поволжские немцы, их массовый выезд начался позже. Я сам переместил себя из Актюбинска в Маркс, как «сам себе епископ». Позже я нашел священника в Литве, который мог окормлять приход в Актюбинске. В Марксе как раз были такие годы, когда атеизм сдавал свои позиции. Появилась реальная свобода, мы смогли увеличить пристройку к молитвенному дому на несколько метров, потом еще. И в конце концов получили разрешение строить церковь, только без колокольни. Затем разрешили строить все, что мы хотим! Поэтому я был так увлечен и строительными работами, и пастырской деятельностью, что когда в 1991 году передавал мои дела архиепископу Кондрусевичу, то оказалось, что я обслуживал более 30 пунктов в Поволжье.

Раньше я их никогда не считал и удивился, что их так много. За всеми этими работами я как-то отставал от времени, только видел, что появляется религиозная свобода. Но о восстановлении структур Католической Церкви я не думал. Когда в 1990 г. в Москву приехал нунций и собрал священников Казахстана, и России, чтобы поговорить о будущем Церкви в России, это было для меня новым. И известие, что Папа назначил меня епископом, стало неожиданностью.

— **А каковы первые впечатления?**

— Я приехал в Новосибирск в растерянности, не знал, с чего начинать. Как священник, как настоятель я знал, что нужно делать. Но что должен делать епископ, я не представлял. Думаю, что Риму надо было провести для нас «курс молодого бойца». Сейчас молодые епископы всегда проходят курс обучения. Этого мне очень не хватало. И все шло самотеком. Это было такое время, когда весь мир смотрел на Советский Союз. У нас происходили очень интересные изменения. Почти без моего участия к нам стали приезжать священники. Когда я приехал, здесь их было трое, а потом появилось десять, двадцать, сорок. Действительно, я даже не знаю, как это все происходило. Я давал священникам достаточно большую свободу. И думаю, это правильно. Например, приезжает священник и говорит: я из Польши, я уже бывал в Иркутске, там есть польское общество, я бы хотел служить в Сибири. Я думаю про себя: раз человек принес такую жертву, пусть едет в Иркутск. Потом приезжают американцы и хотят служить во Владивостоке. Я согласился. А в Магадан священник приехал еще до моего назначения.

— **Из-за отъезда российских немцев в Германию Церковь в Сибири потеряла большую часть пасты. Растет ли Церковь за счет молодого поколения?**

— Действительно, мое призвание созрело в среде российских немцев-католиков. Для меня и для других молодых российских немцев, которые потом тоже стали священниками, этот момент был очень важным. Мы видели,

что в Литве 700 священников, у латышей свои, а последний немецкий священник из немецкой епархии в Саратове, прелат Михаил Келлер, умер в 1983 году. Больше у немцев своих священников не было. Конечно, мы, как патриоты, опасались, что российские немцы-католики потеряют свою веру без священников. Мы шли в семинарию, чтобы нести им служение. И вдруг немцы в массовом порядке стали выезжать из России. Еще в Марксе, начав строить церковь, я вдруг задумался, для кого ее строю, если немцы уедут. Даже сделал опрос, но он показал, что строить церковь нужно. Однако немцы стали выезжать, и число прихожан в наших крупных приходах (в Караганде на воскресной мессе было больше 1000 человек, в Душанбе — более 600) стало быстро сокращаться.

Для нас, священников из российских немцев (в начале 90-х нас было 12 человек), это был сложный переходный период. Мы должны были привыкнуть к новой реальности. Некоторые уехали в Германию, но большинство справилось. Сегодня в Сибири есть два немецких района, единственные во всей России: в Омской области и в Алтайском крае. Здесь раньше были немецкие деревни, в которых половина жителей, а может, и еще больше, были немцами. Теперь общины намного уменьшились. Когда священник приезжал служить мессу в деревне в конце 80-х — начале 90-х годов, приходило по 100 человек, сегодня приходит десять. Некоторые общины закрыты. Но в больших городах число верующих не уменьшается. У нас не произошло такого взрыва, как в Литве в конце 80-х — начале 90-х годов. Там все устремились в Церковь, несколько лет было в три раза больше верующих, чем раньше. Возможно, это и к лучшему, потому что в итоге такой взрыв не принес пользы. Сегодня в больших городах число наших прихожан на мессах остается стабильным.

— **И сколько католиков теперь в Вашей епархии?**

— Когда в 1991 году я прибыл в Сибирь, из Рима пришли анкеты: каждый год мы заполняем анкеты для статистики. Мы думали над этим вопросом: сколько католиков в нашей епархии? Ведь католики — это не только те люди, которые приходят на воскресную мессу. В 1990 году у нас было несколько приходов и около тысячи верующих. Конечно, католиков было больше. В других странах, например в Германии, когда спрашивают, сколько католиков, имеют в виду не только тех, кто каждое воскресенье приходит на службу. Я оценивал количество католиков в азиатской части России в несколько сот тысяч. Может быть, даже в полмиллиона. Это большая масса российских немцев, людей с польскими, литовскими, украинскими корнями.

Сегодня я вижу, что называть эти сотни тысяч людей католиками сложно. Большая часть уехала, хотя многие еще и остались. По переписи получается 600 тыс. российских немцев. Но уменьшился потенциал, я имею

в виду людей, у которых родители были католиками. Некоторые из них были крещены домашним крещением, своими родителями, некоторые нет. Есть еще одно печальное явление. Я помню, в одном поселке в Западной Сибири после мессы было чаепитие. Я спросил у бабушек, почему нет детей. Семьи были большие, по пять, шесть, восемь детей, у одной бабушки — 12. Они ответили, что дети православные. Оказалось, что 50 лет назад, когда здесь не было никакой церкви, бабушки крестили их сами, а потом в 90-е годы приехал православный священник и всех перекрестил. И я сегодня точно знаю, что в сельской местности это происходило повсюду.

Наших католиков перекрестили, потому что в конце 80-х — начале 90-х была волна крещений. Люди считали, что домашнее крещение — это предварительное крещение, а потом их должен обязательно покрестить настоящий священник. Недавно я был в Омске и говорил об этом с людьми. После службы подошла одна женщина и сказала, что окрестила внука в православной церкви. Родители приехали в католическую церковь днем, но она как раз была закрыта, и они поехали в православную и быстро окрестили. И это массовое явление. А потом, когда бабушка говорит внуку, что приезжает епископ, тот отвечает, что он православный. То есть они считают себя православными, и мы не можем уже подступиться к ним. При этом, к сожалению, в православную церковь они тоже не ходят. Только единицы из тысячи ходят в православную церковь. Огромная масса людей никуда не ходит.

— **А сколько священников?**

— Сегодня в епархии у нас около 50 священников, это вместе с монашествующими, со священниками из-за границы.

— **Удалось ли Вам побывать во всех приходах епархии?**

— Я регулярно бываю во всех приходах. Очень сложно даже сейчас определить, что такое приход. В большом городе это еще понятно. У нас в Новосибирске три прихода, у них есть географические границы: Правый берег, Левый берег и Академгородок. В Омске два римско-католических и один греко-католический приход. Есть приход в Екатеринбурге. А вот в сельской местности это скорее группы верующих. Зарегистрированных приходов у нас около 50, а маленьких общин еще около 200.

— **Вы уже 22 года возглавляете администратуру, из них 11 лет она существует как епархия. Что изменилось за эти годы?**

— Начиная свое служение в 1985 году, я служил в традиционном стиле, как видел это в католической Литве и как это делалось во всем католическом мире. Сегодня мы проживаем в Сибири, в постсоветском пространстве, где верующие разбросаны на огромном расстоянии, поэтому наше служение не может быть традиционным. Оно отличается от служения в Польше или другой католической стране.

Сегодня у нас много новых возможностей, многое изменилось за эти 22 года. Количество священников, приходов, прихожан, которые регулярно посещают святую мессу, увеличилось, несмотря на то, что уменьшилось количество верующих. Появились структуры, о которых 22 года назад мы не могли и мечтать! У нас есть телестудия «Кана», «Сибирская католическая газета». Чуть больше года назад мы освятили епархиальный центр им. епископа-исповедника Александра Хира, существует предсеминария в Новосибирске, и так далее, и так далее. Часто я думаю, могли 22 года назад представить, какой будет Церковь сегодня. Открыты католические школы: одна полноценная гимназия, есть и начальная школа. У нас несут служение сестры Матери Терезы, есть детский дом св. Николая.

— **Сложно ли управлять такой огромной территорией?**

— Если бы не инициатива священников, которые приезжали из-за границы, наверное, здесь ничего бы и не было. Сегодня, конечно, все по-другому. Сегодня у нас есть четкая структура, мы проводим каждый год пастырские конференции, где собираются священники, монахи, время от времени и миряне. Сегодня управлять несложно. Есть интернет, скайп. Несколько лет назад я по своей инициативе закончил в Германии двухгодичный курс «Как руководить в Католической Церкви». Это тоже мне в какой-то степени помогло ориентироваться в современных условиях.

— **Каким проектом Ваша епархия больше всего гордится?**

— Самый лучший проект — это наша предсеминария.

— **Много ли призваний в последние годы? С какими трудностями сталкиваются преподаватели и духовные наставники?**

— Наша предсеминария была основана, как и семинария в Санкт-Петербурге, в 1993 году. В первый год было четыре кандидата из азиатской части России. Я считал и тогда считал, что это довольно много после стольких лет атеизма. И большинство кандидатов приходит не из глубоко верующих семей, а из семей, где они ничего о Боге не слышали. Они сами потом нашли путь к вере. Сегодня у нас есть кандидаты из всех четырех епархий. Общее число небольшое — 6 человек, но это уже достаточно хорошее число. Когда-то было больше, было до 20 человек, потом был спад. А сейчас 6 человек — это нормально. Тревожит то, что процент наших кандидатов, которые потом становятся священниками, еще меньше, чем в западных странах. Вопрос призвания — очень сложный вопрос. И наши отцы стараются помочь кандидатам продолжать распознавать свое призвание. Через духовные упражнения, ежедневную молитвенную жизнь, размышления, испытания совести. Я думаю, что Господь во все времена призывает следовать за Ним, призывает ко священству. Думаю, что большинство ребят, которые приходят к нам,

имеют призвание, но не все находят столько мужества и силы, чтобы следовать ему.

— В декабре 2004 года Вы были назначены ординарием для российских католиков византийского обряда. Какие у Вас обязанности по отношению к греко-католикам?

— Когда я прибыл в Сибирь, то узнал, что здесь есть не только римо-католическая, но и греко-католическая община — а именно в Кузбассе, в Кемеровской области. Там еще с 1959 года полуподпольно служил и немцам, и украинцам один греко-католический священник-ридомпторист, отец Василий Рудко. В этих местах и сегодня проживает очень много людей, которых крестил, венчал, причащал и исповедовал греко-католический священник. Потом выяснилось, что греко-католиков гораздо больше. Некоторые посещали православную церковь в городах, но не приступали к таинствам, потому что знали, что они католики. И сегодня мы открыли, что на севере Тюменской области очень много — несколько десятков тысяч — греко-католиков с Западной Украины, которые приехали в 1970-е – 80-е годы.

— С какими сложностями Вы сталкиваетесь в этом служении?

— Греко-католиков еще сложнее собрать, чем римо-католиков. Римо-католики собирались всегда — я показал это на примере российских немцев — в особые группы, иногда даже закрытые. Так они сопротивлялись безбожному советскому режиму. Они знали, что они католики. И это было еще одним отличием от русских. С греко-католиками сложнее. Они не могли так сильно отличаться от основной массы населения, поэтому потеряли свою веру. Греко-католики, живущие на севере Тюменской области, на лето уезжают в отпуск на Украину, везут туда своих детей. И там, конечно, от своих родителей, бабушек и дедушек получают укрепление в католической вере восточного обряда. А в Омске связь с родителями в большей мере уже прервалась. Это большая проблема.

— Как протекает межцерковный диалог с РПЦ в Вашей епархии?

— Диалог на местах напрямую зависит от диалога между Римом и Москвой. В последние несколько лет отношения на высшем уровне улучшились, и это стало сразу заметно у нас. Я получаю поздравления от православных владык. На важные мероприятия православные епископы посылают своих представителей. Можно сказать, что этот межрелигиозный диалог активно развивается.

— Как складываются у Католической Церкви отношения с местной властью? Удастся ли возвращать храмы?

— Отношения хорошие, но когда дело касается практических вещей, не все так благополучно. В 90-е годы нам вернули храмы в Тюмени и в Тобольске. Но, к сожалению, в Барнауле мы уже 22 года безрезультатно ведем переговоры. Многие здания не сохранились. Есть несколько церквей») в сельской местно-

сти, но восстанавливать большие храмы (например, в Венгерове) очень дорого. Там наш храм уже много лет служит поликлиникой, и перестроить это здание в церковь обошлось бы дороже, чем построить новую церковь. В Барнауле, несмотря на огромное количество писем, петиций, документов, пока еще ничто с мертвой точки не сдвинулось. Сейчас, когда вышел указ Президента вернуть храмы общинам к 2018 году, мы получили отписку, что комиссия создана, что к 2018 году здание будет возвращено. То есть указали крайний срок в надежде, что за эти годы что-то изменится и храм можно будет не отдавать.

— Владыка, Вы были участником Синода епископов. Как, по-вашему, следует воплощать идеи Синода в России?

— Это был самый большой Синод после II Ватиканского Собора — и по количеству отцов Синода, и по многим другим параметрам. Я очень высоко его оцениваю. Идеи Синода — это идеи II Ватиканского Собора. Этот Синод был призван дать новый импульс Церкви. Когда 50 лет назад проходил II Ватиканский Собор, католики СССР почти ничего не знали о нем, мы находились за железным занавесом. Сейчас, когда в Церкви опять стали больше говорить о Соборе, это хорошая возможность повторить его уроки. Мы в Преображенской епархии будем повторять уроки Собора с 11 октября 2012 года по декабрь 2015 года. Это то же самое, что Новая евангелизация.

И самое главное для меня — чтобы мы за эти три с лишним года смогли привить нашим верующим большую сознательность. Чтобы каждый верующий чувствовал себя живым членом Католической Церкви, а не просто клиентом, который приходит в воскресенье на святую мессу, иногда дает пожертвование, и на этом его принадлежность к приходу заканчивается. Если каждый наш католик будет по-настоящему сознательным, он будет заниматься Новой евангелизацией, будет разыскивать тех католиков, которые еще не пришли к храму, будет молитвой и словом проповедовать Евангелие всем окружающим.

— Каковы, по-вашему мнению, главные проблемы Католической Церкви в России и каким Вы видите ее будущее?

— Главные проблемы я уже назвал. Сейчас мы повторяем уроки II Ватиканского Собора. До октября мы рассылали анкеты во все приходы. В этих анкетах были следующие пункты: назовите 7 отрицательных факторов общественной жизни в стране, назовите 7 положительных, назовите 7 отрицательных и 7 положительных факторов религиозной жизни страны. Мы хотим, чтобы с помощью таких анкет верующие подсказали руководству Церкви, в чем заключаются проблемы Церкви в России. Но люди еще не научились задумываться над этими вопросами. Мы и дальше будем рассылать такие анкеты, а священники на местах и сестры-монахини должны помочь верующим об этом размышлять. Для меня проблема в том, что католики, которые были крещены в

советское время родителями, сейчас отошли от Церкви. Я считал их потенциалом Церкви. А сейчас мы отрезаны от них. Потеря этого потенциала — величайшая проблема для меня. Но в анкетах этой проблемы нет — люди ее не осознают. Нужно учить их мыслить объективно, видеть и положительное в жизни. Нужно уметь сообща обсуждать, что можно делать, чтобы Церковь развивалась, чтобы служение было более эффективным.

— Как Вы относитесь к Фатимским явлениям, которые наиболее близки католикам в России?

— Для российских католиков это очень важный момент. О Фатимских явлениях мы слышали уже в советское время. Отец Иосиф Свидацкий, который служил в Сибири, попал в тюрьму за то, что дал одной учительнице книгу об этих явлениях на немецком языке. Эта книга стала одним из пунктов обвинения в деле отца Иосифа. У нас во многих приходах проводятся фатимские богослужения 13-го числа каждого месяца. Господь через Богородицу призвал весь мир молиться об обращении России. И весь мир молился столько лет. Когда в 80-х годах все так неожиданно изменилось, на Западе говорили, что это чудо. Ведь танки не стреляли. При коммунизме гибли сотни тысяч человек, режим укреплялся, а тут, можно сказать, без кровопролития коммунизм пал. Мы должны быть благодарны этим миллионам людей, которые молились и приносили жертвы ради свободы веры в России.

— Владыка, бывает ли у Вас свободное время и как Вы его проводите?

— Три месяца назад я вышел на пенсию по российским законам. А в Церкви епископ выходит на пенсию только в 75 лет. И чтобы дотянуть до 75, нужно двигаться. Для поддержания формы уже пора заняться спортом. А что касается культурной жизни, то у нас есть великолепный Театр оперы и балета, рядом ТЮЗ «Глобус». В таком мегаполисе,

как Новосибирск, много возможностей для культурной жизни. К сожалению, я редко хожу в театр. Люблю литературу, в школьные годы интересовался разными направлениями. Много читал Бальзака — мне очень нравился его стиль. Сейчас читаю меньше. Но вот недавно прочитал очень интересную книгу Билла Брайсона «Краткая история почти всего на свете». Писатель понятным языком говорит обо всем, что описано в научной литературе — от теории «большого взрыва» до конца света. Прочитав эту книгу, человек еще больше будет преклоняться перед всемогуществом Божиим, будет благодарить Господа за то, что Он вложил в наше тело бессмертную душу, за то, что Он совершил такую огромную работу, чтобы человек мог появиться на Земле.

Конечно, «шесть рабочих дней Бога» — это только периоды времени, продолжавшиеся миллиарды лет, а не 6 земных дней. Я очень часто использую эту книгу в разговорах, проповедях, духовных упражнениях с семинаристами. Она помогла мне намного живее представить сотворение мира.

— Что бы Вы хотели пожелать своей пастве и читателям нашего журнала?

— Мы, католики, в России являемся меньшинством. И это нормально. Но если мы, малое стадо, как говорит Иисус, были бы сознательными католиками, сознательными членами Церкви, своей общины, то эта маленькая Церковь могла бы светить так же ярко или еще ярче, чем большая. Я хочу пожелать, чтобы Католическая Церковь в России была таким светом, который светит всем, кто в этом свете нуждается.

— Владыка, большое спасибо за интервью.

**«Дом непорочного сердца»,
№ 1 (16), 2013 г.
[http://sibcatholic.ru/2013/03/01/
intervyu-vladyki-iosifa-verta/](http://sibcatholic.ru/2013/03/01/intervyu-vladyki-iosifa-verta/)**

Светлана Симакова

**ОТЕЦ ВИЛЬГЕЛЬМ,
НАСТОЯТЕЛЬ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НЕПОРОЧНОГО
ЗАЧАТИЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ:
«МОИ ПРИХОЖАНЕ В ГЕРМАНИИ БЫЛИ
«СЫТЫМИ», ПОЭТОМУ Я ХОТЕЛ СЛУЖИТЬ
В РОССИИ»**

С 24 на 25 декабря католики будут праздновать Рождество. В полночь в римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, что в Металлургическом районе Челябинска, начнется торжественная Литургия. Об особенностях католического Рождества, истории своего приезда из Германии в Россию, самых важных качествах человеческого характера, «потеплении» отношений между православной церковью России и Ватиканом, о том, что необходимо человеку, чтобы удержать птицу по имени «счастье», мы говорили со священником римско-католической церкви отцом Вильгельмом Палишем.

– **Отец Вильгельм, вы приехали в Челябинск из Германии. Родились в Восточной или Западной ее части?**

– О, нет. Я родился в Словении, где до войны жили мои родители. Но после войны немцев из Югославии начали выселять в Германию, это происходило во всех странах восточной Европы. И в 1946 году мы оказались в русской зоне Германии, которая потом стала ГДР. Там я рос, учился. Но уже тогда хотел поехать служить в Россию.

– **Почему?**

– Во-первых, я изучал русский язык. Мне это давалось легко, поскольку словенский язык, который я хорошо знал, довольно близок русскому. Во-вторых, я несколько раз приезжал в Россию в качестве туриста, мне здесь очень нравилось. Поэтому, как только появилась возможность, поехал служить сюда.

– **В Германии в то время охотно учили русский?**

– Я бы так не сказал, не любили этот язык, и вы, думаю, понимаете эти чувства. Но английский и французский можно было выбрать добровольно, а русский был обязательным. Во всей Восточной Германии. Я неплохо знаю английский, но в классе по русскому языку был лучшим учеником.

– **Как было принято решение стать священником, это культивировалось в семье?**

– Нет. Это было только моим решением. Когда семья жила в Словении, в нашу деревенскую церковь пришел молодой священник, только что окончивший семинарию. Очень образованный и очень добрый человек. Семья наша была большая, жили мы бедно, а потому еще детьми работали. Священник попросил родителей, чтобы я помогал ему по хозяйству, стал пастухом. Я пас коров, телят. Жил в доме священника, и мы с ним часто беседовали обо всем. Он очень хорошим человеком был и стал примером для меня во всем. Вот так появилось желание стать священником. Я подумывал об учебе в семинарии, правда, переживал, что родители не смогут платить за мое обучение в школе, в гимназии, для нас это было дорого. А потом случилось переселение в Германию, мы попали в маленький город, где была гимназия, и я пошел учиться. К тому же детей в школе кормили бесплатно, и родителям было некоторое облегчение. Я стал учиться и понял, что могу реализовать свою мечту – поступить в семинарию. К тому времени, как я окончил гимназию, недалеко от нашего городка – в Эрфурте (Тюрингия) – открыли духовную семинарию, куда я поступил.

– **До приезда в Россию служили в Германии?**

– Да, 30 лет к тому времени уже был священником.

– **Не было страшно в зрелом возрасте сменить страну? Да не куда-нибудь поехать, а на далекий Урал?**

Это для моих близких было страшным и непонятным. А для меня – нет, это тоже было

моей давней мечтой. А если человек чего-то очень хочет, ничто не может ему помешать. И я был так рад, что приехал сюда и мог рассказывать людям о Боге. Мои прихожане здесь были такими «голодными» в этом плане, хотели многое узнать. После службы долго не расходились, часами могли беседовать, задавали столько вопросов, так внимательно слушали... Ничего такого я не испытывал в Германии, там прихожане все знали, были «сытыми». (Смеется). Служба там шла час, не больше. И никто после нее не задерживался и десяти минут в церкви. А здесь после окончания Литургии все с удивлением и разочарованием говорили: «Что? Уже конец?» Им хотелось еще.

– **Расскажите, как празднуют Рождество католики? Отличается ли этот праздник от Рождества православного?**

– Мы все – христиане, а Рождество – день рождения Иисуса Христа. Поэтому никаких больших различий нет. Только мы празднуем это событие в разное время календаря, католики – по Григорианскому календарю, а православные – по Юлианскому. Разница получается в 13 дней. У нас Рождество будет праздноваться с 24 на 25 декабря. Самое важное в эту праздничную ночь – литургия. Иисус родился ночью в Вифлееме, а потому мы собираемся в церкви в 12 часов ночи. Рождественская литургия содержит особенные песнопения, посвященные рождению Спасителя.

Все пронизано радостью. Бог воплотился на этой Земле, пришел к людям, чтобы спасти мир. Но, конечно, у католиков и православных есть свои традиции. Мы, к примеру, за четыре недели до Рождества в храмах и домах устанавливаем Венки Адвента, украшенные четырьмя свечами. Свечи символизируют четыре недели Адвента. В первое воскресенье Адвента на венке зажигается одна свеча, во второе – две, в третье – три и в четвертое – четыре. Это значит, с приближением Рождества растет свет в этом мире. А круглый венок означает жизнь вечную. Наша земная жизнь – отрезок от рождения до смерти, но есть вечная жизнь, которая поднимается по спирали. Каждый год мы празднуем Рождество до второго пришествия Спасителя в этот мир. Когда Иисус вознесся на небо, он обещал вернуться. И христиане ждут этого. В период Адвента Церковь особо призывает верующих к совершению дел милосердия.

– **Почему появилась традиция украшать елки под Рождество?**

– Есть разные объяснения тому: елка напоминает райское дерево, с которого Адаму и Еве было запрещено вкушать плоды. В Рождество мы вспоминаем об этом дереве, потому что Иисус вернул нам надежду на жизнь вечную. Я вспоминаю Рождество в нашем доме. Мы с мамой украшали елку конфетами, которые нам не позволялось трогать до наступления Богоявления 6 января. Как это было когда-то в раю. Мы только смотрели на эти конфеты, а когда наступало Богоявление, елку убирали,

и мы ели сладости с ее ветвей.

– В вашей церкви есть специальный праздник для детей?

– Обязательно. Это очень важно для детей. В этом году они сами сделали Вертеп– фигурки Марии, Иосифа, младенца Иисуса. Будет спектакль. А родители готовят главную радость для детей – подарки, которые будут спрятаны до окончания Мессы, а потом все их получают и сколько будет счастья. Я вспоминаю, что и для меня, когда я был ребенком, Рождество было самым важным, самым радостным праздником. Мы мало что понимали о воплощении Бога в человеке, мы только радовались подаркам. (Улыбается).

– Какие блюда готовите к Рождеству?

– Традиции у разных народов довольно оригинальные. Кто-то готовит к Рождеству 12 различных блюд. Но у нас этого нет. В доме моих родителей были лишь блюда, которые готовились только на этот праздник. Мама пекла сладкий хлеб с маком, мы ели его с молоком. Это было так вкусно! Наверное, потому, что ели такой хлеб только раз в году. (Улыбается).

– В общине вашей церкви уже тоже сложились свои традиции?

– Все приносят что-то вкусное и после литургии мы собираемся в трапезной, угощаемся и долго беседуем, радуемся возможности быть друг с другом. Некоторые остаются здесь до утра, пока не пойдет общественный транспорт. Рождество объединяет нас всех. Иисус пришел не только к католикам и православным, Он пришел ко всем людям, стал братом всех людей, потому что принял человеческую природу. И через Иисуса мы все стали братьями и сестрами. Новой человеческой семьей, где нельзя жить только для себя. Поэтому обязательно надо выйти из квартиры, из дома в эту ночь и встретиться с другими людьми. У нас такая встреча происходит в церкви.

– На каких языках поздравляете с Рождеством своих прихожан?

– Служба ведется на русском языке и поздравляю я прихожан тоже на русском. Только Папа Римский поздравляет христиан более чем на 20 языках мира.

– Вашему храму нынче исполнилось десять лет?

– Да, мы праздновали эту дату 15 и 16 августа, 10 лет со дня освящения храма. Но католическая церковь была в Челябинске до революции. Здесь жила большая община поляков. И в 1914 году был освящен костел, который в 1932 году был уже разрушен. Поляки, вероятно, к тому времени вернулись в Польшу или выехали в Западную Украину. А в годы войны сюда были вывезены немцы из европейской части СССР, из Поволжья – трудармейцы так называемые. И тогда, под страхом смерти, они уже создали молитвенный дом и тайно там собирались.

Только в 1982 году получили официальную регистрацию на молитвенный дом. Когда я

приехал сюда в 1990 году, решили, что нужно строить храм – достойное здание для Бога. Хотя многие собрались уезжать в Германию, но решения не переменяли. Потому что с отъездом кого-то не исчезнет вера и будут другие люди, которые захотят прийти в нашу церковь. Обратились в городскую администрацию и был нам выделен вот этот участок земли. В 1993 году началось строительство.

– Помогала строить церковь Германия?

– Да, стартовый капитал дала одна общественная организация из Германии. Но его, конечно, не хватило. И тогда мы, священники, отправились проповедовать в Германию, Австрию, Швейцарию – контакты до сих пор сохранились – и люди давали деньги на строительство храма в Челябинске. Мы собрали необходимую сумму и достроили эту церковь.

– В общине сегодня, наверное, смешались многие нации?

– Конечно, это потомки немцев. Корни наших прихожан идут также из Польши, Литвы... Люди приходят и говорят: «Наши прародители были католиками и мы чувствуем свое место здесь». Католическая церковь – вселенская церковь, поэтому всем есть в ней место, независимо от национальности.

– Из православия никто не захотел перейти в вашу Церковь?

– Нам запрещено заниматься прозелитизмом – перетягивать людей из других Церквей. Каждого, кто приходит, я спрашиваю: «Почему?» И аргументы должны быть убедительными.

– Что обычно отвечают люди?

– Разное. Что им здесь лучше, что на душе легче. Но я всегда предлагаю подумать хорошо: возможно, лучше вернуться обратно в свою Церковь. Однако выгнать людей, если у них есть веские аргументы, не могу. Нельзя людей выгонять из храма. Ведь есть закон свободы совести и веры. Человек должен выбирать сам. Но предупреждать я буду каждого нового прихожанина.

– Вы постоянно занимаетесь благотворительностью или это относится только к особым церковным праздникам?

– Постоянно. Людям всегда нужна помощь. И это работа благотворительной организации «Каритас». У нас есть детский клуб, где собираем детей из неблагополучных семей – родители пьют, дети не учатся, голодные, оборванные. К нам ребята приходят после школы, делают уроки, с ними занимаются педагоги, труд которых оплачивает «Каритас». Есть у нас патронажная служба, которая занимается больными, ухаживает за теми, кто не встает с постели. Предоставляем им инвалидные коляски. И обратиться к нам за помощью могут не только католики, а все, кому нужна помощь.

Мы помогаем одиноким матерям, которые нуждаются в этом. Сейчас даже строим квартиры для шести матерей, чтобы они не делали аборт, а могли родить дитя и у них была бы крыша над головой, если им некуда идти.

Это будет материнская обитель. Есть у нас социальная кухня, где каждый день готовим горячие обеды для 50 человек. Здесь обедают все бомжи, что обитают поблизости. И бедные пенсионеры приходят, которым не хватает пенсии на пропитание. Есть и такие.

– **Занимаетесь ли миссионерством?**

– Нет, мы не занимаемся тем, чем занимаются некоторые секты. К нам приходят только те, кто желает. Для них есть воскресная школа, как в православной церкви. Для взрослых, сейчас там 29 человек, и для детей.

– **Много ли у вас помощников, отец Вильгельм?**

– Один священник еще есть и дьякон. Но дьякон временно у нас, в конце мая он будет рукоположен в сан священника. Помогают также миряне, которые работают в «Каритас». Еще есть сестры-монахини. Они наводят порядок в церкви и помогают на литургии. А также органистка.

– **Есть ли у вас связь с Москвой, или вы непосредственно связаны с Германией?**

– Мы принадлежим к Новосибирской епархии. Там наш епископ, мы подчиняемся ему. В Москве сидит представитель Ватикана – нунций. Он был у нас 8 декабря, ежегодно в этот день отмечается праздник покровительства нашего храма – День Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

– **Сегодня в России, несмотря на то, что церковь отделена от государства, наблюдается явное сближение двух институтов. Можно то же самое сказать о католиках?**

– За помощью к государству мы не обращаемся. Но мы живем в этом мире и не можем не пересекаться. Эту землю нам дали органы государственной власти и мы очень признательны за это. К праздникам и губернатор области, и мэр Челябинска обязательно присылают поздравления. Нас приглашают на круглые столы, где, как правило, встречаются представители разных конфессий.

Это полезные встречи, где обсуждаем важные для нас вопросы. Мы уважаем такое внимание. Но особенно благодарны сегодня уже за то, что свободно можем выполнять свои задачи. Ведь во времена советской власти это было невозможным в России. Люди сегодня могут собираться без страха в церкви, а не тайно. Это самый большой подарок от государства. (Улыбается.) И мы желаем, чтобы так было всегда – свобода вероисповедания.

– **Сегодня возможна совместная работа самых разных конфессий?**

– Недавно в дни посещения нас нунцием мы очень радовались тому, что были приглашены к митрополиту Челябинскому и Златоустовскому Иову. Был дружественный прием. Встречаемся с православными священниками, ведь они самые близкие нам по вере. Раньше существовало непонимание, сегодня мы становимся ближе. Есть у нас хорошие отношения с протестантами. Три разные группы протестантов

обратились к нам с просьбой арендовать для службы наши помещения. Это корейцы, здесь довольно большая община, и Пятидесятники. Мы предоставляем им свои помещения, потому что не пользуемся ими круглосуточно. А они немного платят за аренду и это помогает оплачивать коммунальные услуги.

– **Известно, что Папа Иоанн-Павел II несколько раз высказывал желание приехать в Россию, но реакция прежнего Патриарха Алексия II была однозначной. С приходом Патриарха Кирилла изменились ли отношения, чувствуется ли «потепление»?**

– Не только чувствуется. Но вот факт, о котором я уже сказал, – нас приняли с нашим легатом у митрополита. Десять предыдущих лет это было невозможным. Какие бы гости к нам ни приезжали, никаких приглашений от митрополита не поступало. Принципиально было невозможно. Конечно, это знак наступления другой погоды. И мы очень рады этому.

– **Есть ли, на ваш взгляд, надежда, что Папа Бенедикт XVI сможет посетить Россию?**

– У него есть такое желание. И вы знаете, что Иоанн-Павел II посетил все бывшие республики СССР, только в Россию не мог попасть. Мы, конечно, ждем такого счастья, чтобы Папа Римский посетил Россию.

– **Вы уже привыкли к Челябинску, вам уютно здесь зимой, не холодно?**

– (Смеется). Уютно, очень. В прошлом году долго не было снега, мне звонили из Германии и, узнав, что у нас тоже нет снега, были разочарованы. А в этом году я могу гордиться, у нас уже настоящие морозы и второй день снег идет. Пусть мне завидуют в Германии.

– **Часто бываете в Германии?**

– Раз в году. Это мой отпуск, и я еду к своим родным.

– **Они довольны сегодняшней жизнью в Германии, что там изменилось со времени воссоединения?**

– Я думаю, у них есть повод быть благодарными. Но вижу, что часто людям не хватает этого чувства. Они недостаточно благодарны и довольны, всегда критикуют: того не хватает, другого не хватает... Мне приходится говорить своим родным: подумайте, как мы раньше жили!? При железном занавесе даже дышать было трудно. А теперь у всех есть свобода, да и купить можно все, что еще хотите? Знаете, когда я приехал сюда, не переставал удивляться, как мало нужно было людям для счастья. Некоторое время я был квартирантом у одной семьи из наших прихожан. Квартира была на девятом этаже и часто не хватало воды. Но мы встречались за завтраком и я видел их счастливые лица: «Ах, как хорошо, сегодня воду дали». Или: «Не зря очередь отстояли, купили хлеб, еще что-то... Да мы самые счастливые!» Все принесило счастье: горячий чай, теплая вода... Но чем больше имеют люди, тем менее они довольны жизнью – это парадокс.

– **Сегодня ваша квартира при церкви?**

– Я живу в башне. (Улыбается.) И очень доволен. Каждый день читаю псалом: «Блаженны живущие в храме божем». Это мы. Живем прямо в храме. Раньше я полчаса шел в молитвенный дом на службу, который находился в Першино. А теперь только спустился по лестнице и уже в храме. Когда морозы, смотрю, как люди кутаются, бегут на трамвай и искренне им сочувствую. А мне даже пальто не надо надевать.

– **Ваши пожелания челябинцам перед Рождеством.**

– Радости от того, что Бог подарил нам своего Сына. Он пришел не посмотреть, как мы живем. Он пришел спасителем. Спасти нас от грехов, а грехи – самая большая проблема человеческая. Как в Евангелии сказано: «Слава Вышним и на Земле мир». Кто мешает миру – совершает самый большой грех. И самый большой подарок, который принес нам Иисус Христос – призыв к миру и любви между людьми. Поэтому живите в мире и любви!

Светлана Гигорьева

ПРОЩАЛЬНАЯ МЕССА

Последняя служба бессменного лидера челябинских католиков прошла 15 августа и собрала несколько сотен человек. Попрощаться с отцом Вильгельмом, который уезжает к себе на родину — в Германию, пришли верующие со всей области, а также гости из других епархий. В католическом костёле практически не было свободных мест. Многие не могли сдержать слёз, и каждому хотелось сказать духовному отцу слова благодарности. А вчера, 19 августа, Вильгельм Палеш улетел из Челябинска навсегда.

Служению на Южном Урале отец Вильгельм отдал 20 лет жизни. Приехав в 1990 году по поручению епископа Иосифа Свидницкого, он обнаружил здесь небольшую общину католиков, состоящую из 30 немцев, которые планировали перебраться в Германию. А посылку отцу Вильгельму давно хотелось послужить в России, он решил остаться здесь и уехать вместе с последними немцами.

Мечта работать в России у отца Вильгельма появилась в юности. Его брат учился в Москве, где познакомился со своей будущей женой, которую потом увёз в Германию. Девушка оказалась крещёной и, хотя не могла знать многого о Боге, молилась. Она изменила мнение Вильгельма Палеша о России. Ему захотелось помочь нашему народу в возрождении духовности. Он начал молиться о нашей стране и изучать русский язык. Однако на первой же встрече с общиной узнал, что в Челябинске собираются строить римско-католическую церковь — взамен той, что большевики сожгли в 30-е годы прошлого века. Возводить кирху пришлось с нуля на средства прихожан и спонсоров. Поначалу многие не верили в успех начинания и смотрели на отца Вильгельма с жалостью, но ему помогал Бог. В прошлом году в своём интервью «Вечернему Челябинску» глава челябинских католиков признался, что иногда деньги появлялись чудесным образом и на всё хватало.

В 1992 году отец Вильгельм попросил своего епископа разрешить ему остаться на Южном Урале. За эти годы было сделано немало. Наверное, самым знаковым событием в жизни челябинских католиков стало открытие в августе 1999 года римско-католической церкви Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в

Металлургическом районе. Масштабная стройка, длившаяся несколько лет, сплотила людей. В результате община из 30 человек за годы служения отца Вильгельма выросла до более чем трёх с половиной тысяч верующих. Сейчас службы в Металлургическом районе посещают по 150 — 300 человек, у католической общины есть филиалы в области.

Отец Вильгельм Палеш удостоен звания прелата Папы Римского, награждён орденом «Во имя жизни на Земле» Международного благотворительного фонда «Меценаты столетия». Сегодня ему 78 лет, и он до вчерашнего дня являлся самым пожилым священником в Европе. Покидая Челябинск, он ушёл на пенсию. Но служение Богу не оставил.

Год назад на вопрос, о чём мечтает отец Вильгельм, он ответил: «Чтобы наша церковь каждое воскресенье заполнялась прихожанами». На прощальной мессе именно так и случилось. Поблагодарить настоятеля за 20-летнее служение приехали представители других епархий, в том числе епископ Новосибирской епархии отец Иосиф Верт, который вместе с отцом Вильгельмом провёл обряд миропомазания верующих, а также причастие. Благодарственные письма и цветы отцу Вильгельму прислали губернатор Челябинской области Михаил Юревич и глава администрации Челябинска Сергей Давыдов.

Кстати, прощальная служба совпала с двумя праздниками — 11-м по счёту днём рождения храма и Успением Пресвятой Богородицы. Поэтому сразу после окончания мессы в костёле начался праздничный концерт. В перерыве нам удалось немного пообщаться с отцом Вильгельмом. Журналистов интересовало, с каким настроением он покидает Южный Урал.

— Эти чувства сложно передать, — признался он. — Я ведь прощаюсь с Челябинском навсегда. С одной стороны, моё сердце переполняет благодарность за то, что я мог служить здесь 20 лет. И эти годы не прошли даром: построена церковь, создана община, которая, надеюсь, будет расти и крепнуть.

— Может быть, хотя бы в гости приезжать будете? — спрашиваю.

— Нет. Мне и сегодня очень тяжело прощаться, зачем переживать этот грустный момент ещё раз? К тому же я не хочу мешать новому настоятелю — отцу Маркусу, который придёт на моё место. Кстати, ещё недавно я думал, что после выхода на пенсию останусь в России — буду работать в учреждении, где живут пожилые и больные люди. Однако мой епископ нашёл для меня подобное заведение в Германии и предложил поехать туда. Я не мог ему отказать.

Следом за отцом Вильгельмом из Челябинска намерен уехать и второй настоятель храма — 71-летний отец Райнгард Франитца. Он пробудет на Южном Урале ещё месяц или чуть больше. Служители объясняют это тем, что пожилые настоятели хотят дать молодому преемнику больше свободы.

Кстати, нового лидера католики нашего города знают — отец Маркус Новотны из Саратовской епархии уже служил здесь с 2002 по 2006 год. Он занимался работой с молодёжью. 15 августа он не смог быть в Челябинске, поскольку ему нужно было завершить дела в духовной семинарии в Санкт-Петербурге, где он преподавал. Мессу 22 августа проведёт уже отец Маркус.

(20.8.2010)

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Епископ Иосиф Верт об отце Райнгарде Франитца на освящении мемориальной плиты, Челябинск 22.07.11

Отец Райнгард Франитца

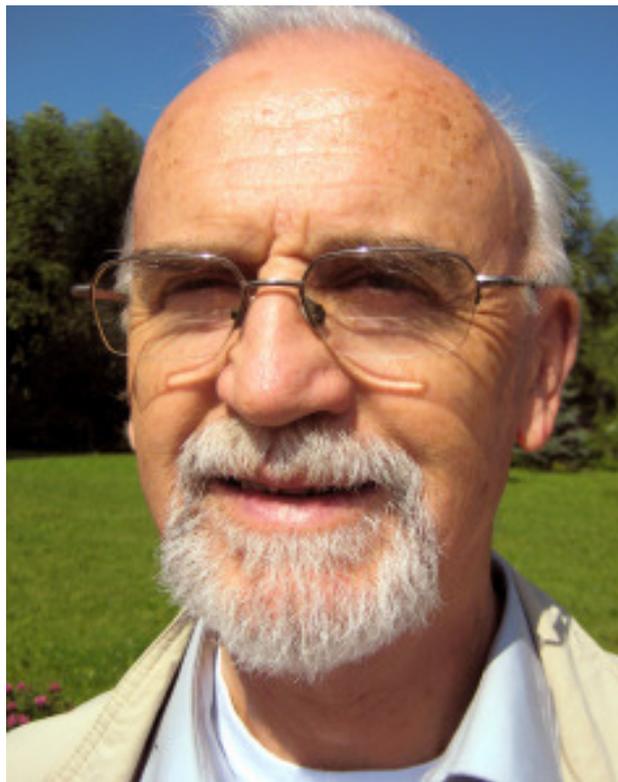
Дорогие братья и сестры!

Отец Райнгард родился за несколько дней до начала Второй мировой войны, в Германии. Стал священником, потому что не мог на призыв Господа «Оставь все и следуй за Мной» только ходить на воскресную Мессу. Присоединился к католическому движению фокляров, чтобы еще лучше ответить на призыв Иисуса Христа. В начале девяностых годов вместе с группой сотоварищей из движения поехал в Россию, которая только что открылась для проповеди Царства Божия после семидесяти лет преследования веры.

Что он делал эти семнадцать лет в Челябинске, вы знаете. Вы видели его сами. Хотя, конечно, физическим зрением мы можем уловить лишь малую часть жизни человека, жизни души.

Когда собратья приняли решение вернуться в Германию, отец Райнгард остался. Он уже несколько лет чувствовал новый призыв. Мечтой последних лет его священнической жизни было посвятить себя людям, попавшим в зависимость. Мы обсуждали с ним возможность открытия реабилитационного центра в Челябинской области. В ожидании помощи из Бразилии он уже сотрудничал с такими центрами других конфессий.

Насколько отец Райнгард мог отдаться этому новому служению, насколько его ценили и любили, показал один конкретный случай. Года два назад отец Райнгард имел проблемы с суставами ног, с коленями. В Германии ему должны были сделать операцию. Узнав о дате операции, все двадцать человек реабилитационного центра в тот день постились на хлебе и воде. Отец

Райнгард был особенно растроган такой молитвенной поддержкой людей, которые пришли в центр год назад, многие из которых еще год назад ничего не знали о Боге.

Дорогие, вы наверное еще помните проводы отца Вильгельма в августе прошлого года. Из-за того обстоятельства, что отец Райнгард не возвращался в Германию, а оставался в России, как-то все наше внимание концентрировалось на настоятеле. Скромность и смирение отца Райнгарда — его почти не было

заметно рядом с отцом Вильгельмом — меня поразили. А ведь он уходил от нас точно также! Как мы теперь знаем, мы прощались с ним, чтобы снова увидеться только в вечности, в Царстве Отца

Но пусть память о нем будет свечой, которая осветит темные закоулки нашей земной жизни. Пусть его пример служения людям укрепит нашу любовь ко всем людям, а не только к

тем, кого удобно и выгодно любить.

Пусть Господь, призвавший его к священству, даровавший ему благодать призвания и уже отозвавший его домой, к Отцу, простит все его согрешения и даст ему награду за все.

Вечный покой даруй усопшему отцу Райнгарду, Господи, и свет вечный да светит ему. Да покоится в мире.

Аминь.

Мария Шумакова

ОТЕЦ МАРКУС: «Я НЕИСПРАВИМЫЙ ЛИБЕРАЛ»

25 декабря католики всего мира в очередной раз отмечают праздник Рождества. Накануне праздника гостем нашей редакции стал настоятель прихода Непорочного Зачатия Девы Марии католической церкви г. Челябинска отец Маркус Новотни.

– Это Ваше первое Рождество в должности настоятеля челябинского храма?

– Да, в этом качестве в Челябинске я встречаю Рождество впервые. А вообще в Челябинске я бывал и раньше. Я служил при челябинском храме викарием с 2004 по 2006 годы.

– А как так случилось, что решили посвятить свою жизнь служению Богу?

– Я вырос в верующей семье. По воскресеньям мы все ходили в церковь. У меня были хорошие отношения с разными священнослужителями. Однажды разговорился с местным священником о своей проблеме службы в армии, и он посоветовал мне такой вид альтернативной службы. Чаше всего эту службу молодые люди в Германии проходят в больницах и домах престарелых. Но была возможность альтернативной службы за границей в качестве волонтера благотворительной организации или службы при церкви. Так я оказался в Саратовской области в городе Маркс. Там жили немцы, которые вернулись из Казахстана и Сибири. Приход в Марксе был с 1987 года.

Со временем возник вопрос, о том, что будет после службы. Тогда-то я впервые и задумался о «карьере» священнослужителя.

– Не могу не спросить, почему вы выбрали именно Россию?

– Я вырос в коммунистическом блоке. В школе у нас были занятия по русскому языку. И я всегда хотел посмотреть на людей, которые разговаривают на нем. Я много разного слышал о России, и мне хотелось составить свое мнение об этой стране. Кроме того, я был молод и мне желал адреналина и приключений. А 3 000 км от родного дома были для меня сущей чепухой. Кроме того, железный занавес пал, и все рванули на Запад. Из духа противоречия я поехал 19-летним юношей в российскую глушь.

– Расскажите о первых впечатлениях от страны?

– В католической церкви в России я служил завхозом. Приходилось чистить снег и топить печь дровами. По долгу службы я много колесил на машине. Нужно сказать, что права я предусмотрительно получил до выезда из Германии. Ездил по делам прихода, привозил продукты, гуманитарную помощь и прочее. И хорошо помню то время, когда одной из основных моих обязанностей была заправка машины. Приходилось по нескольку раз заминать очередь на заправке. Давали только по 20 литров на человека, и мы выстаивали по 2-3 раза, если планировалась долгая дорога в приходы других городов. На трассах найти бензин было практически нереально. Вот такая была российская действительность. Это немного отличалось от тех рассказов, которые я слышал раньше.

– Да уж, дефицит тогда был в моде!

– Кстати, о дефиците! Еще из тех лет я запомнил, что к нам в приход приходило много гуманитарной помощи. Однажды был случай: нам привезли какао в бумажных мешках, в которых сейчас цемент продают. Мы долго расфасовывали его по привычным пакетам, чтобы раздать нуждающимся, и все сидели тогда шоколадные от этой пыли. Но были счастливы от того, что делаем доброе дело.

– Знаю, что и при челябинском храме действует благотворительная организация.

– Действительно, это международное благотворительное движение «Caritas», что значит «милосердная любовь». Наши волонтеры работают в тюрьмах с женщинами. Есть детский клуб и помощь инвалидам.

– Вы довольно хорошо говорите по-русски, хотя акцент выдает в вас иностранца. Меж тем, в храме звучит только русская речь. Как удалось овладеть языком?

– Язык я учил, прямо скажем, на ходу. Однажды в Марксе мы строили гараж, ко мне подошел пожилой немец и говорит: «Дай ведро!» Я представления не имею, что он хочет. А он хоть и немец, но не знает как это будет

по-немецки. И он раз 20 повторил это слово. Потом нашелся человек, который объяснил что значит «ведро», но это слово я уже не забуду. Так медленно, но верно я учил русский язык. Потом я помню, как со словарем сидел и переводил песню, которую пели в нашем храме. Сейчас действительно служба в челябинском храме проходит исключительно на русском языке. Но языковых курсов я не заканчивал. Потому и грамматика хромает, и русскую литературу я узнаю в аудио-книгах.

– **К слову о литературе. Католическая церковь славится своей чёткой общественной позицией. Были случаи, когда католики выступали против створовых клеток, против книги Дэна Брауна «Код да Винчи» и даже против мультфильмов Уолта Диснея. Вы также категоричны в суждениях?**

– Нужно понимать, что это были всего лишь суждения отдельных людей. Никаких вето на книги и мультфильмы никогда не накладывал папа Римский. Что же касается меня, то я не-исправимый либерал. Я смотрел оба фильма по книгам Дэна Брауна. Мне они понравились. Хотя там есть исторические неточности. Но это ведь голливудский, а не документальный фильм. Не так давно с молодежью из нашего прихода мы вместе ходили на фильм про Гарри Поттера. Я тоже остался доволен. А позже узнал, что в других приходах этот фильм запретили смотреть прихожанам, и даже проклинали. Я не понимаю, почему из-за пары сцен нужно проклинать весь фильм. Может быть, я излишне либерален. Считаю, что человек должен совершать поступки по совести и по вере

– **Чем же вы тогда воспитываете свою паству? Какие книги можете посоветовать прихожанам?**

– «Здравствуйте, мистер Бог, это Анна» — классика на все времена. Это первая книга из трилогии о пятилетней девочке Анне, которую в середине 30-х годов XX века молодой человек Финн встретил на одной из улиц Лондона. Анна оказалась страшно любознательным, непосредственным и уникальным существом, по уши влюбленным в жизнь и увлеченным поиском ответов на любые вопросы, касающиеся устройства мира и его содержимого. О том, что жизнь — это эксперимент, который нужно прожить, не как все, Анна знала не понаслышке.

С неподдающейся объяснению уверенностью она, похоже, понимала и смысл бытия, и суть эмоций, и красоту любви. Эта очень трогательная, но отнюдь не сентиментальная вещь. Написана очень живо, легко и непринужденно. Эту книгу прочтут в буквальном смысле слова и стар и млад. И верующие и, не верящие. Это чистый и ясный опыт, пробуждающий желание жить и мыслить самостоятельно, обретая все самое главное, включая Бога, в самом себе.

– **Вы приехали в Россию «солдатом», а потом вспомнили о ней священником?**

– Нет, что вы. Я можно сказать влюбился в эту страну с первого взгляда. После возвращения из России я поступил в семинарию. Мне было ужасно сложно. Нужно было читать книги на латинском и греческих языках, а в голове вертелись русские слова. И я никак не мог забыть время, проведенное здесь. Во время учебы в семинарии я бывал в России по 2-4 раза в год. А закончив, конечно же попросил разрешения служить в католической церкви в России.

– **Как складываются ваши отношения с православными священниками и представителями других конфессий?**

– Не могу похвастаться множеством связей и друзей. В Челябинске я всего три месяца. Но и здесь много хороших людей. 6 декабря был праздник Николая чудотворца. В Долгодеревенском храме (недалеко от Челябинска) есть мощи этого святого. Посол Ватикана в Москве передал им в свое время эти мощи. Они нам дали их на праздник. И мы очень благодарны им за это. Кроме того, при храме у нас есть место для корейской и протестантской общины.

– **Многонациональностью отличаются и ваши прихожане.**

– Действительно, в храме не редко можно встретить немцев, поляков, армян, украинцев, казахов.

– **Знаю, что двери вашего храма открыты и для мусульман. Как такое может быть?**

– В октябре у нас начался курс веры. Это обязательное условие принятия в католическую общину. Курс длится больше года, заканчивается таинством крещения в день Пасхи 2012 года. Отдельные занятия открыты для всех желающих. На них можно встретить и мусульман, которые рады узнать больше о католической вере, и самих католиков, которые по разным причинам решили пополнить знания о своей религии.

– **Католическая община довольно молодая в Челябинске. Наверняка, бывали случаи, когда крестили людей в православных церквях, а теперь они хотят примкнуть к католической пастве. Что происходит в таких случаях?**

– Крещеный и верующий это разные вещи. Многих крестят во младенчестве. А пару лет назад на крещение была своего рода мода. Таким людям я обычно говорю, что с крещением у них появился ангел-хранитель, но он вынужден постоянно плакать о них. Вера - это серьезно. Если православный решил стать католиком, то крестить второй раз его никто не будет. Но для окончательного принятия решения он должен прослушать курс веры.

– **Наверняка, у католиков в Челябинске есть свои особенности празднования Рождества?**

– К сожалению, проблема всех религиозных праздников будь он католический или православный? одна. Люди не знают традиций. Коммунисты работали неплохо. И теперь

о том, как встречать этот праздник, многие узнают из художественных фильмов.

– **И что именно челябинцы не знают о Рождестве?**

- Рождество, помимо того, что это религиозный праздник – праздник семейных традиций. Есть такое время адвент. Это время серьезного приготовления к Рождеству. У православных похожее время называется Рождественским постом. Адвент начинается за 4 воскресенья до Рождества. В это время в церкви читаются особые молитвы и проходят богослужения. Дома в католических семьях и в храмах есть традиция вешать венок, на котором стоит 4 свечи. В первое воскресенье адвента загорается одна свеча, во второе две, до Рождества загорается 4 свечи. Это знак ожидания. И символ того, что большой Свет войдет в мир. При этих свечах семья может совершить совместную молитву.

Кроме того, мало кто помнит, что елка - это символ Рождества, а не Нового года. Зеленый цвет елки – цвет надежды. То, что елка вечно зеленая, говорит о неисчерпаемости людских надежд на лучшее в их жизни, о том, что жизнь не умирает. Но пока на елках находится красная звезда, говорить от традициях глупо. Я всегда уточняю, что когда Вифлеемскую звезду рождения Христа на рождественских елках стали считать красноармейской, в России свершилась последняя победа коммунизма.

– **Постов у католиков нет, но есть ли какие-то другие ограничения? Чего нельзя делать накануне Рождества?**

– У нас есть рекомендация поста. Рекомендуются сознательно отказаться от чего-то в пище. Этим мы, верующие, как бы присоединяемся к Жертве Христовой. Христос пожертвовал собой, и я подобно ему, в дни адвента жертвую пищей. Знаю, что молодые люди во время адвента часто отказываются от сладостей, чтобы в Рождество они были им еще вкусней. Если вы сможете объяснить своему ребенку, почему на 3 недели он должен отказаться от сладкого, значит вы на хорошей дороге сознательной подготовки к Рождеству. Кроме того, по пятницам в течение всего года католикам нельзя есть мясо.

– **Что ждет людей в ночь Рождества в вашем храме?**

– У нас тоже будет ёлка. Кроме этого, церковь по традиции, украсит Рождественский вертеп, где будут находиться фигурки, которые напомнят нам библейские сказания о Рождестве: Дева Мария с Младенцем, праведный

Иосиф, пастухи овец, ангел. Подобная традиция есть и в челябинских семьях. Но самое важно в Рождество - это молитва Богу.

– **Рождество - это тот праздник, который приходит в определённый час?**

– Это польская традиция, когда Рождество начинается с появления первой звезды на небе в ночь с 24 по 25 декабря. Мне кажется, это интересная традиция, но в нашем храме Рождество начинается строго по времени. В этот вечер в церкви много приезжих, которые к утру хотят вернуться домой и рассчитывают свое время в зависимости от расписания транспорта. Поэтому вся программа праздника точно выверена. Уже есть договоренность со школами города, которые придут к нам на рождественское представление. Все вместе мы будем петь рождественские песни.

– **Говорят, что в Рождественскую ночь происходят невероятные чудеса?**

– Самая чудесная история эта та, что Бог стал человеком. Бог, если только в него верить, он всегда больше. Какие только слова и на каком только языке я бы ни говорил, Бог всегда больше, чем все это. Бога нельзя ограничить, Бог - это все! И он стал человеком! Разве же это не чудо?

– **Не так давно католическую церковь Челябинска рассматривали в числе вариантов зданий, куда может переехать орган. Как вы относитесь к проблеме челябинского органа?**

– Я был очень рад, когда я узнал что наш храм слишком маленький, чтобы принять у себя орган. Но в тоже время, как верующий человек, я рад, что освобождается церковь для богослужений. В Иркутске орган как раз стоит в католической церкви. Считаю, что в церкви главное - не музыкальный инструмент, а молитва и богослужение. Хорошо, что для органа будет свое здание. У нас же есть свой небольшой электронный орган.

– **И в завершении, интересно узнать ваше мнение о Челябинске, как человека, видевшего город со стороны.**

– Я считаю себя челябинцем. А значит я видел этот город и со стороны, и изнутри. Это мегаполис со своими особенностями и проблемами. Да, по уровню дорог Челябинску далеко до Германии. Но смысл в другом. Жизнь станет лучше, если каждый будет относиться к своим обязанностям ответственно. Тогда рядом с нами не будет одиноких и обездоленных. Желаю, чтобы в Новом году таких людей рядом с нами стало чуточку меньше.

Расписание богослужений на Рождество Христово

Пятница, 24 декабря:

19:00 - Богослужение и рождественская сценка для детей, в нижнем зале (цокольный этаж)

20:30 - Рождественский концерт духовной музыки

22:00 - Святая Месса Рождества Христова

Суббота, 25 декабря:

12:00 - Святая Месса Рождества Христова

В воскр., 26 декабря, в обычном порядке:

10:00 - Святая Месса. Праздник Святого Семейства (Иисус, Мария, Иосиф).

11:30 - Рождественский концерт духовной музыки

Какую помощь можно ждать от благотворительной организации «Каритас» в Челябинске

Центр развития семьи «Мой малыш» оказывает помощь семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, беременным женщинам, одиноким матерям, малообеспеченным семьям. Также сотрудники Центра работают с беременными женщинами и молодыми мамами из женской исправительной колонии № 5.

В проекте Детский клуб «Радуга» ежедневно занимаются порядка 25 детей в возрасте от 6 до 16 лет из малообеспеченных и неблагополучных семей. Многие в клубе дети учатся самостоятельности, ответственности, верному поведению в конфликтных ситуациях, навыкам личной гигиены, а также кулинарному мастерству, шитью, работе на компьютере, активно занимаются спортом и реализуют свой

творческий потенциал.

Сотрудники «Патронажной службы» консультируют и обучают родственников, медсестер, социальных работников и добровольцев уходу за больными на дому и использованию средств реабилитации, которые предоставляются в прокат.

Также действуют социальная столовая для малообеспеченных и служба помощи бездомным.

В настоящее время «Каритас в Челябинске» готовится к реализации еще одного проекта – «Материнская обитель», где будет предоставляться временное проживание матерям с детьми, оставшимся без жилья и средств к существованию.

Досье

Отец Маркус Новотни родился в городе Бранденбург, ГДР, в 1973 году в верующей семье.

По выбору родителей посещал католический детский сад, где и получил первые знания о католической церкви. В 1992 году впервые приехал в Россию. В свободное время любит играть на музыкальных инструментах.

Наталья Фирсанова

ПРАЗДНИК ПО-ЗАПАДНОМУ

В Челябинске первыми встретят Рождество в Metallургическом районе

Прихожане римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии живут в ожидании радостного события. С первых дней декабря храм украшает зеленый венок диаметром около двух метров с четырьмя свечами. Каждое воскресенье зажигается новая свеча, которая указывает на приближение большого христианского праздника.

В ожидании чуда

— Со 2 декабря у католиков началась подготовка к Рождеству, — рассказывает настоятель римско-католического прихода в Челябинске Маркус Новотни. — Это время называется Адвент (от латинского *adventus* — «приближение, пришествие»), время ожидания. В литургическом убранстве, в богослужениях, песнопениях, молитвах, в чтении библейских текстов все напоминает о приготвлении к пришествию Иисуса Христа.

Адвент длится четыре недели и заканчивается 24 декабря. Это особый период года, когда в храмах устанавливают «венки Адвента», на которых зажигают свечи. Они, словно календарь, подсказывают, сколько времени осталось до праздника. В этом году первая свеча была зажжена 2 декабря, вторая — 9 декабря, и так до Рождества, когда загораются все четыре свечи. Символическими еловыми венками со свечами верующие украшают и

свои дома. Эта европейская традиция среди челябинских католиков не слишком распространена.

Если у православных Рождеству предшествует пост, то католическая церковь не предписывает обязательный отказ от мясного, молочного и так далее. Конечно, верующий в индивидуальном порядке может отказаться в этот период, скажем, от шоколада, колбасы или других продуктов. Но максимум внимания уделяется духовной подготовке к празднику.

— В предрождественское время по средам в семь часов утра служится особая месса — Рорате. Богослужение совершается только при свечах, без электрического света. Многие молитвы и песнопения звучат на латинском языке, — объясняет отец Маркус.

Рорате совершается в честь Девы Марии. Это богослужение особо подчеркивает: во время Адвента христиане вместе с Богородицей ожидают пришествия Спасителя.

Богослужения

Празднование Рождества начинается вечером 24 декабря. В западных странах, где праздник государственный, торжественное богослужение начинается в полночь. В нашей стране это сложнее: сразу после службы людям придется идти на работу. В этом году канун католического Рождества приходится на понедельник, само Рождество — на вторник. Эти дни у нас выходными не являются. Поэтому богослужения в католических храмах России начинаются раньше, чем в Европе.

В Челябинске в римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии Святая Месса предположительно начнется в 20 часов 24 декабря.

— Но сначала — детское время, примерно с 18.30, — уточняет отец Маркус. — По древней традиции перед началом Святой Мессы совершается особое богослужение для детей, с рождественским спектаклем. В нем участвуют дети и молодежь из нашего прихода. Потом, я думаю, будет небольшой инструментальный концерт, а в 20 часов, скорее всего, начнется Святая Месса. Я полагаю, до 22 часов богослужение завершится, и у людей останется время, чтобы отдохнуть перед работой. На следующий день, 25 декабря, утром и вечером будет рождественская Святая Месса.

К празднику в церкви по христианскому обычаю установили большую елку, устроили рождественский вертеп — композиции из фигур, изображающих Младенца Иисуса, Деву Марию и святого Иосифа, волхвов, пастухов, пришедших поклониться Богомладенцу.

Под Вифлеемской звездой

Как рассказал Маркус Новотни, рождественские традиции в разных странах свои, национальные. Например, в Польше перед рождественским богослужением семья собирается за накрытым столом. По традиции на нем 12 постных блюд, среди которых непременно должна быть рыба, обязательно карп (жареный, фаршированный, запеченный). Еще одна распространенная традиция — преломление рождественского пресного хлеба (облатки). Люди делятся друг с другом хлебом и говорят добрые пожелания. На Рождество принято дарить подарки.

— Бог подарил нам своего сына, который родился в Вифлееме. Поэтому и у нас есть повод дарить подарки тем людям, которые нам дороги, — говорит Маркус Новотни. — А вот почему дарят подарки на Новый год, мне непонятно. Разве замена одного календаря на другой — это серьезный повод для поздравлений? Видно, в свое время безбожная пропаганда работала так эффективно, что вытравила из сердца людей глубокий смысл Рождества. Я считаю, это последняя победа красной звезды над Вифлеемской.

— Отец Маркус, как вы относитесь к рождественским гаданиям?

— Если воспринимать это как игру, как

шутку, то, наверно, можно-таки развлечься. Но вообще, к гаданиям верующий должен относиться крайне осторожно. С христианской точки зрения лучше с этим не связываться. Есть определенные заповеди, которые ясно говорят: доверяйся Богу.

Но в России есть другие традиции (теперь почти забытые), которые, на мой взгляд, следовало бы освежить. Например, колядование, когда люди ходили от дома к дому с Рождественской звездой, собирая угощение, исполняли духовные рождественские песни, несли радостную весть о рождении Богомладенца Христа. Ведь рождественское время — время радости, которая должна передаваться другим.

Птица счастья

В Рождество принято собираться всей семьей за праздничным столом. В каждой стране свои традиционные блюда

В Англии обязательна запеченная в духовке индейка под соусом из крыжовника и рождественский пудинг, который обливается ромом, поджигается и, пылающий, ставится на стол.

В США к рождественскому обеду подается индейка под клюквенным соусом.

Во Франции рождественский стол украшает индейка, запеченная в белом вине. Еще здесь едят устриц, паштет из гусиной печени, сыры и шампанское.

В Дании подают утку или гуся, фаршированного яблоками, рисовый пудинг и сладкую рисовую кашу с корицей и изюмом.

В Ирландии на Рождество готовят индейку или окорок, в Греции — индейку в вине, в Литве и Германии — жареного гуся.

Немцы на Рождество ставят на стол блюдо с яблоками, орехами, изюмом и марципанами.

В Китае, где довольно много христиан, на Рождество готовят императорское блюдо — утку по-пекински.

В Венгрии, балканских странах на столах никогда не бывает рождественского гуся, утки, курицы, индюшки. Там считают, что птицу есть в этот вечер нельзя — улетит счастье. В Австрии за праздничным ужином сначала едят национальный суп-лапшу, а на второе — карпа.

В Бельгии на рождественский стол ставят телячью колбасу с трюфелями, мясо вепря, традиционный торт, вино.

В Голландии — кролика, оленину или дичь, в Люксембурге — колбасу, яблоки, местное игристое вино.

Итальянцы в Рождество едят рыбу или морепродукты, тортеллини и запивают все это шампанским.

В Испании подают зажаренного молочного поросенка, которого запивают хересом. На праздничном столе каждого испанца обязательно будут присутствовать креветки, крабы, лангусты, а также рождественские сладости — халва, марципаны, анисовые леденцы.

А Португалия в этот день питается бакка-лао — блюдом из сушеной соленой трески.

В скандинавских странах за две недели до праздника режут рождественских поросят,

делают кровяную колбасу, солят и коптят мясо, варят пиво. В Чехии обязательное блюдо — карп.

Католическое Рождество отмечается в течение восьми дней (октавы):

Второй день праздника, 26 декабря, посвящается памяти святого первомученика Стефана.

27 декабря — День памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (в этот день совершается обряд освящения вина).

28 декабря чтят память святых Невинных Младенцев Вифлеемских (в этот день дают особое благословение детям).

30 декабря отмечается праздник Святого Семейства: Младенца Иисуса, Девы Марии и Иосифа Обручника.

1 января с особой торжественностью отмечается День Пресвятой Богородицы.

ХРАМ НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

Первая католическая община в Челябинске была основана в конце XIX века. Её основу составляли поляки и немцы. В 1897 году католики города подали прошение о предоставлении участка земли под церковь. Прошение было удовлетворено, годом позже была возведена деревянная часовня. В 1909 году рядом с ней началось строительство каменного католического храма.

В 1914 году строительство было закончено и храм освящён во имя Непорочного Зачатия Девы Марии. Кроме римско-католического прихода, в нём проводили богослужения и греко-католики. Здание была построено из красного кирпича в готическом стиле. Располагался католический храм Челябинска на пересечении современных проспекта Ленина и улицы Свободы (сейчас на этом месте стоит типовой жилой дом).

После установления советской власти приход некоторое время продолжал работу, в 1922 году в храме были реквизированы все ценности. В 1929 году церковь была закрыта, приход распущен. Здание несколько лет использовалось как склад и общежитие, в 1932 году было взорвано.

Католический приход в Челябинске был восстановлен и зарегистрирован в начале 90-х годов XX века. В 1993 году было получено разрешение на строительство католической церкви, в том же году начались работы на предоставленном участке. Строительство неоднократно прерывалось из-за финансовых трудностей. В 1998 году здание церкви было достроено, 15 августа 1999 года новое здание храма Непорочного Зачатия было освящено.

Архитектура церкви объединяет в себе черты готики и модерна. Автор проекта — Франц Везингер. Общая площадь — 680 кв. м. Главная особенность внутренней планировки церкви то, что алтарь выдвинут к центру церкви, а не находится на традиционном месте у восточной стены. Перегородка между большим залом и часовней сделана в виде иконостаса, иконы для которого выполнены в Палехе.

Алтарь, крестильная купель и амвон выполнены из мрамора. Колокола подарены

челябинскому храму католической общиной Штарнберга (Бавария). Ряд икон, украшающих храм, выполнены самими прихожанами. Скульптурные композиции яслей и крестного пути сделаны в Австрии.

Отдельные предметы церковной утвари остались от взорванного храма, они были спасены прихожанами, тайно хранились в семьях и были переданы в храм после освящения нового здания.

Ежегодно 8 декабря отмечается праздник покровительства храма – День Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

Возле храма, с его восточной стороны, установлен памятник трудармейцам БАКАЛЛАГА. Надпись мемориала гласит: «Я живу, и вы будете жить» (Евангелие от Иоанна: «Я живу и вы жить будете»). Под чёрным алтарём (такие издревле ставили на костях мучеников) находится капсула с останками безымянного трудармейца.

Год постройки: освящена 15 августа 1999 года.

**Адрес: г. Челябинск, ул. 50-летия
ВЛКСМ 16а**

<http://nashural.ru/Konkursi/po-svyatym-mestam-urala/chelyabinsk.htm>

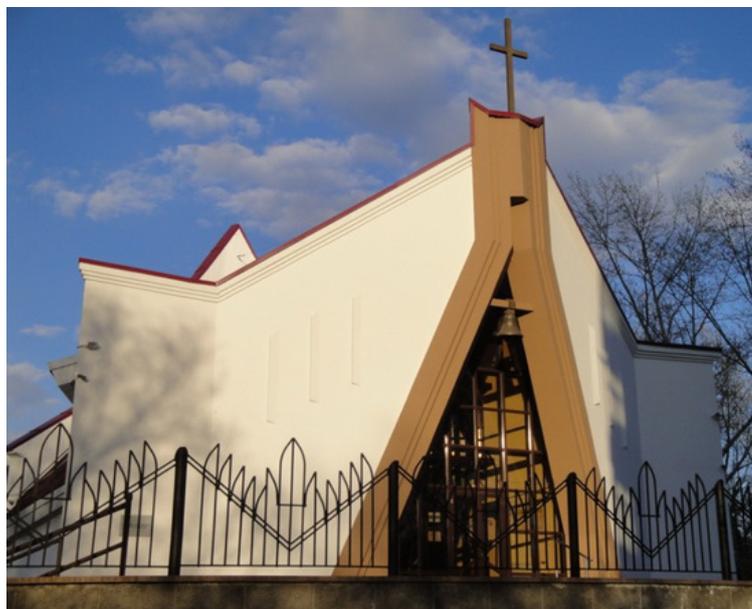
ЦЕРКОВЬ СПАСИТЕЛЯ ИИСУСА ХРИСТА ЕВАНГЕЛИСТИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЫ

Храм Спасителя Иисуса Христа на улице Черкасской был построен по проекту известного челябинского архитектора Владимира Ковалева. Церковь получилась непохожей на традиционные готические строения, она выполнена в оригинальном современном стиле и является по-настоящему уникальной.

Деньги на строительство собирали местные лютеране, и теперь они очень гордятся своим небольшим белоснежным храмом. По словам пастора церкви Вольдемара Йессе, кроме челябинцев в церковь ездят на богослужения лютеране из Коркино, Старокамьшинска, Миасса, Златоуста.

**Адрес: г. Челябинск,
ул. Черкасская 2г**

Нина Чистосердова

«МЫ ВЕРИМ В БОГА ЖИВОГО»

Лютеране открывают первую в Челябинске кирху

Это эффектное здание на улице Черкасской, 2, и на храм-то непохоже. Суперсовременный нарядный дом со множеством окон, лестницами, фонтаном, кованой решеткой поднялся на пустыре за больницей «Челябметаллургстроя», как сказочный терем, всего за полтора года. 5 сентября 2001 года духовный лидер евангелическо-лютеранской общины Челябинска Рудольф Ланге освятил закладку фундамента, а сегодня здесь завершаются последние отделочные работы. Рабочие тянут кабель, аккуратно разгружают красивые плиты султаевского гранита. Генподрядчик - фирма «Ремстрой плюс» - возводит не первый храм. Потому и доверил ей свое детище известный челябинский архитектор Владимир Ковалев.

В его мастерской создан проект необычной церкви. Впрочем, и история этого проекта не совсем обычна. Нынешнее здание, где проходят богослужения, досталось лютеранам от католиков, когда они переехали в великолепный храм. Назвать церковью этот старый частный дом на улице Доменной язык не поворачивается. Стоит он в неудачном месте - в низине, и все время в нем что-нибудь случается: то крыша течет, то трубы рвутся. Община собрала было деньги на его реконструкцию. Но сделали экономические раскладки и оказалось: проще построить новое здание.

- Какой должна быть кирха?

- Мы представляли свою церковь в классическом готическом стиле, как знаменитые старинные соборы Германии, - рассказывает председатель лютеранской общины Владимир Гроо. - С таким эскизным проектом и приехали к епископу Урала, Сибири и Дальнего Востока.

- Вы что это, к средневековью возвращаетесь? - Фолькер Э. Зайлер ужасно удивился, увидев проект. - Разве такая кирха нужна молодежи?

В Челябинской лютеранской общине и впрямь все меньше пожилых людей: уходят старики, многие уезжают в Германию. Богослужения, что ведутся для них на немецком языке, собирают сегодня не больше 50-60 человек. Вот почему Владимиру Павловичу Ковалеву заказали другой проект. Динамичный образ нового храма понравился всем. Это совсем небольшое здание на 144 посадочных места, уютное и очень красивое. Лишь колокол и непривычный нам крест без косой перекладины над входом подчеркивают церковное назначение этого белоснежного здания.

Мы входим в храм и останавливаемся в восхищении: в алтарной части купол уходит

высоко вверх, и стену эту разрезает сквозное окно в форме огромного креста. Солнце и голубое небо будут сиять над алтарем в этом окне-кресте. А вечером светящийся крест здания будет виден издалека. Вот, пожалуй, и все украшения этой церкви. Нет в ней ни икон, ни росписей, ни скульптур.

- У нас это не принято, - объясняет проповедник. - Мы верим в Бога Живого!

Ни одна газета Челябинска никогда не писала о евангелическо-лютеранской церкви. Прежде всего к этому не стремились сами ее прихожане. Практически все они пережили ужасы геноцида советских немцев и трудармию, прошли лагеря, многие женщины работали на лесоповале. Молиться они могли лишь в глубоком подполье. На их глазах расстреливали пасторов, закрывали храмы. Даже знаменитая лютеранская церковь святого Петра на Невском в Санкт-Петербурге до 1993 года использовалась в качестве бассейна. Десятилетия страха не позволяли вслух говорить о сокровенном. Более того, лютеране из Коркино, Копейска, Старокамышинска, Ленинского района Челябинска до сих пор проводят свои богослужения в частных домах и на квартирах, не регистрируя общины. Впрочем, и регистрация этой церкви в Металлургическом районе заняла не один год.

Дело в том, что лютеране - первые в истории мировой религии протестанты, выступившие против католицизма и власти, - и по сей день воспринимаются многими неоднозначно. Не приди в челябинскую общину деятельный, энергичный директор «Челябинскобувьторга» Владимир Гроо, она и сегодня не имела бы юридического статуса. Мама его, Валентина Ивановна, многие годы посещала лютеранскую церковь, где к ней относились с огромным уважением. Мечтой ее было, чтобы и ее семеро детей вернулись в лоно своей исторической церкви, обрели здесь веру. Но отец воспитал их атеистами. Так что материнскую веру самый младший в семье, Владимир Яковлевич, принял уже взрослым, в 45 лет. А уж за ним пришли в лютеранскую церковь и другие сестры и братья. Пять лет назад он был крещен пробстом Уральского региона 78-летним Иоганном Лисселем.

- Это необыкновенный человек. Он и наш пастор 83-летний Рудольф Ланге, пройдя через страшные испытания, не озлобились, не ожесточились. Сумели остаться честными, добрыми и оптимистичными людьми, - рассказывает он. - Мы вместе добивались регистрации общины. Затем собирали средства на

строительство церкви. Эта совместная работа очень сплотила нас, укрепила мою веру.

Владимир Гроо стал председателем церковного совета лютеран. Он сам вырос на ЧМЗ и за помощью в строительстве храма шел к руководителям предприятий, которых знал с детства.

- Мы очень благодарны мэру Челябинска Вячеславу Тарасову и бывшему главе нашего района Валерию Шопову. А спонсоров стройки, мы на совете приняли такое решение, называть не будем. Ты внес свою лепту в дело Божие - зачем же еще благодарственные списки, мраморные плиты?

Лютеране рациональны во всем, стараются обходиться без внешних атрибутов веры: не носят нательных крестов и не крестятся, а во время молитв пальцы складывают «в замок». Их службы обычно сопровождает органная музыка. Но в новую кирху заказали не орган, а клавинолу - электромузыкальный инструмент, чтобы в этих стенах звучал не только Бах, но и современная духовная музыка. Проповедник общины Сергей Фрицлер - тоже человек современный и абсолютно светский. Программист, выпускник Челябинского университета. Был и пионером, и комсомольцем, и членом КПСС. Но вот пришел в церковь, близкую ему по историческим, национальным корням и по духу.

«Для общения с Богом посредники не нужны.

Институт священства необходим лишь для проведения обрядов и богослужений» - эта идея Мартина Лютера больше всего импонирует ему в лютеранстве. А еще демократичность конфессии, которой чужда всякая pompa и показуха и которая терпима к любой другой вере, проповедующей добро. Лютеране не останавливают прохожих на улицах и не ходят по квартирам, чтобы пополнить ряды своей более чем скромной общины. В эту церковь приходят только по собственной инициативе: «К вере человека ведет один Господь Бог».

И помогать здесь принято не только братьям и сестрам, но и нуждающимся. И ни в коем случае не в обмен на веру. Брат Сергей (так обращаются к проповеднику) был крещен три года назад, активно посещал все воскресные службы. Иоганн Лиссель и Рудольф Ланге увидели в нем своего преемника и начали готовить его в проповедники. Через год епископ торжественно рукоположил Сергея Юрьевича. Было это в день его рождения. «Моего второго рождения», - подчеркивает сдержанный на эмоции Фрицлер. А жена его и трое детей ходят в православную церковь, и проповедник-лютеранин считает, что это в порядке вещей. Таких семей в их общине немало. Вот и у председателя церковного совета Владимира Гроо жена и 16-летний сын - православные. И он с уважением относится к их вере: «У каждого свой путь к Богу».

ЛЮТЕРАНСКАЯ ОБЩИНА

Интервью с Магдаленой Яковлевной

Вопрос: Как начиналась община, кто ею руководил, сколько было прихожан?

Ответ: Я знаю только братьев, которые вели общину, и то не всех. Я пришла в общину в 1952-ом году. Община собиралась из людей, которых согнали из разных концов страны. Они были репрессированные «трудармейцы». Но эти люди еще до репрессий были верующие в Бога. Я, например, с Волги. После освобождения из «трудлагерей» верующие искали друг друга, чтобы собираться для служения Богу. Они со временем нашли друг друга, их было в начале около 20 человек.

Каждый раз приходилось собираться на разных квартирах. В 1953 году, на праздник Пятидесятницы, мы собрались в лесу около города Копейска. Было много людей. Пришли и из других общин, я там тоже была. Вдруг приехала милиция. Нас разогнали, старших братьев арестовали, допрашивали, но отпустили. Так что в этом плане у нас ничего хорошего не было. Мы всегда боялись. В моей общине главным был брат Фридрих Греб. Когда он умер, общину возглавил Карл Браун.

Тогда мы собирались на квартирах. Это было не легко, по тому что милиция преследовала нас. После одного из Богослужений, хозяину квартиры угрожали и запретили проводить

Богослужения, хорошо что хоть не арестовали. В то время нас было 15 человек.

Богослужения они вели так, старший брат начинал песню, прочитывал проповедь, потом становился на колени и молился с общиной. После него второй и третий брат делали так же. В конце все вслух читали молитву Отче наш. Мы были рады, что могли вместе славить Бога и дарить друг другу немного радости.

Когда умер Карл Браун, общину возглавил Эмиль Фендлейн. В районе были и другие общины. После отъезда части немцев в Германию, оставшиеся объединились в одну общину. Брат Эмиль тоже уехал. Вендлейн Рихард тогда стал собирать общину в своем доме на Першино (поселок индивидуальной застройки в Челябинске). Там мы долго были, но и он собрался уехать в Германию. Тогда брат Иоаннес Лиссель пошел в школу и попросил предоставить место. Также были с нами братья Иоаннес Граубергер и Рудольф Ланге. Эти трое обычно проповедывали. Через некоторое время начались разговоры, что мы можем испортить детей и что мы их зовем в общину. Так что нам пришлось уйти и от туда. Мы нашли место в аптеке возле Центрального клуба, но не на долго. После этого место в молодежном клубе, но и от туда нас попросили. Тогда

брат Иоаннес Лиссель обратился к знакомым немцам из Католической церкви и они нам

разрешили проводить в их молитвенном доме после обеда наше Богослужение.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ ДЕТСКИХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Я родилась в 1922 году в Республике Немцев Поволжья. Там каждое село имело свое вероисповедание :лютеранское или католическое. В нашем селе была лютеранская вера.

Я помню, как в детстве мы праздновали Рождество. В комнату, где устанавливали и украшали Христбаум, нам детям, вход был строго запрещен. Только вечером, когда на улице было уже темно, на Христбаум зажигали свечи и звали нас детей. Какая это была радость для нас, смотреть на это чудо из игрушек и горящих свечей ! На праздник Рождества к нам приходили соседские дети. Мы учили молитвы и стихи, чтобы рассказывать их и получать подарки.

Наша церковь была большая с колокольней.

Она находилась в центре села, а недалеко от нее был дом, где жил пастор.

Мы жили недалеко от церкви. Часто я видела, как украшенные экипажи с женихами и невестами подъезжали к церкви на венчание. Мы также любили наблюдать, как во время конфирмации, празднично одетые юноши и девушки ходили вокруг церкви парами, впереди юноши за ними девушки.

В начале 30-х годов церковь закрыли, крест спилили и сбросили. В то время я еще не могла оценить, какое это было кощунство. На следующее Рождество наша мама дала нам игрушки, которые украшали Христбаум, мы с ними поиграли, вот и весь праздник.

БОЖИЕ СЛОВО У МНОГИХ ЛЮДЕЙ ОТНЯЛИ НА МНОГИЕ ГОДЫ

После выселения, войны и « трудармии», когда все родственники были найдены, сестры моей матери помогли мне прийти к Божьему Слову. Книг из дома сохранилось очень мало. Сборник духовных песен был редкостью. Сборники переписывали в ручную и передавали друг другу. Когда моя тетя уже не могла читать, она прислала мне свой сборник духовных песен. В конце сборника были молитвы на каждый день. О какая это была радость. В конце 80-х начале 90-х годов появилась возможность приобретать книги по почте из Риги и Петербурга. Так я приобрела молитвенник Штарка, книгу проповедей К.Блюма, краткий катехизис д-ра М.Лютера. Библию мне прислали из редакции газеты

«Нойес Лейбен». Я много читала, но в церковь пришла только в 1994 году.

Только в церкви я поняла, как беден человек без Слова Божьего, толь здесь осознала сколько потеряно времени. В Божьем Слове каждый может найти самое большое утешение и самую большую поддержку в тяжелейших моментах жизни.

О. Гартман, член лютеранской общины г. Челябинска.

На фото община в 1998 году.

Евгений Белочкин

БОГ ПОСРЕДИ НАРОДА СВОЕГО В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Историческая заметка

Образование Челябинской церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) берет свое начало с 40-х годов прошлого века. Город наш находится на стыке двух регионов — Урала и Сибири. Еще в первые годы Советской власти было принято решение правительства о строительстве ряда металлургических предприятий, в том числе Бакальского завода, на Першинской площадке, вблизи Челябинска — подальше от государственных границ, на Урале, в самом сердце России.

К середине 1942 года на Першинской площадке трудилось уже около 30 тысяч человек. В своем большинстве это были заключенные Челябинска, трудармейцы. Бакалстрой находился в ведении НКВД. Именно в 1942 году началось создание общины из состава трудармейцев.

Собирались в основном меннониты, баптисты, католики и лютеране. По рассказам, были так называемые «Bruedergemeinde» (в переводе: «братское общение»), «Kirchengemeinde» («Церковное общение»). Известно, что в 1945-1946 годах постепенно появляются регулярные собрания.

Один брат, выходец из поволжских немцев, В. Рихерт в 1950 году пишет: «Собирались меннониты с руководящим братом Вильгельмом Фризенем, с ним Буллер Иван, Шеллинг Эрик, Дик Андрей, Фризен Иван, Павел Шмидт, Комник Эмиль и другие. На работе они встречались с другими верующими, крещенными Духом Святым, которые открывали им истину о крещении. Духом было сказано, чтобы собирались группами не более пяти человек: «Если будете послушны, Господь вас благословит». Они это хранили. Бог крестил Духом и прибавлял спасаемых к церкви».

Уже к 1950 году собиралось в малых группах много людей, и это несмотря на тотальный контроль и преследования со стороны органов Советской власти. В 1957 году стали оборудовать для молитвенного служения половину дома, которая осталась после отъезда одной сестры.

В 1958 году в течение лета водное крещение приняли 80 человек. А в 1959 году, в апреле, по доносу был разрушен молитвенный дом, после чего собирались все лето под открытым небом, и уверовало еще больше народом.

В июне, как обычно, собирались проводить водное крещение на реке Миасс. В КГБ об этом узнали и задействовали 700 человек, чтобы никого не допустить к реке. Некоторые попытались подойти с другой стороны реки, но там их остановили дружинники. Обыскав,

забрали Евангелия, песенники, Библии, а верующих отправили домой. После этого случая водные крещения стали проводить с другой стороны города и по ночам.

Людей из мира приводил Сам Господь Иисус Христос. Так наши братья объясняли властям, что они нигде не проводили агитацию или евангелизацию. Люди сами приходили к ним в поисках Бога. Тогда они ищущей душе указывали путь ко спасению.

Вот один такой простой, но очень яркий пример. Наш брат, член церкви, ехал на трамвае № 3 со стороны вокзала. Вдруг он по вдохновению от Духа Божьего встает и выходит на остановке. К нему подходит мужчина, а с ним две девицы, его дочери, и так осторожно, оглядываясь по сторонам, спрашивают:

— Где тут в Металлургическом районе можно найти верующих людей?

— Я верующий человек. А в чем дело? Что вам нужно?

Мужчина рассказал о том, что они приехали из города Касли Челябинской области после того, как прочитали в местной газете статью о Челябинской общине и брате В. Фризене. Несмотря на то, что в прессе о верующих людях писалась только клевета и осуждение, они очень захотели найти эту общину и даже молились об этом. Бог, видя такую жажду, вывел их прямо на верующего брата.

Был даже такой случай. От райкома комсомола Металлургического района города Челябинска присылали своих активистов по 2-3 человека послушать собрание. Они искали причину, чтобы найти обвинение на пресвитера, брата В. Фризена. Дошел такой слух, что один парень, комсомолец, вернувшись с очередного посещения, объявил своему шефу: «Меня туда больше не посылайте, потому что там влиятельная сила. Мне может понравиться».

Очень много скорбей выпало на долю наших братьев и сестер во Христе. Власти устраивали показательные суды по обвинениям лжесвидетелей. После таких судилищ братья попадали в тюрьмы или в ссылки, лишались родительских прав, у них отбирали детей. В школах и учебных заведениях детей из верующих семей подвергали унижениям, им клеветали на родителей. Пережив все это и будучи уже в преклонных летах, один из братьев написал так: «Я всю свою оставшуюся жизнь очень высоко ценил то, что мы с женой духовно родились от воды и духа для новой жизни во Христе Иисусе именно в Челябинской общине, где все было поставлено и установлено в правильном порядке».

Прошло более пятидесяти лет со времени образования челябинской церкви, а она и сейчас живет, сберегая ту веру, которую мы принjali от старшего поколения наших братьев и сестёр во Христе.

И в стране и мире произошли колоссальные перемены. Верующие могут спокойно собираться на Богослужения. Церковь ведет строительство молитвенного дома, совершаются водные крещения и церковные браки, проводятся молодежные конференции. За последние годы многие братья уверовали в местах лишения свободы. Они полностью изменили свою жизнь, посвятив себя служению нашему Господу и Спасителю Иисусу Христу. Преимущественно наша церковь — это молодые многодетные семьи. Ни для кого не секрет, что в наши дни в России очень трудно

с жильем. Приобрести квартиру на зарплату невозможно, тем более, если имеешь несколько детей. В нашей церкви Господь расположил сердца нескольких пожилых одиноких сестер соединиться с многодетными семьями. Они тем самым улучшили жилищные условия многодетным, а сами получили надлежащий уход в старости.

Миссионерский хор проводит Богослужения в больницах, по городам области. Трудящиеся в Господе братья проповедуют Слово Божие в тюрьмах. В церкви действует воскресная школа, есть детский хор. Дети, вырастая, заключают Завет с Богом, и церковь пополняется новыми членами.

«Евангелист» (57)-3-2006

Вячеслав Токарчук

КИРХА ВО СЛАВУ СПАСИТЕЛЯ

Владимир Гроо, директор ЗАО «Челябобувторг» - человек в городе известный. Но далеко не все знают, что Владимир Яковлевич еще и глава лютеранской общины Челябинска. На первый взгляд может показаться, что это не самые совместимые вещи. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что как раз, наоборот, такое сочетание помогает решить массу проблем.

В общем, читателям будет, наверное, небезынтересно узнать больше об этом человеке и его судьбе. К тому же есть и еще один повод для такого знакомства: открытие в Челябинске первой евангелической лютеранской церкви - храма Спасителя.

Придя в разгар рабочего дня в офис на Карла Маркса, мы не сразу признали в его хозяйине председателя религиозной общины. Современный человек в строгом костюме совсем не похож на служителя культа. Да и обстановка просторного офиса отнюдь не настраивает на благоговейный трепет, какой испытываешь в храме. Все буднично и поделовому обыденно.

Но из беседы с Владимиром Яковлевичем выяснилось, что председатель совета общины необязательно должен быть духовным лидером. В общине таковым является 83-летний проповедник Рудольф Ланге. Хотя кто знает, может, в дальнейшем Владимир Гроо и примет рукоположение в сан... Как же получилось, что он пришел в общину и занял в ней почетное место? Да очень просто - почувствовал потребность в Боге.

- Семья у меня, особенно бабушка, была религиозной, - рассказывает Владимир Яковлевич. - Немцы вообще умели бережно хранить свою веру, несмотря на все гонения, которых в сталинские времена они претерпели немало. Отец мой был атеистом, работал главным инженером совхоза «Солнечный» и состоял в коммунистической партии. А вот мама была верующим человеком. И от бабушки я часто слышал молитвы, правда, сам не особенно ими интересовался. Но в жизни часто бывает, что какой-то случай может перевернуть все наши

представления о ней, как у меня случилось... Иногда же прозрение наступает только в самом конце. Помню, как умирал один деревенский вожак, еще вполне молодой, всегда веселый. В Бога он, будучи коммунистом, разумеется, не верил. Однако, оказавшись на смертном одре, потребовал причащения, наказал отпеть его. Так происходит со многими. Живут без веры, грешат, а умирая, вспоминают о Боге. Может быть, оттого мы лишь с возрастом становимся ближе к Всевышнему.

Пять лет назад Владимир Гроо окрестился. С этого момента он и начал постоянно посещать общину, постигая тайны священного писания. История лютеранства в Челябинске насчитывает много десятилетий. Но открыто заявить о себе верующие смогли только с началом перестройки. Стали принимать крещение (всего с того момента и по сегодняшний день окрестилось 900 человек), конфирмировались... Обряды венчания проходили в соответствии с лютеранскими канонами. Однако до недавнего времени, пока за дело не взялся Владимир Гроо, община была даже не зарегистрирована. На оформление юридического статуса ушло более полутора лет. Потом встал вопрос о собственном помещении. Очень помогли католики, которые отдали им свой молитвенный дом по улице Доменной, когда был построен костел. Но проводить богослужения в стареньком, требующем капитального ремонта

доме становилось все труднее. К тому же расположен он в очень неудобном для прихожан месте - среди канав и огородов, в низине, которую постоянно затапливает. Посчитав же, сколько потребуются денег на реконструкцию здания, община решила, что на эти деньги лучше построить церковь, потому что выльется это практически в ту же сумму. Заручившись поддержкой администрации, стали готовиться к строительству.

Надо сказать, мэр города Вячеслав Тарасов и бывший глава Metallургического района Валерий Шопов не замедлили дать добро, и вот 5 сентября прошлого года состоялось освящение будущей кирхи и закладка ее фундамента с участием пастора Иоганна Лисселя.

Место выбрали весьма удачное - вдали от городской суеты, по соседству с больницей на улице Черкасской, 2. А вот от первоначального проекта пришлось отказаться.

- У общины было традиционное представление, как должна выглядеть будущая церковь, - рассказывает Владимир Яковлевич. - Кирха в готическом стиле, какие строили в средневековой Германии, - классический немецкий собор. С таким проектом я отправился к епископу Урала, Сибири и Дальнего Востока Фолькеру Э. Зайлеру. Тот посмотрел и удивился: «Разве в наше время кому-то нужен такой средневековый замок? Вы ведь строите ее для современных людей!»

Перечить Гроо не стал, потому что епископ убеждал его очень аргументированно, прислав уже вдогонку в Челябинск длинное письмо с изложением своей позиции. Обсудив проблему на совете общины, Владимир Яковлевич решает разместить заказ у профессионального архитектора. Выбор свой остановил на Владимире Ковалеве, и известный челябинский архитектор это доверие оправдал. Эскиз уже материализовался в интересное культовое сооружение из современных материалов с прекрасной отделкой, кованой решеткой, множеством окон, фонтаном и изящным крестом.

В воскресенье, 3 ноября, в десять утра кирха впервые распахнет для прихожан свои двери - состоится ее торжественное освящение. На него, не исключено, придет даже глава Евангелическо-лютеранской церкви России, Украины, Казахстана и Средней Азии - архиепископ из Санкт-Петербурга Георг Кречмар. Наконец-то справедливость в отношении лютеран восторжествовала. До сих пор только они одни из представителей всех основных конфессий в Челябинске не имели своего храма. И вот теперь он, хотя и небольшой по размерам - рассчитанный всего на 144 посадочных места, появится у верующих, не только добавив колорита в архитектурный облик города и преобразив до неузнаваемости заброшенный некогда пустырь, но и обогатив духовную жизнь челябинцев.

- А то, что кирха построена неподалеку от костела, - это случайность или все же вы решили составить конкуренцию католикам?

- Ну что вы, мы ни с кем, разумеется, не соперничаем. Metallургический район исторически стал центром духовной жизни и лютеран, и католиков. Как вы знаете, множество немцев, которые и составляли основную массу людей, исповедовавших эти религии, находились здесь на строительстве Челябинского metallургического завода, а сейчас в этом районе живут их потомки. Что же касается конкуренции как таковой вообще, должен сказать, что лютеранство - очень терпимая и миролюбивая религия. Сейчас во всем мире идет сближение лютеран и католиков. С пониманием относимся и к православным, и к людям других конфессий. У нас даже такой случай примечательный есть: когда на кирху установили колокол, то выяснилось, что у него будет ходить только язык - как у православных. Нас это не смутило нисколько. Кстати, на колоколе очень символическая надпись: «Иисус - наш мир». А Иисус, как вы знаете, всегда призывал прежде всего к терпимости, а не к разъединению. Расскажу и другой случай. Еще когда только строили кирху, на ней свили гнездо голуби. Вылупился птенчик, строители подкармливали его. Для нас это хороший знак, ведь голубь - вестник мира, один из символов христианской веры.

Владимир Яковлевич признался, что испытывает глубокое чувство удовлетворения от того, что пришел к Богу и истинной вере. За плечами у пятидесятилетнего директора «Челябобувьторга» (свой полувек юбилей он отметил в этом году) богатая жизненная биография и долгий поиск самого себя. Воспитываясь в большой многодетной семье (у него шесть братьев и сестер), Владимир Гроо с детства научился трудолюбию и самостоятельности. Окончив среднюю школу, отправился в 37-е училище и, получив профессию крановщика мостовых кранов, добросовестно трудился на ЧМК. В армии тоже зарекомендовал себя хорошо: противокосмическое подразделение войск ПВО требовало строжайшей дисциплины. Потом, окончив Свердловский институт народного хозяйства, Владимир Гроо работал в сфере оптовой торговли, пройдя все ступени карьеры вплоть до директорского кресла, и всегда относился к любому делу с душой и добросовестно.

- А как ваши коллеги отнеслись к тому, что вы стали более воздержанным, наверное, чаще теперь отказываетесь от всевозможных соблазнов, посвящая себя больше жизни духовной?

- Они хорошо это восприняли. Не случайно мне помогают столько людей из числа крупных руководителей, например, директор завода металлоконструкций Виктор Боос...

- А семья как относится к тому, что вы возглавляете общину?

- Тоже с пониманием. Правда, сами они православные. У меня вообще очень хорошая семья. Сыну Марку уже семнадцатый год, и скоро ему предстоит определиться с выбором своей дороги в жизни.

Что ж, Владимир Яковлевич подает ему достойный пример. Ведь мог бы человек жить себе спокойно узкосемейными интересами, думать лишь о материальной выгоде. Оказывается, и в современной жизни, где преобладают

меркантильные интересы, есть место и для служения высокому, светлому, вечному.

**«Уральский курьер»,
1 ноября 2002 года**

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ (КРАСНОТУРЬИНСК)

История строительства

Ранее на месте строительства церковного дома находилось здание кукольного театра. Оно было передано лютеранской общине в безвозмездное пользование. 15 февраля 2000 года был составлен акт о реконструкции здания бывшего кукольного театра под Евангелическо-лютеранскую церковь.

Первоначальный проект был разработан реставрационно-строительным отделом Евангелическо-лютеранской церкви г. Санкт-Петербурга, затем проект был скорректирован ЗАО «Арх+», г. Краснотурьинск (директор Н.С. Плюснина).

Строительство здания церкви началось в 2000 году. Его начала строительная организация «АКФИ», затем продолжило ООО «Отдел Строй». В настоящее время строительные работы приостановлены по причине отсутствия финансовых средств. Остались не закончены отделка 2-го и 3-го этажей, благоустройство территории, часть вентиляции и подвал. 21 мая 2009 года здание было введено в эксплуатацию.

Монтаж колокольни выполнило ООО «СК Метерра» (директор А.Е. Липухин). Колокол был подарен общине г. Краснотурьинска Евангелической церковью Ганновера из Германии. Мебель для церковного здания сделана ФБУ Исправительной колонией № 3 (Краснотурьинск).

Помощь в строительстве церкви оказали предприниматель из Челябинска Владимир Яковлевич Гроо, сестра Фрик из Германии, Союз Мартина Лютера и Организация имени Густава Адольфа, а также Евангелическо-Лютеранская церковь Ганновера.

В августе 2004 года архиепископ Евангелическо-лютеранской церкви в России, Украине, Казахстане и Средней Азии Георг Кречмар освятил полуподвальное помещение, где начали проходить первые богослужения. Присутствовали мэр города Краснотурьинска В.Е. Михель, начальник канцелярии ЕЛЦ УСДВ Мурамцева Т.А. (Омск), пропст С.Ю.Фрицлер (Челябинск), пастор Дитер Гриммманн (Омск) и др.

22 ноября 2009 года архиепископом Августом Крузе был освящён основной зал для богослужений.

Павел Лазарев

**ВЛАДИМИР ГРОО,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА ЛЮТЕРАНСКОЙ
ОБЩИНЫ ЧЕЛЯБИНСКА:**

**«Я ПОМОГАЮ СТРОИТЬ ХРАМЫ И
НАДЕЮСЬ НА БОГА»**

25 декабря лютеране всего мира отметят праздник Рождества. Столица Южного Урала не исключение – здесь тоже состоится праздничное богослужение. Челябинская община лютеран не самая большая, однако влияние, которое лютеране оказывают на жизнь горожан, очевидно. О том, как идти к Богу и строить храмы, нам рассказал председатель церковного совета лютеранской общины Челябинска Владимир Гроо. Этот человек известен не только в мире бизнеса, но и как благотворитель, помогающие строить храмы. Лютеранский, православный.

– Владимир Яковлевич, расскажите, что за храм построен в Солнечном и чем он уникален?

– Жители этого поселка давно мечтали построить православный храм. А меня пригласили

поучаствовать в этом богоугодном деле не случайно, ведь я родился в Солнечном. Отказать в такой просьбе я, верующий человек, христианин не мог. Начал с создания инициативной группы по строительству православной

церкви, которую потом и возглавил.

В моей семье так сложилось, что я христианин, но лютеранин, а моя жена и сын – православные.

– **У вашего сына имя как у евангелиста – Марк? Чье решение так было его назвать?**

– Марк – красивое христианское имя, здесь и я, и жена были заодно. Я и церковь в Солнечном предложил назвать именем Николая Чудотворца, ведь люди, которые проживают в поселке, разных национальностей, а Николай Чудотворец как раз покровительствует всем народам.

Мы достаточно быстро построили эту церковь, получилась она очень красивой и рас-

положена в хорошем месте. Земляки мне постоянно говорят спасибо. Все, кто помог строить храм, понимали, чувствовали, что нужно, чтобы в деревне, которая много пережила, был оплот православной веры.

– **Я слышал, что там есть христианские реликвии!**

– Это уникальные реликвии, если быть точнее это семь мощей христианских святых. Николая Чудотворца, Марию Магдалины, Андрея Первозванного, Святой Параскевы

– **Откуда они появились?**

– Это удивительная история. Так получилось, что Челябинск посетил представитель папского престола. Мы тогда еще не были знакомы, но я через священнослужителя католической церкви, попросил о встрече и эта встреча состоялась.

Его зовут дон Антонио (Антоний) Минини. Мы с ним познакомились, и между нами сразу же возникла какая-то духовная связь. Я рассказал, что мы строим православную церковь, и хотелось бы, чтобы там были мощи Николая Чудотворца. Он живо откликнулся.

В следующий раз, когда он был здесь вместе с архиепископом, который объединяет всех католиков на территории Сибири, мы съездили в Солнечный на место строительства храма. Там представители папского престола беседовали с людьми, интересовались их духовной и мирской жизнью.

Вот таким удивительным образом в первый раз мы получили, по-моему, три частицы мощей, а второй раз еще четыре и так далее.

– **Это по разрешению Папы было сделано?**

– Дон Антонио представитель папского престола, но, думаю, и для него отправить святыни на далекий Урал было непросто. Однако благодаря Божьему провидению в Солнечном есть святыни, которым благоговейно поклоняются верующие. Естественно, документы,

подтверждающие, что мощи настоящие, хранятся в церкви.

Сейчас Дон Антонио в Англии, также представляет папский престол.

– **Интересная ситуация получилась: католики, православные и лютеране – произошло объединение ради общего дела...**

– Я думаю, что это символично, потому что для меня любая религия имеет право на жизнь, если она проповедует мир на земле и любовь. У меня хорошие отношения и с католиками, и с православными. Конечно, мы и к мусульманам очень хорошо относимся. В религии, еще раз повторяю, главное, если она проповедует главные духовные ценности. Соответственно, нас, лютеран, здесь, может, и меньше, но мы вместе со всеми конфессиями несем добро и Божью любовь в этот мир.

– **Владимир Яковлевич, расскажите историю строительства лютеранского храма. Ему ведь уже десять лет?**

– В этом году нашему храму исполнилось десять лет. Кстати, мы с вами встретились в удивительный день, сегодня праздник Реформации. Он отмечаемый в честь основания Евангелической Церкви.

Как мы строили наш храм? Это тоже интересная история. Тогда еще был жив пастор общины Иоганн Лисель, вся община понимала, что нам нужна собственная церковь. Помогли нам тогда католики, они отдали на ЧМЗ помещение в аренду, за небольшие деньги. Но настало время, когда лютеране приняли решение строить свою церковь. Обратились к властям, в то время главой Metallургического района был Валерий Шопов, мы знали друг друга хорошо, и, когда я к нему обратился за помощью в этом деле, он не отказал. Место для церкви было выделено, я считаю, хорошее. С одной стороны, здание не мешает, с другой, – оно стало украшением этого городского района. Однако вернемся к началу

истории. Тогда к нам приехал епископ Урала, Сибири и Дальнего востока, мы представили ему первый эскиз – это было традиционное островерхое здание протестантской церкви. А он нас раскритиковал, сказал напрямую: «Зачем строить такие кирхи, когда вокруг современный город растет, нужно строить современное здание». Мы сначала даже не поняли, почему он против традиций

В то время пастором был Рудольф Ланги, вместе с ним мы привлекли к работе архитектора Владимира Павловича Ковалева. Он очень известный, талантливый человек, но даже у него долго что-то не получалось, он долго искал, экспериментировал, переделывал. И вдруг он показал нам этот удивительный проект, который всем сразу понравился. В нем есть и готические черты, и в то же время, когда смотришь на храм, не ошибешься – это стильное современное здание.

В октябре был заложен фундамент, его освятили. Вся община пришла, мы пели псалмы, радовались как дети. Через год храм был построен, на его освящение приехал сам архиепископ.

Хочу поделиться впечатлениями о первой своей встрече с архиепископом Георгом Кречмаром. Когда я ехал на встречу, то представлял, что с ним будет ограмная свита. А увидел пожилого человека с одним сопровождающим. Было уже прохладно, а он легко одет. У него высокое духовное звание, и он так запросто странствовал по России, вот такими и должны быть духовные отцы, наставники, которые не гоняются за регалиями и внешним блеском...

На освящение было много народу, и сейчас в храме регулярно проходят службы, все очень довольны, наша община растет. К сожалению, те люди, которые стояли у истоков лютеранской общины в Челябинске, это этнические немцы, они умирают уже, их все меньше и меньше. Но радует то, что люди,

которые говорят на русском, притом разных национальностей, принимают веру лютеран.

– **На вашем «счете» еще и православная церковь в Харлушах?**

– У нас дача на озере Миассово, и мы много-много лет ездили по этой дороге, но вид разрушенной церкви примелькаться не мог. У церкви трагическая судьба: во время революции там убили двух человек, по-моему, священнослужителей. В этом году отмечали 150-летие этой церкви. И вот мы на семейном совете все-таки решили начать восстанавливать этот храм. Естественно, в таком деле всегда находятся помощники. Быстро сделали проект и отстроили храм! Это очень красивая церковь, там, правда, сменилось несколько священнослужителей, тем не менее храм живет и развивается. И я еще раз повторяю – все религии хороши.

– **Владимир Яковлевич, а вас что привело в религию? Или религия была всегда вместе с вами?**

– Бабушки, мама, они были верующими людьми. Женщины сохранили веру, а мой папа, как это ни удивительно звучит, был коммунистом, притом таким, серьезным. И поэтому, если до школы я еще знал молитвы, бабушки, понятное дело, научили, то, став взрослее, превратился в дремучего атеиста. И только потом, много лет спустя, все равно пришел к пониманию того, что Господь Бог существует.

– **А в какой момент? Вы помните, когда к вам пришло это понимание?**

– Я пришел в веру через Николая Чудотворца. Сначала мне очень нравилась мысль, что Николай Чудотворец покровительствует всем национальностям, это так человечно и гуманно. А потом настали тяжелые времена, и вот в какой-то критический момент в моей судьбе возникла эта ниточка, которая соеди-

няет человека и Бога. Может быть, она была всегда, но однажды ты начинаешь чувствовать ее так, как будто она стала вещественной, осязаемой. И теперь я окончательно уверен, что к Господу нашему привел меня Николай Чудотворец.

Мама была очень рада – она тогда была еще жива, – что я вернулся в веру. За мной в церковь пришла и моя старшая сестра.

Умирая, мама наказывала, что мы не одни, у нас есть еще братья и сестры, она как бы переложила груз ответственности на нас, чтобы наши близкие тоже вернулись в веру.

– **А как вы считаете, в эпоху Интернета людям вообще нужна религия?**

– Безусловно, религия нужна каждому и в эпоху Интернета. Многие этого просто не осознают, потому что человек проживает несколько этапов: когда он ничего не понимает, когда ему весело и радостно, когда за него многое решают родители и он не чувствует никакой ответственности. Но приходит пора, когда он вынужден принимать основные решения сам и воспитывать своих детей, возможно коллег, друзей тогда, мне кажется, возникает у человека потребность в Боге. Это некая духовная связь.

В писании написано: «Бог знает своих». Это означает только одно, что до кого-то он уже достучался, он знает, этот человек рано или поздно станет верить, он вернется. Но есть реальные атеисты, они так устроены, они, возможно, никогда не поверят в существование Бога и на всю жизнь останутся потерянными людьми. На сегодняшний день известно, даже ученые, примерно 50%, верят в существование Господа, другие 50% не верят. Но проверить экспериментальным путем существование Бога не дано никому.

Конечно, когда ты ощущаешь Его покровительство во всех своих делах, вообще в жиз-

ни, это придает уверенность. И когда ты сам веришь, ты можешь сказать своему сыну, как нужно делать правильно. К сожалению, такая прямая связь между поколениями нарушена. Многие прихожане у нас жалуются, что с детьми очень сложно разговаривать, они стали словно Фома Неверующий: «пока не вложу свои пальцы в твои раны, я не поверю, что ты воскрес». Но сегодня большинство серьезных ученых убеждены, что наш материальный мир – это примерно 6%, а остальное – это энергия. Энергия – материя, эфир – энергия, эфир – Бог, это утверждение канонизировано еще Ньютоном.

– **Что для вас вера? Это набор каких-то стандартов, которым нужно соответствовать? Или нечто большее?**

– Многие спрашивают, что такое вера? Если взять основные заповеди Евангелия, первая гласит: «Возлюби Господа Бога всем сердцем, всей душой, всей крепостью души своей», и вторая, как первая: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Вот это настоящая Любовь. Выше этих заповедей ничего нет. Можно читать Библию до бесконечности, там много интересного, это же самая читаемая книга! Но вот это самое главное.

Что такое религия? По сути-то дела. Если бы все следовало этим простым правилам Но это, оказывается, очень сложно, ближнего возлюбить. Как мы привыкли иногда спорить, отстаивать свое, а на самом деле, нужно прощать и помогать.

Но понятие «ближний» не для всех ясно. В Библии есть толкование, что такое «ближний» – это тот, кто оказал тебе милость. Мне это немного напоминает теорию комплиментарности. Кто-то оказал милость, пошел тебе на встречу, и ты пошел ему на встречу. Но дружить невероятно сложно, и в этом смысл сближения. Даже своего соседа нужно научиться любить и уважать.

– **Чем живет лютеранская община Челябинска?**

– Во-первых, недавно мы пережили траге-

дию: несколько лет назад умер наш пастор. В общине не было священнослужителей, сложная ситуация. Но мы всей общиной искали пастора, молились И вот пришел Вольдемар Йессе, необыкновенно грамотный, когда с ним общаешься, понимаешь, это человек Бога. В Библии написано, какие требования предъявляются священнослужителям, что это должен быть отличный семьянин, несребролюбив, мягок, добр, вместе с тем тверд в вере. Все эти качества удивительным образом сошлись в этом человеке, который к нам приехал. У него прекрасная семья, верующая жена, четыре чудесных сына. Нам просто повезло, и община растет.

С нами и те люди, которые в «темное» время пришли в церковь: Владимир Конев, Валерий Смирнов. Сегодня мы обращаемся к нашему епископу с просьбой ввести в должность Владимира Конева, на правах пастора и Валерия Смирнова как проповедника. С приходом этих и других людей община расцвела.

Но самое главное, теперь у нас три священнослужителя, это просто удивительно, они все трое, умеют составить действительно интересную проповедь. У нас вообще службы не длятся долго, примерно час. В это время мы послушаем и проповедь и поем песни восхваляющие Господа. И это логично, мы все знаем, что человек может концентрировать свое внимание около 45 минут, поэтому делать их бесконечно длинными, бессмысленно. Лучше сжато, кратко, ну и, главное, доступно рассказать о Боге, о том, что Он ждет от нас и как любит людей. Службы ведутся в большинстве своем на русском языке, а на немецком, как правило, для пожилых людей.

– **Лютеранская община с молодежью ведет работу?**

– С молодежью мы работаем, активно привлекаем их к жизни общины. Конечно, хотелось, чтобы больше молодых людей получало основы религиозных знаний, потому что новое поколение часто не знает и не понимает что такое религия.

Если у любого человека спросить «что такое Бог?», он по-разному ответит. Писатели утверждают «природа наша», некоторые из пологого мира говорят, что это информационные поля четкого представления, ни у кого нет. Некоторые утверждают, что это пришельцы, их обожествили, когда-то наши предки. Конечно, хотелось бы, чтобы люди понимали, Господь Бог – всесовершенная и триединая личность.

– **У вас на столе фотография лютеранского храма Челябинска. Гордитесь им?**

– Наш храм мне очень нравится, я считаю,

что оно украшает Metallургический район. Ну и церковь православная, которая в Солнечном, мне кажется прекрасной. Она и изнутри красива, такая светлая, божественная одним словом. И в Харлушах храм прекрасен, видно, что архитектор, который создал ее, душу вложил в эти пропорции.

Господь поставил меня на служение людям, я помогаю строить храмы, и надеюсь, что Он даст мне силы и для дальнейшего Его прославления.

Нина Чистосердова

ПАСТОР – ЭТО ПРИЗВАНИЕ

Пастор Вальдемар Йессе с женой Катариной и сыновьями Тобиасом, Оливером, Йонасом и Юлианом в Челябинской кирхе. Фото Ирины Подгорных

В 15 лет Вальдемар Йессе навсегда простился с СССР. Их большая семья уезжала в Германию, на историческую родину. Но 12 лет спустя он вернулся в Россию с женой и тремя сыновьями, младшему Йонасу было всего четыре месяца. Сегодня в гостях у mediazavoda настоятель Евангелическо-Лютеранской церкви Челябинска, пробст Уральского региона, пастор Вальдемар Йессе.

В самом начале его служения в Екатеринбурге кто-то из чиновников спросил молодого пастора: «Что, в Германии так плохо? Люди обычно ищут, где лучше» «У

меня другой принцип, – с достоинством ответил Вальдемар, – я там, где нужнее!»

В. Йессе заканчивал теологический факультет университета, когда в Германию приехал архиепископ Евангелической церкви России Август Генрихович Крузе, он искал служителей для новых общин. Вальдемар прекрасно подходил для этого. Его бабушка и дедушка жили в России. В начале войны их депортировали из Поволжья и Грузии в Южный Казахстан. Как и все сосланные немцы, жили в сложных условиях. Единственным спасением были язык и вера. С детства их маленький внук знал библейские истории и молитвы, хотя в церковь ходил не всегда. Когда в 1989 году, еще до перестройки, семья переехала в Германию, Вальдемар получил высшее экономическое образование. Отец мечтал, что старший сын сделает карьеру в бизнесе. А он вдруг решил служить Богу и поступил в семинарию.

На молодежных курсах познакомился со своей будущей супругой Катариной, тоже русской немкой. Самое невероятное, что они с Катей родились в одном казахстанском роддоме, жили в одном селе Георгиевка, на границе с Киргизией, а познакомились только в Германии, в лютеранской общине.

В ФРГ сосредоточено наибольшее число лютеран в мире – 27 миллионов, они составляют 35 процентов населения. Это официальные данные. Но многие старинные красивые кирхи полупусты. Христианская Европа все дальше отходит от Бога. А в России, наоборот, открываются новые общины, но служить в них некому. Об этом говорил архиепископ Крузе молодому пастору, став его духовным наставником. Нет, он не сулил ему золотых гор – обещал только одно: будет много работы. «Чем больше сан, тем больше лопата!» – говорил Крузе. Но именно об этом и мечтал Вальдемар: нести людям

веру, все силы отдавать служению Господу.

В 28 лет он вернулся в Россию, в Екатеринбург, где лютеранскую общину пришлось создавать с нуля. Какой это был удар для его родителей, лишившихся сразу троих внуков! А вот молоденькая жена не раздумывала ни минуты. «Я, что, могла отпустить мужа одного? – удивляется моему вопросу Катарина. – Все зависит от нашего настроения. Это призвание Божие. И Господь дает нам силы, любовь и терпение на этом пути».

Сегодня старшему Тобиасу уже 15, Оливеру – 14, Йонасу – 12. И они давно не спрашивают, почему люди в России пьют, матерятся, гадят в подъездах. Я не знаю, как родители объясняли им это после немецких чистоты и порядка. Но самое потрясающее: четвертого ребенка Катя родила здесь, на русской земле. «Мы приняли это решение, чтобы показать нашим прихожанам, что не бежим от трудностей, готовы разделить их вместе с ними». Сегодня Юлиану уже 11. Все эти годы их отец служил пастором в Екатеринбурге. Что удалось сделать? «Слово Божие не возвращается тщетно, – говорится в Писании. – Три первых заповеди обращены к Богу, остальные семь к людям. Если Бог изменит твое сердце, то и твое отношение к людям станет другим», – размышляет он вслух.

Лет пять его община занималась беспризорниками: не только кормила-одевала, но возвращала в семьи, устраивала в реабилитационный центр, интернат, искала жилье и работу. Несколько лет спустя в церковь заглянули два приличных молодых человека. «Вы меня помните?» – спросил один из них пастора. И рассказал, что они вернулись в семью, учатся, получают профессию, то есть вырвались из этого чертова круга и устраивают свою жизнь. «Конечно, таких единицы, – резюмирует Вальдемар, – Но меня научил один пожилой служитель: будь верен в малом, Бог доверит великое».

- Ваше назначение в Челябинск – это повышение по службе? – спросила пастора, вызвав у него смех.

- Это не повышение и не понижение, а принцип нашего служения. Нас, как военных, меняют раз в десять лет и могут послать в любую точку России. Но насильно здесь никто не держит. Мы можем вернуться в Германию в любой момент. Тем более, наверняка, наши дети захотят получить высшее образование не в России. Все равно когда-то придется их отпустить – либо здесь, либо там. У нас это принято в год совершеннолетия – 18 лет. Хотя сам я покинул дом только в 21, когда закончил экономический факультет и прошел альтернативную службу по уходу за больными и престарелыми на дому. Эти полтора года помогли мне гораздо лучше понимать пожилых людей. Да и с родителями у нас замечательные отношения. Мы каждый год навещаем их всей семьей, чтобы дети не потеряли с ними контакт.

- Своих сыновей вы тоже видите слу-

жителями церкви?

- Многие родители хотят воплотить свои мечты в детях, я хочу, чтобы они сами выбрали то, что их удовлетворяет, что делаешь с радостью, от всего сердца. Тогда профессия становится призванием, а это значит, процентов 40-50 счастья в жизни тебе обеспечено. Я сам имел право выбора и предоставляю его своим сыновьям.

- Пока вы их только загружаете, чтобы избежать дурного влияния?

- Они сами увлекаются спортом, причем каждый выбрал то, что ему нравится. Юлиан играет в футбол в «Метаре», Йонас – в бадминтон, Оливер предпочитает баскетбол. Тобиас занимается в тренажерном зале и в музыкальной школе по классу гитары. Спорт дает общение со сверстниками и не оставляет времени на глупости. Кроме того, мы с супругой считаем, что мужчина должен уметь делать все. Дома у нас есть график дежурств: мальчики по очереди моют посуду, убирают в своих комнатах. Если я что-то делаю по дому, обязательно помогаю мне. С приходом холодов вместе меняли резину на колесах нашего микроавтобуса. Один из сыновей охотно и вкусно готовит. Конечно, проще все сделать самому, но тогда не воспитаешь ответственности.

- Расскажите о рождественских традициях лютеран.

- Четыре недели перед Рождеством, которое мы празднуем 25 декабря, называются адвент – торжество. Это время ожидания, приготовления к радости. Каждую неделю на алтаре зажигается новая свеча, а на Рождество засияет елка. Прихожане пекут необычное печенье – плецхен с орехами, изюмом (супруга напекла аж 12 разных сортов) и угощают друг друга. Люди собираются вместе, поют, устраивают викторины, слушают музыку. Это такое радостное общение в предвкушении победы света.

- У вас и службы какие-то радостные. А как же пост?

- Когда ты чему-то радуешься, ждешь праздника, надо ли соблюдать пост? Лютеранская церковь очень светлая, она не только для немцев и пенсионеров, как принято считать.

Мы не делим людей ни на нации, ни на конфессии, к нам может прийти любой. Все обряды у нас от крещения, венчания до отпевания бесплатны. В храме звучат органная музыка и песнопения. Мы хотим дать возможность людям укрепиться в вере. Если уж нам нечему радоваться, тогда вы не понимаете сути христианства: родился Спаситель, он победил дьявола, поправил смерть и даст прощение от грехов по благодати и милости. Если эта радость живет в вашем сердце, она будет исходить из него и передаваться людям. Всех христиан поздравляю с наступающим Рождеством Христовым!

20.12.2012

<http://mediazavod.ru/articles/130174>

ПИСЬМО МАТЕРИ

«Май сорок третьего. В один из его стылых дней на станцию Плесецкая пришел состав. Когда открыли вагоны, из них стали выходить женщины разного возраста – в летних платьях, некоторые даже босиком. Они и не знали, что здесь в конце мая может лежать снег. Это были немки из Казахстана. Не по своей воле они приехали сюда: таково было решение правительства...»

**«Плесецкие новости»,
28 января 2003 (10)**

Состав тот был отправлен со станции Таинча с трехдневным(!) опозданием, и женщины, ожидавшие на перроне под открытым небом, восприняли его уже как избавление. Теперь им, обессилевшим морально и физически, даже эта страшившая поначалу отправка в неизвестность показалась благом. Едва попав в вагон, они буквально валились с ног и тут же засыпали. Мало кто из них прильнул к зарешеченным окнам, чтобы попрощаться с не столь уж родными краями. Выселенные с Украины, Поволжья, Кавказа, они прибыли в Казахстан перед войной, и многие так и квартировали во времянках у местных казахов или в наспех вырытых землянках. А теперь вот новый этап. Только уже в пути им объявили, что везут их на север для работы на военных заводах под Архангельском. «Ну, хоть не в Челябинск, и то ладно», – облегченно вздохнули они. Такие вот непривередливые пассажиры.

Страшное слово «Челябинск» было на уме у всех, потому что множилось число мужчин, успевших сгинуть в том краю. Хотя всего-то годом раньше и были они призваны туда в трудовую армию. А узнали об этом от тех немногих, списанных из нее по состоянию здоровья, которые, как правило, умирали по возвращении домой. Но умереть дома – это уже толика счастья. Все же не в тех безымянных отвалах, где люди, не выдержав голода, едят породу и отправляются на тот свет раньше других. Если прибавить к этому, что «бойцы трудовой армии» содержатся в бараках за колючей проволокой, с вышками и собаками по всему периметру зоны, то картина станет вам близкой и понятной. Ведь сей унылый пейзаж хорошо знаком советским людям. Конечно, «трудоармия» звучит благоднее, чем «тюрьма», однако лагерь – он и есть лагерь, как ты его не назови. Но кое-кого это все же вводило в заблуждение.

Известно немало случаев, когда эков, клюнувших на слово «армия», досрочно освобождали и переводили из «родной» зоны в зону трудовой армии. Были это, в основном, уголовники, рассчитывавшие если уж не на «легкие хлеба», то на возможность сбежать – это точно. Но первое же знакомство с условиями, в которых жили трудовые армейцы, повергало в шок даже видавших виды эков, вызывая у них тоску «по родным пенатам».

Это не очень-то лирическое отступление

мне понадобилось для того, чтобы у неискушенного читателя не осталось иллюзий насчет понятия «трудоармия». Вернемся к нашим пассажирам.

эшелону давали зеленую улицу, и к сумеркам он прибыл на станцию Мамлютка, где пополнился новыми мобилизованными. Тина была, пожалуй, одна, кто еще не спал в этот час, и ее внимание сразу же привлекли две женщины, спешившие к вагону. В руках у них было по мешку, который каждая бережно, словно какую-то хрупкую посуду, несла перед собой. Позади с небольшим узлом семеняла старушка. Когда же поезд тронулся, Тина с удивлением увидела, что в вагоне осталась лишь одна из них. Женщина сделала несколько шагов в попытке отыскать свободное место, но тут же возвратилась к «буржуйке», где стояли ее вещи. В растерянности всматривалась она в тусклое пространство вагона, явно не решаясь пройти дальше. Тина быстро подошла к ней и взялась за мешок:

– Давай помогу. У нас там есть место.

– Ага, – обрадовалась та и поспешно подала ей узел. – Только возьми лучше это. А мешки я сама.

Перенесла она их по одному и с превеликой осторожностью. Это не укрылось от глаз разбуженных соседок.

– Уж не хрустало ли какую везешь, девка? – насмешливо спросила старшая из них, Эрна.

– А может быть, золото? – хихикнув, поддакнула Хельга, та, что помоложе.

И тут вновь прибывшая, развязав тесемки на мешках, с мольбой прижала руки к груди:

– Девоньки, не выдайте. Детки тут мои.

– ?!

Возникла гнетущая тишина, на фоне которой отчетливо, с какой-то нарастающей угрозой воспринимался перестук колес. В это время из первого, а следом и из второго мешка на белый свет явились две маленькие девочки, на вид погодки, и тут же облепили с обеих сторон подол матери. Не издав ни звука, они только вертели своими детскими головками, но в глазах их не было того страха, что просто обязан был присутствовать в данной ситуации. В них, скорее, стояло удивление: дескать, чего это тетеньки на нас так смотрят?

– Ма-атерь Божия! – перекрестилась Эрна.

– Да как же ты сподобилась? А ну, как...

Она не договорила. Сбоку вдруг раздался сдавленный вскрик: «Да это же Роза!» И с лавки кубарем скатилась третья женщина. Порывисто обняв мать девочек, она тут же переключилась на них самих, тиская и осыпая поцелуями.

– Ниночка, Лидочка, детки мои. Это я, ваша тетя Катя. Вот я вам щас гостинец, – она пошарила рукой в узле на лавке и протянула обеим по сухарику: – Ешьте!

Дети, несказанно обрадовавшись, тут же захрустели подарком, не отцепляясь, однако, от маминого подола. А Катя так же внезапно отстранилась, зарылась лицом в ладони и заплакала:

– А я свою Ирмочку оставила. Сказали: раз, мол, бабушка есть... А что бабушка? За ней самой уход нужен.

Смена настроения произошла так быстро, что ни Тина, ни Эрна с Хельгой не успели порадоваться вместе с ней за детей Розы. А вот причитания ее подхватили сразу. Заслышав плач, к ним стали подсаживаться другие женщины. Каждая из них ласково касалась девочек: всех их разлучили с детьми, и в это нежное прикосновение они вкладывали всю свою нерастрченную любовь.

– Как же они у тебя очутились? – чуть успокоившись, тихо спросила Катя. – Я слышала, что их в детдом должны были забрать?

– Их и забирали. Еще до отправки. А состав-то наш задержали. Вот мы их с соседкой тетей Грушей и выкрали сегодня утром из приюта. Она с дочерью своей и проводила меня сейчас. Ее там все знают: она русская, так никто даже и ухом не повел, что дети с ней ушли. Да и кому они там нужны?

– Ну, нужны – не нужны, а все же на месте были бы, – поджав губы, засомневалась Эрна. – Война кончится – знаешь, где их искать. Нас же не на всю жизнь гонят. А ну, как посодют теперь тебя в каталажку: где, в каком приюте искать их будешь?

– Никто ее не посадит, – вмешалась Тина. – Это Сам Бог усмотрел, чтобы она вернула себе детей. Он и впредь позаботится о них. Отдай все в Его руки, Роза.

– Ага, – воспротивилась Эрна, – твоими бы устами да мед пить. Что же это твой Бог, если Он есть, позволяет с нами так обращаться? Хуже, чем со скотом. Не-е, боюсь, упрячут тебя, дева, за решетку.

– Не упрячут, – повысила голос Тина. – Мы нужны на военных заводах, а не в тюрьме. Слышали ведь, куда нас везут. Надо думать, как помочь ей сейчас.

– Так обнаружат ведь рано или поздно, – боязливо вставила Хельга. – Будет тогда нам всем на орехи.

– Не обнаружат. Прятать будем, пока на место не приедем. А там уж как Бог усмотрит.

– Там – да, – кивнула Роза. – Там уж будь что будет.

– Да, будь что будет, – чуть слышным эхом отозвалось уже по всему вагону, а сама Роза, прижимая к себе девочек, несмело об-

ронила, – Оно, может быть, и правда, Бог усмотрит?

– Будешь молиться, Он обязательно позаботится о них, – заверила Тина. Ее спокойный тон женщины принимали по-разному: кто-то прислушивался к ее словам, а кого-то они раздражали.

– Ага, молись, только лоб не разбей, – проворчала Эрна. – Нам ли тут на Бога надеяться, когда все зависит вон от тех, с ружьями, – она кивнула куда-то вбок. – Что им командиры скажут, то и сделают.

– Вот и надо молиться, чтобы Бог смягчил их сердца. Добрый человек не станет творить зло.

– А с чего бы им подобрать? Да и Бог: разве Он один за всеми поспеет? Ну, задобрит одного, а тут уже другой злыдень на его месте. Зло – оно испокон веку зло. У него, у зла этого, семь голов, как у Змея Горыныча: одну срубишь – тут же другая вырастает. Не-е, плетью обуха не перешибешь.

– Бог не плетью меняет человека, а любовью, – улыбнулась Тина. – Потому что Бог Сам есть любовь. Да и люди – не железные, а живые. От плетки никто добрее не станет, разве что озлится больше; а прояви любовь, смотришь – и человек другим стал.

– Э-э, – махнула Эрна рукой, – видать у тебя, девка, не осталось дома хвоста, что такие советы раздаешь. Вон, спокойная какая.

– Да нет, остались и у меня детки, – вздохнула Тина и нежно погладила девочек. – Вот ровно такие же две доченьки, семи и пяти лет, да старшему сыночку одиннадцатый пошел.

– А с кем же они остались? – стушевалась Эрна от своего опрометчивого предположения.

– С отцом. Только Артур-то мой больно немощный: хворью какой-то совсем обезножил. Ни сам встать, ни пройти без помощи не может. Поэтому и вся надежда моя на Бога. А слезы-то я давно уже все выплакала.

– Ты уж прости меня, неразумную, что ляпнула не подумавши, – тяжело вздохнула Эрна. – Все мы тут такие обделенные. Только все равно не понимаю, как Бог твой этих извергов в добряков превратить может. Да и кто из них этого захочет?

– Кто услышит Бога, тот и захочет. Услышит и поймет, что будет держать ответ за все, что творил на земле. Тогда и в делах своих грешных покается, чтобы избежать вечной гибели. Этот-то страх Господен и удерживает многих от зла. Ведь кто против Него идет, тому в вечности одна дорога – в ад.

– Чудно ты говоришь, – подала голос Роза. – Как это Бога можно услышать? Он что, прямо так вот с нами бы и разговорился?

– Он говорит с нами через Свое Слово.

– Да что же это за Слово такое?

– Библия, – коротко ответила Тина и достала что-то из своего узла. Многие женщины, услышав про книгу, тут же ретировались на свои места. Но некоторые остались. – Здесь все про все написано.

– А-а, магия, – догадался кто-то. – Сербиянки на ней гадают.

– На Библии не гадают, – мягко сказала Тина. – Она учит.

– Дак они все учат, – усмехнулась Эрна, – тому, что мы и сами знаем. А вот скажи: есть ли в ней что-нибудь про трудармию, а?

– Есть. В ней есть про страдания, что людям претерпевать приходится. Страдания людские – они ведь все на одно лицо.

– Эх, жаль, темно уже, – посетовала Хельга. – Почитала бы нам.

– У нас путь долгий; успеем и почитать, и обсудить. Все успеем, – улыбнулась Тина. – А теперь давайте наших «зайчиков» пристроим так, чтобы их не обнаружили.

Забегая вперед, скажем, что обе девочки – и Лида, и Нина – оказались настолько смыслеными, что не создали больших хлопот тем, кто взялся помогать их матери. Ни разу за все одиннадцать суток не возникло у конвоя ни малейшего подозрения. Стоило им появиться в вагоне, как дети тут же скрывались в ворохе узлов. И за весь нелегкий путь никто не слышал от них слова жалобы. Только голодные глазенки выдавали подлинное состояние девчушек.

А жаловаться было на что: продуктов у самой Розы почти не было, как, впрочем, мало было их и у других женщин, недавно переселенных в Казахстан. Им просто еще неоткуда и не на что было их взять. Кормили же мобилизованных один раз в сутки. Но назвать это пищей можно было лишь с большой натяжкой: черпак мутной жижи с сиротливо плавающим капустным листом да такой же одинокой, почерневшей картошкой – вот и весь рацион. Правда, у женщин, которые уже долгое время жили на казахской земле, продукты были, и их положение было не таким отчаянным. Они варили себе и супы, и каши, и некоторые из них, ущемляя себя, поддерживали детей Розы. Это были те, что с самой первой ночи сгруппировались вокруг Тины, и проникновенные слова Библии находили отклик в их сердцах, западали в душу и оставались там навсегда. Воистину, вера от слышания: «Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом...» – читала Тина, и они, всплакнув, примеряли все это на себя. А поделившись с детьми, получали такое необыкновенное благословение Божие, что и сам голод отступал куда-то на второй план. На первый же план в сердца селилась неизъяснимая, неземная радость: «И отдашь голодному душу твою, и напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдет во тьме и мрак твой будет как полдень...» И светлели лица женщин: Бог все видит! Значит, не вечно будут нам страдания.

С нетерпением ждут они, когда Тина соберет их вновь, чтобы услышать библейские истины. И скрадывалась этим общением утомительная и голодная дорога. Быстрее летело время.

Уже на вторые сутки глубокой ночью Роза разбудила Тину. И та не увидела – почувствовала, что она вся в слезах.

– Тина, – тихо шепнула Роза, – не сердись. Уснуть я не могу. Счастье во мне какое-то! Не Господь ли зовет меня? Что мне делать?

Легко скользнула Тина на пол на колени и увлекла за собой Розу. И так же тихо шепчет ей:

– Молись, Роза. Это Господь открылся тебе. Проси Его простить и принять тебя дитем Своим. Не удерживай слов, обо всем скажи Ему, что наболело.

А Роза уже и сама склонилась до пола и, едва сдерживая рыдания, изливает Господу свою душу. Только и слышится из приглушенного отчетливое: «Прости, прости, Господи!» А перестук колес рефреном повторяет вслед, усиливая значимость слова и момента: «прости-прости, прости-прости!»

– Так, Господи, так, – изредка поддерживает ее и Тина и видит, что еще несколько женщин встают рядом на колени и вышептывают Богу свое самое сокровенное. Чудный, ни с чем не сравнимый, благословенный миг покаяния! Каждая из них явственно ощущает, как Господь касается ее. О, сколько душ спасает Бог вот этим одним Своим прикосновением! Слава Ему! Долго не могли уснуть в эту ночь новоиспеченные сестры во Христе.

Другие женщины сторонились их. Они вообще предпочитали обособляться и не делиться ни с кем своими продуктами. Странно, но именно они впоследствии стали первыми жертвами голодного режима трудармии. Уже к концу пути, когда запасы кончились, многие из них за короткое время так обессилели, что по прибытии на место их пришлось вынести из вагона. А некоторые так и не смогли потом оклематься к жизни. Наличие продуктов сыграло с ними злую шутку. Разделившие же свое с другими, оставшиеся ни с чем, притерпелись к голоду еще в пути и легче перенесли все тяготы трудармейской жизни. Воистину: «Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив, и однако же беднеет. Благотворительная душа будет насыщена; и кто напоет других, тот и сам напоен будет...»

* * *

Комендант Иван Карпов – щеголеватый, подтянутый майор за сорок лет – в который уж раз! – перечитал полученное утром письмо от матери. Это было ее письмо-исповедь. Уже одно то, что она жива, переполняло его душу огромной радостью. Ведь больше года, то есть с того момента, как их завод эвакуировали в глубь страны, он ничего не знал о ней. Как оказалось, с поезда в Алма-Ате ее сняли уже тяжелобольную, и не умерла она лишь благодаря одной верующей санитарке, которая взяла ее к себе из госпиталя и все это время ухаживала за ней.

«Она говорила мне о Боге, – писала мать, – и я пришла к Нему. И тогда Он услышал наши молитвы и исцелил меня... Торопись делать людям добро, сынок, потому что этим ты исполнишь заповеди Христа, и Он не оставит и тебя Своей милостью.» Дальше шел библей-

ский текст о пришествии Сына Человеческого в славе. О том, как отделит Царь одних людей от других.

Иван пробежал текст глазами. Ничего необычного в том, что старушка обратилась к вере, он не видел. В эту страшную годину многие, и не только старые, вспомнили о Боге. Его умилила ее просьба и та наивность, с которой она уговаривала его на добрые дела. «Эх, мама, – вздохнул он, – если бы ты знала, насколько тут не в чести доброта. И рад бы другой раз быть добрым, да не для здешнего это люда».

Тут в кабинет к нему вбежал возбужденный дежурный станции, его давний приятель Томир:

– Ваня! У нас там ЧП: ну, с немками этими. Там тако-ое... Да сам увидишь. Давай, бегом!

Встревоженный Карпов поспешил вслед за ним на перрон: беглого взгляда на выстроенных «бойцов» оказалось достаточно, чтобы исчезло гостившее у него с утра прекрасное настроение – его как не бывало. Улетучилось оно от одного их вида. Многие женщины еле держались на ногах. Другие и вовсе были босыми.

– Не туда смотришь, – кивнул Томир. – Вон, справа.

Там на фланге, отделенная от строя конвоём, стояла женщина... с двумя детьми.

– Мать честная! – сипло выдавил майор. – Только этого мне не хватало.

Скрипнув зубами, он шагнул к ней, и весь строй замер. Роза же в молитве опустила

на колени, прислонив к себе детей.

И майор растерялся: вид молящейся женщины вмиг вызвал в памяти и четко озвучил фразу из письма матери: «И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Но ведь он прочитал эту фразу вскользь, мимоходом, – как же она запечатлелась в его памяти? И просьба матери – то-ропись делать добро! – обрела вдруг адрес: майор понял, что совсем неспроста эта весть пришла именно сегодня. Что вот сейчас и решится, в чью сторону отделит его Царь. И уже в следующую секунду знал, что ничего, кроме добра, не сделает этой женщине. Поэтому что встретился глазами с девочками и увидел там такую недетскую щемлящую мольбу, что невольно склонился к ним.

– Что, любите маму? – только и спросил. И улыбнулся, увидев, как энергично они кивали. Он взял Розу под локоть. – Встань, мать. Ты заслужила их любовь.

Оглянувшись, он подозвал конвой и приказал:

– Отведите их к интенданту. Пусть выделит ей отдельную комнату в общедетитии и продуктовые карточки на обеих детей. На работу определите в подсобное хозяйство.

И видит майор, как распрямляются согбенные спины женщин, на лицах их появляется счастливая улыбка и они что-то шепчут. Ему даже кажется, он знает, что. Ведь он слышит шепот Розы: «Слава Богу, Он слышит нас. Да будет все по слову Его!»

Вера и жизнь», 6/2011

Виктор Гомер

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Группа верующих из общины христиан-адвентистов в с. Мерке Джамбульской области. В верхнем ряду (справа налево): Давид Матерн (пастор), Екатерина Лоренц (Бухгаммер), Василий Бухгаммер. Во втором ряду(крайний слева): Виктор Бухгаммер, сын Василий Андреевич, в нижнем ряду (в центре): младшая из дочерей Лидия.

История становления церкви в Джамбуле (ныне г. Тараз, Казахстан) во многом напоминает историю гонимого народа Божьего. В Джамбуле некогда остановились переселенцы с Северного Кавказа - Гусевы, Дударевы, Дармодовы, Титоренко. Преследуемые светской властью, они искали новое место для безопасного проживания.

В сентябре 1941 г. в с. Кок-Терек Джамбульской области депортировали В.А. Бухгаммера с женой Марией. Его отец руководил церковью в поволжской Паласовке. В феврале 1942 г. Василий Андреевича демобилизовали в трудовую армию в г. Коркино Челябинской области,

где он работал на бульдозере, осушал болота. Перед концом войны жена с маленькими детьми, Эрной и Марией, переехала к мужу. Тогда же в Коркино стала образовываться община христиан-адвентистов. По соображениям безопасности они собирались тайно.

Однако органы власти, в конце концов, обнаружили верующих. В 1952 г., в течение нескольких дней, арестовали почти всех верующих мужчин. Приговор суда был суровым: от десяти лет и выше. Братья Филенков и Бухгаммер получили по 25 лет.

Попал под подозрение и Василий. Ему пришлось держать подробный отчет о том, почему он «избрал» в качестве выходного дня субботний – день Господний. Василий свято соблюдал четвертую заповедь Закона Божьего, в котором сказано: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой - суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20:8-11).

Василия арестовали несколькими днями позже. памяти его шестилетней дочери Кати этот эпизод запечатлелся на всю оставшуюся жизнь. «Мы, трое сестёр – я, Эрна (13) и Мария (11) были дома. Мама ушла в магазин. Вдруг неожиданно открылась дверь, и в дом один за другим вошли незнакомые мужчины. С ними наш папа, - вспоминает она. - По выражению его лица было видно, что приведен он был не по доброй воле. Отца взяли на работу. В доме ему разрешили сесть на стул. Я, младшая, тут же подсела к нему на колени. Начался обыск.

Почувствовавшие ответственность момента сестры, Эрна и Мария, проскочили в маленькую спальню и незаметно подложили пару книг под тумбочку, а псалмы сумели спрятать за пазухой. Это стало для них своеобразным Провидением Божиим. Господь вознаградил их старание, поскольку этих книг обыскивавшие так и не обнаружили. Нашли, правда, «Великую борьбу» Елены Уайт, спрятанную под одеяло, которую всего за несколько минут до появления «гостей» принес брат Безель. Уже выходя из дома, он заметил, что во двор заходили милиционеры, поэтому быстро скрылся через огород. Безель был единственным, избежавшим судебного преследования.

На появившуюся в разгар обыска маму это произвело самый настоящий шок». В начале марта 1953 г. Катя с мамой ездила к отцу на свидание в Челябинскую следственную тюрьму города Челябинск. Чтобы попасть в тюрьму, нужно было пройти через центральную площадку. Туда же шли толпы народа. Проходя мимо венков и цветов, выставленных у огромного портрета с траурной лентой – умер «отец народов», все начинали плакать. Мария

тоже заплакала. Но ее слезы выражали вовсе не печаль. Оплакиваемый всеми диктатор до самой своей кончины наращивал мощь репрессивного механизма, поглотившего очередную жертву, достойную самого настоящего сожаления и слез.

На суде Василию инкриминировали, что «не аплодировал на митинге рабочих своего предприятия», а во время «зачтения речи Иосифа Сталина намеренно уронил кепку в момент бурных аплодисментов, чтобы затем наклониться за ней». Или вот еще одна нелепость, о которой учительница Эрны сообщила всему классу: «В подвале семьи Бухгаммер нашли передатчик. При помощи этой связи он передавал и получал информацию от американцев». Словом: Иуда, иностранный шпион.

Василию дали 25 лет и отправили в Воркуту, он должен был искупать свои «грехи» в угольной шахте № 29.

Через год, в 1954-м, Мария с четырьмя детьми (младшему Виктору исполнилось пять лет) вернулась в Джамбульскую область, в г. Каратау. Надежды на встречу с любимым мужем и отцом почти уже не осталось. Пережить этот огромный срок в тяжелых условиях Крайнего Севера можно было лишь благодаря чуду. Поэтому они с нетерпением ждали каждой весточки от отца. Перечитывали письма по несколько раз. То были минуты особенных переживаний для всей семьи. В церкви Каратау верующие тоже искренне интересовались положением брата Бухгаммера. Эрна с Марией исполняли свою любимую песню, которая начиналась словами:

*«Я расскажу мое горе Иисусу,
Склоняясь на коленях пред Ним.
Расскажу Ему все мои тайны,
Пред Иисусом Христом дорогим».*

И на фразе: «Скоро ль, папа, вернешься домой?» - все собрание начинало плакать.

Однажды они получили письмо, написанное совершенно неузнаваемым почерком. Писал Василий всегда аккуратно, буквы, как солдатки, выстраивались в ряд, словно по линейке. В том же письме отец описывал, как обычно, некоторые подробности своей жизни, но при этом не сделал никакого намека, по какой причине у него изменился почерк. «Вероятно, повредил правую руку», – решили родные. Все последующие письма были написаны тем же корявым почерком.

Вскоре после объявления амнистии политическим заключенным стали возвращаться домой так называемые «враги народа». В одном из писем Василий сообщил дату своего освобождения. Читая эту новость, родные плакали от счастья.

Начались спешные приготовления к встрече с отцом. Мать пошила детям курточки, а Вите (6) и Кате (9) - еще и штанишки-шаровары. Своему швейному искусству Мария была обязана мужу. Еще в трудармии Василию приходилось, кроме работы бульдозериста, выполнять заказы по пошиву и перешиванию одежды для рабочих.

По некоторым причинам Василия задержали в лагере. Но наконец наступил этот долгожданный летний день 1955 года. Когда он вышел из вагона, мы сразу же поняли, почему изменился его почерк и почему его не отпустили сразу же после объявления амнистии. Однажды во время работы машинист, по невнимательности, зажал правую руку Василия между двумя сцепными устройствами груженых углем вагонеток. Спасти руку не удалось. После ампутации ему пришлось отлеживаться некоторое время в госпитале.

Когда шли с вокзала домой, младшие, Катя и Витя, отталкивая друг друга, никак не

могли поделить между собой единственную руку отца: каждому из них хотелось держаться за его крепкую руку.

Все дети В.А.Бухгаммера ныне живут в Германии. Его четыре дочери, а также многие внуки и правнуки являются членами Церкви христиан-адвентистов. Старшая, Эрна Нойман, живет в Берлине, Мария Виттманн - в Зигсдорфе, что на юге Баварии, Катерина Лоренц - в Гиссене, Лидия Роо - в Висбадене.

**Из книги «Пережившие эпоху»
Виктора и Давида Гомер
03.04.2011**

Ирина Винтер

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ РОДИНЫ»

Пережитое. Человек без родины

Родители Алины Гаас познакомились в трудармии. Она родилась в Челябинской области в 1947 году. В середине пятидесятых, после снятия с учета спецкомендатуры, семью Гаас забросило в Таджикистан, куда во время войны по национальному признаку были сосланы родственники матери. Им посчастливилось обосноваться в столице Душанбе. Там Гаасы и обрели вторую родину, несмотря на все неприглядные стороны, касающиеся отношения к ним, как к немцам.

– Всякое бывало, – рассказывает Алина Ивановна, – и дразнили, и в школе одноклассники не принимали в свои компании. Иногда и учителя выказывали недоброжелательность: могли снизить оценку или не допускали к участию в праздничных мероприятиях. В школу ходила без радости. Однажды что-то не понравилось одной из учительниц, так она так закрутила мне ухо, что мало не показалось. Обиду эту я запомнила на всю жизнь. Правда, не все так поступали. Унижения сильно ударили по самолюбию ребенка, снижали планку самоуважения, делали зажатой и безынициативной

С годами это стало нормой: быть малозаметной, жить тихо и бескомпромиссно. Ее неуверенность в собственных силах, страх быть разоблаченной в том, что она немка, надолго испортили ее последующую жизнь. Она в душе завидовала тем сверстникам-землякам, которые лучше умели справляться с несправедливостью, меньше обращали внимания на жесткое к ним отношение, стараясь ни в чем не отставать от всех остальных детей. Но сама с собой справиться не могла. Замуж Алина не вышла. Кто из мужчин обратит внимание на такую неуверенную, почти дикую девушку? Конечно, как и любой нормальный человек, ей хотелось иметь семью, быть счастливой в браке. Но жизнь так и пролетела, ее семьей была мама, самый дорогой и близкий человек. Отец рано ушел из жизни.

Старший брат женился, жил заботами о жене и детях. Алина редко с ним общалась,

только по случаю каких-нибудь семейных торжеств. После окончания школы ей удалось устроиться на ткацкую фабрику, где она и проработала всю свою жизнь. Со временем ее стали отличать на работе, как добросовестного труженика, награждали почетными грамотами. Ее мать была набожной и тайно от чужих глаз учила Алину молиться, чтить божьи заповеди, читать Библию. Вера в Бога со временем стала для девушки неотъемлемой частью ее, в общем-то, скучной и неинтересной, жизни. Она наполняла смыслом все ее существование, вызывала в душе ликование и радость, все хорошее, что ей не хватало в мирской жизни. Она вместе с матерью часто посещала католическую церковь.

Постепенно девушка настолько прикипела к святому пристанищу, что оно стало ее вторым домом. Алина добровольно помогала служителям церкви во время молитв и обрядов, вникала во все хозяйские дела и со временем вошла в круг работающих там людей. Без нее уже не обходилось почти ни одно церковное мероприятие. Так бы, наверное, и жила всю свою оставшуюся жизнь в ставшем для нее родным городе, но случился развал некогда огромной страны Советов. Таджикистан отделился от Союза, зажил отдельным государством.

В этой стране, в отличие, например, от Казахстана, не обошлось без кровопролития, и Алина Ивановна была свидетелем гибели мирных людей. На улицу выходить стало опасно, пулю в спину мог получить любой человек. Страх не избежала и она, хотя не таджиков убивали реже. Кто с кем воевал – было не очень понятно. В основном «белые» таджики стреляли в «смуглых» таджиков и наоборот. То есть, горцы воевали против негорцев. Зачем, почему? – никто не знал. Любой нормальный человек до глубины души возмущался таким положением дел в некогда мирной стране, но никто ничего изменить не мог. Война набирала обороты

Однажды Алина оказалась свидетелем убийства ее соседа – мальчика-таджика лет девяти. Она спускалась по лестничной площадке, торопилась, пока не стемнеет, в магазин, а мальчишка обогнал ее.

– Куда ты бежишь, на улице опасно, – предостерегла она его. Этот ребенок рос на ее глазах с самого своего рождения.

– Тетя Алина, хочу заработать немного денег, – ответил он. (Людам перестали платить заработную плату, жить было не на что, выживали как могли – авт.)

Перебегая дорогу, он вдруг, как показалось Алине, споткнулся, несколько раз взмахнул руками и упал. Алина даже не сразу поняла, что произошло. Когда она подбежала, мальчик был мертв. Пуля черной точкой прошла воздух и воткнулась ребенку в спину. Алина даже не помнит, как подхватила его на руки и отнесла к родителям. Тяжелый случай настолько шокировал ее (в глаза смерти она не смотрела никогда), что у нее началось нервное дрожание рук и ног. Этот недуг, видимо, и будет сопровождать ее всю оставшуюся жизнь. Тем более – набожный человек, человек, который часто молится за покой и здоровье людей на этой грешной земле, ей вдвойне было тяжело видеть смерть, разруху, голод.

Народ начал метаться. Многие, в поисках спасения, подались из страны: кто куда. Часть Алининых родственников еще до развала Союза уехали в Германию, остальные – в Россию. Она уехать не могла, заболела мать, и отъезд пришлось отложить. Когда дочь бросила в могилу матери горсть земли, жизнь Алины потеряла смысл. Но деваться некуда, она жива, и поэтому должна думать о дальнейшем своем существовании. Едва справившись с депрессией, оставшись без работы и средств к существованию, она, чтобы спасти свою жизнь, решила уехать из родного, но такого страшного места.

Уехать в Казахстан ей поспособствовал падре местной католической церкви. Божий храм тоже претерпел падение, держался в основном на таких энтузиастах, как Алина Гаас. Но все-таки тесная связь католической церкви двух стран позволяла богоугодным заведениям помогать людям в их тяжелейшем положении и давала некоторым семьям возможность вырваться из зоны военных действий. Уезжали не только русскоязычные, но и сами таджики. Приютила Алину Ивановну павлодарская земля. Падре Иосиф Шмитдлайн первый протянул ей руку помощи. Дом, принадлежавший церкви, где очень часто многие находили приют, где останавливались приезжающие по долгу службы священнослужители, стал для Алины Гаас своим. Есть все самое необходимое для

быта, небольшой приусадебный участок, который Алина обихаживает. Она и здесь стала неотъемлемой частью святого храма, много помогает в организации и проведении церковных мероприятий.

Но Но – есть одно но. Президент Таджикистана, после долгих хлопот и бумажной волокиты, подписал в числе многих и ее бумаги о том, что она с 1997 года не является гражданкой этой республики. Алину Гаас Казахстан принял, но ей не дают постоянной прописки. Подданной этой страны она пока стать не может. Одним словом: и не отказали, и не приняли. Человек «повис в воздухе» Конечно, никто ее из страны не гонит. Казахстанский паспорт с пометкой: «Вид жительства – без гражданства» дает ей право жить в этой стране столько, сколько она хочет. Но вот заковыка: выехать из страны, например, в Россию, к родственникам в гости, как любой другой гражданин республики, она без визы не может.

Однажды она хотела навестить своих родных в Челябинске. После первой проверки в дороге ее никто из поезда не высадил, после второй – попросили освободить транспорт. Ей пришлось на полпути купить билет обратно

– Я как в ловушке, – говорит Алина Ивановна. – Неужели теперь даже к родным в гости нельзя съездить. Я ведь, в сущности, осталась совсем одна, никого из родных рядом нет, – с горечью добавляет она. – Спасибо большое всем, кто мне здесь помог, но безысходность и одиночество остаются.

Всегда, в любых политических распрях и войнах страдают те, кто совсем неповинен в жестокости, те, кто мирно трудится и создает. И те, кто искренно желает людям мира, справедливости, а главное – человеческого достоинства. Даже тем, кто рьяно исполнял свой служебный долг, высаживая Алину Гаас с поезда, хорошо было известно, что эта женщина не преступница, не секретный агент со своими шпионскими происками, не террористка-смертница, а просто несчастный человек, который, впрочем, вовсе не требует для себя каких-то исключительных благ. По большому счету, она, при нормальной жизни, сама даст их людям вдвойне-втройне, только и к ней должно быть хоть маломальское уважение

(1998 г.)

Статья вошла в мою литературную страницу на сайте «Немцев Поволжья» в разделе «Творчество российских немцев», февраль 2013 г.

Источник:
[http://shkolazhizni.ru/
archive/0/n-64053/](http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-64053/)

Епископ Иосиф Верт:

«СВОЕЙ ПАСТВЕ Я ЖЕЛАЮ ЛИЧНОЙ СВЯТОСТИ...»

В преддверии важной для всех российских католиков даты – 20-летнего юбилея восстановления структур Католической Церкви в нашей стране – Владыка Иосиф Верт дал интервью «Сибирской Католической Газете». Известно, что Католическая Церковь никогда не прекращала своего существования в России. В годы тоталитарной атеистической диктатуры она жила в «катакомбах», потом некоторые приходы получили регистрацию... И вот, настал 1991 г., когда Папа Иоанн Павел II восстановил церковные канонические структуры.

- В каком состоянии находилась Католическая Церковь в России на момент 1991 г.?

- Если речь идет о духовной жизни, то на момент 1991 г. Католическая Церковь в России находилась в очень хорошем состоянии. Я мог бы вспомнить мою примицию в 1984 г. в Караганде, а это тогда тоже был Советский Союз. Тогда присутствовало две тысячи человек – столько не было ни на одном из наших праздников за эти 20 лет. Даже на празднике освящения Кафедрального собора нашей епархии в 1997 г. людей было меньше. Или еще можно вспомнить приход в небольшом волжском городке Марксе, где я был настоятелем. При населении города в 34 тысячи человек на воскресную Мессу приходило не менее 300 человек. Но, с другой стороны, нужно отдавать себе отчет в том, что без канонических структур Церковь не имеет будущего и обречена на умирание. Как раз тогда начался массовый отток российских немцев: в Германию уезжало примерно по 200 тысяч человек ежегодно. Поэтому можно утверждать, что учреждение канонических церковных структур в России совершилось в самый подходящий момент. Если бы этого не произошло, если бы не было назначений епископов, не была бы открыта духовная семинария, наша Церковь не смогла бы развиваться.

- При каких обстоятельствах Вы узнали о своей предстоящей епископской хиротонии? С какими чувствами восприняли это известие?

- В то время я был всецело поглощен своим пастырским служением в Поволжье. Мой главный приход находился в городе Марксе. Этот город был когда-то столицей Автономной республики немцев Поволжья, культурным центром всех российских немцев. Но в конце 20-х – начале 30-х годов, в ходе коллективизации, началась депортация российских немцев с земли, на которой они до того жили веками, а в 1941 г. депортации подверглись все без исключения. В «брежневские времена» какая-то часть депортированных вернулась в родные места, и в 1991 г. все мы думали о возрождении Республики немцев Поволжья. Я был священником этой маленькой немецкой поместной Церкви и круг моих интересов был

достаточно узок. Я не слишком задумывался о ситуации Католической Церкви во всей России. Самое большее, о чем я мог помечтать – это о развитии католичества в Поволжском регионе, особенно если Верховный Совет РСФСР всё же примет решение о восстановлении немецкой автономной республики. Когда же представитель Святого Престола в СССР архиепископ Франческо Коласунно сообщил о моем избрании в епископы и назначении в Новосибирск, это было мною воспринято как что-то неожиданное, новое и даже чужое. Поначалу я не мог принять моей новой ситуации, но со временем всё встало на свои места.

- И вот, Вы прибыли в Новосибирск уже в качестве епископа. Каковы были Ваши первые впечатления?

- Это был целиком новый опыт. В Марксе, на Волге, жили традиционные католики из российских немцев, а здесь я встретил много интеллигенции, много людей, пришедших в Церковь в последние несколько лет. Правда, и в Новосибирске в 1991 г. ядром общины оставались российские немцы. Но, несмотря на радикальную новизну того, что меня окружало, мои впечатления были положительными. По привычке я часто повторял, знакомясь с моей паствой: «А у нас в Марксе было так» Потом мне сделали замечание, и я от этой вредной привычки избавился.

- Что нужно было срочно исправить или восполнить во вверенной Вам огромной по территории администрации?

- Исправлять ничего не надо было, а вот восполнить – просто необходимо. На всё пространство от Урала до Тихого океана в 13 млн. кв. км приходилось всего два римско-католических священника – приехавший из Литвы о. Саулюс Битаутас и о. Антон Гсель, и еще один греко-католический – о. Ярослав Сподар. В нашем распоряжении не было храмов. В Новосибирске была маленькая церквушка, которую верующие начали строить своими силами в 1984 г. Настоятелем тогда был о. Иосиф Свидницкий, которого арестовали за несколько дней до Рождества того же года. И всё-таки за один год строительство удалось закончить. Были еще молитвенные дома в Челябинске, Омске, Томске. Были кое-где зарегистрированные общины.

И это пожалуй всё! Такое вот было скромное начало. Правда, уже тогда приехали и начали свое служение Сестры Матери Терезы и Сестры-Евхаристки. И так, Вашим главным приоритетом стал поиск священников, а также строительство (или возвращение) храмовых зданий. Как Вам это всё удавалось? Сибирские края навещали некоторые католические священники еще раньше, нежели тут появился я. Как я узнал позже, приезжал сюда «на разведку» немецкий священник Клеменс Пикель – ныне епископ, и о. Саулюс Битаутас посылал его в деревни и другие города. Тот же о. Саулюс, когда я впервые появился в Новосибирске, сказал мне, что помещения для Курии и резиденции епископа уже есть и определил меня в квартиру на улице Кропоткина.

И только спустя несколько месяцев я узнал, что эта квартира куплена Священническим Братством Св. Карла Борromeо, которое вскоре намеревается начать свое служение в Сибири. Так мне пришлось искать себе новую квартиру в сущности, процесс поиска священников – работников в винограднике Господнем – начался и успешно развивался еще до моего приезда сюда. Когда представитель Святого Престола сообщил о моем новом назначении, я не сразу смог это принять, и с сарказмом произнес такую фразу: «Епископ в Сибирь, где всего-то два священника?!» И тогда нунций напомнил мне, что Общество Иисуса (Орден иезуитов, к которому я принадлежу) – это не маленькая провинция в Литве, а всемирная организация, которая готовится послать в Сибирь своих священников на помощь своему брату – епископу-иезуиту. «Через два-три года сюда приедет 10-15 священников», — сказал он. Так всё и случилось. Первым (я говорю здесь о священниках-иезуитах) появился о. Станислав Помыкало, потом – о. Александр Кан, о. Ежи Карпиньский, о. Майкл Десджардинс и многие другие.

Как я уже сказал, Сестры Матери Терезы начали свою работу в Сибири раньше моего здесь появления. Они прибыли в Новосибирск и в Томск по приглашению о. Саулюса Битаутаса. Еще вспоминаю свою поездку в Мюнхен. Я тогда побывал в гостях у кардинала Веттера, Мюнхенского архиепископа. Я от кого-то слышал, что его родная сестра была генеральной настоятельницей ордена «Английских дев» (ныне этот орден называется Конгрегацией Иисуса). Я попросил кардинала походатайствовать перед генеральной настоятельницей: пусть она пошлет своих сестер нам на помощь, в Сибирь. Как оказалось, его родная сестра пост генеральной настоятельницы уже не занимала, но походатайствовать кардинал обещал. А потом я вернулся домой, и вдруг среди ночи раздаётся телефонный звонок. По старой привычке, привитой в Каунасской семинарии, я держал телефонный аппарат у кровати и тут же схватил трубку. Некая сестра-монахиня из Словакии на немецком языке объяснила мне, что через несколько дней

следует ожидать прибытия к нам монахинь, а потом извинилась, что звонит то ли слишком рано, то ли слишком поздно.

Часы показывали три ночи: моя собеседница перепутала часовые пояса и прибавила «не в ту сторону». Она и не предполагала, что у нас глубокая ночь! А спустя несколько дней сестры и в самом деле постучались в двери моей квартиры. Еще могу вспомнить монахов-салезианцев. С одним из них, отцом Иосифом Правдой, я познакомился за несколько месяцев до моей епископской хиротонии. Мы встретились в Вильнюсе. Всё еще продолжались советские времена, но в воздухе уже пахло «весной» и «оттепелью». Мы разговорились о ситуации в СССР, и мой собеседник сказал, что очень хотел бы сюда приехать. Когда же я возглавил Апостольскую администрацию для католиков Азиатской части России, то получил письмо из Якутии. Руководство местного департамента образования приглашало католических священников для работы в школах.

Я тогда поручил отцам-салезианцам эту важную миссию. И отец Вильгельм Палеш приехал в Сибирь раньше меня и провел здесь три месяца. Это была «разведка». В конце концов, он сосредоточился на окормлении челябинской общины, часто приезжал в этот город, а потом остался там на долгие 17 лет. Таких эпизодов можно перечислить великое множество. Так появлялись в нашей Сибири священники, монахини, другие сотрудники Кого из приехавших зарубежных друзей Вы бы особенно хотели выделить? Кого-то одного выделить очень сложно. Ведь это был не один человек, не два, не три Многие тогда стремились принести в здание возрождающейся в России Католической Церкви «свой кирпич». Конечно, такие люди как отец Вильгельм Палеш – особо заслуженные, и по возрасту, и по другим параметрам. Я бы вспомнил еще семью молодых мирян – Марека и Дороты Мачугов. Это очень интересная история.

Они вместе учились в Польше: приобрели светскую специальность, но также закончили курс богословия. На деньги, полученные в качестве свадебного подарка, они приехали в Сибирь и остались здесь на несколько лет, чтобы трудиться в области евангелизации и катехизации. Ими был заложен очень серьезный фундамент. Нельзя не упомянуть и католические благотворительные организации: «Kirche im Not», а также образованную несколько позднее специально для помощи христианам «открывшегося» Востока «Renovabis». Российские немцы, когда-то эмигрировавшие в Америку, узнав о наступивших переменах и о том, что в России еще остается некоторое количество их соотечественников, тут же вышли на контакт, а в дальнейшем оказывали нам весьма существенную помощь.

Несколько сестер из Конгрегации Св. Агнессы приехали в Челябинск и успешно работали там на протяжении ряда лет. Российские немцы в Америке продолжают помогать нам по сей день. Еще хочу отметить двух пожилых

мирянок из Германии, носивших одинаковые имена – «Регина». Эти «две Регины» приехали в Барнаул и поселились в местном доме престарелых. И сегодня дома престарелых – это не самое комфортное место для обитания, а вы представляете, что там творилось в начале 90-х!? И вот, они жили там в маленькой комнатке, поддерживали других обитателей дома физически и морально, а еще – собирали местную католическую общину. Они-то и заложили ее фундамент, а уже потом в город смог приехать постоянный католический священник. Примерно тогда же в Алтайский край прибыло двое молодых немецких священников – о. Томас Хеле и о. Бернард Шольц – совершенно не знавших русского языка. Язык они потом освоили и работали очень успешно, прежде всего, среди российских немцев Алтайского края. Впрочем, если начать перечислять всех, список получится бесконечным.

- А что сегодня является приоритетным для Вашего служения?

- Вообще-то, я полагаю, что приоритет всегда один и тот же, и тогда, и сегодня – находить рассеянное стадо, собирать и окормлять его. Для всего этого и нужны были священники, монахи, активные миряне Эти люди нужны нам и сегодня. Пока подрастут наши молодые священники, пока появится достаточное число местных монахинь, нам нужно продолжать искать помощников за рубежом. Как складывались и складываются Ваши отношения со светскими властями? Ведь от позиции властей многое зависит, особенно если речь идет о строительстве храмов, других зданий религиозного назначения, или же о возвращении ранее существовавших храмов. Должен сказать, что эти отношения в целом складывались и складываются неплохо. Если сравнивать их с советским временем, то это – «небо и земля». Перелом произошел в начале 90-х: тогда, 20 лет назад, о. Саулюсу Битаутасу удалось получить разрешение на строительство католического храма в центре Новосибирска.

Я помню и свой первый контакт с городской администрацией Новосибирска. Шел 1991 год, председателем горисполкома в то время был Иван Иванович Индинок, и я записался к нему на прием в общую очередь. Иван Иванович потом выговорил своему помощнику: епископ не должен стоять в очереди, встреча с епископом Католической Церкви должна носить официальный, протокольный характер. Плоды нашего взаимодействия с властями стали заметны очень скоро, когда развернулась наша благотворительная организация «Каритас». По линии «Каритас» мы поддерживали многие государственные, муниципальные и общественные благотворительные проекты, и тогда на нас обратили внимание, нами стали интересоваться. Мы помогали властям исполнять их обязанность – заботиться о неимущих и страждущих.

Иногда случались и определенные недо-разумения, имели место некоторые шерохо-

ватости, как, скажем, в 2002 г., когда Папа объявил об учреждении в России католических епархий. Тогда из России были высланы четыре католических священника и епископ Ежи Мазур. Но то был лишь изолированный эпизод. В общем же отношения с властями всегда складывались позитивно, причем на всех уровнях. В начале 90-х годов я был членом Комиссии по подготовке Конституции России, по специальному пропуску проходил в Кремль, несколько раз участвовал в заседаниях вместе с представителями общественных организаций, руководителями субъектов Российской Федерации.

Я также несколько лет был членом Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте России. Можно вспомнить и много других позитивных моментов сотрудничества. Как у российских католиков складываются отношения с другими религиозными конфессиями страны? Не всегда просто. С неправославными религиозными конфессиями у нас и сегодня минимальные контакты. Я считаю, это неправильно, просто недопустимо. На личном уровне существуют контакты с представителями Лютеранской Церкви. Это и понятно, если вспомнить, что как Лютеранская, так и Католическая Церкви в нашей стране традиционно имели свою обширную паству среди российских немцев. То есть существует некий общий базис, общие интересы, общие традиции.

В последние годы мы очень заботимся об установлении доверительных отношений с Русской Православной Церковью (что само по себе правильно и хорошо), но из-за этого, возможно, отошли на второй план отношения с протестантскими Церквями. В лучшем случае, мы встречаемся на пару часов однажды в год, обычно во время Недели молитв о единстве христиан, и это, пожалуй, всё. Об отношениях же с Русской Православной Церковью можно говорить много, эти отношения нужно анализировать.

20 лет назад, в апреле 1991 г., мировые СМИ сообщили о возрождении структур Католической Церкви в России, но, к сожалению, официальная реакция РПЦ была изначально отрицательной. Может быть, частично вину за это несут и католики, может быть, вопрос нужно было сначала проработать на более высоком уровне, и в таком случае мы имеем дело с упущением со стороны церковных дипломатов. Но в любом случае, не следовало возмущаться при виде возрождения после 70-ти лет жестоких гонений Католической Церкви, которая присутствовала на российских просторах много веков и является одной из традиционных конфессий нашей страны. Да и в дальнейшем практически любой шаг Католической Церкви воспринимался православной стороной очень настороженно.

С другой стороны, были очень хорошие контакты с православными на личном уровне, включая и контакты с епископами. Например, я с теплотой и юмором вспоминаю свое

общение с епископом Магаданским Аркадием в начале 90-х. К деятельности католиков он, вообще говоря, относился отрицательно, но при этом всегда шел навстречу. Как-то я приехал в Южно-Сахалинск, а Владыка Аркадий возглавлял тогда и эту вновь созданную епархию. На обратном пути в аэропорт я завернул в Епархиальное управление, но архиерея там не застал. Я уже зарегистрировался у стойки, была объявлена посадка, и тут я вижу, как в дверях появляется очень крупный человек. Это и был епископ Аркадий. Мы по-братски обнялись, а потом он за несколько минут успел выложить всё, что имел против Католической Церкви и ее «экспансии». Работники аэропорта уже волновались, что самолет улетит без меня. Наконец, мы опять обнялись, расцеловались, и я направился к трапу. Как Владыка ругал католиков, а ведь ничего тягостного от общения с ним на душе не оставалось! Подобные встречи меня всегда радовали.

Я не знаю, где сейчас Владыка Аркадий и жив ли он, но я всегда вспоминаю о нем с большой теплотой. Помню я и о своих встречах с архиепископом Красноярским и Енисейским Антонием. Он и теперь, спустя 20 лет, занимает всё ту же кафедру. Я впервые познакомился с ним – тогда еще молодым священником – много лет назад, когда только готовился к поступлению в духовную семинарию и снимал комнату у одной православной старушки в Вильнюсе. И вот, мы снова встретились здесь, в Сибири, теперь уже в сане епископов. Для него это было большой неожиданностью. К сожалению, по разным причинам наши отношения не получили дальнейшего развития. Особым же образом хочу отметить отношения с епископом Новосибирским и Бердским Сергием, столь безвременно ушедшим из земной жизни.

Это были отношения именно личного порядка, и портрет Владыки Сергия до сих пор висит в моем кабинете. Епископ Сергей был открыт не только католикам, но и всем христианам. На одной из молодежных встреч он даже осмелился заявить, что «католики и протестанты – это тоже наши братья». Из-за подобной позиции у него самого было много проблем. Самый трудный период наши отношения с православными, конечно же, переживали в 2002 г., когда временные структуры Католической Церкви в России (администрации) были подняты до уровня полноценных епархий. Реакция со стороны РПЦ была еще более резкой, чем в 1991 г. Но теперь мы наблюдаем позитивную динамику в развитии этих отношений. Всё постепенно налаживается, а лед между нами тает, хотя и медленно. Нет сомнений, что конструктивные отношения на дипломатическом уровне, на высшем уровне «Москва – Рим», должны быть подкреплены столь же конструктивными отношениями «снизу». В этом направлении предстоит очень большая работа.

За прошедшие 20 лет Вы посетили множество городов, приходо́в, включая и города

Дальнего Востока, которые в 90-е годы входили в состав вверенной Вашему попечению администрации. Поделитесь самыми яркими впечатлениями. Запомнилась моя визитация Иркутска 14 сентября 1991 г. К тому моменту я совсем немного времени провел в сане епископа. В Иркутске работал тогда польский священник Игнаций Павлюс. Я служил св. Мессу в историческом здании католического храма, где сейчас размещается концертный зал. На это было получено специальное разрешение администрации. Собралось очень много людей, прежде всего с польскими корнями. Но вот к Святому Причастию не приступил ни один человек. А потом подошла одна женщина. Но когда она протянула руку, чтобы взять «эту круглую таблеточку», стало ясно, что она ничего не знает о вере. Тогда я очень четко осознал, как много предстоит нам сделать, чтобы поднять эту «духовную целину». Впрочем, так было практически везде, особенно если в городе раньше не было католической общины (а в Иркутске ее не было).

Теперь, всякий раз, когда мне случается оказаться в Иркутске, я вспоминаю тот эпизод, и с радостью вижу, какие громадные сдвиги произошли с тех пор. Помню еще, как однажды настоятель из Красноярска предложил мне съездить с ним в одну из окрестных деревень. «Там живут российские немцы, — сказал он, — но какие-то непонятные: и не поволжские, и не одесские» Община собралась в здании сельского клуба. Зал был забит до отказа. Я произнес католическое приветствие на немецком языке. Каково же было мое удивление, когда мне ответили на моем родном диалекте! «Откуда вы?» — спросил я, и получил ответ: «Из деревни Шенхен» А Шенхен – это деревня на Волге, где родился мой отец. «А как ваши фамилии?» — продолжаю спрашивать я, и слышу: «Верт» Надо сказать, что фамилия «Верт» была очень распространенной в наших краях. Так нежданно-негаданно я встретил однофамильцев, а, может быть, и дальних родственников. «Как же бедные российские немцы были разбросаны и рассеяны по всей бескрайней Сибири!» — подумалось мне тогда.

Много можно вспомнить таких эпизодов, когда люди, католики по Крещению, наконец получали возможность воочию увидеть священника или епископа. И это – спустя долгие-долгие годы Я мечтаю, если сумею выкроить время, написать об этом целую книгу. Вы бессменно руководите епархией вот уже 20 лет. Что относите к числу своих главных достижений? Применительно к Церкви сложно говорить о достижениях. Ведь главное в Католической Церкви – не внешний блеск, не «оболочка», а внутреннее, духовное содержание. Слово «достижение», скорее, относится к физической или материальной реальности. А что касается самого большого и важного, что удалось сделать, так это, по моему убеждению, основание в 1993 г. предсеминарии.

Помните, в начале беседы мы говорили о приоритетах, в числе которых – найти священ-

ников и монахинь для работы в винограднике Господнем. И чтобы их служение не прерывалось, нам и необходимо семинария, в которой готовят священников, и ее первая ступень – предсеминария. За 18 лет ее существования через нее прошло полторы сотни молодых людей. Да, большинство из них так и не стали священниками, но я уверен: то, что они получили в предсеминарии, будет определять их дальнейшую жизнь и послужит благу Церкви. Заложив в нашей предсеминарии настоящий духовный фундамент, они стали хорошими мирянами, а многие из них являются приходскими активистами или трудятся в церковных структурах. Это для меня – самое главное! С другой стороны, и самый большой «минус» – тоже из этой области. Я считаю, что мы очень мало работаем с духовными призваниями.

Я вспоминаю советское время, мой родной приход в Караганде. Условия были трудными, а работа по пробуждению и воспитанию призваний была налажена прекрасно. Священник постоянно призывал верных молиться о призваниях, кроме того, были беседы, поездки, игры с молодыми людьми (заметьте, всё это – тайно!), в ходе которых и происходило распознавание духовных призваний. А сегодня перед нами раскрываются такие возможности, которых мы, к великому нашему стыду, не используем! Конечно, мы не должны заниматься вербовкой: что-то подобное было бы трагедией для Церкви, но вот помочь юношам и девушкам «распознать духов» (по выражению св. Игнатия Лойолы), помочь им услышать тот тихий голос Иисуса, который говорит им в глубине сердец: «Следуй за мной!», мы просто обязаны. Казалось бы, не так давно мы отмечали 10-летие восстановления структур Католической Церкви в России, а вот уже и 20-летие на пороге.

Возможно, и следующие 10 лет пролетят так же быстро, и мы вдруг обнаружим себя «тридцатилетними». Так как же нам прожить эти 10 лет? Над чем, прежде всего, следует работать? В сущности, приоритеты те же, что и 20 лет назад. Впрочем, и 2 тысячи лет назад они были такими же. Нам по-прежнему необходимо собирать рассеянное стадо (в нашем случае – искать людей, относящих себя к католической традиции, но лишенных духовного окормления), нам по-прежнему необходимо проповедовать Евангелие неверующему миру. Говорят, что ныне у людей есть много возможностей познакомиться с христианством, Церковью, священниками. Например, по телевизору. Но даже если подобные передачи и смотрят, то, как правило,

их не понимают. Благая Весть на протяжении всей истории передавалась из уст в уста, здесь необходимо личное свидетельство. Можно сказать, что сегодня мы находимся только в начале пути.

- И в заключение, что бы Вы хотели пожелать своей пастве в преддверии празднования юбилея?

- Верным нашей Церкви я бы хотел пожелать в первую очередь личной святости, пожелать стремления к идеалу. Это особенно значимо для молодых людей. Сегодня мы постоянно слышим рассуждения о кризисе традиционных ценностей, об утрате молодыми поколениями смысла жизни, о грозящих в этой связи язвах алкоголизма, наркомании, депрессии, порой доводящих до самоубийства. А причина всему – отсутствие идеала. Но трудно представить себе более высокий, более светлый идеал, нежели тот, который уже дан в христианской вере. Вот почему я говорю о личной святости и желаю ее всем равно – и священникам, и монахиням, и мирянам. Специально священникам и монахиням я бы адресовал призыв побольше внимания уделять духовной жизни и при этом поставить им в пример не католика, а даже не христианина – Махатму Ганди. Этот человек смог всю огромную Индию поднять силой своего духовного примера!

Если же сегодня мы стремимся поднять Католическую Церковь в огромной России, то нам нужно быть, прежде всего, не прекрасными организаторами или красноречивыми ораторами, а героями духа, строить на прочном фундаменте духовной жизни. В этом случае мы сможем передвигать горы! Мирянам я бы пожелал в полной мере осознать себя членами Церкви. Есть такая опасность – превратиться в «традиционных верующих» в плохом смысле. Человек регулярно приходит на воскресную Мессу, регулярно приступает к Таинствам, но на этом всё и кончается. Церковь здесь, по сути, просто используется, в нее ходят, как ходят в кино или в театр, чтобы «приятно провести время».

Но ведь Церковь – это нечто совсем иное! Это – живой организм, который продолжает существовать и за пределами храмов. Поэтому просто «ходить в церковь», формально исполнять предписания – это почти ничто. А я очень хочу, чтобы наши миряне стали «живыми членами Церкви», сознающими, что Церковь – это мы. И если мы ничего не сделаем, то кто сделает?

Беседовал В. Дегтярев
<http://sibcatholic.ru/2011/04/12/episkop-iosif-vert-dal-intervyu-skg/>

ХРАМ В С. СЕЛЕЗЯН. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Улыбайся чаще – и чаще улыбнется тебе!

Иконостас в окружении евроокон

В православный храм села Селезьян Еткульского района по праздникам и выходным приезжают из Челябинска, Коркино и других мест. Людей тянет в намоленное предками место. Однако не все знают, что стало оно воплощением любви не только божественной, но и вполне реальной, земной.

Стереть храм с лица земли воинствующим атеистам оказалось слабо. Зато силы и мужества поднять вновь кресты на золотые купола хватило у потомственной казачки — Лидии Александровны Бауэр. Как похоронила мужа, дала обет восстановить храм. Дала и выполнила. Конечно, строила не одна, но без ее любви и веры ничего бы не получилось. Многие узнали о селезьянском храме после публикации в «Челябинском рабочем» в октябре 2004 года. Обрадуем наших постоянных читателей: он преобразуется день ото дня. А 80-летняя Лидия Александровна по-прежнему возглавляет православную общину.

И гроссмутер из Сибири

Их романтическая встреча произошла на зоне для репатриированных и спецперелеселенцев в одном из шахтерских поселков Копейска. Шел октябрь 1945 года.

— Немцы — народ музыкальный. Вечерами у них «за колючкой» танцы, играл собственный оркестр: скрипки, гитары, аккордеон. Вот мы,

девчонки, через забор перелезали и бегали к ним потанцевать, — любит вспоминать Лидия Александровна.

Ей было 18 лет, ему — 26. Иосиф Антонович — фронтовик и трудармеец (по приказу Сталина поволжских немцев отправили в глубокий тыл). Однополчане окрестили его Иваном. Новое имя так и прилипло к высокому добродушному парню. Иван играл на гитаре, великолепно танцевал (до войны работал учителем танцев), был обходителен. Позже муж признавался, что с первого взгляда влюбился в Лиду за ее красоту.

— А я его полюбила из сострадания, жалела, — говорит она.

У русских людей слова «жалеть» и «любить» всегда были очень близки. Это теперь их значение упростили и опошлили, потому и чувства стали скоротечными.

История любви Лидии и Ивана растянулась на пять десятилетий. Супруга пересказывает ее несколькими словами: «Душа в душу прожили, и ни разу к черту он меня не послал». Вместе вырастили четверых детей. Когда репрессированным дали больше свободы, вызвали из Новосибирска родных Ивана: отца, мать, 102-летнюю бабушку (по-немецки «гроссмутер»). Поселились под одной крышей.

Родные мужа плохо говорили по-русски, но отлично ладили с невесткой. Ее, выросшую с мачехой, тоже жалели. «Бывало, ночью малыш заплачет, свекровь сама встанет. Принесет его мне и только скажет: «Лида, дай тыт». Я приложу к груди и покормлю», — вспоминает она.

Семья Бауэр была набожной. Но они — католики, а невестка из православных. В религиозных тонкостях не разбирались. Главное — жили одинаково по-христиански. Любили, прощали, не творили зла. С тарихи молились, молодые много работали.

Не было бы счастья...

Сама Лидия Александровна — из казачьего рода Давыдовых. Ее предками были два сподвижника Емельяна Пугачева — братья Давыдовы. Когда-то они основали село Селезян. От них пошли все коренные селянцы: и те, кто возводил храм, и те, кто его пытался разрушить.

Из Селезяна Лиду увезли четырехлетней девочкой. Увезли не по доброй воле. Работящую семью Давыдовых раскулачили в 1930-м. После этого стресса и преждевременных родов мама умерла. Отца с двумя маленькими дочками повезли на телеге неведомо куда. Когда провозили мимо разграбленной церкви, отец перекрестился: «Прости, Богородица, ради Христа, не уберегли мы тебя, а ты — нас». И все-таки они не пропали.

Их выселили на угольные копи, выбросили в чистом поле. Они вырыли землянки, потом построили дома. Остались живы, работали на копеечных шахтах. Отец снова женился. Только почувствовал вкус свободы, как в ночь на 7 ноября 1937 года «врага народа» вновь арестовали. Посадили на 10 лет. Старшую сестренку забрала бабушка, а Лида так и осталась с мачехой, помогала поднимать сводных братьев и сестер. Девочкой в войну работала на шахте. Было очень тяжело, порой просто невыносимо. Тяжело не только физически, но и морально: детей «врага народа» даже из очередей за хлебом вышвыривали.

Может, потому таким светлым показалось ей послевоенное время, счастливой любовью и замужество. Хотя трудностей всегда хватало. Из-за болезни Лидии Александровны большая семья Бауэр переехала в Селезян. Тут и дожила век старики, подрастали дети.

Главное место на земле

— У нас двое сыновей и две дочери. Умные, самостоятельные, все верующие, — не без гордости рассказывает мать. — Трое живут в Лангепасе Тюменской области, одна дочь — в Германии. Зовут к себе. Но не поеду я. Здесь моя родина, могилы родителей, мужа, свекра со свекровью и старенькой гроссмутер. Тут храм, где меня крестили, где венчались отец и мама.

Два года назад была Лидия Александровна в гостях у старшей дочери Марии в Германии. Очень понравилось. Потом она долго удивляла земляков рассказами о заграничном житье-бытье. Наши поразились тому, что немцы картошку не сажают на частных подворьях. Как так? Да так, покупают в магазинах: денег хватает.

Стариков там еще и на бесплатные экскур-

сии возят. Сидит как-то Лидия Александровна дома одна, вдруг слышит, как на всю улицу гремит в рупор: «Ахтунг! Ахтунг!» Испугалась. «Ну, — думает, — война началась». Оказалось, это пенсионеров собирают для двухдневной поездки в Австрию. Она тоже съездила. Побывала в Венской опере, ночевала в гостинице, завтракала и обедала в ресторанах. Не платила ни марки. Потом каждому экскурсанту еще и подарок вручили.

В Германии они с дочерью ходили на праздник в католическом приходе. Исполнили несколько казачьих песен. Голоса у них в семье хорошие, народ был в восторге. На следующий день председатель общины ей 300 евро передал, мол, получите гонорар за выступление. Подивилась Лидия Александровна, но взяла: на родине они с хором ветеранов бесплатно выступают.

Селезян с его старинным храмом — главное место на земле не только для нее. Несколько лет назад в село приезжал уроженец этих мест, а ныне казачий атаман из русской диаспоры в Австралии Речкалов (тоже коренная селезянская фамилия). Накрыв шикарные столы, помянул с бывшими односельчанами предков, помолился у развалин храма. Сказал, что на сердце полегчало. И снова отбыл на новую родину.

А Лидии Бауэр и ее сподвижникам суждено хранить русский дух в самой глубинке России. Год назад работала в Еткульском районе этнографическая экспедиция из Санкт-Петербурга. Где узнать все тонкости казачьего быта? В храме, у Лидии Александровны. К ней и явились сначала.

Многое она знает по рассказам отца. Вернувшись из сталинских лагерей, Александр Давыдов вечерами вспоминать молодость. До страшных событий, разрушивших семью, он был подхорунжим, защищал Отечество в первую мировую войну, пришел с двумя Георгиевскими крестами. В гражданскую воевал за белых, потом за красных. Говорил, что силы не погибнуть давала молитва. Молился каждый день, и не по разу.

Иконы везла в автобусе

За воскрешение храма потомки казаков взялись в мутных 90-х, когда в стране все разваливалось. Почти 70 лет простояло помещение полуразрушенным, земли намело — по самые окна. Грязи, которую черпали и таскали ведрами, досталось всем: ученикам начальных классов и взрослым, местным и приезжим.

«Такое воодушевление тогда было», — до сих пор поражается Лидия Александровна. Люди несли припрятанную в лихолетье церковную утварь. Уберегли четыре старинные иконы да подлинный крест с маковки. Тяжелый металлический крест высотой в 3,5 метра старушки схоронили на кладбище до лучших времен. Они настали.

Пока отстраивали храм, службы велись в молельном доме. Сюда приходили креститься

взрослые дети безбожников. Десять лет назад окрестилась Людмила Краснова, с тех пор она возглавляет хор певчих. Тринадцать лет в общине Вера Журавлева. Она и прораб, и казначей. Таких подвижников мало, но на них держится православие.

Имена первых жертвователей увековечены на доске у входа. Но это не все. Есть те, кто подает потайную милостыню. Благодаря им храм обретает былое величие. Только за последний год тут появились новенькие подсвечники, резной аналой, начали устанавливать евроокна.

Недавно задумали поменять иконостас, чтобы соответствовал всем канонам. Нынешний тоже неплох, к тому же он намолен и выстрададан. Теперь даже вспомнить смешно, как из копейской колонии № 6 по одной иконе возила для него Лидия Александровна. Со столь ценным грузом добиралась на обычном рейсовом автобусе. Старый иконостас не пропадет: его передадут другой церкви.

В престольный праздник храма иконы Владимирской Божией Матери, 6 июля, уже во второй раз намечено провести День села Селезян. Ведь как ни крути, все в селе — от хра-

ма. Восстановили его, вроде и жизнь начала налаживаться.

Третий век храма

Каменный храм в Селезяне начали возводить в 1800 году, до этого в селе была деревянная церковь. За благословением на строительство казаки пешком сходили в Киев. Вернулись с радостной вестью: новый храм будет носить имя Владимирской иконы Божией Матери (у верующих это особо почитаемая икона). Первая служба в нем прошла в 1825 году. По воспоминаниям стариков, колокола благовестили на всю округу и были слышны в соседних селах.

При советской власти местного батюшку расстреляли, храм разграбили и закрыли. В нем держали то овец, то трактора. Второй приступатеизма случился в 60-х годах. Храм пытались доломать с помощью мощной техники. Не смогли, только кресты сорвали. Раньше прочно строили.

Восстанавливать начали в 1993-м, а 6 июля 2000 года верующие отстояли здесь первую службу.

<http://vikka.diary.ru/p111107888.htm>

Илья Михайлов

ЕПИСКОП ИОСИФ ВЕРТ: «ВЕРУЮЩИЙ МЕНЯЕТ ЖИЗНЬ К ЛУЧШЕМУ»

В российской католической общине Иосиф Верт — фигура известная и значимая. Пройдя извилистый путь от послушника запрещенного монашеского ордена до епископа, сегодня он стоит во главе крупной Преображенской епархии с центром в Новосибирске.

15 лет назад в Челябинске Владыка Иосиф освятил храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии — единственную во всей области католическую церковь, построенную взамен уничтоженной в 30-е годы. По случаю торжеств, приуроченных к этой памятной дате, епископ Верт снова побывал в столице Южного Урала. Выкроив время между служением месс и беседами с верующими, Его Преосвященство дал корреспонденту «Челябинского рабочего» интервью прямо в храме.

— **Вы родились в советском Казахстане, в Караганде. Край не самый христианский...**

— Когда я родился, Казахстан уже в каком-то смысле стал христианской землей. Началось с того, что советская власть депортировала туда множество верующих людей разных национальностей: немцев, украинцев, русских — католиков, лютеран, православных. Мой отец оказался в первой волне немецких крестьян из Поволжья, которых раскулачили и сослали в Центральный Казахстан. Это случилось в 1931 году, отцу было тогда семь лет. Кое-что сохранилось в памяти из его рассказов. Когда сгрузили с поезда всю эту огромную массу людей — 30 тысяч человек, сначала, конечно, был шок. Как дальше быть — вокруг одна голая степь? И тут вышел вперед один старый человек и сказал: «Братья и сестры, если мы в добрые времена благодарили и прославляли Бога, не отречемся от этого правила и в злые времена!». И запел один из наших благодарственных гимнов — «Te Deum laudamus». И вот эти люди стояли и пели в самый вроде бы неподходящий момент своей жизни. За что тут можно кого-то благодарить, казалось бы? Но они делали это именно из своей глубокой веры. Они понимали, что если им кто-то сейчас и может помочь, то только Господь Бог.

Потом наступила осень, рано повалил снег. Людям приходилось рыть ямы, чтобы хоть как-то укрыться, сверху застилать их кустарником — леса поблизости не было. К окончанию зимы из 30 тысяч в живых осталось лишь 12. Спасибо казахам — они помогали, чем могли. Без их поддержки погибло бы еще больше народу. Со временем, конечно, выстроили хорошие добротные дома, но это было намного позже. После того как мои предки пережили ту первую страшную зиму, мужчин, да и женщин тоже начали принимать на работу в шахту. Выдавали пайки, жизнь стала потихоньку налаживаться. Отец мой был бухгалтером. Мать — дома, на хозяйстве, семья была большая — одиннадцать детей.

— **К сознательной вере вы пришли еще в детстве или в более зрелом возрасте?**

— Часто задают этот вопрос (с улыбкой). Дело в том, что к вере я не приходил. То есть не было какого-то конкретного момента. Для меня верить всегда было очень естественным. Первые слова, которые мы в детстве учились говорить, были слова молитв. А до этого тысячи лет наша вера передавалась из поколения в поколение.

— **И каково это было — исповедовать католичество в стране победившего коммунизма?**

— В Караганде это было очень легко! Все мое детство прошло среди земляков-единоверцев. Нашим обычным приветствием, когда мы встречали друг друга на улице, было «Слава Иисусу Христу!» на немецком. Помню, даже в автобус заходишь — и со всеми так и здоро-

ваешься: «Слава Иисусу Христу!» Наш поселок даже получил прозвание в народе — Берлин, официально же он назывался Майкудук. Любкой таксист в Караганде, когда его просили подбросить «до Берлина», знал, куда надо ехать. Это было очень приятно — жить в таком немецком католическом оазисе посреди казахских степей. Нам тогда казалось, что везде так же дружно живут и так же крепко верят. Когда потом своими глазами увидел, что это не так, первая реакция была: «Как это люди могли не сохранить своей веры?!» Потом уже, с годами, я понял, что это не их вина — просто у тех людей по-другому сложились обстоятельства, не было такой мощной взаимной поддержки, как у нас. Большинство немцев рассеялось по всей огромной стране, а мы у себя в Казахстане проживали очень компактно. И я не ставлю себе в заслугу, что не утратил религиозного чувства. Просто мне повезло, я родился и вырос в очень верующей среде.

— **Вы и в армии послужить успели, в войсках ПВО — там ваши религиозные убеждения не мешали?**

— Они как раз-таки помогали. Кстати, именно в армии, стоя на посту, я научился самостоятельно молиться. Раньше у меня в этом деле всегда был руководитель, духовный наставник — мама: мне оставалось только следовать ее наказам и советам. А тут я был один, пришлось научиться строить молитвенную жизнь самому.

Я не афишировал своей веры, но некоторые сослуживцы о ней знали и принимали это

нормально, с пониманием. Командованию это, конечно, причиняло неудобства. В школе с нами тоже велось ревностная работа по атеистическому воспитанию, учителя были в основном «со стороны». Им приходилось несладко — попробуй перевоспитать потомственных католиков в атеисты.

— **В 70-е годы вы стали монахом подпольного ордена иезуитов...**

— В 75-м, если быть точнее. Естественно, в то время и ордена, и католические монастыри были под запретом. Существовали в подполье, со строжайшей конспирацией.

— **А где вам удавалось организовывать собрания?**

— Я не участвовал в собраниях ордена: обстоятельства не позволяли. О том, что я поступил в орден, знали только мой провинциал (руководитель регионального отделения Общества Иисуса) и еще один священник. Организация располагалась в Литве, и если бы остальным сообщили, что к ним пожаловал немец-собрат из Казахстана, их радость была бы чересчур великой и громкой. И сведения о моем членстве в ордене обязательно дошли бы до тех, кому знать об этом было крайне нежелательно.

— **День освящения челябинского храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии для вас памятный и значимый — вы сами его освящали. Какие воспоминания о том дне?**

— Для меня, как для любого епископа, любого преданного делу священника, храм красив не столько архитектурой или убранством. Он красив, прежде всего, людьми. И 15 лет назад, в день освящения, эта церковь была полна прихожан. Было, конечно, много гостей, в том числе из-за рубежа.

Самое главное во время мессы — это искренняя молитва верующих людей. Тогда, в 1999 году, храм был полон таких людей — и

молитва звучала с необычайной красотой и силой. Внешние знаки (окропление освященной водой, помазание алтаря елеем), конечно, важны. Но намного важнее то, что стоит за этими знаками.

— **Растет ли число прихожан у вас в епархии?**

— Это очень тяжелая и небыстрая работа — возвращать веру в сердца людей, после долгих лет неверия. Если говорить о количестве католиков в России, еще в первые годы моего епископства — начало 90-х — начался массовый выезд российских немцев за границу. За последние 25 лет с территории бывшего Советского Союза их уехало два с половиной миллиона. Это заметно сократило нашу паству. Но, несмотря на это, в больших городах, таких, как Челябинск, наши общины остаются многочисленными и интернациональными, они перестали быть польскими, немецкими или латгальскими (латгальцы — балтийская народность, традиционно населяющая восточную часть Латвии. — Авт.), а стали поистине католическими — вселенскими. Есть у нас и те, кто не является католиком в нескольких поколениях, а пришел к Богу сам. Католическая церковь открыта для любого, кто ищет Бога и смысл жизни. Если человек приходит просто поинтересоваться, узнать больше о нашей вере, мы никогда не будем сразу его крестить, штамповать из него новоиспеченного католика. Для начала он должен будет пройти курс веры — минимум около года. Потом этот человек сделает окончательный выбор, посоветовавшись со своей душой и совестью.

— **Сотрудничаете ли вы с другими конфессиями?**

— Католическая церковь после Второго Ватиканского собора в 1962—1965 годах взяла курс на экуменизм — сотрудничество со всеми религиозными течениями. В первую очередь, конечно, с христианскими, но не только. За

границей этот процесс уже получил должное развитие, стал частью повседневности. В России он еще только набирает обороты. В отношениях с Русской православной церковью временами возникает напряженность. Чтобы ее избежать, обе стороны должны быть предельно внимательны и чутки друг к другу, преследовать общие цели. Хорошие отношения не придут сами собой, их необходимо строить.

— **А что мешает хорошим отношениям между конфессиями? Борьба за паству?**

— Не знаю насчет борьбы за паству. Даже среди потомственных католиков малый процент регулярно ходит в церковь. Получается, у нас еще много работы среди своих — до окончания века хватит. Так зачем нам отбирать чью-то паству? Та же ситуация у православных. А причины конфликтов разные — например, политические. Возьмите мировую историю. Крестовые походы, противостояние Польши и России в XVI-XVII веках. Эти события только кажутся древними, а на самом деле до сих пор мешают взаимодействию церквей. Бывает, когда разговариваешь с православным, немало знающим историю, у него уже наготове

обвинение типа: «Это же вы, католики, в 1204 году разграбили Константинополь». И говорит это так, как будто все происходило вчера и все было так просто

— **Что, на ваш взгляд, главное для христианина? И что бы вы хотели пожелать единоверцам?**

— Я бы разделил главное на две области. Первая — личные отношения верующего с Богом. Они должны быть живыми, настоящими. Мало смысла просто автоматически исполнять обряды и твердить молитвенные формулы, значения которых сам не понимаешь. Вторая область — это отношения христианина с обществом. Он должен излучать веру самой своей жизнью, своими поступками, благодаря ему общество должно хоть немного меняться к лучшему. Если верующий будет запереться в своей скорлупе, то миру от его ценностей ничего не достанется. К сожалению, далеко не все это осознают, и задача священнослужителей — научать их этому с Божьей помощью.

20 августа 2014

**[http://mediazavod.ru/
articles/150781](http://mediazavod.ru/articles/150781)**

#prettyPhoto[pp_gal]/0/

ПОСЛЕСЛОВИЯ

Человеку нужна духовная опора. Бывают ситуации, когда уже нет собственных сил бороться с жизненными невзгодами и можно надеяться только на небесные силы. Вера в Бога помогла десяткам тысяч российских немцев пройти через смертельные преграды, сохранив лучшие человеческие качества, не поддавшись ненависти даже в отношении своих палачей.П

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из архива Эрны Адольфовны Кошке (Эберт)

Сестра Амалия

Мама

Сестры Амалия и Фрида

Дети Эберты, было 11, умерло 6 (второй ряд слева Эрна).

**Эберт Адольф Кондратьевич (слева)
с другом**

С родителями

Свадьба брата Адольфа Эберта (1956 г.)

ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ

№ 57 (1114)

21 МАРТА 1932 ГОДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА Горкома ВКП(б), Горсовета и Горупрнадзора

СОЗДАДИМ МОЩНУЮ БАЗУ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫХ СТАЛЕЙ ДЛЯ СОВЕТСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Практически приступить к строительству Бакальского стального гиганта

В обширных земляных работах по строительству первого стального завода второй пятилетки — пятилетия социализма, ведущая роль принадлежит комитету машиностроения. Комфедраздел считает необходимым ускорить строительство этого завода. В 1932 году с тем, чтобы все работы по строительству производились, транспорт, связь, жилищно-коммунальные работы и т. д. были обеспечены. Вспомогательные работы выполняются в соответствии с графиком. Работы по устройству и отделке стальной базы должны быть выполнены к началу строительства. В настоящее время работы по устройству стальной базы ведутся в соответствии с графиком. В настоящее время работы по устройству стальной базы ведутся в соответствии с графиком.

Беседа с начальником Бакальскостальстроя тов. Жариковым

Известно, что в Челябинске ведется строительство Бакальского стального завода тов. Жариковым. Нам удалось поблизко с ним встретиться и поговорить о строительстве.

В данный момент, — сказал тов. Жариков, — вопрос о постройке Бакальского завода в Челябинске разрешен окончательно. ГУМВ Наркомтяжпрома утвердил Челябинский вариант. Возникает у работников организации сомнения в том, что руда Минус не в состоянии удовлетворить волей погрешности завода, оказался известен.

После тщательного изучения бакальской руды Минус, волею судьбы Госплана принята к использованию, что является для Бакальского завода самым важным благоприятным. Кроме того, мы еще общими усилиями заключили профсоюз Долова. Он имеет «181» совместно с заводами потребления волею Бакальского завода, определенного количества руды (без учета запасов), с доставкой руды в Челябинск. Челябинский завод № 1, который на нем будет работать, на нем будет работать завод № 1, который на нем будет работать.

Тов. Жариков

восток в 1930 году купили в США 10 тысяч тонн. На заводе будут четыре стальные агрегата. Проект строительства завода будет закончен в 1932 году.

ком управлению, у нас тут даже есть, чтобы для этого управления. Проект, который был подготовлен в качестве задания, который был подготовлен Министерством тяжелой промышленности, где мы предложили разработать управление строительством в масштабах государственного рабочего. Наркомтяжпрома в советские организации Челябинского завода оказать нам большую помощь в практической реализации этого государственного задания.

Как только мы сформируем необходимые кадры, сейчас же приступим к развертыванию подготовительных работ по постройке завода. Во Дм квартале мы успели освоить уже 3 миллиона рублей. С апреля мы начали постройку железнодорожного моста и проводку железнодорожных путей к строительной площадке. Кроме того, в текущем году мы успели уже приобрести несколько десятков американских автомобилей, чтобы обеспечить работу на заводе. Нам необходимо 10 тысяч тонн стальной руды. Мы должны в ближайшее время начать работу на заводе. Нам необходимо 10 тысяч тонн стальной руды. Мы должны в ближайшее время начать работу на заводе.

Как немцы победили фашистов. Трудармейцы Копейска ковали победу под землёй

Зельма Константиновна Кваст

Из личного архива Зельма Константиновна Кваст

Из личного архива Зельма Константиновна Кваст

Из личного архива Зельма Константиновна Кваст

**Личный состав ансамбля
ВСО «Челябметаллургстрой» НКВД СССР**

**Личный состав ансамбля ВСО «Челябметаллургстрой» НКВД СССР
10.05.46**

Фамилии, которые удалось прочесть на обороте фотографии:
В. Котяров, Я. Сауконен, С. Ригер, А. Греббе, Г. Маттерн, Н. Ринк, Р. Маар, Г. Людикайн, В. Кунк, Р. Нейферт, Ю. Бонакер, А. Гайнер, Л. Рыдуле, Л. Зуева, В. Горб, Н. Панова, О. Потапова, С. Балашов, Ю. Папандопуло.

Копейск: этапы строительства светлой жизни

Прелат Иосиф Свидницкий

В тюрьме

Епископ Иосиф Верт в Челябинске

Партнерство, а не соперничество

Пастер Вильгельм

Отец Рейнгардт

Лютеранская община п. Старокамышинска

Эльвира Эдуардовна Емельянова (Вольтер), проповедница

Гертруда Яковлевна Чудинова (Котрини), прихожанка

Лидия Луксовна Клинк, прихожанка

Чаепитие после службы (слева направо) Лидия Клинк, Гертруда Чудинова и Олинда Томлер.

Всегда с народом

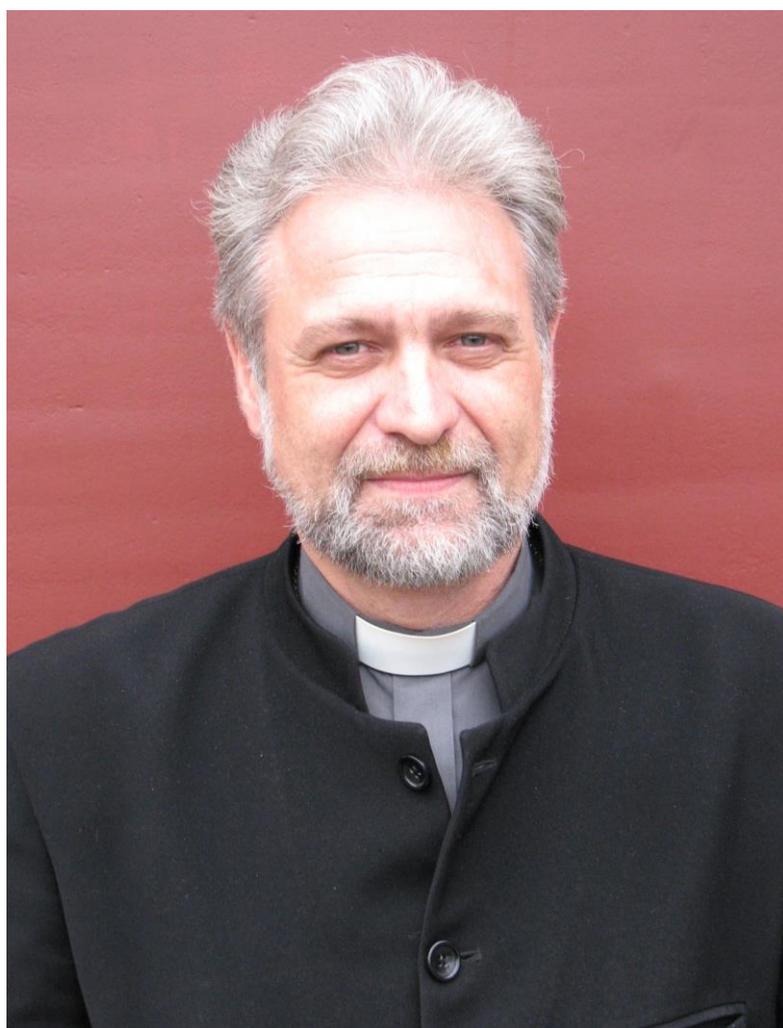

Католический пастор Вильгельм

Лютеранский священник Иоганес Лиссель

Настоятель лютеранского храма Сергей Фрицлер

Строится Храм

Гость католической общины Консул Германии из Екатеринбурга

Открытие католического Храма

Посещение Храма губернатором П. Суминым

Установка колоколов

